

ISSN 1728-1938

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2019 * Том 18 * № 1

**RUSSIAN SOCIOLOGICAL
REVIEW**

2019 * Volume 18 * Issue 1

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2019
Том 18. № 1

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Адрес редакции: ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. А205, Москва 105066

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакционная коллегия

Главный редактор

Александр Фридрихович Филиппов

Зам. главного редактора

Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии

Светлана Петровна Баньковская

Андрей Михайлович Корбут

Наиль Галимханович Фархатдинов

Редактор веб-сайта

Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературные редакторы

Анастасия Викторовна Макмиллан

Перри Франц

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Верстальщик

Андрей Михайлович Корбут

Международный редакционный совет

Николя Айо (Университет Фрибура, Швейцария)

Джеффри Александер (Йельский университет, США)

Яан Вальсинер (Университет Ольборга, Дания)

Виктор Семенович Вахштайн (РАНХиГС, Россия)

Гэри Дэвид (Университет Бентли, США)

Дмитрий Юрьевич Куракин (НИУ ВШЭ, Россия)

Александр Владимирович Марей (НИУ ВШЭ, Россия)

Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)

Альбер Ожбен (Высшая школа социальных наук, Франция)

Энн Уорфилд Роулз (Университет Бентли, США)

Ирина Максимовна Савельева (НИУ ВШЭ, Россия)

Никита Алексеевич Харламов (Университет Ольборга, Дания)

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присылать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социологии
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнометодология и разговорный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получить сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: farkhatdinov@gmail.com.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2019
Volume 18. Issue 1

ISSN 1728-1938

Email: puma7@yandex.ru

Web-site: sociologica.hse.ru/en

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4, Room A205, Moscow, Russian Federation 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editorial Board

Editor-in-Chief

Alexander F. Filippov

Deputy Editor

Marina Pugacheva

Editorial Board Members

Svetlana Bankovskaya

Nail Farkhatdinov

Andrei Korbut

Internet-Editor

Nail Farkhatdinov

Copy Editors

Anastasia McMillan

Perry Franz

Russian Proofreader

Inna Krol

Layout Designer

Andrei Korbut

International Advisory Board

Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)

Gary David (Bentley University, USA)

Nicolas Hayoz (University of Fribourg, Switzerland)

Nikita Kharlamov (Aalborg University, Denmark)

Dmitry Kurakin (HSE, Russian Federation)

Alexander Marey (HSE, Russian Federation)

Peter Manning (Northeastern University, USA)

Albert Ogien (EHESS, France)

Anne W. Rawls (Bentley University, USA)

Irina Savelyeva (HSE, Russian Federation)

Victor Vakhshayn (RANEPa, Russian Federation)

Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

СОЦИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА

- Постгород (II): воображаемые картографии и политики
сопространственности 9
Дмитрий Замятин
- О гетеротопии коммодифицированного жилого пространства
(случай Байкальска) 36
Ирина Корюхина, Вера Куклина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа . . 56
Андрей Коротаев, Даниил Романов, Илья Медведев
- Этническая дискриминация в борьбе с преступностью и терроризмом —
вопрос здравого смысла? 107
Ксения Григорьева
- Радикально-демократическая модель политики как реакция на проблему
политической интеграции беженцев 140
Константин Фомин, Надежда Савельева

СТАТЬИ И ЭССЕ

- Блокчейн и социальные концепты: экспозиция проблемного поля 158
Марина Пантыкина
- Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать
инфрарефлексивные тексты 186
Александр Широков

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

- Справедливость в социологическом дискурсе: семантические,
эмпирические, исторические и концептуальные поиски 218
Ирина Троцук

РЕЦЕНЗИИ

- О насилии истории 250
Марина Симакова

В поисках утраченной современности	256
<i>Николай Афанасов</i>	
В амбарах памяти не отделить зерна от плевел	266
<i>Борис Илизаров, Елена Булюлина</i>	
Плоский реализм	272
<i>Денис Шалагинов, Эдвард Сержан</i>	
IN MEMORIAM	
Философ и общественная позиция. Роберт Шпеман (1927–2018)	282
<i>Владимир Миронов, Дагмар Миронова</i>	
A Cosmopolitan Democrat. David Held (1951–2019)	295
<i>William Outhwaite</i>	

Contents

SOCIOLOGY OF SPACE

- Post-City (II): Cartographies of Imaginaton and Co-spatiality Politics 9
Dmitry Zamyatin
- On Heterotopia of a Commodified Dwelling Space (Case of Baikalsk) 36
Irina Koryukhina
Vera Kuklina

POLITICAL SOCIOLOGY

- Echo of the Arab Spring in Eastern Europe: A Quantitative Analysis 56
Andrey Korotayev, Daniil Romanov, Ilya Medvedev
- Is Ethnic Discrimination a Matter of Common Sense in the Fight against Crime
and Terrorism? 107
Kseniya Grigor'eva
- Radical Democratic Model of Politics as a Response to the Problem
of Refugees Political Integration 140
Konstantin Fomin, Nadezhda Savelyeva

ARTICLES AND ESSAYS

- Blockchain and Social Concepts: Exposure of the Problem Field 158
Marina Pantykina
- The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour:
How to Write Infra-reflexive Texts 186
Aleksandr Shirokov

REFLECTIONS ON THE BOOK

- Justice in Sociological Discourse: Semantic, Empirical, Historical, and Conceptual
Challenges 218
Irina Trotsuk

BOOK REVIEWS

- On the Violence of History 250
Marina Simakova

In Search of Lost Modernity	256
<i>Nikolai Afanasov</i>	
In the Barns of Memory One Cannot Separate Wheat from Chaff	266
<i>Boris Ilizarov, Elena Bulyulina</i>	
Flat Realism	272
<i>Denis Shalaginov, Edward Serzhan</i>	
 IN MEMORIAM	
The Philosopher Robert Spaemann and His Public Positions	282
<i>Vladimir Mironov, Dagmar Mironowa</i>	
A Cosmopolitan Democrat. David Held (1951–2019)	295
<i>William Outhwaite</i>	

Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопостранственности

Дмитрий Замятин

Доктор культурологии, главный научный сотрудник,
Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского, факультет городского и регионального
развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: dzamyatin@hse.ru

Комплексное исследование постурбанизма предполагает с методологической точки зрения когнитивную фиксацию любых пространственных событий как *сопространственных*. Можно говорить о сосуществовании различных когнитивных/онтологических режимов в постгородской реальности, которые сами также могут быть названы сопостранственными. Сопостранственности, понятые как коммуникативно-событийные узлы, могут рассматриваться как элементы прототипической образной карты постгородского пространства. Постгородские геокультуры, продуцирующие множества картографий воображения, принципиально гетеротопичны. Различные сообщества становятся постгородскими, формируя свои трансверсальные картографии воображения, постоянно множась, становящиеся всё более сопостранственными и, соответственно, порождая этим постполитики, которые направлены на ускоряющееся множественное рассредоточение коммуникативных событий. Постгородские сообщества создают постполитические ситуации, в которых картографии воображения становятся основами новых городских ландшафтов или же новых геокультур. Постгород развивает практики и процессы гетеротекстуальности, когда тексты отдельных геокультур не предполагают некоего единого пространства чтения, плана значения и плана выражения, а становятся лишь ландшафтными модуляциями, имманентными воображаемым картографиям. Всякая постгородская картография воображения поддерживает особые ландшафтные режимы, которые создают свои реальности материально-ментального характера. Любую картографию воображения можно феноменологизировать как линию, становящуюся определённой идентичностью отдельных личностей и сообществ. Постномадические мобильности ведут к сосуществованию множеств таких картографий, чьи событийные сопостранственности создают постполитические сообщества, манипулирующие разницей «скоростей» множественных коммуникативных дискурсов. Создание всё новых и новых картографий воображения формирует постурбанизм как искусство детальных сопостранственностей.

Ключевые слова: постгород, картографии, воображение, сопостранственность, геокультура, гетеротекстуальность, идентичность, постполитика

© Замятин Д. Н., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-9-35

* Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 19-04-052) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Цель данного исследования — продолжить изучение феноменов постгорода и постурбанистики в методологическом контексте, сосредоточившись на теме картографий воображения и политик сопостранственности. Как и в предыдущем исследовании, понятие сопостранственности будет находиться в центре нашего внимания, однако теперь мы попытаемся более детально рассмотреть политологические аспекты указанной проблематики. Конкретные задачи исследования: 1) изучить возможность введения в поле политологических ракурсов постурбанистики понятия политики сопостранственности; 2) исследовать взаимосвязи постгородского развития и политик сопостранственности; 3) попытаться выявить значимость/незначимость множественных постгородских картографий воображения в становлении политик сопостранственности¹. Методологическим контекстом для решения всех этих задач является понятие постполитики и его производных (постполитическое, постполитический город и т. д.).

Методология исследования в значительной степени опирается на уже выполненное первичное изучение феномена постгорода с использованием понятий онтологических моделей воображения и сопостранственности². Вместе с тем здесь сделан новый методологический акцент, соединяющий философско-методологическую проблематику «ризомы» в контексте постгородского развития с темой ментального (когнитивного) и воображаемого картографирования, становящейся всё более актуальной для многих социальных и гуманитарных наук. В соответствии с заявленным методологическим подходом, фундаментальное значение для настоящего исследования имеют работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари (Делёз, Гваттари, 2008, 2010), Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2000, 2015), К. Линча (Линч, 1982), А. Лефевра (Лефевр, 2015), Ф. Джеймисона (Jameson, 1988), Б. Андерсона (Андерсон, 2001), Р. Флэтли (Flatley, 2008), Э. Свингедоува (Swyngedouw, 2007, 2009).

1. *Множественность* постгородских картографий воображения является принципиальным моментом — как в силу непосредственной связи с постгородскими сопостранственностями (развитие отдельных сопостранственностей предполагает становление специфических ментальных картографий), так и в силу множественности самих онтологий постурбанизма, формирующих соответствующие онтологические модели воображения (имагинально-онтологические модели), одной из которых является карта воображения, или образная (образно-географическая) карта.

2. Дать полное и в то же время точное общее определение постгорода пока довольно сложно. В моей предыдущей работе, посвященной постгороду, я попытался, исходя из истории изучения проблемы, моих представлений и принятых мной методологических подходов, сформулировать частные определения: «Постгород может быть репрезентирован онтологически достаточно исчерпывающе как *номадическая постгеография „мест“* (где в качестве „мест“ могут рассматриваться конкретные, уникальные, здесь-и-сейчас „случающиеся“ сопостранственности) или — иначе — как *постномадическая география*, в которой феноменологически фиксируются не собственно какие-либо движения, передвижения и соответствующие им субстанциальные атрибуты, нацеленные на понимание направленности, ориентации, пункта выхода и пункта достижения, но сама по себе онтологическая экзистенция движения, обозначающая — так или иначе — постгородские реальности» (Замятин, 2018: 157); «Постгород — это пространства пересекающихся, взаимодействующих, налагающихся друг на друга картографий воображения, множества которых постоянно расширяются, увеличиваются, создавая тем самым все новые и новые постгородские пространства» (Там же: 158). Далее я постараюсь как развить эти первоначальные определения, так и попробовать предложить другие интерпретации понятия постгорода — исходя из задач, поставленных в настоящем исследовании.

Ключевые регистры изучения феномена постгорода

Феномен постгорода³ предполагает его изучение как минимум в трёх регистрах. Попытаемся в первом приближении кратко их охарактеризовать — с тем чтобы далее интерпретировать эти обобщенные, генерализованные представления с точки зрения формирования новых или других пространственностей, создающих, в свою очередь, условия для развития принципиально новых фундаментальных онтологий человеческих сообществ.

Первый из них связан с эпистемологическим допущением, что это явление в каждый или любой момент времени проектируется в будущее, в условные области времени, в которых возможны его разнообразные логические, содержательные, визуальные развёртки (модели или образы) с той или иной степенью уверенности и обоснованности. Такой подход имеет свои преимущества, поскольку он позволяет как бы уйти в отрыв от доминирующих в настоящем урбанистических образов. Понятно, что в этом контексте, как правило, чаще всего могут развиваться, трансформироваться и перетекать одна в другую различного рода технофутуристские версии вкупе с морально-этическими дополнениями, рецепциями и проекциями. Существенно, что в этом направлении научные исследования подерживаются значительной литературой в жанре fiction — фантастической и научно-фантастической.

Второй регистр исследования явления постгорода сконцентрирован на определённой мысленной экономике и, принимая значимость мощных технологических революций, меняющих образ современного города, ориентирован в большей степени на незамедлительный переход к рассмотрению альтернативных онтологий постурбанистического развития. Здесь предполагается, что постгород — это иная онтология воображения, нежели онтологии, сформированные как в рамках модерна или же достаточно осторожных концепций глобализации и постмодерна. По всей видимости, такой подход является в ещё большей степени футуристическим, нежели первый, однако его важное преимущество состоит в укрупнении наиболее существенных социокультурных трансформаций урбанизма, выделении их в автономное проблемное поле и в дальнейшем проецировании на казавшиеся длительные историческое время незыблемыми онтологические представления модерна. Этот регистр может быть назван социокультурным или антропологическим.

Третий регистр возможных исследований постурбанизма опирается на очередное эпистемологическое расширение, в рамках которого понятие или концепт постгорода может интерпретироваться как основополагающий для изучения стремительных трансформаций современных человеческих сообществ как таковых. Предполагается, что сквозь онтологическую «призму» концепта постгорода можно эффективно исследовать большинство ключевых проблем человечества, акцен-

3. Здесь и далее я понимаю постгород не как феномен постмодерна, а как принципиально новое явление в жизни человеческих сообществ, характеризующее в известной мере онтологический разрыв со всеми до сих пор существовавшими в истории городскими традициями (см. также сн. 7).

тируя внимание прежде всего на экзистенциальных условиях продолжения или же радикальных изменений в человеческой социальности и коммуникативности. В известной мере этот подход также корреспондирует с различного рода техно-футуристскими версиями развития человечества, однако его суть — в сильном смещении исследовательской «оптики»: мы наблюдаем в данном случае мощную когнитивную метонимию, с помощью которой достигается быстрое приближение к сущностной проблематике главных смыслов человеческой жизни.

Базовые положения и основные понятия исследования

Понятие сопространственности позволяет в той или иной степени использовать все выделенные нами генерализованные эпистемологические подходы, поскольку целостное или комплексное исследование постурбанизма предполагает с методологической точки зрения когнитивную фиксацию любых пространственных событий как *сопространственных* (Замятин, 2011, 2012a, 2012b, 2012c; Edlund, Al Moubayed, Beskow, 2011; Lee et al., 2014). Это онтологическое допущение сочетается также с метадискурсивным базисом фактически любой (пост)городской реальности, детерриториализующим и ретерриториализующим одновременно всякие локальные/территориальные процессы и практики, что означает в онтологическом смысле транзитный, переходный характер (онтологический статус) любого места (Делёз, Гваттари, 2008, 2010). По всей видимости, можно говорить о сосуществовании различных когнитивных/онтологических режимов в постгородской реальности, которые сами также могут быть названы сопространственными.

Исходя из этого допущения, мы попытаемся далее сформулировать в первом приближении ключевые положения имагинально-онтологического картографирования постгорода. Здесь будет важно отметить, что поставленная цель предполагает также исследование сопространственных политик постурбанизма, поскольку кардинальные онтологические и эпистемологические трансформации городских пространств ведут, по сути, и к пересмотру собственно политических/полисных оснований городских коммуникаций и взаимодействий (Замятин, 2018). Это, в свою очередь, способствует когнитивному совмещению понятий «картография воображения»/«воображаемая картография» и «политики сопространственности»/«сопространственные политики» в контексте постгородских штудий.

Итак, *картография воображения* в нашем понимании означает специфические когнитивные процедуры дистанцирования от определённых/конкретных мест, имеющих или приобретающих географические, физические, психологические, социокультурные, политические, метафизические параметры/свойства, а также включения таких «постмест» в соответствующие имагинальные сети, обладающие онтологическими характеристиками (Линч, 1982; Дебор, 2017; Лефевр, 2015; Бодрийяр, 2000, 2015; Alpers, 1983; Jameson, 1988; Андерсон, 2001; Winichakul, 1994; Black, 2000; Вульф, 2003; Woodward, 1987; Alfrey, Daniels, 1990; Hillis, 1994; Pinder,

1996; Lewis, Wigen, 1997; Rogoff, 2000; Turchi, 2004; Harmon, 2004; Dalby, 2007; Flatley, 2008; Cosgrove, 2005, 2008; Smith, 2008; Thompson, 2009; Bird et al., 2012; Sutton, 2015; Kent, Vujakovic, 2016; MacArthur, 2016)⁴. Подобные картографии воображения могут принадлежать (или присваиваться) как отдельным личностям, так и группам или сообществам, в некотором пределе они могут становиться также элементами массовой культуры в широком смысле слова. Существенно заметить, что по отношению к картографиям воображения вряд ли можно применить бинарную оппозицию внутреннее/внешнее, поскольку они являются одновременно частью определённых представлений (в феноменологическом плане) и частью характерных решений, действий, процессов и практик, имеющих онтологический базис. Иначе говоря, любой фрагмент какой-либо картографии воображения может рассматриваться как целостная имагинально-онтологическая модель, потенциально разворачиваемая как в «материальном», так и в «ментальном» мирах.

Политики сопространственности понимаются нами как ризоматические воспроизводящиеся структуры решений, процессов, действий, практик, ориентированные на выявление несопоставимых первоначально различных пространственных дискурсов и дальнейшее построение стратегий, так или иначе пытающихся согласовать — в онтологическом или феноменологическом смыслах — данные дискурсы во вновь создаваемых проектных полях (Замятин, 2012в; Zamyatin, 2014)⁵. Как ключевую особенность политик сопространственности можно рассматривать их ризоматический характер, что означает заведомую нечёткость, размытость, географическую «неточность» их территориальных маркеров и параметров, а также отсутствие чётких функциональных специализаций и разделений по целям, задачам, объектам и предметам. Политики сопространственности предполагают отсутствие явного территориального масштабирования и территориальной иерархизации; соединение в любом проектном поле ранее несопоставимых/несовместимых объектов, включая их онтологический статус; создание проектных полей с гетеротопической «оптикой», репрезентируемых в рамках тех или иных картографий воображения.

Так или иначе, постгород рассматривается нами как ранее никогда не существовавшая пространственно-демографическая система, обладающая принципиально новыми онтологическими и феноменологическими признаками. Эта система (или «ризом») не предполагает деления на город и сельскую местность, однако

4. Здесь и далее я рассматриваю термины «картографии воображения» и «имагинально-онтологические картографии» как синонимические, поскольку любое воображение, так или иначе, обладает определённой специфической онтологией. В научной литературе также как синонимы часто рассматриваются термины «когнитивное картографирование» и «ментальное картографирование». В данной работе я чаще всего слеую этой традиции, хотя, на мой взгляд, когнитивное картографирование может пониматься и более узко, чем ментальное картографирование, и быть его частью.

5. В англоязычном научном дискурсе в настоящее время наиболее распространены концепты «пространственная политика», «политика пространства», «пространственность политики» с опорой на основополагающие работы А. Лефевра (Stewart; Elden, 2007; Leitner et al., 2008); понятие «политика сопространственности» пока не используется.

она не предполагает и экстенсивное распространение тотальной планетарной урбанизации (что является достаточно популярной версией урбанизма в целом) (Brenner, Schmid, 2012, 2014; Ruddick, 2015; Buckley, Strauss, 2016; Goonewardena, 2018). Сопространственности всякого конкретного места расселения в контексте продолжающихся технологических революций и постномадизма (Замятин, 2018) способствуют фрагментарности, очевидной неполноте любой территориально-планировочной или управленческой политики. В то же время любой властный дискурс, фиксируемый ранее в специфических институциональных локусах, становится и в онтологическом, и в феноменологическом планах пространственно рассредоточенным и множественным (Хардт, Негри, 2006; Вирно, 2013). Властные отношения проявляют себя прежде всего как транслокальные (Appadurai, 1995; 1996: 186; Smith, 2001; Sinatti, 2008; Freitag, von Oppen, 2010; Brickell, Datta, 2011; Greiner, Sakdapolrak, 2013), или панлокальные, чей источник локализовать точно практически невозможно, несмотря на постоянно растущие объемы информации и наличие сохраняющихся институциональных иерархий господства. Наряду с этим происходит формирование постгородских политий⁶ и практик, не связанных с официальными властными структурами и репрезентируемых сообществами или отдельными личностями, которые в первом приближении можно охарактеризовать как гетеротопические. Успешность и результативность той или иной политики в постгородских проектных полях может определяться способностью разрабатывать оригинальные картографии воображения, в рамках которых можно моделировать конкретные сопространственности (события, чей пространственный статус подтверждается соответствующими имагинальными координатами — в том числе и виртуальными).

Специфика постгородских картографий воображения

Процедуры материального и ментального дистанцирования являются основополагающими для всякой культуры или цивилизации, формирующей свою образную «картину мира». Естественно, что свои воображаемые картографии создают большинство известных культур, которые, видимо, лучше называть геокультурами (Wallerstein, 1991; Замятин, 2002; Кузнецов, 2003; Поляк, 2004; Rozov 2012; Замятин, Романова, 2017). Построение таких картографий воображения, разумеется, требует соответствующих, хорошо разработанных способов репрезентации и интерпретации образов — геокультурных, геополитических, геоидеологических, геоэкономических и т. д. Эпоха модерна в известной степени способствовала разработке подобных способов — в основном в контексте национальных традиций

6. Понятие постгородских политик (post-urban politics, post-city politics) системно пока отсутствует в англоязычном научном дискурсе. Основные упоминания этой темы связаны с проблематикой права на город, перераспределения управления в глобальном политэкономическом смысле на локальные и городские уровни и расширения участия граждан в городских проектах и практиках управления (urban governance, urban policies). В значительной мере вся эта тематика собрана в концепции «Post-political City» британского географа E. Swyngedouw (Mayer, 2009; Wilson, Swyngedouw, 2014).

и идеологий состоявшихся национальных государств, а также в контексте территорий, этносов и геокультур, не обретших по тем или иным причинам своей государственности. Важно отметить также, что картографии воображения могут интенсивно развиваться и за пределами узких национальных или геокультурных традиций — например, в рамках масштабных геополитических и геоэтнокультурных идеологий: хорошие примеры тому пантюркизм и «Великий Туран» или же панславизм и «Славия». В любом случае национальный конструктивизм и быстрое развитие национализмов в XIX–XX веках послужили когнитивными триггерами для становления самой проблематики картографий воображения (Андерсон, 2001).

Тема постурбанизма и постгорода порождает несколько иные контексты развития картографий воображения — прежде всего в онтологическом смысле. Если предположить, что когнитивной базой динамичных картографий воображения является в первую очередь стремление к расширению и перестройке уже сложившихся, довольно статичных и «застывших» картин мира (места, района, города, страны и т. д.), не позволяющих получать тем или иным способом материальные и ментальные прибыли (включая эмоциональное удовольствие и удовлетворение), то ситуация постурбанизма в первом приближении может рассматриваться как случай очень мощной интенсификации подобной привычной каузальности. Однако, на наш взгляд, эта ситуация выглядит гораздо сложнее, поскольку пространство и пространственность постгорода характеризуются глубокими онтологическими трансформациями, ведущими в итоге к рождению совершенно иных картографий воображения.

Пространство постгорода характеризуется гетеротопичностью и постномадичностью (Dehaene, De Cauter, 2008; Замятин, 2016). Кроме того, постгород формирует принципиально иные коммуникативные сети, которые постоянно меняют свою конфигурацию, узловые тематические «топики» и направления самих коммуникативных потоков. По сути дела, постгородские пространства не являются публичными в смысле городских пространств классического модерна, однако это уже не «упадок публичных пространств» в духе Р. Сеннета (Сеннет, 2002), а совершенно другая публичность, основанная на сопостранственности коммуникативных событий. Немаловажно также, что постгородские пространства во властном и политическом отношениях формируют новые онтологии, задающие ключевые смыслы картографий воображения постурбанизма.

Прототипирование образных карт постгородского пространства

Попробуем описать в обобщённом виде прототип имагинальной (образной) карты постгородского пространства, учитывая её специфические онтологические свойства.

Сопостранственности, понятые как коммуникативно-событийные узлы, могут рассматриваться как узловые элементы прототипической образной карты

постгородского пространства. Подобные узловые элементы в семиотическом и семантическом отношениях являются гетерогенными и неоднородными, феноменологически репрезентируя «невидимую» материально-ментальную целостность постгородской реальности. Вместе с тем именно постгородские сопостранственности, фиксируемые вербально и визуально бесчисленными текстами и изображениями («картинками»), а также запахами, звуками и тактильными ощущениями, в онтологическом плане «сигнализируют» о постоянных пограничных, фронтирных состояниях любых картографий воображения, чей узловой смысл (смыслы) обозначает всякий раз указание на что-то ещё, выходящее за пределы локальных аффектов, материальных и ментальных свидетельств. Иначе говоря, образная карта постгородского пространства кажется как бы перманентно «смазанной», нечёткой, расплывчатой, сопостранственной самой себе в попытках тех или иных акторов (социальных или политических агентов) достичь «внятной» репрезентации событийного образа.

По всей видимости, постгородские картографии воображения обладают высокой степенью иммерсивности, в чём они во многом схожи с цифровыми средами и реальностями (Hale, Stanney, 2015; Хансен, 2013; Гаврилов, 2013; Замков, 2017). В то же время «погружение» в воображение постгорода нельзя рассматривать, с нашей точки зрения, как ещё одну разновидность «дополненной реальности» — условно, к некоей базовой и заранее признаваемой «истинной реальности» городской повседневности. Карта постгородского воображения представляет собой своего рода «вспышку», эксплозию, взрыв традиционных знаково-символических форм, смещаемых и трансформируемых настолько, чтобы заметить, «узреть», успеть зафиксировать каким-либо способом эксцентрику конкретного места в городе. Отрицание центральности, не-центральность, сплошная периферийность и маргинальность, своеобразная пустота любого центра, центральность как «ничтожность» («не-таковость» в другом изводе) — ключевые черты подобной карты.

Постгородские геокультуры, продуцирующие множества картографий воображения, принципиально гетеротопичны, что позволяет говорить о взаимно пересекающихся, «сросшихся», гибридных образных картах постгорода. Возможно, лучше говорить о постгородских картах-ризوماх, демонстрирующих уникальные сопостранственные валидности в отношении как традиционных городских центров, так и типичных спальных окраин. На такие карты-ризомы выносятся, как правило, субстанциальные качества городских сред, способствующих либо ускоренному движению, мобильности, проходимости, повышенной деятельностной интенсивности (в простейшем виде это уже показывают суточные карты городского трафика или звонков мобильных сетей, как наиболее популярные примеры бурно развивающихся big data) (Manovich, 2001; Манович, 2017), либо, наоборот, выявляющих препятствия, барьерность, непроходимость или затруднённость передвижений, в идеале — статичные «омуты» пустотности. Однако «большие данные», показывающие определённые универсальные качества городских сред, остаются лишь внешней оболочкой подобных карт, когнитивным стимулом и обо-

снованием создания постгородских картографий воображения, нацеленных на не-политические способы производства реальности (Indaco, Manovich, 2016). Постгород становится не-политическим в силу онтологической невозможности собрать, обработать, проанализировать множества сопостранственных событий, направленных именно на рассредоточение, рассеяние, *со-отсутствие* любого коммуникативного акта на фоне уже происходящего другого. Не-политичность постгородских пространств означает и принципиальную онтологическую невозможность позитивного формулирования какого-либо «права на город» (ср.: Лефевр, 2015; Purcell, 2002; Харви, 2008; Mayer, 2009; de Souza, 2010)⁷.

Картографии воображения и процессы детерриторизации/ ретерриторизации постгородского пространства

Появление постгородских образных карт-ризом свидетельствует, что сам постгород в онтологическом плане детерриторизируется как традиционное пространство улиц, домов, площадей, людей, транспортных средств, различного рода потоков. Внешний видимый слой интенсивных событий может рассматриваться как хаотический или как в той или иной степени упорядоченный, управляемый, однако доминируют, преобладают «невидимые» процессы и практики, превращающие территорию в постоянно трансформирующееся «облако» сингулярных действий, фактов и артефактов, репрезентаций и интерпретаций, чья трансверсальность отменяет, сводит к нулю возможности территориальности самой по себе (Делёз, Гваттари, 2010: 523–546). По сути дела, каждый элемент такой картографии воображения становится вектором становления другой картографии, не являющейся пограничной по отношению к предыдущей, коль скоро они обоюдно «невидимы» друг для друга — и метафизически, и онтологически. Феноменология подобных карт оказывается тождественна онтологии самой территории, фактически «исчезающей» в процессе самого картографирования: карта теперь фактически равна территории (ср. в контексте общей семантики [Korzybski, 1994; ср.: England, 2001,

7. Это, однако, не означает, что невозможно утверждать «право» на постгородские реальности или на сопостранственности. На мой взгляд, в случае постгорода можно говорить о праве на сопостранственность отдельных людей, сообществ и субкультур, но это, скорее, проблема не политической демократии, а онтологии воображения, репрезентируемой как видимыми взгляду гетеротопиями, так и специфическими, принципиально множественными, картографиями воображения. Современное искусство, в частности, стрит-арт, активно действующее в различных городских средах, может часто оцениваться как его создателями, так и потребителями, сторонниками или противниками в условном регистре борьбы за «право на город», однако и здесь речь может идти, скорее, о конкурирующих, противоборствующих картографиях воображения, чьими визуальными, «надводными частями айсберга» могут быть, например, те или иные граффити или художественные акции. Сами художники могут работать в городском пространстве в логике «права на город», не осознавая, что их произведения могут быть элементом более общих, не выведенных на «поверхность сознания» постгородских картографий воображения.

2002], а также концепции симулякра [Бодрийяр, 2000, 2015]), но уже отсутствующей в со-бытийной плоскости⁸.

Возможна ли тогда ретерриторизация в рамках постгородских имагинально-онтологических моделей, возможны ли соответствующие воображаемые картографии? Если этимологически территория в латинском языке возникает как окультуренное пространство вокруг города, *urbs*, и тем самым как бы ограниченное городом, то мы вправе сказать, что постгородское воображение онтологически возвращается к исходной точке мышления о городе и территории, о политике города по отношению к территории, окружающей его. В феноменологическом ключе можно говорить об инволюции города как такового, ведущей к «онтологическому завоеванию» территорией (в типологическом значении) или территориями как уникальными множествами, города как «пустого пространства». Условная пустота изначального *urbs* фиксировалась, как правило, некоей сакральной защищенностью от внешних влияний и вторжений, постепенно снижающейся и фактически исчезающей на протяжении урбанистической истории (Orsi, 1999; Livezey, 2000; Day, 2014; Numrich, Elfriede, 2015; Hanson, 2016; Czepczyński, Sooväli-Sepping, 2016; Gil-Mastalerczyk, 2016). Территория как бы расколдовывает город в веберовском смысле, город становится мощной территориальностью, проявляющейся в развитии огромных агломераций и мегаполисов.

Интенсивная городская территориальность модерна не имеет отношения к классическому городу, что уже анализировалось нами ранее (Замятин, 2018). Стремительная «профанация» городских пространств и упадок прежних городских сакральностей означает, что теперь «пустым» оказывается пространство за пределами городских агломераций и конурбаций, хотя бы оно постоянно захватывалось всё новыми и новыми таунхаусами, дачными или коттеджными поселками, торгово-развлекательными центрами или чем-то иным (Колхас, 2015). Миф о глобальной или планетарной урбанизации в онтологическом смысле является историей о тотальной дезурбанизации и неосознанных еще полностью переходах к постгородским вариантам развития.

8. В рамках концепции симулякра Ж. Бодрийяра карта предшествует территории, однако это может быть верным только в контексте прямого наследования (онтологического, феноменологического и семиотического) постмодерна модерну. С моей точки зрения, постгород не является «прямым наследником» города модерна — скорее, как имагинально-онтологическая модель он представляет собой симультанный онтологический разрыв с городскими традициями древности, Средневековья, модерна. Такой разрыв характеризуется, с одной стороны, отождествлением карты с самой территорией, а с другой стороны, распадом устоявшейся бинарной оппозиции — карта фактически уже не соотносима с территорией, коль скоро сама территория может изначально мыслиться как карта, быть картой — или иначе, *воображаться картой онтологически*. В этом смысле постгород не является постмодерным городом или городом постмодерна.

Постгородские сопространственности и постполитики

Картографии воображения постгородских пространств в той или иной мере, как правило, дистанцированы от традиционных урбанизированных, субурбанизированных или же сельских местностей и территорий. Понятно, что московским, нью-йоркским, парижским, урюпинским может быть назван феномен, бытующий где угодно и феноменологически возводимый к определённым локальным урбанистическим событиям. Сопространственная пограничность различных, не соприкасающихся постоянно множеств и потоков формирует «случайные» политики материально-ментального характера, ориентированные на поиск и нахождение новых точек, локусов сакральности, не связанных с традиционным или модерным пониманием религиозности и процессов сакрализации.

Здесь мы вновь возвращаемся к понятию политик сопространственности. По всей вероятности, стоит говорить уже не о политиках, а о постполитиках, поскольку традиционное понимание политики и политик недостаточно, на наш взгляд, для анализа постгородских картографий воображения (Mayer, 1994; Жижек, 2014; Ranciere, 2004; Mouffe, 2005; Dikec, 2005; Swyngedouw, 2009; Oosterlynck, 2010; Wilson, Swyngedouw, 2014). Различные множества — например, городские сообщества, но и пригородные сообщества, или же сельские — в сохраняющихся официальных названиях — становятся постгородскими, формируя свои неортодоксальные трансверсальные картографии воображения, постоянно множачиеся, расширяющиеся, увеличивающие количество измерений, становящиеся всё более сопространственными и, соответственно, порождая этим постполитики — мышление, решения, процессы и практики, направленные на ускоряющееся множественное рассредоточение коммуникативных событий, фиксируемых, как своего рода «криптовалюты», с помощью умножающихся параллельных локусов, играющих роль «блокчейна». Вместе с тем именно такие постполитики, сопространственные онтологически, способствуют возникновению нового понимания сакральности, ориентированного на точечные «вспышки» постгородской трансцендентности.

Постгородские сообщества в онтологическом плане не-политичны, если иметь в виду феноменологию и семантику политики в её древнегреческом генезисе, развиваемые далее западным модерном всё более и более детально (Вернан, 1988; Hansen, 1998; Arnason, Raaflaub, Wagner, 2013). Они создают постполитические ситуации, в которых картографии воображения становятся основами новых городских ландшафтов или же новых геокультур. Такая интерпретация может быть понятна, если осмыслить логику политических констелляций в рамках классического полисного мышления, ориентированного, скорее, на совместности, диктующие те или иные точечные локусы поведения и действия, нежели сопространственности. Постгородские геокультуры формируются как линии, «оборачивающие», оконтуривающие, «упаковывающие» множественные постгородские сообщества, демонстрирующие, проживающие и переживающие свои аффекты — статично,

медленно или быстро — вне традиционных субстанций городской динамики хаоса и порядка, узлов и потоков.

Постгородские геокультуры и гетеротекстуальность

Ретерриторизация постгородских геокультур происходит как онтологическая сборка «невидимых» (городу) событий, фиксируемых или идентифицируемых в качестве сакральных⁹ и «рисующих» тем самым новые картографии воображения. Сообщества, обосновывая и «оборачивая» себя такими картографиями, одновременно создают и строят себя как постоянно ускользающие линии подменяющих и заменяющих друг друга сопостранственностей. Большой город модерна, «метрополис», который методологически было удобно рассматривать как палимпсест, в материальном или же ментальном контексте (Harvey, 1989: 66; Marcuse, 1995; Ellin, 1999; Engbersen, 2001; Huyssen, 2003; Powell, 2008; Митин, 2008), является первоначальной «родиной» подобной ретерриторизации, однако именно этот процесс способствует его онтологическому распаду; «палимпсест» постепенно перестает воображаться и восприниматься, поскольку исчезает онтологическое единство самого чтения городского пространства в его слитности, неразделимости, несомненной стратиграфичности.

Картографии постгородского воображения не формируют городских текстов, не создают город-как-текст или город как множество текстов, в чём-то пересекающихся и взаимодействующих (ср.: Степанов, 2016). Если город представим как постоянно расширяющееся, репрезентирующееся и интерпретирующееся текстовое пространство, пространство вновь возникающих текстов, остающееся тем не менее единым в его воображении и чтении (Топоров, 2003; Абашев, 2000; Скибинская, Ховрина, 2014), то постгород создает и развивает практики и процессы *гетеротекстуальности*¹⁰, когда тексты отдельных геокультур не предполагают

9. Сакральность такого события может быть совсем не очевидной с точки зрения традиционного понимания сакрального и сакральности в древних, средневековых и современных обществах. В данном случае в качестве сакральных могут быть идентифицированы события, экзистенциально значимые для жизни отдельных людей или сообществ и могущие принципиально изменить привычную жизненную телеологию. Подобную сакральность можно назвать рассредоточенной или рассеянной, поскольку ее проявления («эпифании») могут быть не связаны с постоянным местом, определенным сакральным зданием или сооружением и постоянно воспроизводимыми ритуалами. Между тем любое такое событие может быть связано с повседневными рутинными практиками, внезапно нарушая их устоявшийся ход и резко меняя стабильную прежде, индивидуальную или групповую, «картину мира» и ее образную карту.

10. На данный момент в русскоязычном научном дискурсе это понятие отсутствует. В англоязычном научном дискурсе понятие гетеротекстуальности используется крайне редко, разрозненно и эпизодично, при этом системной интерпретации термина не существует. Нами обнаружены единичные случаи употребления этого термина в филологии, коммуникативных исследованиях и педагогических исследованиях (Walker, 1990; Kimball, 1992: 31; Tobin, 1996; Kehler, Greig, 2005: 351-370; Cupples, Thompson, 2010: 1-17). Гетеротекстуальность следует рассматривать в более широком методологическом контексте, как несомненное проявление гетерологии и принципа множественности в описании и объяснении мира (миров) (Керимов, 2011; Керимов, Бурбулис, 2015). На наш взгляд, понятие гете-

некоего единого пространства чтения, плана содержания и плана выражения, а становятся лишь в плане консистенции как различные по онтологической скорости или медленности, по сочетанию аффектов ландшафтные модуляции, имманентные ускользающим друг от друга картографиям — читаемым лишь на линии их разрыва и расхождения. *Гетеротекстуальность* оказывается перманентной феноменологической границей множественных картографий воображения постгорода, непрерывно фиксирующей также постполитичность его каких бы то ни было сообществ.

Планирование постгородских сопостранственностей: «лучевые» картографии

Как возможно территориальное планирование или же районирование постгородских сопостранственностей? Всякая постгородская картография воображения порождает и поддерживает особые ландшафтные режимы¹¹, которые, в свою очередь, создают свои реальности материально-ментального характера. Различные картографии, как правило, практически «невидимы» друг другу, хотя они могут закрепляться соответствующими «материальными свидетельствами», часто сосуществующими рядом. Однако порядки сопостранственностей могут не согласовываться и не соответствовать порядкам мест, что ведёт к формированию множеств «слепых зон» или «серых районов», фиксирующих, по-видимому, не-схождения, не-репрезентации разных картографий воображения. Теория не-репрезентаций (Thrift, 2007) в этом контексте крайне важна для понимания закономерностей развития подобных картографий, поскольку подтверждает невозможность создания сплошных, полных схем территориального планирования постгородских реальностей.

Тем не менее если вспомнить этимологию слова «район», то в случае постгорода можно говорить о «пучках» картографий воображения, каждая из которых представляет собой «луч», ускользающий от всех остальных: такие лучевые линии формируют принципиально фрагментарную, «раскиданную», расходящуюся планировку постгородского пространства, в каждой условной точке которого можно наблюдать лишь некоторые, но не все, картографии, сопровождаемые также «слепыми зонами». Планировщик здесь может быть своего рода картографом воображения, изначально ориентированным на построение, рисование несопоставимых, несочетаемых карт, являющееся онтологическим условием постгородского развития. Постгородское пространство, таким образом, не репрезентируется в любой

ротекстуальности может быть эффективным в междисциплинарных и комплексных гуманитарных и социальных исследованиях. Здесь мною делается попытка интерпретировать данное понятие в контексте междисциплинарной урбанистики.

11. Понятие ландшафтного режима в городских исследованиях пока не используется. Существуют лишь единичные работы, посвященные ландшафтным режимам в целом (институциональный контекст и ландшафтные конфликты) (Knoepfel, Gerber, 2008).

своей точке, но, скорее, онтологизируется посредством линий-лучей ускользания, маркирующих скоростные градиенты картографического воображения.

Сопространственные идентичности и постгородские властные отношения

Как становятся идентичности, связанные с и «нанизанные» на постгородские картографии воображения? Вероятно, стоит сосредоточиться на проблематике власти, оперирующей такими картографиями. «Право на постгород» не может существовать уже потому, что постгородские сопространственности не могут рассматриваться как зоны производства властных отношений, оперирующих жесткими территориальными разграничениями и районами господства и ответственности. Несмотря на это, любую картографию воображения можно феноменологизировать как «лучевую волость» — как линию, становящуюся определённой идентичностью — отдельных личностей и сообществ. Чем больше появляется постгородских картографий воображения, чем более они связаны с всё более виртуализирующимися сетевыми технологиями, тем более властными становятся солидаризирующиеся с ними идентичности — не обязательно даже производящие соответствующий контент, но интенсивно его потребляющие и распространяющие. Постоянно ускоряющаяся сегментация подобных «постгородских волостей» сопровождается формированием сопространственных идентичностей, направленных, по сути, на «картографирование» самих себя как коммуникативных сопространственностей, чьё воображение во многом работает над становлением «тела-без-органов» — телесности, реализующейся с помощью отказа от традиционных современных властных репрезентаций.

Сопространственные идентичности могут активно конструироваться и развиваться в рамках современного/актуального искусства, тяготеющего к гетеротопическим ландшафтам постгородского воображения. Современный художник часто рассматривает себя как актёра, работающего с городскими локальностями, которые посредством художественных проектов трансформируются в «расходящиеся» картографии воображения — такие феноменологические переходы обозначают одновременно и становление новых постгородских сопространственностей, и формирование новых онтологий постгородских сообществ (O'Rourke, 2013; Thor, 2015; Смирнов, 2016; Поносов, 2016). Стратегии современного искусства оказываются важными реперными точками «сопространственного поворота», характеризующегося решающим соединением возрастающей перформативности постгородских сообществ (в том числе с помощью новых медиа) и коммуникативных технологий, коренным образом меняющих онтологию пространственности.

*Становление-сопространственностью*¹² находится в центре «невидимого» онтологического циклона (ср.: Нильсен, 2004), формирующего нетрадиционные

12. В данном случае я сознательно ставлю дефис, соединяя два слова, и использую творительный падеж по отношению к сопространственности: сопространственность, на мой взгляд, представляет

конфигурации постгородских картографий воображения. Крайне интенсивные и постоянно увеличивающиеся, постномадические мобильности — не только физические, но и метафизические — ведут к сосуществованию множеств таких картографий, чьи событийные сопостранственности и создают *постполитические сообщества*, манипулирующие разницеми «скоростей» множественных коммуникативных дискурсов. Регулирование этих скоростных разниц, определяющих невидимые динамичные гетеротопии постгородских реальностей, является предметом новых властных отношений — не политических, а сопостранственных. Подобное имагинально-онтологическое регулирование в феноменологическом плане сходно с деятельностью актуального искусства и *street art*, являясь своего рода планомерным, последовательным сопостранственным «акционизмом» (Riggle, 2010; Поносов, 2016; Avramidis, Tsilimpounidi, 2017): разработка и создание всё новых и новых картографий воображения «размазывает» и рассеивает основания современного урбанизма, формируя постурбанизм как искусство детальных сопостранственностей.

Проблематика воображаемых картографий, исследованная здесь в первом приближении, позволяет более широко представить дальнейшие направления изучения и интерпретации феноменов постурбанизма и постгорода. Благодаря ей стало возможной более тщательная проработка взаимосвязей постурбанизма и сопостранственности. Вместе с тем исследование постгородских картографий воображения свидетельствует о ключевых изменениях в понимании политики и политических отношений как таковых, порождающих, по всей видимости, сферу постполитического, тесно связанную с постурбанизмом. Наконец, можно говорить также и о роли подобных картографий в формировании новых постгородских сообществ и личностей, становящихся активными постполитическими акторами, которые могут целенаправленно действовать как картографы вновь создаваемых постгородских реальностей.

Итак, основные выводы исследования состоят в следующем:

1) Постгородское пространство формируется в динамике множественных картографий воображения, влияющих в том числе на непосредственное планирование реальности (реальных событий).

2) Постгородское пространство можно назвать постполитическим или неполитическим в контексте традиционных политик модерна, однако это означает одновременно становление политик сопостранственности, являющихся не оппозицией модерному пониманию политики и политического, а методологической и практической альтернативой.

собой в онтологическом смысле особенный, специфический процесс становления, в котором каждое пространственное различие и различие как бы стирается новым, но всякий раз не до конца, оставляя его как своего рода «мерцающий фон», не исчезающий полностью. Исходя из этого, в феноменологическом контексте сопостранственность может пониматься как пространственность, не прошедшая или не проходящая каждый раз до конца онтологический путь становления, и в то же время как своего рода сверх- или гиперпространственность, сосуществующая со всеми возможными образами своего бесконечного становления.

3) Развитие политик сопостранственности в постгородской реальности снижает, так или иначе, актуализированную постмарксизмом проблематику «права на город», поскольку растущая множественность постгородских картографий воображения постоянно «пересоздаёт» реальность, «право» на которую исчезает в момент перехода от одной реальности к другой (проблема simultaneity самих сопостранственностей пока остаётся неизученной).

4) По всей видимости, интенсивное постурбанистическое развитие может быть связано с формированием специфических геокультур, чьими базовыми признаками могут стать постномадичность, гетеротекстуальность и сопостранственность, что предполагает также генезис нового понимания политики и политического за пределами, вне оппозиции модерн — постмодерн.

Литература

- Абашев В. В.* (2000). Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та.
- Андерсон Б.* (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Бодрийяр Ж.* (2000). Символический обмен и смерть / Пер. с нем. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет.
- Бодрийяр Ж.* (2015). Симулякры и симуляции / Пер. с франц. А. Качалова. М.: ПОСТУМ.
- Вернан Ж.-П.* (1988). Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс.
- Вирно П.* (2013). Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Г. Петровой под ред. А. А. Пензина. М.: Ad Marginem.
- Вульф Л.* (2003). Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение.
- Гаврилов А. А.* (2013). Медиареальность как тип виртуальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. С. 45–47.
- Дебор Г.* (2017). Психогеография / Пер. с англ. А. Соколинской. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* (2008). Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* (2010). Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я. И. Свицкого. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Жижек С.* (2014). Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело.
- Замков А. В.* (2017). О виртуальном расширении медиареальности // Медиаскоп. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2351> (дата доступа: 21.03.2019).

- Замятин Д. Н.* (2002). Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. № 2. С. 5–12.
- Замятин Д. Н.* (2011). Новые онтологии пространства: пространственность, сопостранственность и геоспациализм // Человек. № 6. С. 70–82.
- Замятин Д. Н.* (2012а). Сопостранственность и идентичность // Мир психологии: научно-методический журнал. № 1. С. 104–123.
- Замятин Д. Н.* (2012б). Сопостранственность и идентичность // *Семенов И. С.* (ред.). Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. М.: РОССПЭН. С. 158–162.
- Замятин Д. Н.* (2012в). Сопостранственность и территориальные идентичности в политическом проекте Модерна // *Семенов И. С.* (ред.). Политическая идентичность и политика идентичности: словарь терминов и понятий. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. М.: РОССПЭН. С. 430–450.
- Замятин Д. Н.* (2016). Постномадизм: пространственные антропологии путешествий // Уральский исторический вестник. № 2. С. 17–26.
- Замятин Д. Н.* (2018). Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Политические исследования. № 3. С. 147–165.
- Замятин Д. Н., Романова Е. Н.* (ред.). (2017). Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. М.: Канон+.
- Керимов Т. Х.* (2011). Бытие и различие: генеалогия и гетерология. М.: Академический проект.
- Керимов Т. Х., Бурбулис Ю. В.* (2015) Ирредукционизм как основной методологический принцип современной социальной онтологии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 11-1. С. 26–28.
- Колхас Р.* (2015). Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство / Пер. с англ. М. Визеля, С. Ситара, В. Бабицкой. М.: Арт Гид.
- Кузнецов В. Н.* (2003). Геокультура: основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура-Сеть. М.: Книга и бизнес.
- Лефевр А.* (2015). Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press.
- Линч К.* (1982). Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат.
- Манович Л.* (2017). Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка.
- Митин И.* (2008). Место как палимпсест // 60 параллель. № 4. С. 20–25.
- Нильсен Ф. С.* (2004). Глаз бури. СПб.: Алетейя.
- Поляк В. С.* (2004). Израиль и Россия в XXI веке: Геополитика. Геоэкономика. Геокультура. Тель-Авив: L.I.L. Productions.
- Поносов И.* (2016). Искусство и город: граффити, уличное искусство, активизм. М.: б.и.

- Сеннет Р. (2002). Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М.: Логос.
- Скибинская О. Н., Ховрина Т. К. (ред.). (2014). Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.). Ярославль: Изд-во РИО ЯГПУ.
- Смирнов Н. А. (2016). Искусство действия в городской среде // Городские исследования и практики. Т. 1. № 1. С. 39–55.
- Степанов А. В. (2016). Феноменология архитектуры Петербурга. СПб.: Арка.
- Топоров В. Н. (2003). Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство.
- Хансен М. Б. Н. (2013). Новая философия для новых медиа // Савчук В. В. (ред.). Антология медиафилософии. СПб: Изд-во РХГА. С. 264–269.
- Харви Д. (2008). Право на город / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. № 3. С. 80–94.
- Хардт М., Негри А. (2006). Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция.
- Alfrey N., Daniels S. (eds.). (1990). Mapping the Landscape: Essays on Art and Cartography. Nottingham: University Art Gallery: Castle Museum.
- Alpers S. (1983). The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century. Chicago: Chicago University Press.
- Appadurai A. (1995). The Production of Locality // Fardon R. (ed.) Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge. London: Routledge. P. 204–255.
- Appadurai A. (1996). Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Arnason, J. P., Raaflaub K. A., Wagner P. (eds.). (2013). The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-Cultural Transformation and Its Interpretations. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Avramidis K., Tsilimpounidi M. (eds.). (2017). Graffiti and Street Art: Reading, Writing and Representing the City. London: Routledge.
- Bird J., Curtis B., Putnam T., Tickner L. (eds.). (2012). Mapping the Futures: Local Cultures, Global Change. London: Routledge.
- Black J. (2000). Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven: Yale University Press.
- Brenner N., Schmid C. (2012). Planetary Urbanization // Gandy M. (ed.). Urban Constellations. Berlin: Jovis. P. 10–13.
- Brenner N., Schmid C. (2014). The «Urban Age» in Question // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 38. № 3. P. 731–755.
- Brickell K., Datta A. (eds.). (2011). Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections. Burlington: Ashgate.
- Buckley M., Strauss K. (2016). With, against and beyond Lefebvre: Planetary Urbanization and Epistemic Plurality // Society and Space. Vol. 34. № 4. P. 617–636.
- Cosgrove D. (2005). Maps, Mapping, Modernity: Art and Cartography in the Twentieth Century // Imago Mundi. Vol. 57. № 1. P. 35–54.

- Cosgrove D.* (2008). Cultural Cartography: Maps and Mapping in Cultural Geography // *Annales de géographie*. № 2. P. 159–178.
- Cupples J., Thompson L.* (2010). Heterotextuality and Digital Foreplay // *Feminist Media Studies*. Vol. 10. № 1. P. 1–17.
- Czepczyński M., Sooväli-Sepping H.* (2016). From Sacrum to Profanum: Reinterpretation of Communist Places of Power in Baltic Cities // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 47. № 2. P. 239–255.
- Dalby S.* (2007). The Pentagon's New Imperial Cartography // *Gregory D., Pred A.* (eds.). *Violent Geographies*. London: Routledge. P. 295–308.
- Day K.* (2014). *Faith on the Avenue: Religion on a City Street*. New York: Oxford University Press.
- de Souza M. L.* (2010). Which Right to Which City? // *Interface*. Vol. 2. № 1. P. 315–333.
- Dehaene M., De Cauter L.* (eds.) (2008). *Heterotopia and the City: Public Space in a Post-civil Society*. London: Routledge.
- Dikec M.* (2005). Space, Politics, and the Political // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 23. № 2. P. 171–188.
- Edlund J., Al Moubayed S., Beskow J.* (2011). The Mona Liza Gaze Effect as an Objective Metric for Perceived Cospatiality // *Vilhjálmsón H. H., Kopp S., Marsella S., Thorisson K. R.* (eds.). *Intelligent Virtual Agents: 11th International Conference, IVA 2011*. Heidelberg: Springer. P. 439–440.
- Elden S.* (2007). There is a Politics of Space because Space is Political. Henri Lefebvre and the Production of Space // *Radical Philosophy Review*. Vol. 10. № 2. P. 101–116.
- Ellin N.* (1999). *Postmodern Urbanism*. Princeton: Princeton Architectural Press.
- Engbersen G.* (2001). The Urban Palimpsest: Urban Marginality in an Advanced Society // *European Journal of Anthropology*. № 38. P. 125–138.
- England J.* (2001). *The Map is Not the Territory*. Part 1. London: England & Co.
- England J.* (2002). *The Map is Not the Territory*. Part 2. London: England & Co.
- Flatley J.* (2008). *Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*. Cambridge: Harvard University Press.
- Freitag U., von Oppen A.* (eds.). (2010). *Translocality: The Study of Globalizing Processes from a Southern Perspective*. Leiden: Brill.
- Gil-Mastalerczyk J.* (2016). Unconscious Aspects of Sustainability in Modern and Post-modern Religious Architecture in Poland // *E3S Web of Conferences*. 10. 00107.
- Goonewardena K.* (2018). Planetary Urbanization and Totality // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 36. № 3. P. 456–474.
- Greiner C., Sakdapolrak P.* (2013). Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives // *Geography Compass*. Vol. 7. № 5. P. 373–384.
- Hale K. S., Stanney K. M.* (eds.). (2015). *Handbook of Virtual Environments: Design, Implementation and Applications*. Boca Raton: CRC Press.
- Hansen M. H.* (1998). *Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*. Copenhagen: Munksgaard.

- Hanson R. S.* (2016). *City of Gods: Religious Freedom, Immigration and Pluralism in Flushing, Queens*. Fordham: Fordham University Press.
- Harmon K.* (2004). *You Are Here: Personal Geographies and Other Maps of the Imagination*. New York: Princeton Architectural Press.
- Harvey D.* (1989). *The Conditions of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.
- Hillis K.* (1994). The Power of Disembodied Imagination: Perspective's Role in Cartography // *Cartographica*. Vol. 31. № 3. P. 1–17.
- Huyssen A.* (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press.
- Indaco A., Manovich L.* (2016). Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application // *Urban Studies and Practices*. Vol. 1. № 1. P. 11–24.
- Jameson F.* (1988). Cognitive Mapping // *Nelson C., Grossberg L.* (eds.). *Marxism and the Interpretation of Culture*. Urbana: University of Illinois Press. P. 347–358.
- Kehler M., Greig C.* (2005). Reading Masculinities: Exploring the Socially Literate Practices of High School Young Men // *International Journal of Inclusive Education*. Vol. 9. № 4. P. 351–370.
- Kent A., Vujakovic P.* (eds.). (2016). *The Routledge Handbook of Mapping and Cartography*. London: Routledge.
- Kimball R.* (1992). «Heterotextuality» and Other Literary Matters // *Wall Street Journal*. December 31. P. 31.
- Knoepfel P., Gerber J.-D.* (2008). *Institutional Landscape Regimes: An Approach to the Resolution of Landscape Conflicts*. Zurich: VDF.
- Korzybski A.* (1994). *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*. Brooklyn: Institute of General Semantics.
- Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch. W. J.* (eds.). (2014). *The SAGE Handbook of Human Geography*. 2 Vols. London: SAGE.
- Leitner H., Sheppard E., Sziarto K. M.* (2008). The Spatialities of Contentious Politics // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. Vol. 33. № 2. P. 157–172.
- Lewis M. W., Wigen K.* (1997). *The Myth of Continents: a Critique of Metageography*. Berkeley: University of California Press.
- Livezey L.W.* (2000). *Public Religion and Urban Transformation: Faith in the City*. New York: New York University Press.
- MacArthur J.* (2016). *Cartography and the Political Imagination: Mapping Community in Colonial Kenya*. Athens: Ohio University Press.
- Manovich L.* (2001). *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press.
- Marcuze P.* (1995). Not Chaos, but Walls: Postmodernism and the Partitioned City // *Watson S., Gibson K.* (eds.). *Postmodern Cities and Spaces*. Oxford: Blackwell. P. 243–253.
- Mayer M.* (1994). Post-Fordist City Politics // *Amin A.* (ed.). *Postfordism: A Reader*. Oxford: Blackwell. P. 316–337.

- Mayer M. (2009). The «Right to the City» in the Context of Shifting Mottos of Urban Social Movements // *City*. Vol. 13. № 2/3. P. 362–374.
- Mouffe C. (2005). *On the Political*. London: Routledge.
- Numrich P. D., Wedam E. (2015). *Religion and Community in the New Urban America*. New York: Oxford University Press.
- Oosterlynck S. (2010). Noise Reduction: The Postpolitical Quandary of Night Flights at Brussels Airport // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42. № 7. P. 1577–1594.
- O'Rourke K. (2013). *Walking and Mapping: Artists as Cartographers*. Cambridge: MIT Press.
- Orsi R. A. (ed.). (1999). *Gods of the City: Religion and the American Urban Landscape*. Bloomington: Indiana University Press.
- Pinder D. (1996). Subverting Cartography: The Situationists and Maps of the City // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 28. № 3. P. 405–427.
- Powell K. A. (2008). Remapping the City: Palimpsest, Place, and Identity in Art Education Research // *Studies in Art Education*. Vol. 50. № 1. P. 6–21.
- Purcell M. (2002). Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant // *GeoJournal*. Vol. 58. № 2/3. P. 99–108.
- Ranciere J. (2004). Introducing Disagreement // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. Vol. 9. № 3. P. 3–9.
- Riggle N. A. (2010). Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. Vol. 68. № 3. P. 248–257.
- Rogoff I. (2000). *Terra Infirma: Geography's Visual Culture*. London: Routledge.
- Rozov N. S. (2012). Geopolitics, Geoeconomics, and Geoculture: The Interrelation of Dynamic Spheres in the History of Russia // *Sociological Research*. Vol. 51. № 4. P. 67–90.
- Ruddick S. (2015). Situating the Anthropocene: Planetary Urbanization and the Anthropological Machine // *Urban Geography*. Vol. 36. № 8. P. 1113–1130.
- Sinatti G. (2008). The Making of Urban Translocalities: Senegalese Migrants in Dakar and Zingonia // *Smith M. P., Eade J. (eds.). Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities*. New Brunswick: Transaction. P. 61–76.
- Smith D. K. (2008). *The Cartographic Imagination in Early Modern England: Re-Writing the World in Marlowe, Spenser, Raleigh and Marvell*. Aldershot: Ashgate.
- Smith M. P. (2001). *Transnational Urbanism: Locating Globalization*. Oxford: Blackwell.
- Stewart L. (1995). Bodies, Visions and Spatial Politics: A Review Essay of Henri Lefebvre's *The Production of Space* // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 13. № 5. P. 609–618.
- Sutton E. A. (2015). *Capitalism and Cartography in the Dutch Golden Age*. Chicago: University of Chicago Press.
- Swyngedouw E. (2007). Impossible «Sustainability» and the Postpolitical Condition // *Krueger R., Gibbs D. (eds.). The Sustainable Development Paradox: Urban Political Economy in the United States and Europe*. London: Guildford Press. P. 13–40.

- Swyngedouw E.* (2009). The Antinomies of the Postpolitical: In Search of a Democratic Politics of Environmental Protection // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 33. № 3. P. 601–620.
- Thompson N.* (ed.). (2009). *Experimental Geography: Radical Approaches to Landscape, Cartography and Urbanism*. New York: Melville House.
- Thor T.* (2015). #banksyinstockholm — The Politics of Street Art and Spatiality // *Observatorio (OBS*)*. Vol. 9. Special Issue. P. 23–46.
- Thrift N.* (2007). *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*. London: Routledge.
- Tobin R. D.* (1996). In and Against Nature: Goethe on Homosexuality and Heterotextuality // *Kuzniar A. A.* (ed.). *Outing Goethe and His Age*. Stanford: Stanford University Press. P. 94–110.
- Turchi P.* (2004). *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*. San Antonio: Trinity University Press.
- Walker N. A.* (1990). *Feminist Alternatives: Irony and Fantasy in the Contemporary Novel by Women*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Wallerstein I. M.* (1991). *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. New York: Cambridge University Press.
- Wilson J., Swyngedouw E.* (eds.). (2014). *The Post-Political and Its Discontents: Spaces of Depoliticization, Spectres of Radical Politics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winichakul T.* (1994). *Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Woodward D.* (ed.). (1987). *Art and Cartography: Six Historical Essays*. Chicago: University of Chicago Press.
- Zamyatin D.* (2014). Co-spatiality, Territorial Identity and Place: To the Comprehension of Postmodern Politics // *Mihaylov V.* (ed.). *Territories and Identities in Central, Eastern and Southeastern Europe*. Częstochowa: Instytut Geopolityki. P. 37–67.

Post-City (II): Cartographies of Imagination and Co-spatiality Politics

Dmitry Zamyatin

Chief Research Fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101100

E-mail: dzamyatin@hse.ru

From a methodological standpoint, a comprehensive study of post-urbanism implies a cognitive fixation of any spatial event as co-spatial. We can talk about the co-existence of different cognitive/ontological regimes in the post-urban reality, which themselves can also be called *co-spatial*. Co-spatialities, understood as communicative event nodes, can be considered as key elements in a

prototypical imagination map of post-urban space. Post-urban geo-cultures, producing a variety of cartographies of the imagination, are fundamentally heterotopic. Different communities become post-urban in forming their transversal cartographies of the imagination, constantly proliferate, become more and more co-spatial and, consequently, generate this post-politics which is aimed at accelerating a multiple dispersion of communicative events. Post-urban communities create post-political situations in which the cartographies of the imagination becomes the bases of new urban landscapes or new geo-cultures. The post-city develops practices and processes of heterotextuality when the texts of individual geo-cultures do not assume a common space of reading, a plan of value, or a plan of expression, and only comes into existence in terms of consistent landscape modulations immanent to imaginary cartographies. Any post-city cartography of imagination supports special landscape modes which create the realities of material and mental character. Any cartography of imagination can be thought of phenomenologically as the line becomes a particular identity of individuals and communities. Post-nomadic mobilities lead to the coexistence of multitudes of such cartographies whose event co-spatialities create a post-political communities, and manipulate differences of the “velocity” of multiple communicative discourses. The creation of new cartographies of imagination forms post-urbanism as an art of detailed co-spatialities.

Keywords: post-city, cartography, imagination, co-spatiality, geo-culture, hetero-textuality, identity, post-politics, community

References

- Abashev V. (2000) *Perm' kak text: Perm' v russkoy culture* I literature XX veka [Perm as Text: Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century], Perm: Perm University Press.
- Alfrey N., Daniels S. (eds.) (1990) *Mapping the Landscape: Essays on Art and Cartography*, Nottingham: University Art Gallery, Castle Museum.
- Alpers S. (1983) *The Art of Describing: Dutch Art in the Seventeenth Century*, Chicago: Chicago University Press.
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemii soobstchestva: razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: KANON-press-C, Kutchkovo pole.
- Appadurai A. (1995) The Production of Locality. *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge* (ed. R. Fardon), London: Routledge, pp. 204–255.
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Arnason J. P., Raaflaub K. A., Wagner P. (eds.) (2013) *The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-Cultural Transformation and Its Interpretations*, Chichester: Wiley-Blackwell.
- Avramidis K., Tsilimpounidi M. (eds.) (2017) *Graffiti and Street Art: Reading, Writing and Representing the City*, London: Routledge.
- Baudrillard J. (2000) *Simvolitsheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death], Moscow.: Dobrosvet.
- Baudrillard J. (2015) *Simulyakrii i simulyatsii* [Simulacres and Simulations], Moscow.: POSTUM.
- Bird J., Curtis B., Tim Putnam T., Tickner L. (eds.) (2012) *Mapping the Futures: Local Cultures, Global Change*, London: Routledge.
- Black J. (2000) *Maps and History: Constructing Images of the Past*, New Haven: Yale University Press.
- Brenner N., Schmid C. (2012) Planetary Urbanization. *Urban Constellations* (ed. M. Gandy), Berlin: Jovis, pp. 10–13.
- Brenner N., Schmid C. (2014) The “Urban Age” in Question. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 3, pp. 731–755.
- Buckley M., Strauss K. (2016) With, against and beyond Lefebvre: Planetary Urbanization and Epistemic Plurality. *Society and Space*, vol. 34, no 4, pp. 617–636.
- Cosgrove D. (2005) Maps, Mapping, Modernity: Art and Cartography in the Twentieth Century. *Imago Mundi*, vol. 57, no 1, pp. 35–54.
- Cosgrove D. (2008) Cultural Cartography: Maps and Mapping in Cultural Geography. *Annales de géographie*, no 2, pp. 159–178.

- Cupples J., Thompson L. (2010) Heterotextuality and Digital Foreplay. *Feminist Media Studies*, no 10, pp. 1–17.
- Czepczyński M., Sooväli-Sepping H. (2016) From Sacrum to Profanum: Reinterpretation of Communist Places of Power in Baltic Cities. *Journal of Baltic Studies*, vol. 47, no 2, pp. 239–255.
- Dalby S. (2007) The Pentagon's New Imperial Cartography. *Violent Geographies* (eds. D. Gregory, A. Pred), London: Routledge, pp. 295–308.
- Day K. (2014) *Faith on the Avenue: Religion on a City Street*, New York: Oxford University Press.
- de Souza M. L. (2010) Which Right to Which City? *Interface*, vol. 2, no 1, pp. 315–333.
- Debord G. (2017) *Psihogeografiya* [Psychogeography], Moscow: Ad Marginem Press.
- Dehaene M., De Cauter L. (eds.) (2008) *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*, London: Routledge.
- Deleuze G., Guattari F. (2008) *Anti-Edip: kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoriya.
- Deleuze G., Guattari F. (2010) *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel.
- Dikec M. (2005) Space, Politics, and the Political. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 23, no 2, pp. 171–188.
- Edlund J., Al Moubayed S., Beskow J. (2011) The Mona Liza Gaze Effect as an Objective Metric for Perceived Cospatality. *Intelligent Virtual Agents: 11th International Conference, IVA 2011* (eds. H. H. Vilhjálmsson, S. Kopp, S. Marsella, K. R. Thorisson), Heidelberg: Springer, pp. 439–440.
- Elden S. (2007) There is a Politics of Space because Space is Political: Henri Lefebvre and the Production of Space. *Radical Philosophy Review*, vol. 10, no 2, pp. 101–116.
- Ellin N. (1999) *Postmodern Urbanism*, Princeton: Princeton Architectural Press.
- Engbersen G. (2001) The Urban Palimpsest. Urban Marginality in an Advanced Society. *European Journal of Anthropology*, no. 38, pp. 125–138.
- England J. (2001) *The Map is Not the Territory, Part 1*, London: England & Co.
- England J. (2002) *The Map is Not the Territory, Part 2*, London: England & Co.
- Flatley J. (2008) *Affective Mapping: Melancholia and the Politics of Modernism*, Cambridge: Harvard University Press.
- Gavrilov A. (2013) Mediareal'nost' kak tip virtual'noj real'nosti [Media-Reality as a Type of Virtual Reality]. *Historical, Philosophical, Historical and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History*, no 11, pp. 45–47.
- Gil-Mastalerczyk J. (2016) Unconscious Aspects of Sustainability in Modern and Postmodern Religious Architecture in Poland. *E3S Web of Conferences*, 10, 00107.
- Goonewardena K. (2018) Planetary Urbanization and Totality. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 36, no 3, pp. 456–474.
- Greiner C., Sakdapolrak P. (2013) Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*, vol. 7, no 5, pp. 373–384.
- Hale K. S., Stanney K. M. (eds.) (2015) *Handbook of Virtual Environments: Design, Implementation and Applications*, Boca Raton: CRC Press.
- Hansen M. B. N. (2013) Novaya filozofiya dlya novih media [New Philosophy for New Media]. *Antologiya mediafilosofii* [Anthology of Media Philosophy] (ed. V. Savchuk), Saint Petersburg: RHGA, pp. 264–269.
- Hansen M. H. (1998) *Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent*, Copenhagen: Munksgaard.
- Hanson R. S. (2016) *City of Gods: Religious Freedom, Immigration and Pluralism in Flushing*, Fordham: Fordham University Press.
- Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epohu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire], Moscow: Kulturnaya revoliutsiya.
- Harmon K. (2004) *You are Here: Personal Geographies and Other Maps of the Imagination*, New York: Princeton Architectural Press.
- Harvey D. (1989) *The Conditions of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Blackwell.
- Harvey D. (2008) Pravo na gorod [The Right to the City]. *Logos*, no 3, pp. 80–94.

- Hillis K. (1994) The Power of Disembodied Imagination: Perspective's Role in Cartography. *Cartographica*, vol. 31, no 3, pp. 1–17.
- Hoete A. (ed.) (2003) *ROAM: Reader on the Aesthetics of Mobility*, London: Black Dog.
- Huyssen A. (2003) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford: Stanford University Press.
- Indaco A., Manovich L. (2016) Urban Social Media Inequality: Definition, Measurements, and Application. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 11–24.
- Jameson F. (1988) Cognitive Mapping. *Marxism and the Interpretation of Culture* (eds. C. Nelson, L. Grossberg), Urbana: University of Illinois Press, pp. 347–358.
- Kehler M., Greig C. (2005) Reading Masculinities: Exploring the Socially Literate Practices of High School Young Men. *International Journal of Inclusive Education*, vol. 9, no 4, pp. 351–370.
- Kent A., Vujakovic P. (eds.) (2016) *The Routledge Handbook of Mapping and Cartography*, London: Routledge.
- Kerimov T. (2011) *Bytie i razlichie: genealogiya i geterologiya* [Being and Difference: Genealogy and Heterology], Moscow: Academic Project.
- Kerimov T., Burbulis Y. (2015) Irreduktcionizm kak osnovnoj metodologicheskij printsip sovremennoj sotsial'noj ontologii [Irreductionism as the Basic Methodological Principle of Modern Social Ontology]. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, no 11-1, pp. 26–28.
- Kimball R. (1992) "Heterotextuality" and Other Literary Matters. *Wall Street Journal*, December 31, p. 31.
- Knoepfel P., Gerber J.-D. (2008) *Institutional Landscape Regimes: An Approach to the Resolution of Landscape Conflicts*, Zurich: VDF.
- Koolhaas R. (2015) *Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoe prostranstvo* [Bigness or the Problem of Large. Generic City. Junkspace], Moscow: Artguide.
- Korzybski A. (1994) *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics*, Brooklyn: Institute of General Semantics.
- Kuznetsov V. (2003) *Geokultura: osnovi geokulturnoi dinamiki bezopasnosti v Mire XXI: Kultura-Set'* [Geo-culture: Fundamentals of Geocultural Dynamics of Security in the World 21: Culture-Network], Moscow: Kniga i biznes.
- Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S. M., Withers Ch. W. J. (eds.) (2014) *The SAGE Handbook of Human Geography*, London: SAGE.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.
- Leitner H., Sheppard E., Sziarto K. M. (2008) The Spatialities of Contentious Politics. *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*, vol. 33, no 2, pp. 157–172.
- Lewis M. W., Wigen K. (1997) *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*, Berkeley: University of California Press.
- Livezey L.W. (2000) *Public Religion and Urban Transformation: Faith in the City*, New York: New York University Press.
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City], Moscow: Stroyizdat.
- MacArthur J. (2016) *Cartography and the Political Imagination: Mapping Community in Colonial Kenya*, Athens: Ohio University Press.
- Manovich L. (2001) *The Language of New Media*, Cambridge: MIT Press.
- Manovich L. (2017) *Teorii soft-kulturi* [Theories of Software Culture], Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka.
- Marcuze P. (1995) *Not Chaos, but Walls: Postmodernism and the Partitioned City. Postmodern Cities and Spaces* (eds. S. Watson, K. Gibson), Oxford: Blackwell, pp. 243–253.
- Mayer M. (1994) *Post-Fordist City Politics. Postfordism: A Reader* (ed. A. Amin), Oxford: Blackwell, pp. 316–337.
- Mayer M. (2009) The "Right to the City" in the Context of Shifting Mottos of Urban Social Movements. *City*, vol. 13, no 2-3, pp. 362–374.
- Mitin I. (2008) Mesto kak palimpsest [Place as Palimpsest]. *60 parallel*, no 4, pp. 20–25.
- Mouffe C. (2005) *On the Political*, London: Routledge.
- Nielsen F. S. (2004) *Glaz buri* [The Eye of the Storm], Saint Petersburg: Aleteya.
- Numrich P. D., Wedam E. (2015) *Religion and Community in the New Urban America*, New York: Oxford University Press.

- Oosterlynyck S. (2010) Noise Reduction: The Postpolitical Quandary of Night Flights at Brussels Airport. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 42, no 7, pp. 1577–1594.
- O'Rourke K. (2013) *Walking and Mapping: Artists as Cartographers*, Cambridge: MIT Press.
- Orsi R. A. (ed.) (1999) *Gods of the City: Religion and the American Urban Landscape*, Bloomington: Indiana University Press.
- Pinder D. (1996) Subverting Cartography: The Situationists and Maps of the City. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 28, no 3, pp. 405–427.
- Polyak V. (2004) *Izrail' i Rossiya v XXI veke: Geopolitika. Geoekonomika. Geokultura* [Israel and Russia in the 21st Century: Geopolitics. Geoeconomics. Geoculture], Tel-Aviv: L.I.L. Productions.
- Ponosov I. (2016) *Iskusstvo i gorod: graffiti, ulitchnoe iskusstvo, aktivizm* [Art and City: Graffiti, Street Art, Activism], Moscow.
- Powell K. A. (2008) Remapping the City: Palimpsest, Place, and Identity in Art Education Research. *Studies in Art Education*, vol. 50, no 1, pp. 6–21.
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The Right to the City and Its Urban Politics of the Inhabitant. *GeoJournal*, vol. 58, no 2-3, pp. 99–108.
- Ranciere J. (2004) Introducing Disagreement. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, vol. 9, no 3, pp. 3–9.
- Riggle N. A. (2010) Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, vol. 68, no 3, pp. 248–257.
- Rogoff I. (2000) *Terra Infirma: Geography's Visual Culture*, London: Routledge.
- Rozov N. S. (2012) Geopolitics, Geoeconomics, and Geoculture: The Interrelation of Dynamic Spheres in the History of Russia. *Sociological Research*, vol. 51, no 4, pp. 67–90.
- Ruddick S. (2015) Situating the Anthropocene: Planetary Urbanization and the Anthropological Machine. *Urban Geography*, vol. 36, no 8, pp. 1113–1130.
- Sennett R. (2002) *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man], Moscow: Logos.
- Sinatti G. (2008) The Making of Urban Translocalities: Senegalese Migrants in Dakar and Zingonia. *Transnational Ties: Cities, Migrations, and Identities* (eds. M. P. Smith, J. Eade), New Brunswick: Transaction, pp. 61–76.
- Skibinskaya O., Khovrina T. (eds.) (2014) *Yaroslavskii text v prostranstve dialoga kultur: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Yaroslavl', 15–16 aprelya 2014 g.)* [Yaroslavl Text in the Space of Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Scientific Conference (Yaroslavl, April 15–16, 2014)], Yaroslavl: RIO YaGPU.
- Smirnov N. (2016) *Iskusstvo deistviya v gorodskoj srede* [Art of Action in the Urban Environment]. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 39–55.
- Smith D.K. (2008) *The Cartographic Imagination in Early Modern England: Re-Writing the World in Marlowe, Spenser, Raleigh and Marvell*, Aldershot: Ashgate.
- Smith M. P. (2001) *Transnational Urbanism: Locating Globalization*, Oxford: Blackwell.
- Stepanov A. (2016) *Fenomenologia arhitekturi Peterburga* [Phenomenology of the Architecture of St. Petersburg], Saint Petersburg: Arka.
- Stewart L. (1995) Bodies, Visions and Spatial Politics: A Review Essay of Henri Lefebvre's *The Production of Space*. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 13, no 5, pp. 609–618.
- Sutton E. A. (2015) *Capitalism and Cartography in the Dutch Golden Age*, Chicago: University of Chicago Press.
- Swyngedouw E. (2007) Impossible "Sustainability" and the Postpolitical Condition. *The Sustainable Development Paradox: Urban Political Economy in the United States and Europe* (eds. R. Krueger, D. Gibbs), London: Guildford Press, pp. 13–40.
- Swyngedouw E. (2009) The Antinomies of the Postpolitical: In Search of a Democratic Politics of Environmental Protection. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 33, no 3, pp. 601–620.
- Thompson N. (ed.) (2009) *Experimental Geography: Radical Approaches to Landscape, Cartography and Urbanism*, New York: Melville House.
- Thor T. (2015) #banksyinstockholm: The Politics of Street Art and Spatiality. *Observatorio (OBS*)*, vol. 9, special no, pp. 23–46.
- Thrift N. (2007) *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*, London: Routledge.

- Tobin R. D. (1996) *In and Against Nature: Goethe on Homosexuality and Heterotextuality*. *Outing Goethe and His Age* (ed. A. A. Kuzniar), Stanford: Stanford University Press, pp. 94–110.
- Toporov V. (2003) *Peterburgskii text russkoj literature* [Petersburg Text of Russian Literature], Saint Petersburg: Iskustvo.
- Turchi P. (2004) *Maps of the Imagination: The Writer as Cartographer*, San Antonio: Trinity University Press.
- Vernant J.-P. (1988) *Proishozhdenie drevnegrecheskoj misli* [The Origin of Ancient Greek Thought], Moscow: Progress.
- Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A Grammar of the Multitude: To the Analysis of Forms of Modern Life], Moscow: Ad Marginem Press.
- Walker N. A. (1990) *Feminist Alternatives: Irony and Fantasy in the Contemporary Novel by Women*, Jackson: University Press of Mississippi.
- Wallerstein I. M. (1991) *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*, New York: Cambridge University Press.
- Wilson J., Swyngedouw E. (eds.) (2014) *The Post-Political and Its Discontents: Spaces of Depoliticization, Spectres of Radical Politics*, Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Winichakul T. (1994) *Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation*, Honolulu: University of Hawaii Press.
- Wolff L. (2003) *Izobretaya Vostochnuu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epohi Prosvestcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment], Moscow: New Literary Observer.
- Woodward D. (ed.) (1987) *Art and Cartography: Six Historical Essays*, Chicago: University of Chicago Press.
- Zamkov A. (2017) O virtual'nom rasshirenii mediareal'nosti [About Virtual Extension of Media-Reality]. *Mediascope*, vol. 3. Available at: <http://www.mediascope.ru/2351> (accessed 21 March 2019).
- Zamyatin D. (2002) Geokultura: obraz i ego interpretatsii [Geo-Culture: Image and Its Interpretations]. *Sociological Journal*, no 2, pp. 5–12.
- Zamyatin D. (2011) Novie ontologii prostranstva: prostranstvennost', soprostranstvennost' i geospatsializm [New Ontologies of Space: Spatiality, Co-spatiality and Geo-Spatialism]. *Man*, no 6, pp. 70–82.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i identichnost' [Co-spatiality and identity]. *Mir psikhologii*, no 1, pp. 104–123.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i identichnost' [Co-spatiality and Identity]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. Vol. 1. Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki* [Political Identity and Politics of Identity, Vol. 1: Identity as a Category of Political Science] (ed. I. Semenenko), Moscow: ROSSPEN, pp. 158–162.
- Zamyatin D. (2012) Soprostranstvennost' i territorialnie identichnosti v politicheskom proekte Moderna [Co-spatiality and Territorial Identities in the Political Project of Modernity]. *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. 2: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI v.* [Political Identity and Politics of Identity, Vol. 2: Identity and Socio-Political Changes in the 21st Century] (ed. I. Semenenko), Moscow: ROSSPEN, pp. 430–450.
- Zamyatin D. (2014) Soprostranstvennost', territorialnaya identichnost' i mesto: k ponimaniu politik postmoderna [Co-spatiality, Territorial Identity and Place: To the Comprehension of Postmodern Politics]. *Territories and Identities in Central, Eastern and Southeastern Europe* (ed. V. Mikhailov), Częstochowa: Instytut Geopolityki, pp. 37–67.
- Zamyatin D. (2016) Postnomadizm: prostranstvennie antropologii puteshestvij [Post-Nomadism: A Spatial Anthropologies of Travels]. *Ural Historical Journal*, no 2, pp. 17–26.
- Zamyatin D. (2018) Postgorod: prostranstvo i ontologicheskie modeli voobrazheniya [Post-City: Space and Ontological Models of Imagination]. *Political Studies*, no 3, pp. 147–165.
- Zamyatin D., Romanova E. (eds.) (2017) *Geokulturi Arktiki: metodologiya analiza i prikladnie issledovaniya* [Geo-Cultures of Arctic: Methodology of Analysis and Applied Research], Moscow: Kanon+.
- Žižek S. (2014) *Tschekotlivii sub'ekt: otsutstvuuutichii tsentr politicheskoi ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology], Moscow: Delo.

О гетеротопии коммодифицированного жилого пространства (случай Байкальска)

Ирина Корюхина

Кандидат философских наук, научный сотрудник,
Центр независимых социальных исследований — Иркутск
Адрес: ул. Богдана Хмельницкого, 30А-1, г. Иркутск, Российская Федерация 664003
E-mail: koritza77@mail.ru

Вера Куклина

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник,
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН
Научный сотрудник, Центр независимых социальных исследований — Иркутск
Адрес: ул. Богдана Хмельницкого, 30А-1, г. Иркутск, Российская Федерация 664003
E-mail: vkuklina@gmail.com

В статье рассматривается феномен краткосрочной сдачи жителями города Байкальска собственного жилья туристам. Хозяева проживают в данных квартирах, но покидают их на момент аренды. Материалами для анализа послужили интервью и наблюдения, проводимые в Байкальске в рамках различных проектов с 2006 по 2016 год, а также данные статистики и интернет-источники. Для более детального описания явления выбрана концепция гетеротопии, которая позволяет преодолеть дихотомию «публичное — частное» и выделить следующие черты феномена аренды жилья: 1) неформальный характер практики сдачи жилья в аренду; 2) возможность фиксировать в одном и том же месте особенности проявления и наложения частного и публичного пространств, сопоставлять их; 3) сетевые связи между арендаторами и арендодателями; 4) гетерохрония, возникающая, когда покидающий своё частное пространство арендодатель на время меняет свои привычки и ритуалы, в то время как у арендатора это пространство ассоциируется с отдыхом и развлечением. Сдача собственного жилища может быть рассмотрена и как искусство решения практических задач. Данные навыки особенно актуальны в случае сообществ, переживающих переходный период.
Ключевые слова: моногород, гетеротопия, публичное и частное пространства, аренда жилья, социальные отношения, коммодификация «дома»

Одной из нерешённых проблем наследия советской модернизации являются моногорода, и всего на настоящий момент в России таких городов 319 (Внешэкономбанк, 2019). Вопросы их закрытия, перепрофилирования или диверсификации экономики обсуждаются уже не одно десятилетие, однако успешных примеров пока немного. Одной из экономических альтернатив морально и физически устаревшему промышленному производству является развитие туризма. Именно в та-

© Корюхина И. Ю., 2019

© Куклина В. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-36-55

ком направлении происходит трансформация городской экономики в городе Байкальске, где после долгой истории реорганизации, попыток перепрофилирования и смены собственников в 2013 году Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК) окончательно прекратил работу. Вместе с трансформацией экономики происходит изменение социальной ткани города, характера социальных связей внутри городского сообщества и за его пределами. С одной стороны, данная проблема не является уникальной для города в принципе, поскольку в условиях усиливающейся глобализации и «текучей современности» с этим в той или иной мере сталкиваются многие городские сообщества. С другой стороны, в моногороде она проявляется наиболее остро, превращая город в естественную лабораторию, где жители находятся в ситуации самостоятельного поиска средств выживания и развития.

Одним из способов выживания после закрытия комбината стало массовое распространение практик сдачи жилья в аренду туристам, посещающим горнолыжный курорт¹. Многие жители сдают собственную квартиру; на время сдачи они её покидают и предоставляют в полное распоряжение туристам. В данной статье мы предлагаем вниманию читателей исследование трансформации жилого пространства и социальных связей на примере аренды квартир в Байкальске². В то время как при изучении социальных связей жилое пространство обычно анализируется в контексте соотношений публичного и приватного пространств, использование концепции гетеротопии/гетерохронии для анализа эмпирического материала о практиках аренды квартир позволяет рассмотреть эту проблему³ с новой точки зрения.

1. Преимущество обладания жильем в Байкальске в настоящее время — низкие расходы на содержание жилья, благодаря региональным и федеральным субсидиям. По словам эксперта, в 2013 году в городе была самая низкая стоимость содержания жилья по Иркутской области. В отличие от других сжимающихся городов с оттоком населения (Radzimski, 2016), в городе практически нет разрушающихся домов. Это в немалой степени связано с реализацией Федеральной программы по реформированию ЖКХ, в рамках которой уже в начале 2000-х годов начался косметический ремонт зданий. Кроме того, ремонт является одним из основных направлений инвестиций местных горожан, занимающихся арендой жилья.

2. В городе функционируют малые производственные предприятия, но всё больший вес приобретают предприятия туризма и малого бизнеса: с 2008 по 2013 год доля торговли и туризма выросла с 11 до 48% (Корюхина и др., 2012), чему способствует целый ряд экономических, географических и климатических факторов. Развитие туризма здесь не является неожиданным: озеро Байкал — одно из самых популярных туристических мест в России. Через Байкальск проходят федеральная автомобильная трасса Москва — Владивосток и Транссибирская железная дорога. Удаленность от областного центра составляет около 160 км. Относительно большое для Сибири количество осадков (свыше 1200 мм/год) осложняет развитие летнего туризма, но сопутствующие тёплые снежные зимы (с мощностью снежного покрова до 750 мм/год и более и температурой воздуха не ниже -20°C) служат предпосылкой для развития зимних видов отдыха. В частности, в Байкальске находится крупнейший в Восточной Сибири горнолыжный курорт «Гора Соболиная».

3. Первые размышления, связанные с данной темой, появились в 2010 году, когда мы, коллектив сотрудников ЦНСИО, проводили в Байкальске комплексное исследование. Результаты исследования представлены в коллективном сборнике «Город после комбината: социально-экономические стратегии жителей Байкальска» (2012).

Феномен аренды собственного жилища не является уникальным. С предложения о размещении у себя дома на надувных матрасах началась карьера основателей сайта Airbnb (Wikipedia, 2016). С растущей популярностью аренды (около 1,5 млн предложений по всему миру на сайте Airbnb появилось с момента его создания в 2008 году), увеличивается объём исследований, посвященных этой теме (Russo, Lombardi, Mangiagli, 2013; Ikkala, Lampinen, 2015) и в целом феномену экономики совместного обмена (sharing economy), к которой принято относить аренду (Botsman, Rogers, 2010). Исследование отношений арендатора и арендодателя могло бы открыть новые аспекты пространства «дома» и торговли им.

В отличие от проживания в гостинице, на период съема квартиры арендаторы получают не только крышу над головой, но также чувство безопасности и ощущение домашнего комфорта (Morgan, 2014; Wikipedia, 2016). Домашнее пространство в ситуации аренды представляет собой случай промежуточности, перехода пространства из приватного в условно публичное. Происходит совмещение приватного и публичного в одном пространстве арендуемого «дома», когда специфическое отличительное качество пространства (приватность) оказывается отчуждаемым от своего источника (хозяина, арендодателя) и переносится на любого представителя публики (арендатора). Приватность домашнего пространства коммодифицируется (превращается в товар), вступая тем самым в публичную сферу; при этом домашнее пространство должно сохранять в себе ощущение приватности, любой должен чувствовать себя здесь «как дома».

В своей статье мы сфокусировались на практике сдачи жилья в аренду как на процессе, в ходе которого и происходит формирование гетеротопии «дома»: какие стратегии используются арендодателями для привлечения клиентов? Каким образом трансформируется сдаваемое в аренду пространство? Где в случаях аренды собственного жилья проходит граница между «своим» и «чужим», между приватным и публичным пространством?

Описание исследования и общие характеристики рынка жилья в Байкальске

Основой анализа послужили исследования, проведенные авторами в Байкальске в рамках различных проектов с 2006 по 2016 год, а также данные статистики и интернет-источники. Непосредственные исследования практик сдачи жилья основываются на 17 глубинных фокусированных интервью, собранных в августе и ноябре 2016 года. Среди респондентов как непосредственно арендодатели, так и представители администрации города, эксперты в сфере жилищного строительства и ЖКХ. Круг вопросов затрагивал следующие основные темы: история формирования рынка жилья; описание практик поиска клиентов; подготовка своего жилья к аренде; резервное жилье на время аренды собственного; взаимодействие с клиентами в ходе аренды. Для поиска респондентов использовался метод «снежного кома».

За годы проведения исследований в городе авторами накоплена база информантов, которая пополнялась по ходу проектов. К некоторым информантам, экспертам в той или иной интересующей нас сфере мы возвращались неоднократно в связи с различными темами проектов и фокусами интервью. Таким образом, с респондентами были сформированы доверительные отношения, которые способствовали более откровенному обсуждению вопросов. Интервью записывались на диктофон.

Практика сдачи своего жилья в Байкальске берет начало в 1990-х годах. В 1991 году был построен первый горнолыжный подъёмник, и очень скоро количество туристов превысило вместимость единственной на тот момент в городе гостиницы. К середине 90-х годов была построена ещё одна гостиница, а также переоборудованы для туристических целей оздоровительный профилакторий и общежитие местного профессионального училища. В 2000-х годах сдача в аренду приобрела массовый характер: появились очереди желающих сдать квартиры на торговой площади, возле гостиницы «Байкал».

В настоящее время в городе появилось много предложений по размещению: насчитывается порядка 16 гостиниц, предлагающих от 10 и более мест, общее количество номеров около 500. 14 частных домов (от 10 и более мест). Количество объявлений об аренде посуточно — в среднем около 78 предложений, из них частные — 42, от агентств — 33; преобладают предложения 1–2-комнатных меблированных квартир. По мнению респондентов, сдаётся примерно каждая пятая квартира в городе.

Частная аренда представлена как квартирами, в которых проживают сами арендодатели, так и квартирами, предназначенными исключительно для аренды, в которых хозяева не проживают. Предлагаются разные по площади квартиры. Жители, предлагающие в аренду собственную квартиру, относятся к этой деятельности как к дополнительному доходу. Сдача жилья, переведенная в регулярный источник дохода, чаще практикуется жителями, имеющими дополнительные квартиры. Последние целенаправленно вкладывают в ремонт квартиры значительные средства, ориентируясь на определенный сегмент туристов. Сделать хороший ремонт означает обеспечить высокую стоимость аренды.

Основными аргументами ценообразования выступают местоположение квартиры, качество ремонта, техническая оснащённость. Или, как говорят сами горожане: жилье «у бабушки», «современное/нормальное/чистое», «элитное». В «нормальном» жилье обязательно предоставляется телевизор с кабельным/цифровым телевидением, из бытовой техники — электрическая плита, микроволновая печь, холодильник, стиральная машина, фен, утюг. «Элитное» жилище претендует на «евроремонт», дополнительные комфортабельные условия санузла и кухни, музыкальный центр и т. п.

Коммодификация «дома» через культивацию приватности

Жилые пространства участников рынка аренды жилья значительно меняются со временем, приспособляются для сдачи в аренду; появляются новые вещи (дополнительные кровати, постельное бельё и полотенца, посуда, предметы общей гигиены), исчезают старые вещи, функционально переустраивается пространство. Ценные вещи хозяева либо убирают из квартиры, либо затрудняют доступ к ним. «Квартира становится площадью, которую нужно использовать максимально выгодно с минимумом потерь» (Корюхина и др., 2012: 58–59). Уход и возвращение хозяина в свой дом — это не только любопытная мобильность. Как уже отмечалось исследователями, существует многообразие иных форм мобильности и отношений с жильем помимо перемещений, связанных с изменением места жительства: физическое перемещение дома как материальной структуры, как традиционной (Ingold, 2011; Usenyuk, Dudeck, Garin, 2015), так и современной (Щепанская, 2015); транснациональные трудовые миграции, где символы дома сохраняются в качестве сувениров (Бредникова, Ткач, 2010), мультилокальное проживание (Dick, Reuschke, 2012), мобильность домохозяек в границах дома (см., например: Foo, 1984). Изучая данный тип аренды, мы описываем ситуацию, когда резервное жилье чаще всего становится местом ожидания возвращения домой, когда происходит изменение образа жизни арендодателей. Возникают новые вопросы, связанные с передвижением людей и объектов внутри стабильного извне и мобильного изнутри домашнего пространства. В данном случае мобильность включает не только передвижение владельцев квартир, которые въезжают и выезжают из собственной квартиры, но и перемещение их личных вещей, и ощущения дома. Владельцам квартир не нужно покидать жилье для работы (как в исследовании: Meier, Frank, 2016); скорее, работа ожидает их внутри жилища.

Если житель города принимает решение использовать свою квартиру для сдачи туристам, он должен «переписать» ее пространство (Akrich, 1992), видоизменить, трансформировать его с учетом потенциальной возможности проживания в нем других людей. Задача хозяина — вести такой аскетичный образ жизни, который позволит в одночасье покинуть свой дом. Речь идет о таких повседневных вещах, как соответствующий порядок в квартире, отсутствие «лишних» продуктов, «лишних» личных вещей. Основные предметы мебели в такой квартире — диваны и кровати. Совмещение «своего» пространства с пространством «для чужого» — это вопрос не столько владения определенными вещами, сколько специфики проживания в подобном пространстве и образа жизни. Хозяева сдаваемой квартиры всегда готовы принести в жертву свое личное время (ночь, выходные, праздники); будни превращаются в праздники, и наоборот. Жилище, фактически оставаясь прежним, обретает новые атрибуты жилища-гостиницы как для гостей, так и для хозяев жилья. В период туристического сезона (декабрь — март) питание арендодателей вынужденно минимальное, без закупок «про запас». Холодильник держится практически пустым на случай заезда туристов. Консервирование овощей

и ягод часто не проводится, заготовки делаются, только если есть дополнительное резервное место для хранения (дача, гараж, квартира родственников и т. п.). На кухне присутствует необходимая бытовая техника и минимальное количество посуды, «лишняя» посуда убрана в шкафы, но в случае необходимости она также доступна гостям.

Сдаваемое в аренду жилище позволяет (а иногда и настоятельно требует) проявить творческий подход к обустройству пространства: от ремонта, интерьерных решений до мелких бытовых изобретений. В квартире постоянно поддерживается чистота. Как правило, хозяева пользуются только одной комнатой, а другие комнаты отведены исключительно для туристов. Зачастую именно в «личной» комнате находится шкаф с личными вещами, символически отмеченный небольшим замком на металлической цепочке. У порога наготове большая сумка с необходимыми вещами на случай внезапной сдачи квартиры. По словам одной из респонденток, у нее нет ценных вещей, деньги дома не хранит, а чаще отдает в долг своей знакомой, которая платит кредит. Подруга возвращает деньги в оговоренные сроки; такое «хранение» весьма удобно в существующей ситуации «непостоянного дома». Та же респондентка обустроила балкон для хранения несезонных вещей:

У меня коробочки все расписаны в книжечки, потому что поди найди сейчас. Положил год назад и забыл. Где-то подписываю номер, а где-то просто обувь: «лето», «зима» — в книжечке записываю, что в той или этой коробке. (1)

Хозяйка регистрирует своих клиентов в специально отведенной книге, фиксирует контакты, время пребывания, отмечает яркие для нее характеристики («хулиганы, побили посуду», «сноубордисты-вежливые», «привели дам» и т. п.). Для хозяйки сдача своей квартиры является работой, в которой она продумала все до мелочей, от пространства квартиры до специфики общения с туристами. Важно, на наш взгляд, отметить стремление арендаторов быть в согласии с пространством «для чужого» даже в случае строгого отбора клиентов. Чужой мир временных жильцов вносится в пространство квартиры различными способами — от работы с пространством до выбора запахов.

По мере того как в Байкальске хозяева подстраивают жилье под нужды туристов, признаки личного в квартире постепенно вымываются. Хозяин создает пространство для чужого (и ощущение приватности) не за счет индивидуализации и наполнения пространства все большим количеством личных вещей, а за счет универсализации: убирает всё своё личное, затрудняет доступ к нему и оставляет «стандартный набор». Ощущение приватности, ощущение дома создается с ориентиром на набор стандартных функций помещения, и это промежуточное пространство характеризуется не близостью к состоянию публичного, а свойством быть «среднестатистическим приватным». При этом респонденты ожидают от туристов восприятия арендованной квартиры как ценности; для таких хозяев важно строго отбирать арендаторов и затем поддерживать с ними хорошие отношения.

Хозяева сознательно принимают все ограничения, сопряженные со сдачей жилья: невозможность создать прежнее пространство собственных личных вещей; оставаться в квартире тогда, когда хочется; приходиться в дом, когда в нем расположились чужие. В момент, когда появляются туристы, в восприятии хозяина жилище приобретает временный статус гостиницы». Все респонденты отмечают внутренний моральный запрет на то, чтобы открыть своими ключами дверь и зайти в свой дом, когда его кто-то арендует. В момент, когда появляются туристы и хозяин покидает свое жилище, отношения изменяются, жилище на время переходит в статус жилища «для чужого» (с точки зрения хозяина).

В: Страшно было сдавать?

О: Нет, нет, нормально, нормально. Но это работа, а не так. Они уедут, я тут генералю, мою; старалась, чтобы все-все было чистенько, идеально. Стирка, уборка, тут сразу следующие едут, а я даже не успеваю. А была тогда машинка «Малютка», это сейчас автомат, пока все это не перестираешь... я даже брала эти вещи, уходила, где-то на улице развешивала, надо же все перегладить еще успеть. Ну в общем (смеется), всяко выкручивалась, придумывала, где и как это все успевать. (1)

«Это ведь работа», «это труд» — такие характеристики часто встречаются в интервью. На фоне неодобрения сдачи своего жилья внаём жителями, которые сами этим не занимаются, размышления респондентов об аренде как о «работе» отличают современную ситуацию от той, что была в период работы комбината. Здесь можно вспомнить еще недавно бытовавшее в городе распространенное сравнение престижной работы на комбинате с непривлекательной работой в сфере услуг. Прежнее негативное отношение к людям, занимающимся сдачей своего жилья, которое мы отмечали в 2010 году в ходе полевой работы (Корюхина и др., 2012: 25–54), меняется. Квартира, сдаваемая в краткосрочную аренду, становится источником дохода, достаточно регулярного и часто жизненно необходимого, и изменившееся отношение жителей к этой деятельности, скорее, стало нормой для города.

Аренда собственного жилья в рассматриваемом нами моногороде отличается от тех, которые распространены в других населенных пунктах региона, ориентированных на туристическую деятельность. Для сравнения практик сдачи дома можно вспомнить расположенный неподалеку от Байкальска курортный поселок Аршан, популярный благодаря своим ландшафтам и целебным источникам. Местное население практикует аренду частных помещений почти с момента основания курорта в 1920 году, однако здесь не принято сдавать собственное жилье. Как правило, сдаются в аренду гостевые дома, второе жилье. Как и в соседнем Байкальске, здесь можно наблюдать похожие черты аренды жилища, например, временный характер пребывания туристов (2–5 дней), обслуживание групповых поездок и т. п.

Аршан миновала ситуация повсеместной безработицы и напряженного социально-психологического климата, связанная с закрытием градообразующего предприятия. Центральное для поселения предприятие — санаторий, работающий

круглогодично и на протяжении всего времени существования достаточно регулярно заполнявшийся отдыхающими. Туристическая жизнь в этом районе менее затратна для посетителей по сравнению с пребыванием на горнолыжном курорте. Аршан более популярен летом, а значит, туристов можно селить в домики летнего типа, которые не нужно специально утеплять. Если в Байкальске типовое малогабаритное жильё позволяет арендодателям приспособиться к сдаче внаем обжитой квартиры, то в Аршане преобладают частные дома, а такой дом сложнее сдать в аренду полностью: сложно минимизировать хозяйство, которое включает также и приусадебную территорию. Здесь личное пространство арендодателей иногда сжимается до летней кухни, где размещаются хозяева и таким образом сохраняют возможность контроля над своим пространством.

Соотношение частного и публичного в отношениях участников рынка аренды жилья

Основными участниками рынка аренды жилья являются сами арендодатели, посредники и арендаторы. Рассмотрим взаимоотношения этих групп.

Портрет человека, сдающего в аренду собственную квартиру, описанный исследователями в 2011 году, по сути, не изменился: это одиноко живущий человек, как правило, собственник квартиры, чаще женщина, поскольку поддержание квартиры в состоянии, пригодном для сдачи внаем, требует умений, традиционно относимых к сфере «женских» компетенций (уборка, стирка и проч.). Этот человек остро нуждается в деньгах: одномоментное существенное уменьшение дохода (утрата работы, задержка зарплаты, вынужденный выход на пенсию) послужило толчком к такой деятельности (Корюхина и др., 2012: 58). Ещё одно важное условие для сдачи собственной квартиры в аренду — наличие резервного места для проживания. В самом выгодном положении находятся те, кто имеет возможность пережить приезд туристов у родственников или друзей в том же городе. Но нам также известно, что один из наших респондентов на время приезда гостей уезжает в районный центр (30 км от Байкальска). Многие приспособили для проживания свои дачные домики, гаражи, мастерские и т. п.

Аренда осуществляется на основе сложившихся связей: наработанная клиентура, работа посредников. Связи используются как для поиска клиентов, так и для поиска резервного места проживания на время аренды квартиры. В первую очередь все информанты упоминали о «постоянных клиентах», тех людях, которые регулярно приезжают и передают контакты хозяйки своим друзьям. Прибывающие в Байкальск туристы — это люди разного возраста, пола и семейного положения, материальный достаток которых позволяет заниматься горнолыжным спортом.

Спрос на «домашнее» пространство, которое находится в полном распоряжении арендаторов, остается. Хозяйка квартиры не просто добивается того, чтобы её предложение заинтересовало арендаторов, но и считает должным и нужным про-

водить выбор квартиросъемщиков. Умение выбирать и отказывать демонстрирует опытность хозяина в данной сфере деятельности. При выборе потенциального съемщика квартиры хозяева ориентируются на рекомендации, на свои представления о «хороших клиентах», а также на свои личные впечатления:

Она [посредник] мне позвонит, я говорю: «Так, конкретно говори, на сколько дней, сколько, какие пары, какие дети; мужчины-женщины — они парные/непарные?» — сразу так узнаешь, я же распределяю, чтобы всем было уютно... Она знает, мы молодежь не берем: или проверенных, которые с ней, или сама говорит, «не знаю и давайте, посмотрим». Некоторым отказываем: придут, посмотрим, отказываем — зачем лишние переживания? Они опять мне разбомбят. (3)

У хозяев есть свои правила относительно того, кому можно сдавать жилье, а кому нежелательно; они основаны на личном опыте, стереотипах и на мнении знакомых. Молодежные группы считаются самыми неблагонадежными, с ними часто связаны эпизоды «горького опыта» в воспоминаниях информантов. Основные жалобы респондентов касались беспорядка, жалоб соседей на шум, превышения числа живущих по сравнению с количеством оплаченных мест. Также важно, по мнению респондентов, распознать среди квартиросъемщиков местных байкальчан, которые снимают квартиру для любовных встреч. Со временем жители, практикующие аренду собственного жилья в течение многих лет, создали собственную базу клиентов. Работает и принцип «сарафанного радио», когда информация о квартире передается знакомым.

В период интенсивного наплыва туристов, как отмечают информанты, сами арендодатели становятся посредниками, «перебрасывая» своих клиентов знакомым, которые также сдают жилье:

У меня было очень много клиентов, и куда их девать? Они говорят: «Помогите нам, найдите нам квартиру». Я же знаю, что одна сдает, вторая, третья, четвертая, ну и вот телефон; они тогда звонят и у них останавливаются... А они все платят проценты. Также если мне засылают, я должна оплатить, я-то плачу. Я думаю, почему я-то не буду? Ну и было очень приятно, когда со многими этими, кто сдает, общаешься: переправил, а потом они сами эти проценты приносят. А получается неплохая сумма, когда ты еще и посредником работаешь. (1)

По оценке наших информантов, по городу постоянно работает около 10 посредников, среди которых есть как те, которые параллельно занимаются арендой жилья, услугами перевозки и иными видами деятельности, обеспечивающими широкое распространение круга знакомых, так и те, для которых посредническая деятельность является основной.

Посредники предлагают собственникам жилья варианты аренды, договариваются о размерах и порядке оплаты, встречаются и приводят по адресу квартиро-

съемщиков. В отличие от сервиса Airbnb, который как посредник предоставляет площадку для информации, проверяет достоверность информации от арендодателей, регулирует конфликты и при необходимости возвращает оплаченную бронь, в Байкальске посредник ничего не возмещает и не регулирует, это лишь агент, заинтересованный в своей прибыли и сосредоточенный на пополнении своей базы арендодателей.

Таким образом, вокруг сдачи жилья формируется особый характер отношений, который не предполагает той публично регулируемой формальности, как в случае с администрацией и постояльцами гостиниц. Эти отношения между арендодателями и съемщиками можно было бы отнести к неформальным, частным (основанным на симпатиях, антипатиях, личном опыте, случайных деталях). Появившаяся в последние годы фигура посредника и использование интернета для подачи и поиска объявлений лишь незначительно трансформировали это взаимодействие, и границы между публичной и частной организацией практики аренды квартир остаются размытыми.

Аренда в контексте городского пространства

Территориально область, где туристам предлагается жилье, совпадает с границами города Байкальска, и можно утверждать, что феномен аренды жилья вносит в развитие города не меньший вклад, чем сам город в создание этого феномена. Аренда собственного жилья носит неформальный характер, объем этого рынка не обозначен в данных городской статистики, и для оценки его масштабов мы можем ссылаться лишь на мнение экспертов и на вторичные данные (объявления аренды).

В настоящее время отношения между представителями государства и арендодателями практически никак формально не зафиксированы: администрация делает вид, что сдающих жилье не существует, а арендодатели предпочитают общаться с местными представителями власти на персональном уровне, где они могут довольно легко найти общий язык. Информанты рассказывают о периодических попытках налоговой инспекции выявить лиц, сдающих жильё. Тем не менее как арендодатели, так и представители администрации и непосредственно налоговой инспекции признают сложность поиска доказательств для обвинения первых в нелегальной сдаче квартир.

Предполагается, что индивид вправе самостоятельно распоряжаться своим частным пространством до тех пор, пока он своими действиями не вторгается в чужое частное пространство. Когда такое вторжение происходит, жители Байкальска стараются выстраивать отношения и решать возникающие проблемы на частном уровне. Поскольку рынок аренды в городе является неформальным сектором, то случаи кражи или иные проблемы и хозяева, и сами арендаторы редко доводят до сведения представителей власти:

Колёса прокалывают. Вот М.: у неё весь подъезд сдаёт, а она не сдаёт, местная сумасшедшая. Так она всех считает: кто сколько заработал. Один раз джип приехал — она колёса проколола. И её исколотили втихушку.

В: Свои?

О: Нет, те, кому она проколола. (2)

Неофициальные отношения участников рынка аренды могут переходить в сферу публичного, когда затрагивают интересы лиц, не связанных с этой деятельностью. В выявлении нелегальной сдачи квартир нередко могут быть заинтересованы соседи или другие граждане в случае, если постояльцы нарушают привычные условия их жизни. Перевод отношений в сферу публичного может также указывать на неудачу выстраивания отношений на личном уровне:

Даже есть случай: были подружками не разлей вода. Одна смогла сделать ремонт и сдаёт, а другая не смогла. И вот она ходит, все машины записывает: столько-то машин прошло, в милицию звонит. А горнолыжники — самодостаточные люди. Милиция приходит, а они: «Я вас вызывал?» С ними сильно не набалуешь.

История аренды жилья в Байкальске началась практически в одно время с запуском сайта Airbnb, где условия договора аренды достигли размеров большой книги (Wikipedia, 2016). В Байкальске нормы аренды нигде не прописаны, их конструирование — результат индивидуального опыта, практика, сложившаяся методом проб и ошибок и базирующаяся на взаимном доверии:

А потом я решила, когда столкнулась, что обманывали, я говорю: «Так, ребята, расплачиваемся. Это же я предоставляю вам свою квартиру, полностью, да, доверяю». (1)

У меня это железно: я вам ключи — вы мне паспорт. А если они чего-нибудь натворят? Бывает, что вместо паспорта — права, но я на такое не иду. А они могут ведь уехать. Я сразу говорю: «Вас в гостиницы без паспортов пускают? Нет. А почему я вас должна селить так?» (2)

Взаимоотношения горожан между собой важнее, чем отношения с приезжими. Аренда квартир не развивается до состояния бизнеса, регулярного и последовательного. Хозяин в любое время может «выйти из игры», он не связан никакими обязательствами ни перед администрацией, ни перед соседями. Подвижность границ жилища (сдать комнату или всю квартиру, но отгородить определенное пространство для личных вещей, перейти во временное жильё), отсутствие жестких условий для арендодателя (в любое время он может отказаться от сдачи своего жилья) становятся залогом финансового благополучия многих жителей города и условием эффективности механизма неформальной экономики города. На уровне домашнего пространства «человек сдающий» во время отсутствия спроса на жильё продолжает свою жизнь.

То, что делает возможной аренду в городе, находится внутри него самого: горнолыжный курорт; жители, готовые сдавать квартиры; официальный гостиничный сектор. Город принимает туристов, не претендуя на большие социальные связи и отношения, ни территориальные, ни экономические. Неформальные практики сдачи жилья укоренены на месте, зависят от города и опираются на «силу слабых связей».

Жилое пространство как гетеротопия: свойства и особенности

Как можно описать отношение к своей деятельности жителей, предлагающих свои квартиры в аренду? На основе материалов интервью мы можем говорить о безусловном сохранении интонации «дома», «уют» при описании информантами своей квартиры, действий в ней, встречи квартиросъемщиков и т. д. Одновременно эта деятельность трактуется в терминах товарно-денежных отношений, частное пространство квартиры выступает товаром.

Как отмечают исследователи (Ikkala, Lampinen, 2015), современные отношения торговли гостеприимством включают сферу эмоционального как неотъемлемый элемент при определении качества предоставляемой услуги. В случае Байкальска отношения между арендатором и хозяином квартиры в перспективе направлены на формирование тесных, почти личных отношений, благодаря которым чувство безопасности и ощущение дома должно установиться как у хозяев, так и у арендаторов. Уровень доверия, который должен быть установлен между двумя сторонами для успешного заключения сделки, довольно высок. Поэтому выбор приемлемого арендатора — непростой процесс, в котором роль играет целый ряд факторов. Подобные социальные связи формируются медленно, однако после формирования являются весьма устойчивыми. И, возможно, мы имеем дело с такими практиками, которые способны в будущем по-иному организовать частную жизнь, пространство жилища. Сдаваемая собственная квартира не становится товаром в том классическом смысле слова, как если бы речь шла об услугах и товарах; она остается личной повседневностью хозяина, на время переходящей в чужое ведение, чтобы потом вернуться обратно. В размышлениях информантов присутствует осознание состояния «промежуточности» между своим домом и тем, когда он «не свой»; мобильность в пределах своего дома проживается, переживается.

Для туристов же краткосрочная аренда квартиры выступает местом пребывания, отличным от гостиницы, но также временным. Мы полагаем, что это не просто расширение приватного пространства, а именно совмещение приватного с «иным» пространством, которое может рассматриваться как переходное состояние между приватным и публичным. С одной стороны, когда хозяева временно переселяются в гараж или на дачу, они фактически все время остаются в пределах своего приватного пространства, которое лишь претерпело некоторые пространственные преобразования, дав возможность кому-то ещё пребывать в домашней атмосфере. С другой стороны, при наличии у хозяев возможности временно под-

селиться к другим членам своей семьи приватное пространство также не исчезает — оно лишь опосредуется через «своих» членов семьи.

Современные исследователи уже подчёркивали комплексность, многогранность и многослойность понятия жилья и сконструированность противопоставления понятий «дом» — «работа», «женское» — «мужское», «приватное» — «публичное» (Coolen, Meesters, 2012; Blunt, Dowling, 2006). При изучении соотношения публичного и приватного многие фокусируются на исследовании приватизации публичного пространства (Hirt, 2012; Soja, 1999; Harvey, 2016), в то время как вторжение публичного в приватную сферу описывается в качестве элемента тоталитарного общества (Меерович, 2005; Утехин, 2004; Vuchkova, Popova, 2010; Humphrey, 2005). Данные исследователи констатируют размытость и потерю аналитической силы данных понятий.

В попытках преодоления дуалистических категорий Мария Каика сравнивает дискурсивное конструирование приватного пространства с материальным, используя метафору «пористой мембраны» как социальных, так и природных процессов, при помощи которой селективно отбираются потоки людей и веществ (Каика, 2004). Однако данный подход не объясняет феномен трансформации обживаемого пространства. Добровольный уход из собственного жилища, которое обычно ассоциируется с приватным пространством, и связанные с этим социальные и материальные отношения с пространством отличают предмет нашего исследования. Мы также можем отметить, что применение дихотомии приватное-публичное в нашем случае не позволяет схватить ситуацию промежуточности, то состояние объекта-дома, когда он переходит к чужим, и затем, спустя некоторое время, опять возвращается к своему хозяину.

В концептуальном плане ускользающие смысловые нюансы переходности между публичным и приватным позволяет описать, на наш взгляд, метафора гетеротопии. М. Фуко ввел этот термин для описания специфического пространства, физического или социального, которое не является единым и состоит из множества разных мест, продолжающих его и противопоставленных ему. Эти другие места обладают своим временем и производят «другие истории». В своей лекции «О других пространствах» Фуко пишет о невозможности гомогенного пространства. Жизнь человека наполнена противоборствующими, дополняющими, налагающимися пространствами частного и публичного, досуга, труда, семьи. «Мы живем в эпоху одновременного, в эпоху рядоположения, в эпоху близкого и далекого, переправ с одного берега на другой, дисперсии» (Фуко, 2006: 193). В этой сложной системе отношений Фуко интересуют места, которые «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» (Там же: 195). Находясь в связи со всеми остальными пространствами, эти места противоречат им, производя особые режимы субъективности, телесные практики, модели поведения. Подобные места «перехода», «инаковости» изменяют и временные отношения, упраздняя или прерывая их, превращая в гетерохронии.

Заключение

Концепция гетеротопий Мишеля Фуко нашла широкое применение в исследованиях пространства (см., например: Bonazzi, 2002; Johnson, 2013; Soja, 1999; Баньковская, 2011; Видугирите, 2015). Однако попытки его использования для анализа социальных отношений в повседневности остаются редкими. В частности, заслуживает внимания книга «Гетеротопия и город» (Dehaene, De Cauter, 2008), авторы которой, развивая далее понятие гетеротопии, предлагают различные варианты применения концепта к изучению повседневного пространства, в том числе к исследованию локальных сообществ.

Если уход из собственной квартиры выглядит отказом от частного пространства с точки зрения традиционно сложившихся представлений о дихотомии частного и публичного, то при помощи понятия гетеротопии появляется возможность ухватить различные смыслы, вкладываемые арендодателями в понятие «своего» жилья, лежащее в основе деления на частное и публичное. Понятие гетеротопии, применимое в отношении пространства арендуемой квартиры, позволяет увидеть следующие свойства аренды:

1) Возможность сопоставлять в одном месте традиционно несовместимые частное и публичное пространства (данный феномен был описан в книге: Корюхина и др., 2012, и в нашем тексте служит в качестве исходной точки к изучению причин, вариантов и последствий подобного сопоставления). Повседневные нормы переворачиваются, происходит условный разрыв, облакаемый в определенный ритуал, позволяющий понимать, когда жилище доступно в качестве товара, а когда недоступно. Не всякий может получить в пользование помещение, а получив, не имеет права распоряжаться арендуемым имуществом так, как ему заблагорассудится. Процедура «переписывания» выступает свойством гетеротопии, возможности перехода жилища в другой тип пространства — жилища для чужого.

2) Сетевой характер связей, характеризующих рынок аренды, связан с текучестью, изменчивостью и нестабильностью современных экономических отношений и их положением вне определённых иерархий. Почти у всех арендодателей изначально были сходные жилищные условия (типичные хрущёвки), которые превратились в ресурс выживания. В дальнейшем успешность арендодателей стала зависеть от индивидуальных способностей «наладить связи», сформировать базу постоянных клиентов, общаться с другими арендодателями и переправлять клиентов друг другу. Гетеротопия пространства жилья, сдаваемого в аренду, становится возможной в том числе благодаря не просто частной, а совместной деятельности — за счет взаимопомощи арендодателей и посредников.

3) Повседневные ритмы нарушаются в течение того периода, когда возможна аренда жилья. Происходит гетерохрония: покидающий своё частное пространство арендодатель на время меняет свои привычки и ритуалы, в то время как у арендатора это пространство ассоциируется с отдыхом и развлечением.

4) Данная практика носит неформальный характер: арендодатели сопротивляются каким-либо способам фиксировать свою деятельность не только в правовом поле, но и в любом другом формальном виде. Таким образом, аренда остается деятельностью в сфере личных договоренностей, ее институционализации не происходит.

Приняв необходимость встречи чужих в собственном доме, жители города выработали способ взаимодействия, схожий с гостиничной моделью, начиная от обустройства пространства и процедуры оформления гостей, заканчивая представлениями об образах приемлемых арендаторов. Распространенность аренды собственного жилища в Байкальске в некоторой степени обусловлена особенностями моногорода с ограниченными альтернативами стратегий развития и моностилистическим образом жизни. В то время как благоприятное положение на федеральной трассе около Байкала с удобными склонами для горнолыжного спорта способствовало рождению туристического спроса, предложение аренды было сформировано наличием малогабаритного жилья, компактностью застроек и истории города, сформировавшей опыт сосуществования с различными моделями жизни (Корюхина и др., 2012: 25–54). Возможно, именно последний навык в 1990-е годы позволил жителям чувствовать себя как дома, несмотря на «вторжение» туристов, так же как и помыслить свой дом в качестве источника заработка. Таким образом, сдача собственного жилища может быть рассмотрена и как искусство решения практических задач. Данные навыки могут быть актуальны в случае и других сообществ, переживающих переходный период.

Информанты

- 1 — Ж., 58 лет, на пенсии, сдает свою 2-х комнатную квартиру. В квартире проживает одна.
- 2 — Ж., женщина, ок. 50 лет, сотрудник ЖКХ.
- 3 — Ж., ок. 75 лет, сдает свою 3-х комнатную квартиру. В квартире проживает с внуком.
- 4 — Ж., ок. 50 лет, экономист, бывший работник администрации города Байкальска.
- 5 — Ж., ок. 50 лет, работник горнолыжного курорта «Соболиная».

Литература

Администрация Байкальского городского поселения. (2016). Решение Думы «Об исполнении бюджета муниципального образования Байкальского городского поселения за 2014 г.». URL: http://gorod-baikalsk.ru/region/gr_budg.html (дата доступа: 30.01.2016).

- Баньковская С. П.* (2011). Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1. С. 19–33; № 2. С. 22–24.
- Бредникова О., Ткач О.* (2010). Дом для номады // *Laboratorium*. № 3. С. 72–95.
- Вагин В.* (1999). Неформальная экономика и «совокупное жилье» горожан России // *Шанин Т.* (ред.). Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 156–172.
- Видуирите И.* (2015). Гетеротопии: миры, границы, повествование. URL: https://www.academia.edu/17715094/Heterotopias_worlds_borders_narrative (дата доступа: 30.09.2017).
- Внешэкономбанк. (2019). Поддержка моногородов. URL: <https://вэб.рф/regionam/podderzhka-monogorodov/> (дата доступа: 09.02.2019).
- Корюхина И., Тимофеева Т., Гребенищикова Т., Абдулова И., Куклина В., Рожанский М.* (2012). Город после комбината: социально-экономические стратегии жителей города Байкальска. Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования.
- Меерович М.* (2005). Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг. Stuttgart: Ibidem.
- Утехин И.* (2004). Очерки коммунального быта. М.: ОГИ.
- Фуко М.* (2006). Другие пространства // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3 / Пер. с франц. Б. М. Скуратова под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис. С. 191–204.
- Щепанская Т. Б.* (2017). Итинерантный дом: путешествие оседлых // *Чистов Ю. К.* (ред.). Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб.: МАЭ РАН. С. 227–236.
- Akrich M.* (1992). The De-Description of Technical Objects // *Bijker W., Law J.* (eds.). Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change. Cambridge: MIT Press. P. 205–224.
- Blunt A., Dowling R.* (2006). Home. London: Routledge.
- Bonazzi A.* (2002). Heterotopology and Geography // *Space and Culture*. Vol. 5. № 1. P. 42–58.
- Botsman R., Rogers R.* (2010). What's Mine is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Collins.
- Bychkova O., Popova E.* (2010). Things and People in the Housing and Utility Sector Reform in Russia, 1991–2006 // *Kharkhordin O., Alapuro R.* (eds.). Political Theory and Community Building in Post-Soviet Russia. London: Routledge. P. 87–138.
- Coolen H., Meesters J.* (2012). Editorial Special Issue: House, Home and Dwelling // *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 27. № 1. P. 1–10.
- Dehaene M., De Cauter L.* (eds.). (2008). Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society. London: Routledge.

- Dick E., Reuschke D.* (2012). Multilocal Households in the Global South and North: Relevance, Features and Spatial Implications // *DIE ERDE: Journal of the Geographical Society of Berlin*. Vol. 143. № 3. P. 177–194.
- Foo B.* (1984). *House and Home // Matrix. Making Space: Women and the Man-Made Environment*. London: Pluto Press. P. 120–136.
- Harvey D.* (2016). The Political Economy of the Public Space. URL: <http://davidharvey.org/media/public.pdf> (дата доступа: 26.01.2016).
- Hirt S.* (2012). *Iron Curtains: Gates, Suburbs, and Privatization of Space in the Post-Socialist City*. Hoboken: Wiley & Sons.
- Humphrey C.* (2005). Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination // *Journal of Royal Anthropological Institute*. Vol. 11. № 1. P. 39–58.
- Ikkala T., Lampinen A.* (2015). Monetizing Network Hospitality: Hospitality and Sociability in the Context of Airbnb // *CSCW'15: Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing (Vancouver, BC, Canada — March 14–18, 2015)*. New York: ACM. P. 1033–1044.
- Ingold T.* (2011). *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge.
- Johnson P.* (2013). The Geographies of Heterotopia // *Geography Compass*. Vol. 7. № 11. P. 790–803.
- Kaika M.* (2004). Interrogating the Geographies of the Familiar: Domesticating Nature and Constructing the Autonomy of the Modern Home // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 28. № 2. P. 265–286.
- Massey D.* (1994). *Space, Place, and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Meier L., Frank S.* (2016). Dwelling in Mobile Times: Places, Practices and Contestations // *Cultural Studies*. Vol. 30. № 3. P. 362–375.
- Morgan J.* (2014). Why The Collaborative Economy is Changing Everything. URL: <http://www.forbes.com/sites/jacobmorgan/2014/10/16/why-the-collaborative-economy-is-changing-everything/#62096d64fc1d> (дата доступа: 26.01.2016).
- Radzinski A.* (2016). Changing Policy Responses to Shrinkage: The Case of Dealing with Housing Vacancies in Eastern Germany // *Cities*. № 50. P. 197–205.
- Russo G., Lombardi R., Mangiagli S.* (2013). The Tourist Model in the Collaborative Economy: A Modern Approach // *International Journal of Business and Management*. Vol. 8. № 7. P. 1–13.
- Soja E.* (1999). Third Space: Expanding the Scope of the Geographical Imagination // *Massey D., Allen J., Sarre P.* (eds.). *Human Geography Today*. Cambridge: Polity. P. 260–278.
- Usenyuk S., Dudeck S., Garin N.* (2015). The Making of a Home in a Changing Northern Context: An Ethnographic Account of Contemporary Housing Practices among Russian Reindeer Nomads // *The Polar Journal*. Vol. 5. № 1. P. 170–202.
- Wikipedia. (2016). Airbnb. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Airbnb> (дата доступа: 26.01.2016).

On Heterotopia of a Commodified Dwelling Space (Case of Baikalsk)

Irina Koryukhina

Candidate of Philosophical Sciences, Research Fellow, Center of Independent Sociological Studies (Irkutsk)
Address: Bogdan Khmelnistky str., 30A-1, Irkutsk, Russian Federation 664003
E-mail: koritza77@mail.ru

Vera Kuklina

Candidate of Geographical Sciences, Senior Research Fellow, V. B. Sochava Institute of Geography
Research Fellow, Center of Independent Sociological Studies (Irkutsk)
Address: Bogdan Khmelnistky str., 30A-1, Irkutsk, Russian Federation 664003
E-mail: vvkuklina@gmail.com

In the article, we examine the phenomenon of short-term apartment rentals for tourists by the residents of the city of Baikalsk. The residents live in their apartments for the most part of their lives, but leave at the moment of the apartment's rental. We base our analysis on the field studies (interviews and observations) conducted in Baikalsk in 2006–2016, as well as statistical data and Internet sources. In order to grasp the complexity of the studied phenomenon, the concept of heterotopia was chosen. This allowed us to overcome the "public/private" dichotomy in identifying the following features of the phenomenon of short-term rental: (1) the informal character of home rental; (2) the ability to associate in one place private and public spaces, traditionally perceived as incompatible; (3) network relations between tenants and hosts; (4) the emerging heterochrony as a result of apartment owners changing their habits and rituals when leaving their private space, while the tenants associate the rented space with recreation and entertainment. The home rental practice might be considered as an art of solving some practical problems. Such skills are especially relevant in case of societies undergoing transition from one state to another. In the globalizing world, almost all communities can be characterized as such to some degree.

Keywords: monotown, heterotopia, public and private spaces, apartment rental, social relations, commodification of home

References

- Akrich M. (1992) The De-Description of Technical Objects. *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* (eds. W. Bijker, J. Law), Cambridge: MIT Press, pp. 205–224.
- Baikalsk Administration (2016) Reshenie Dumy "Ob ispolnenii bjudzheta municipal'nogo obrazovaniya Bajkal'skogo gorodskogo poselenija za 2014 g." [Duma's Decree "On Implementation of the Budget of Baikalsk in 2014"]. URL: http://gorod-baikalsk.ru/region/gr_budg.html (accessed 30 January 2016).
- Bankoskaya S. (2011) Ponjatie geterotopichnoj sredy i jeksperimentirovanie s nej kak s usloviem ustojchivogo necelenapravlennoogo dejstvija [The Concept of, and Experiments with, Heterotopical Environment as a Condition of Stable Purposeless Action]. *Russian Sociological Review*, vol. 10, no 1, pp. 19–33; no 2, pp. 22–24.
- Blunt A, Dowling R. (2006) *Home*, London: Routledge.
- Bonazzi A. (2002) Heterotopology and Geography. *Space and Culture*, vol. 5, no 1, pp. 42–58.
- Botsman R., Rogers R. (2010) *What's Mine is Yours. The Rise of Collaborative Consumption*, New York: Harper Collins.
- Brednikova O., Tkach O. (2010) Dom dlja nomady [Home for Nomad]. *Laboratorium*, no 3, pp. 72–95.
- Bychkova O., Popova E. (2010) Things and People in the Housing and Utility Sector Reform in Russia, 1991–2006. *Political Theory and Community Building in Post-Soviet Russia* (eds. O. Kharkhordin, R. Alapuro), London: Routledge, pp. 87–138.

- Coolen H., Meesters J. (2012) Editorial Special Issue: House, Home and Dwelling. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 27, no 1, pp. 1–10.
- Dehaene M., De Cauwer L. (eds.) (2008) *Heterotopia and the City: Public Space in a PostCivil Society*, London: Routledge.
- Dick E., Reuschke D. (2012) Multilocational Households in the Global South and North: Relevance, Features and Spatial Implications. *DIE ERDE: Journal of the Geographical Society of Berlin*, vol. 143, no 3, pp. 177–194.
- Eriksson J., Glad W., Johans M. (2015) User Involvement in Swedish Residential Building Projects: A Stakeholder Perspective. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 30, no 2, pp. 313–329.
- Foucault M. (2006) Drugie prostranstva [Other Spaces]. *Intelektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. Ch. 3* [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Speeches, and Interviews] (eds. B. Skuratov, V. Bolshakov), Moscow: Praxis, pp. 191–204.
- Gentile M., Sjoberg O. (2013) Housing Allocation under Socialism: The Soviet Case Revisited. *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, no 2, pp. 173–195.
- Harvey D. (2016) The Political Economy of the Public Space. URL: <http://davidharvey.org/media/public.pdf> (accessed 30 January 2016).
- Humphrey C. (2005) Ideology in Infrastructure: Architecture and Soviet Imagination. *Journal of Royal Anthropological Institute*, vol. 11, no 1, pp. 39–58.
- Ikkala T., Lampinen A. (2015) Monetizing Network Hospitality: Hospitality and Sociability in the Context of Airbnb. *CSCW'15: Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing (Vancouver, BC, Canada — March 14–18, 2015)*, New York: ACM, pp. 1033–1044.
- Ingold T. (2011) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*, London: Routledge.
- Johnson P. (2013) The Geographies of Heterotopia. *Geography Compass*, vol. 7, no 11, pp. 790–803.
- Kaika M. (2004) Interrogating the Geographies of the Familiar: Domesticating Nature and Constructing the Autonomy of the Modern Home. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 28, no 2, pp. 265–286.
- Koryukhina I., Timofeeva T., Grebenshnikova T., Abdulova I., Kuklina V., Rozhansky M. (2012) *Gorod posle kombinata: social'no-jekonomicheskie strategii zhitelej goroda Bajkal'ska* [City after the Factory: Social-Economic Strategies of the Baikalsk City Residents], Irkutsk: Center of Independent Sociological Studies and Education.
- Meerovich M. (2005) *Kvadratnye metry, opredeljajushhie soznanie: gosudarstvennaja zhilishhnaja politika v SSSR. 1921–1941 gg.* [Square Meters that Determine Consciousness: The State Housing Policy in USSR, 1921–1941], Stuttgart: Ibidem.
- Meier L., Frank S. (2016) Dwelling in Mobile Times: Places, Practices and Contestations. *Cultural Studies*, vol. 30, no 3, pp. 362–375.
- Morgan J. (2014) Why the Collaborative Economy is Changing Everything. URL: <http://www.forbes.com/sites/jacobmorgan/2014/10/16/why-the-collaborative-economy-is-changing-everything/#62096d64fc1d> (accessed 30 January 2016).
- Radzinski A. (2016) Changing Policy Responses to Shrinkage: The Case of Dealing with Housing Vacancies in Eastern Germany. *Cities*, no 50, pp. 197–205.
- Russo G., Lombardi R., Mangiagli S. (2013) The Tourist Model in the Collaborative Economy: A Modern Approach. *International Journal of Business and Management*, vol. 8, no 7, pp. 1–13.
- Shchepanskaya T. (2017) Itinerantnyj dom: puteshestvie osedlyh [Itinerant House: The Travels of the Settled]. *Radlovskij sbornik: nauchnye issledovanija i muzejnye proekty MAJe RAN v 2016 g.* [Radlov Collection: The Scientific Studies and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography, 2016], Saint-Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, pp. 227–236.
- Soja E. (1999) Third Space: Expanding the Scope of the Geographical Imagination. *Human Geography Today* (eds. D. Massey, J. Allen, P. Sarre), Cambridge: Polity, pp. 260–278.
- Usenyuk S., Dudeck S., Garin N. (2015) The Making of a Home in a Changing Northern Context: An Ethnographic Account of Contemporary Housing Practices among Russian Reindeer Nomads. *The Polar Journal*, vol. 5, no 1, pp. 170–202.
- Utekhin I. (2004) *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on Communal Living], Moskva: OGI.

- Vagin V. (1999) Neformal'naja jekonomika i "sovokupnoe zhil'e" gorozhan Rossii [Informal Economy and the "Aggregate Housing" of the Russian Urbanites]. *Neformal'naja jekonomika: Rossija i mir* [Informal Economy: Russian and the World] (ed. Th. Shanin), Moscow: Logos, pp. 156–172.
- Vidugirite I. (2015) Geterotopii: miry, granicy, povestvovanie [Heterotopia: Worlds, Boundaries, Narrative]. URL: https://www.academia.edu/17715094/Heterotopias_worlds_borders_narrative (accessed 30 September 2017).
- Vneshekonombank (2019) Podderzhka monogorodov [Support of Monotowns]. URL: <https://вэб.рф/regionam/podderzhka-monogorodov/> (accessed 9 February 2019).
- Wikipedia (2016) Airbnb. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Airbnb> (accessed 26 January 2016).

Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа *

Андрей Коротаев

PhD, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Главный научный сотрудник, Институт Африки Российской академии наук
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Даниил Романов

Стажер-исследователь, лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

Илья Медведев

Стажер-исследователь, международная лаборатория демографии и человеческого капитала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Адрес: пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: semyonkot@yandex.ru

В статье представлен анализ влияния событий «арабской весны» 2011 года на дестабилизацию в Восточной Европе, в том числе на подъем протестной активности. Показываются элементы сходства протестов в Восточной Европе с протестами периода «арабской весны», анализируются способы заимствования паттернов дестабилизации. Волна протестной активности после 2011 года сравнивается с предыдущей, инициированной мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов. Помимо внешнего фактора «арабской весны» обсуждаются внутренние факторы протестной активности второй волны финансово-экономического кризиса, связанного с экономическим кризисом в Португалии, Италии, Испании, Греции. Выделяются наиболее характерные формы дестабилизации для Восточной Европы: антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, террористические действия, партизанские действия. Анализируется вклад украинской революции в 2014 году в динамику насильственных форм протеста в Восточной Европе. Объясняя особый случай Украины, выбивающийся из общего тренда Восточной Европы, авторы показывают, что данная страна в период 2013–2014 годов переходит от менее насильственных факторов дестабилизации (антиправительственные демонстрации и массовые беспорядки) к более насильственным (повстанческие действия и террористические атаки), что является

© Коротаев А. В., 2019

© Романов Д. М., 2019

© Медведев И. С., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-56-106

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

уникальным для Восточной Европы рассматриваемого периода, но имеет много закономерных параллелей в глобальном масштабе.

Ключевые слова: «арабская весна», Восточная Европа, политическая нестабильность, антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, повстанческие действия, террористические атаки, индексы дестабилизации CNTS

Несмотря на то что события 2011 года, начавшиеся с падения авторитарных режимов Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте, кажутся теперь достаточно отдаленными, их влияние на социально-политическую обстановку в разных регионах мира изучены достаточно слабо. Мы полагаем, что не стоит недооценивать дестабилизирующий потенциал «арабской весны». Например, Дж. Хаммонд показывает, что именно последствия «арабской весны» привели к распространению протестного движения *Оссиру* по всему миру (Hammond, 2015), а ведь это протестное движение в 2011–2012 годах фиксировалось исследователями в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Норвегия, Канада, Малайзия, Австралия, Новая Зеландия, Непал, Кипр, Гана, Нигерия, Исландия, Южная Африка, Россия (Kerton, 2012; Danjibo, 2013; Currie, 2012; Breau, 2014; Erde, 2014). Кроме того, в данный временной период протестами оказались охвачены Испания, Португалия, Греция, Италия, Албания, Малави, Китай, Индия, Мальдивские острова, Шри-Ланка, Иран, Мексика, Боливия, Чили, Азербайджан и многие другие страны (Charnock, Purcell, Ribera-Fumaz, 2014; Erdogan, 2013; Fadaee, Schindler, 2014; Greene, Kuswa, 2012; Gunter, 2013; Hoesterey, 2013; Iranzo, Farne, 2013; Jensen, Bang, 2013; Kerton, 2012; Musthaq, 2014; Pickerill, Krinsky, 2012). Таким образом, можно предположить, что «арабская весна» стала не только значительным событием в истории стран Ближневосточного региона, но и сыграла роль триггера дестабилизации во многих уголках планеты. Проведенные нами статистические расчеты показали, что в разных регионах в 2011–2015 годах по сравнению с 2000-ми взрывообразно увеличилась интенсивность таких проявлений социально-политической дестабилизации, как антиправительственные демонстрации (в 6,5 раза), массовые беспорядки (в 8 раз), политические забастовки (в 4 раза), теракты (в 30 раз) и политические репрессии (в 14 раз) (Коротаяев, Мещерина и др., 2016; Korotayev et al., 2018). «Арабская весна» стала триггером для начала реконфигурации мир-системы, а её «эхо» значительно превзошло по своим масштабам сами ее события (Коротаяев, Шишкина, Исаев, 2016; Коротаяев, Мещерина и др., 2017; Коротаяев, Шишкина, Лухманова, 2017; Grinin, Korotayev, 2011, 2012; Akaev et al., 2017; Ortmans et al., 2017; Grinin, Korotayev, Tausch, 2019).

Стоит подробнее остановиться на описании механизмов влияния «арабской весны» на различные регионы планеты. Например, в связи с движением *Оссиру* стоит упомянуть о заимствовании им методов ведения протестов. Это занятие большой территории многочисленной группой протестующих на очень длинные промежутки времени, наличие схожих требований (социальная справедливость,

экономическое равенство) и схожего демографического состава (с особой ролью неустроенной образованной молодежи). Также были задействованы социальные сети в качестве инструмента мобилизации протестующих (Hammond, 2015; Skinner, 2011; Zogby, 2011; Lotan et al., 2011). В частности, Скиннер отмечает, что стратегия использования хештегов для координации протестующих и донесения информации во внешний мир была заимствована у арабских активистов зарождающимся движением *Оссиру* в Америке, а затем с ростом популярности самого движения распространилась по всему миру (Skinner, 2011). Анастасия Кавада исследовала специфику организации современных протестов на примерах «арабской весны», движения *Оссиру* и греческих беспорядков. Выделяя заметную ныне тенденцию к переводу коммуникации и организации митингующих в интернет, она отмечает, что митингующие не только оглядывались на опыт успешных протестов в других странах, но и имели возможность непосредственно контактировать с их участниками (Kavada, Dimitriou, 2017; Kavada, 2015, 2017). Как пример активного использования интернета при организации и освещении демонстраций стоит выделить недавний пример революции в Армении, где страница на сайте Facebook стала одной из главных площадок по организации митингующих (Epress.am, 2018). Как и «арабская весна», движение *Оссиру* получило широкое одобрение населения (Kohut, 2011). Ибрагим Шариф, исследуя использование термина «арабская весна» в американских СМИ, отмечает, что в них в преддверии начала движения *Оссиру* значительно повысилось внимание ко всему связанному с «арабской весной». Он также показывает, как массовые протесты на площади Тахрир повлияли на стремительную организацию движения *Оссиру* (Abusharif, 2014). Энн-Мари Слотер, проводя анализ интервью с участниками движения *Оссиру* в Америке и Европе, находит две линии связи между событиями в Америке и арабском регионе. Первая заключается в том, что основатели движения *Оссиру* во многом вдохновлялись видимыми успехами арабских протестов. Вторую линию связи она обнаруживает в структуре и содержании построения лозунгов арабских и американских манифестантов (Slaughter, 2011). Движение *Оссиру*, во многом вдохновленное событиями «арабской весны», получило распространение не только на территории США, но и во многих других регионах, оно образует целое, которое в различных сферах и по различным причинам (в зависимости от страны) широко использовало антиглобалистскую и антиправительственную риторику (Gamson, Sifry, 2013; Bogaert, 2011, 2013).

Поскольку регион Восточной Европы¹ также является частью мир-системы, мы бы хотели более детально посмотреть на то, как эхо «арабской весны» отразилось на этом регионе, ведь движение *Оссиру* затронуло и его. Так, подобное наблюдалось в Словении (24.com, 2011), Чехии (Occupy Klárov) (Denik.cz, 2011), Армении (Mashtots Park Movement) (A+1, 2012), Хорватии (Zekic, 2011), Боснии и Герцеговине

1. Мы включаем в данный регион следующие страны: Россия, Украина, Беларусь, Польша, Венгрия, Грузия, Сербия, Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Словения, Словакия, Румыния, Молдова, Македония, Косово, Хорватия, Болгария, Босния и Герцеговина, Армения, Албания, Черногория, Азербайджан.

(Radio Sarajevo, 2011), Эстонии (Fillipov, Smutov, 2011), Косово (Rexhepi, 2011), Македонии (Alfa.mk, 2011), Румынии (Waits, 2011), Сербии (Blic.rs, 2011), Словакии (Sme.sk, 2011) и, наконец, в нашей стране («ОккупайАбай», «Оккупай Старая площадь») (Эхо Москвы, 2012). Наш интерес к связи между событиями «арабской весны» и волной дестабилизации в разных странах Восточной Европы обусловлен также и тем, что, как правило, исследователи, изучающие протестные движения, революции, антиправительственные демонстрации и другие формы социально-политической дестабилизации, объясняют возникновение подобных событий внутренними процессами, протекающими в этих странах, не учитывая дестабилизирующий потенциал «арабской весны». Чаще всего в качестве переменных, объясняющих возникновение явлений социально-политической дестабилизации, выступают показатели, отражающие социально-экономический, технологический или политический уровень развития региона, например, значение средних подушевых доходов (Olson, 1963; Huntington, 1968; Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015; Korotayev, Vaskin et al., 2018; Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017b; Коротаев, Васькин, Билюга, 2017), уровень неравенства в стране (Sigelman, Simpson, 1977; Korotayev, Grinin, Bilyuga et al., 2017), уровень безработицы (Barber, 2003; Beissinger, Jamal, Mazur, 2015; Jones, Rodgers, 2011; Gil-Alana, 2003; Коротаев, Хохлова, Цирель, 2018), этнолингвистическая фракционализация (Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Малков и др., 2013), концентрация населения в большом городе/столице (DeNardo, 2014; Dowe, 2001; Tilly, 2003; Korotayev, Zinkina et al., 2011), доля молодежи в общей численности населения (Goldstone, 2011, 2017; Urdal, 2004; Коротаев, Зинькина, 2011; Коротаев, Малков, 2014; Романов и др., 2018), уровень образования (Brockhoff et al., 2015; Elbakidze, Jih, 2015; Korotayev, Bilyuga, Shishkina, 2018; Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017a; Замятнина, 2017; Васькин и др., 2018), тип режима (Goldstone et al., 2010; Slinko et al., 2017; Beehner, 2018), а также природные (Малков и др., 2017; Коротаев, Гринин, Исаев и др., 2017), географические (Соболев, 2013) и даже социально-психологические факторы — связанные с чувством фрустрации и относительной депривации у населения (Davies, 1962; Gurr, 1970; Di Stefano et al., 2017; Grinin, Korotayev, 2016; Grinin, 2018; Назаров, 1995; Урнов, 2008; Гринин, 2017). Иногда это цены на продовольствие (Arezki, Brückner, 2011; Lagi et al., 2011; Иванов, Шишкина, 2018), на нефть для стран — экспортеров нефти (Smith, 2004; Korotayev, Bilyuga, Belalov et al., 2018) или определенные ценностно-идеологические предпосылки (Bagheri, Shafie, 2017; Яшлавский, 2018; Коротаев, Цирель и др., 2019).

Не умаляя достоинств альтернативных объяснительных моделей, в рамках нашей работы мы бы хотели обратить внимание на потенциал «внешнего» фактора «арабской весны» для объяснения социально-политической дестабилизации в Восточной Европе. Существуют свидетельства т.н. диффузии (*diffusion*) коллективного действия, суть которой в том, что различные паттерны могут распространяться между социальными движениями (Bunce, Wolchik, 2006; Kuzio, 2006; Beck, 2014; Korotayev, Meshcherina, Shishkina, 2018; Гринин и др., 2016). Это могут быть цели мобилизации, идеи, формы организации, тактики, типы действия, основные

стратегии и информация о последствиях мобилизации. М. Бессинджер, называющий диффузионные явления «модулярными феноменами» (*modular phenomena*), утверждает, что в странах, имеющих схожее историческое прошлое, институциональную структуру и/или политическую культуру, политические акторы могут проводить аналогию с успешными случаями протестов/революций и заимствовать стратегии поведения. В частности, автор объясняет революции в Грузии, Украине, Киргизии, электоральные протесты в Беларуси и России в начале 2000-х годов, а также подъем национальных движений в конце 1980-х годов в СССР именно распространением этого эффекта, который выразился в заимствовании тактик ведения протестов и неформальных связей между протестующими в данном регионе (Beissinger, 2002, 2007). При этом, как правило, заимствуются паттерны, доказавшие свою успешность (Weyland, 2009). Возможность успеха протестов/революций тем не менее зависит от структурных условий государства, в котором действуют протестующие. К таким факторам можно отнести ускоренную урбанизацию, увеличение доли молодежи в общей численности населения (так называемый «молодежный бугор»), внутриэлитный конфликт, делигитимацию политического режима, стремительный рост цен на продовольствие, этническую фракционализацию и т. д. (Beissinger, 2007; Beck, 2011; Goldstone, 1991; Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Hendrix, Haggard, Magaloni, 2009; Цирель, 2012; Малков и др., 2013). Другие исследователи обращают внимание на фактор новых медиа (Myers, 2000; Andrews, Biggs, 2006; Коротаяев, Романов и др., 2018), способствующих диффузии коллективного действия.

Как мы уже говорили выше, не стоит также недооценивать влияние прямых контактов между протестующими из разных стран. В качестве характерного примера можно привести активистов сербской оппозиционной молодежной организации «Отпор», возглавивших «бульдозерную революцию» против режима Милошевича в 2000 году в Сербии. Они имели прямые контакты с активистами движения Kmara! («Довольно!»), совершившими² «революцию роз» в 2003 году в Грузии. Грузинское движение даже переняло свою эмблему (сжатый кулак) у сербских активистов, этот же символ был заимствован египетским движением «Молодежь 6-го апреля», белорусским движением «Зубр», российским протестным молодежным движением «Оборона» и т. д.³ В свою очередь, участники движения «Пора», внесшие огромный вклад в успех «оранжевой революции» 2004 года на Украине, также учились у сербских и грузинских активистов, как агитировать избирателей, планировать массовые действия. Участники движения «Келкел» («Возрождение»), организовавшие «тюльпановую революцию» в 2005 году, вдохновлялись примером Грузии и Украины. Похожие движения, имевшие связи с активистами из

2. Характерно, что появившееся в то же время в Египте протестное движение взяло себе аналогичное название «Кифайа!», что значит «Довольно!».

3. Парадоксальным образом «антикоммунистическое» движение «Отпор» позаимствовало свой символ у германского коммунистического боевого формирования «Союз красных фронтовиков — Рот Фронт».

Грузии, Сербии и Украины, возникали в России («Walking without Putin»), в Беларуси («Зубр»), в Азербайджане, Казахстане, Албании, Молдове (Baissinger, 2007: 261–262; Kuzio, 2006).

Имеются основания полагать, что «арабская весна» выступила триггером дестабилизации как на глобальном, так и на восточно-европейском региональном уровне благодаря эффектам, схожим с теми, которые описывают авторы теории «модулярной революции».

Эмпирический анализ дестабилизации в Восточной Европе

Для измерения уровня социально-политической дестабилизации мы используем индикаторы базы данных Cross-National Time-Series (CNTS) Data Archive. Эти индикаторы включают политические убийства, правительственные кризисы, репрессии, «партизанские действия»/крупные террористические акты, политические забастовки, беспорядки, перевороты⁴, антиправительственные демонстрации (Banks, Wilson, 2018). Сама база включает 15 918 наблюдений по 199 странам по 200 переменным за период с 1919 по 2017 год. Для дополнительной операционализации понятия «социально-политическая дестабилизация» мы используем такие индикаторы, как число террористических актов и количество их жертв, которые отражены в базе данных Global Terrorism Database (START, 2018). Эта база данных состоит из 45 переменных и более чем 170 000 наблюдений за период с 1970 по 2016 год. Мы будем рассматривать период с 1992 по 2016 год. При этом особый интерес для нас представляет период с 2011 года — после начала «арабской весны». Также в ходе работы мы обращаемся к базе данных Mass Mobilization Data Project (2016), которая содержит данные о протестах в 162 странах в период с 1990 по 2014 год (Clark, Regan, 2018).

Для большей наглядности мы приводим данные по Восточной Европе в сравнении с наиболее близким регионом — Западной Европой, а также с регионом, испытавшим наибольшее влияние «арабской весны», — Ближним Востоком. В некоторых случаях мы рассматриваем Восточную Европу с учетом Украины или без нее, потому что для данной страны в указанный временной период характерны некоторые особые формы дестабилизации, резко выделяющие её из общего восточно-европейского фона (Mitrokhin, 2015; Matsuzato, 2017).

Рост социально-политической дестабилизации в странах Восточной Европы после 2010 года анализировался по следующим индикаторам: антиправительственные демонстрации, беспорядки, террористические акты и повстанческие действия. Сколь-нибудь значимого роста дестабилизации по таким показателям, как политические убийства, перевороты и попытки переворотов, репрессии и политические забастовки, в данном регионе не обнаружено, хотя заметен существен-

4. В самой базе данных этот индикатор обозначается несколько вводящим в заблуждение термином «Revolutions».

ный рост интенсивности политических забастовок после 2010 года в Западной Европе (Коротаев, Мещерина и др., 2016).

Динамика числа антиправительственных демонстраций

Рассмотрим сначала динамику интенсивности антиправительственных демонстраций в Восточной и Западной Европе, а также в арабских странах Ближнего Востока (см. рис. 1).

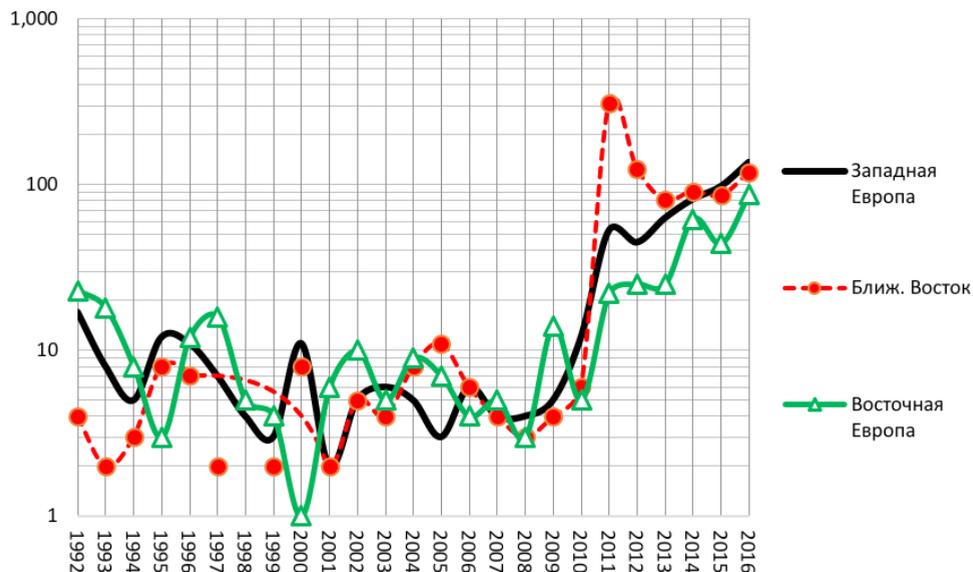

Рис. 1. Динамика числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS в период 1992–2016 гг. в Восточной и Западной Европе и арабских странах Ближнего Востока, логарифмический масштаб. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Авторы CNTS определяют «антиправительственные демонстрации» (*Anti-Government Demonstrations, domestic*) как «любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти, за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств» (Wilson, 2017: 13).

Как мы видим, особо сильный рост числа антиправительственных демонстраций в 2011 году наблюдался на охваченном «арабской весной» Ближнем Востоке. В Западной Европе изменения были не такими резкими, однако число антиправительственных демонстраций в этом регионе, превысило соответствующий показатель по Восточной Европе более чем в 2 раза. При этом в 2011 году Западная Европа в свою очередь отставала по данному показателю от Ближнего Востока почти в 7 раз.

Обращаясь к данным по Восточной Европе, отметим почти двукратное увеличение количества антиправительственных демонстраций в 2009 году по сравнению с периодом 2005–2008 годов, после чего в 2010 году происходит снижение этого индикатора до минимального значения. Однако в 2011 году ставится новый локальный рекорд по количеству зафиксированных в Восточной Европе антиправительственных демонстраций, и данный показатель продолжает расти вплоть до 2014 года, после этого в 2015 году происходит падение и последующий рост в 2016 году.

Эта динамика достаточно сильно контрастирует с тем, что мы видим применительно к Ближнему Востоку. В 2013 году число зафиксированных системой CNTS здесь антиправительственных демонстраций резко (почти в 4 раза) сократилось по сравнению с 2011 годом, после чего в 2013–2015 годах оно стабилизировалось (новый рост числа антиправительственных демонстраций наблюдался здесь только в 2016 году). Вместе с тем западноевропейская динамика оказывается скорее ближе к восточноевропейской — и там и там после 2011 года прослеживается достаточно устойчивый рост числа антиправительственных демонстраций.

На рисунке 1 можно видеть, что значительный рост числа зафиксированных системой CNTS антиправительственных демонстраций в Восточной Европе наблюдался уже в 2009 году. Имеются основания связать подобный рост протестной активности с финансово-экономическим кризисом 2008–2009 года, ударившим по Восточной Европе сильнее, чем по любому другому региону мира (IMF, 2010). Статистика динамики ВВП в Восточной Европе позволяет говорить о том, что наиболее сильная рецессия наблюдалась здесь именно в 2009 году (см. рис. 2).

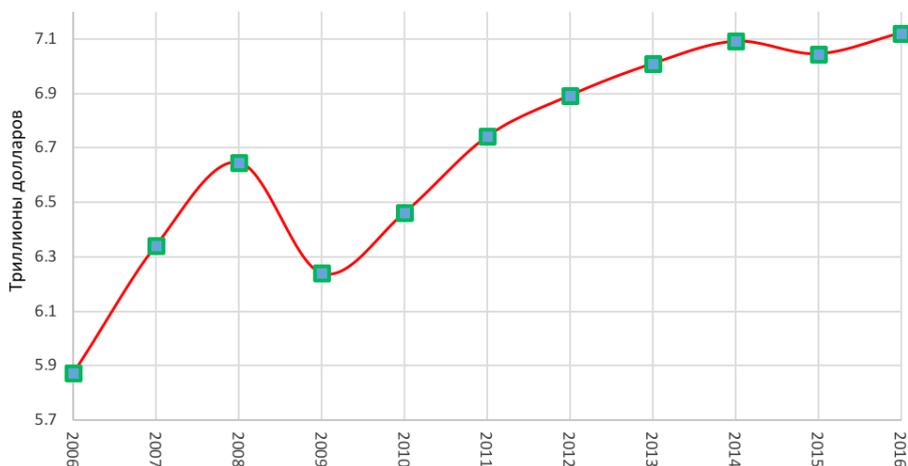

Рис. 2. Динамика ВВП в Восточной Европе в период 2006–2016 гг. в триллионах постоянных долларов США 2010 г. (Источник: World Bank, 2018)

Очевидно, что резкий экономический спад 2009 года способствовал скачку дестабилизации (Beissinger, Sasse, 2014). При этом наибольшее количество демонстраций в данном году было зафиксировано системой CNTS в России (5 случаев) и в Грузии (4 случая). Р. Роуз и В. Мишлер, анализируя последствия экономического кризиса 2008 года в российской политике, приводят статистику опроса поддержки российского политического режима среди граждан в 2009 году и сравнивают ее с поддержкой 2008 года. Исследователи отмечают, что поддержка режима упала на 10% (Rose, Mishler, 2010)⁵.

В 2010–2011 годах в регионе наблюдается выраженная экономическая стабилизация (см. рис. 2). В 2010 году средние темпы роста в Восточной Европе составили более 3,5%, в 2011 году — превысили 4% (см. рис. 8). В связи с этим не вызывает особого удивления, что в 2010 году в Восточной Европе наблюдался заметный спад протестной активности.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 годов повлиял также и на рост других форм дестабилизации, включая правительственные кризисы⁶. Рассмотрим график динамики количества правительственных кризисов, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе, начиная с 2003 года (рис. 3).

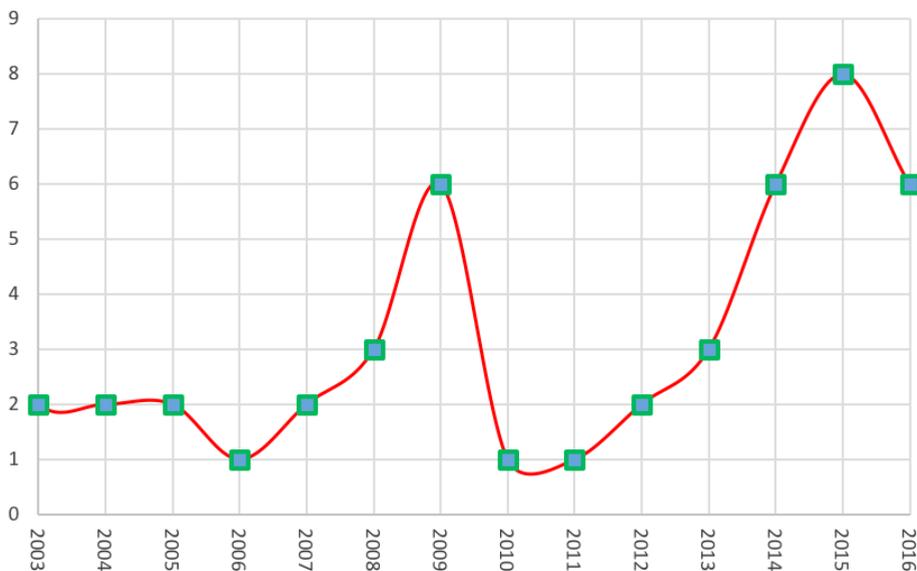

Рис. 3. Погодовая динамика числа правительственных кризисов, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе в 2003–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

5. Хотя поддержка режима все еще осталась высокой: в 2008 году 84% респондентов поддержали режим, а в 2009 году — 74% (Rose, Mishler, 2010).

6. Авторы CNTS определяют «Правительственные кризисы» (*Government Crises, domestic*) как «любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, — за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это» (Wilson, 2017: 13).

Можно заметить, что в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 года в Восточной Европе наблюдался значительный рост числа и правительственных кризисов, достигших своего пика в 2009 году.

Сравнивая показатели антиправительственных демонстраций и правительственных кризисов, отметим, что после начала кризиса в 2008 году, к 2009 году растут показатели обоих графиков, ставя локальные рекорды периода нулевых годов (6 правительственных кризисов и 14 крупных антиправительственных демонстраций). Однако в 2010–2011 годах наблюдался период относительной экономической стабилизации, и в этот период действительно снизилось число правительственных кризисов. Число антиправительственных демонстраций в 2010 году также снизилось. Однако в 2011 году произошел резкий рост числа антиправительственных демонстраций и при этом был побит локальный рекорд.

Такой рост числа демонстраций в Восточной Европе в 2011 году уже никак нельзя связать с экономическим падением (рост ВВП в этот год превышал 4%), также правительственные кризисы не могли бы послужить толчком для роста демонстраций (в период 2010–2011 годов было зафиксировано всего два правительственных кризиса). Поэтому мы полагаем, что определенный вклад в стремительный рост числа антиправительственных демонстраций в Восточной Европе в 2011 году мог внести демонстрационный эффект «арабской весны», о чем мы уже писали в начале этой статьи.

Однако только демонстрационного эффекта было явно недостаточно для столь серьезного роста числа антиправительственных выступлений, который наблюдался в Восточной Европе (как, впрочем, и в большинстве других мир-системных зон) в 2011 году. Здесь стоит обратить внимание на то, что глобальный посткризисный восстановительный рост имел в 2010–2011 годах важное побочное последствие. Дело в том, что важнейшим драйвером этого восстановительного роста выступала проводимая ФРС политика количественного смягчения, накачивавшая ликвидностью как американскую, так и глобальную экономику. Образовавшийся в результате определенный избыток денежных средств, не находивших избыточного применения в еще не полностью вышедшем из кризиса реальном секторе, стал уходить в спекулятивные операции с разного рода активами, включая и *commodities* — нефть, медь, пшеницу, рис, сахар, кукурузу, растительное масло и т. п. В результате на товарных рынках стали надуваться новые «пузыри», превысившие по своим размерам пузыри 2007–2008 годов (см., например: Акаев и др., 2010; Акаев et al., 2011, 2012). В данном контексте для нас важно, что в результате во второй половине 2010 — начале 2011 года во всем мире, включая арабские страны и Восточную Европу, наблюдался взрывообразный рост цен на все базовые продукты питания (см. рис. 4).

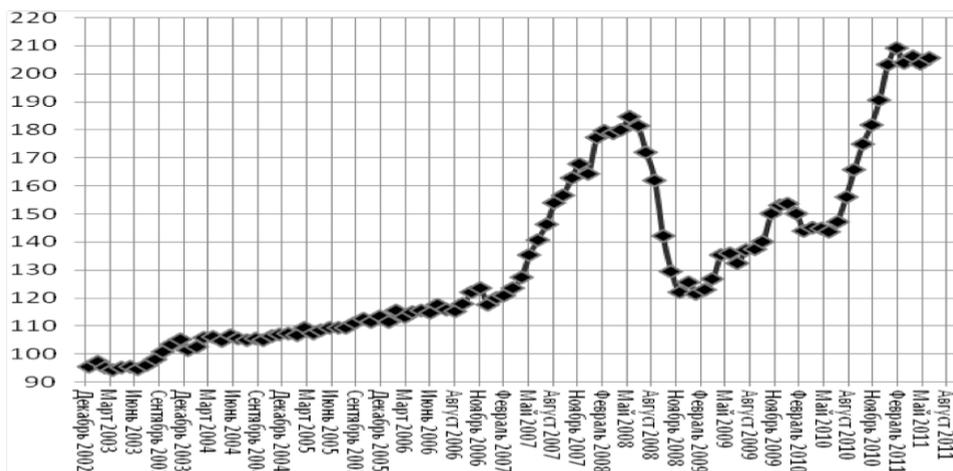

Рис. 4. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 гг. = 100, с учетом инфляции), декабрь 2002 — август 2011 г. (Источник: ФАО, 2018)

С периода май-август 2010 года по февраль-май 2011-го (всего за полгода) рост цен превысил 40% (см. рис. 5). Это взрывообразное увеличение цен на продовольствие вызвало рост протестных настроений в большинстве стран мира.

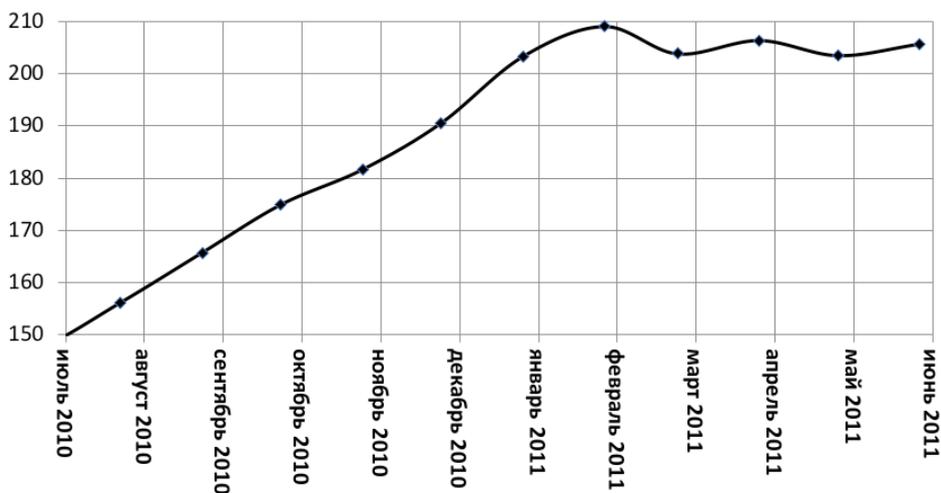

Рис. 5. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 = 100, с учетом инфляции), июль 2010 — июнь 2011 г. (Источник: ФАО, 2018)

М. Арезки и М. Брюкнер отмечают, что изменения цен на продовольствие значительно влияют на распространение и актуализацию антиправительственных настроений (Arezki, Brückner, 2011). Рассматривая примеры стран третьего мира, авторы считают, что повышение стоимости на продовольствие становится опасным, когда они заметны для населения. Имеются основания предполагать, что подобный механизм может работать и в странах второго мира. Так, на февраль 2011 года в России пришелся пик протестных настроений (см. рис. 6) на фоне обеспокоенности населения ростом цен (см. рис. 7).

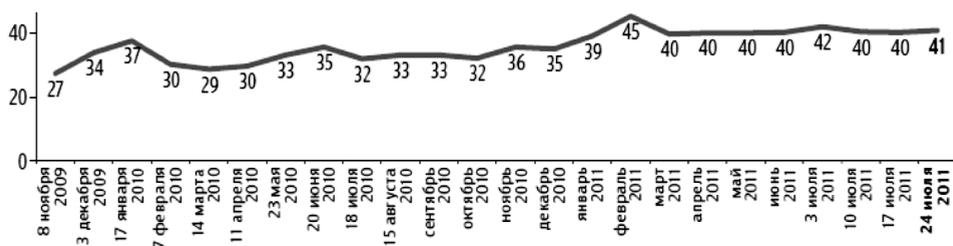

Рис. 6. Процент россиян, ответивших «Испытываю» на вопрос «Вы лично испытываете или не испытываете недовольство, готовность участвовать в акциях протеста?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 — июль 2011 г. (Источник: ФОМ, 2011а)

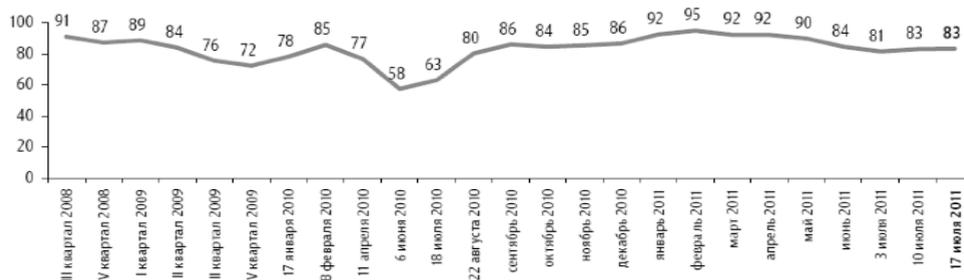

Рис. 7. Процент россиян, ответивших «Выросли» на вопрос «По Вашему мнению, за последний месяц цены на основные продукты, товары и услуги в целом выросли, снизились или почти не изменились?», данные в % от всех опрошенных, 2008 — июль 2011 г. (Источник: ФОМ, 2011б)

М. Лаги, К. Берtrand и Я. Бар-Йам описывают рост продовольственных цен как очень опасный фактор дестабилизации для государства, поскольку он делает продовольственный рынок сложно контролируемым; в свою очередь, различные спекулятивные процессы вокруг резких скачков цен на продовольствие могут значительно повышать недовольство граждан, создавая ложные тренды и чрезмерные увеличения цен (Lagi et al., 2011). Таким образом, имеются определенные ос-

нования утверждать, что вторая волна агфляции подготовила почву для развития антиправительственных настроений на территории Восточной Европы в 2011 году.

С другой стороны, мы полагаем, что «арабская весна», исходя из описанной выше диффузии коллективного действия, выступила в качестве триггера роста антиправительственных демонстраций. Благодаря новым медиа и т. п. граждане Восточной Европы перенимали паттерны ведения протестов у демонстрантов с Ближнего Востока.

После 2011 года в Восточной (как, впрочем, и в Западной) Европе наблюдалась тенденция к дальнейшему росту числа антиправительственных демонстраций (см. рис. 1). Проведя формальный *t*-тест для сравнения значимого различия средних по двум выборкам, мы можем сделать вывод, что существует статистически значимые различия между средними значениями за период с 1992 по 2010 год и значениями в период с 2011 по 2016 год⁷.

За период 2012–2016 годов нельзя явно выделить страну, которая вносила бы наибольший вклад в рост числа антиправительственных демонстраций. Так, в 2012 году лидировала Россия (7 случаев). Подобный рост дестабилизации связывается исследователями с выборами в Государственную думу в декабре 2011 года и президентскими выборами в 2012 году (Chaisty, Whitefield, 2013; Бызов, 2012). В 2013 году по количеству антиправительственных демонстраций лидировала Румыния (8 случаев), основной вклад в данный показатель внес правительственный кризис, продолжающийся с 2012 года (Украинская правда, 2012).

В 2014 году по количеству крупных антиправительственных демонстраций из-за событий на Майдане, запущенных приостановкой интеграции с Евросоюзом (Reuters.com, 2013; Цирель, 2015), лидировала Украина (15 случаев). В 2015 году Молдова (10 случаев), где большинство протестов было связано с ухудшающейся экономической ситуацией и коррупцией в финансовой системе страны (BBC, 2015). В 2016 году — Польша (15 случаев), одной из главных причин протестов в стране стала попытка Сейма ограничить права прессы в стране (Radio zet, 2016).

Значительное влияние на рост интересующего нас показателя в Восточной Европе после 2011 года могла оказать вторая волна финансово-экономического кризиса в Западной Европе, которая характеризовалась значительными экономическими проблемами — в первую очередь речь идет о так называемом кризисе PIGS, охватившем Португалию, Италию, Грецию и Испанию (Giannakis, Bruggeman, 2015). Экономический кризис быстро распространился по всей Европе, поскольку внутри еврозоны создано единое экономическое поле, быстро реагирующее на изменения в различных областях рынка, при этом все страны имеют автономные финансовые структуры, которые не позволяют быстро проводить Европейскому союзу единые централизованные меры по предотвращению такого рода проблем (Anand, Gupta, Dash, 2012).

7. Примечание: значение *t*-test: $t = -5,761, p << 0,001$.

Однако рынки Западной и Восточной Европы тесно связаны между собой, поэтому кризис в Западной Европе очень быстро распространился и на Восточную Европу, которая сильно зависима как от экспорта, так и от импорта из западноевропейских стран, включая сюда и импорт капиталов/финансовых ресурсов (Глинкина, Куликова, Синицына, 2014; Коротаев, 2014). В свою очередь, отголоски второй волны кризиса, по всей видимости, внесли заметный вклад в рост числа антиправительственных демонстраций как в Восточной, так и в Западной Европе, ибо и там и там количество демонстраций напрямую зависело от интенсивности влияния кризиса на страну (Grasso, Giugni, 2016).

Особо отметим, что вторая волна кризиса значимо повлияла на динамику количества правительственных кризисов. Как пишет С. В. Цирель, данный кризис значительным образом замедлил тот темп экономического роста (см. рис. 8), который наблюдался в 2010–2011 годах, что не позволило выполнить многие предвыборные обещания, в связи с этим значительно возросло недовольство властными структурами (Цирель, 2015; см. также: Коротаев, 2014).

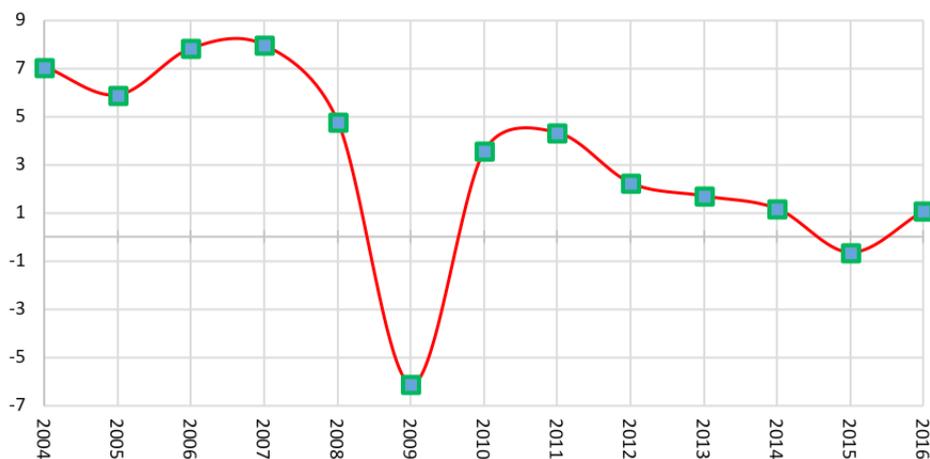

Рис. 8. Динамика годовых темпов роста ВВП в Восточной Европе в период 2004–2016 гг., % (Источник: World Bank, 2018)

И действительно, снижение темпов роста ВВП в период 2012–2015 годов напрямую отразилось на количестве правительственных кризисов: после 2011 года их количество начинает значительно расти. К 2015 году количество правительственных кризисов ставит локальный рекорд, достигая показателя в 8 случаев (см. рис. 3), одновременно с этим экономический спад также ставит локальный рекорд периода 2010–2016 годов, показав отрицательную динамику примерно в 1%.

Динамика массовых беспорядков

Очень показательными являются данные по динамике числа массовых беспорядков, зафиксированных системой CNTS на территории стран Западной и Восточной Европы, а также стран Ближнего Востока (см. рис. 9)⁸.

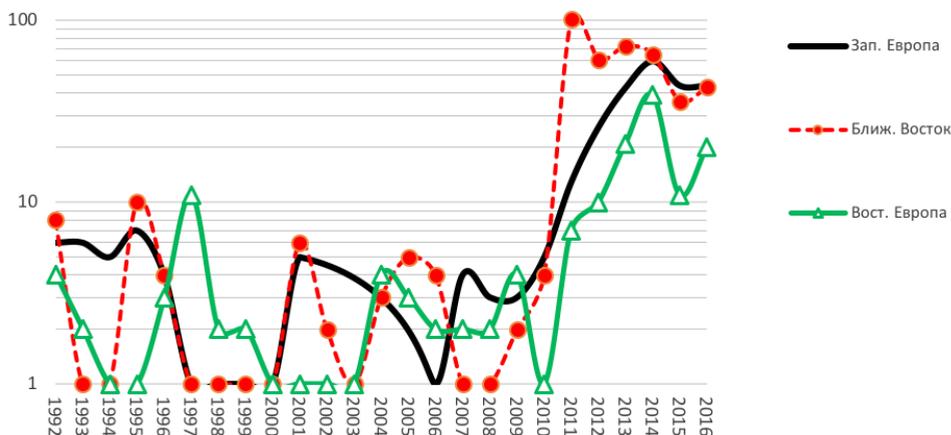

Рис. 9. Динамика количества массовых беспорядков в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Можно видеть, что наиболее сильный рост числа массовых беспорядков в 2011 году наблюдался на охваченном «арабской весной» Ближнем Востоке; в Западной Европе этот рост был не таким резким, однако общее число беспорядков, зафиксированных системой CNTS в Западной Европе, превысило соответствующий показатель по Восточной Европе почти в 2 раза. При этом в 2011 году Западная Европа в свою очередь отставала по данному показателю от Ближнего Востока почти в 8 раз.

Заметный рост числа беспорядков наблюдался в 2011 году и в Восточной Европе. В период 2000–2010 годов число зафиксированных системой CNTS массовых беспорядков никогда не превышало 4 случаев в год. В целом динамика числа массовых беспорядков в Восточной Европе достаточно сильно напоминает то, что мы видели применительно к антиправительственным демонстрациям: в годы глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов — заметный рост числа как антиправительственных демонстраций, так и (в меньшей мере) массовых беспорядков. После начала посткризисного восстановительного роста в 2010 году наблюдалось значительное снижение числа и тех и других. В 2011 году в Восточной Европе применительно к антиправительственным демонстрациям этот рост был

8. Авторы CNTS определяют беспорядки как «выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан» (Wilson, 2017: 13).

значительно более выразительным, чем для массовых беспорядков, — основной формой протеста в 2011 году были антиправительственные демонстрации, число которых превысило случаи зафиксированных системой CNTS беспорядков более чем в 3 раза. После 2011 года число зафиксированных в Восточной Европе системой CNTS массовых беспорядков имело достаточно устойчивую тенденцию роста вплоть до 2014 года, когда он достиг максимального значения. Примечательно, что подобная динамика наблюдается после 2010 года и для стран Западной Европы.

Эта динамика находится в достаточно сильном контрасте с тем, что мы видим на Ближнем Востоке, где после 2011 года наблюдалась устойчивая тенденция к снижению числа фиксируемых системой CNTS массовых беспорядков.

Динамика числа терактов и повстанческих действий

Проанализируем теперь динамику индикаторов дестабилизации, связанных с особо выраженным использованием насильственных методов. Речь идет о «повстанческих действиях»⁹ и числе зафиксированных террористических актов.

Рассмотрим сначала статистику по повстанческим действиям (рис. 10):

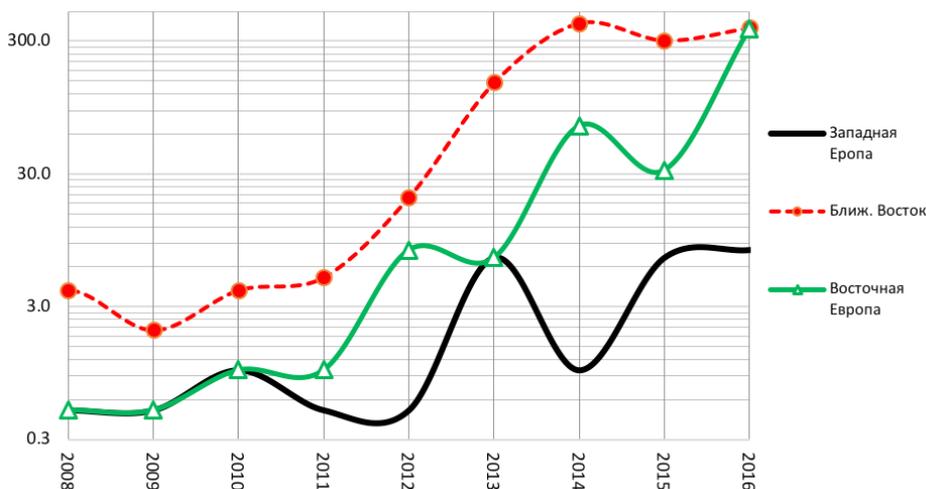

Рис. 10. Динамика количества повстанческих действий, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 2008–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат.

(Источник: Banks, Wilson, 2017)

9. Повстанческие действия определяются составителями базы как «любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима» (Banks, Wilson, 2018: 13). Применительно к Западной Европе речь будет идти об особо крупных терактах, а на Ближнем Востоке (и Украине после 2013 года) этот показатель будет включать в себя и реальные повстанческие действия, например, нападения на склады с вооружением, диверсии на военных объектах, захват населенных пунктов иррегулярными формированиями и т. п.

В 2011 году никакого выраженного роста числа повстанческих действий в странах Ближнего Востока системой CNTS зафиксировано не было; в странах Восточной Европы оно осталось на прежнем уровне, а в Западной Европе даже наблюдалось снижение. Резкий рост числа зафиксированных CNTS повстанческих действий начинается в 2012 году, а уже в 2014-м Ближний Восток бьет абсолютный рекорд по данному показателю (в тесной связи с появлением «Исламского государства»/ИГИЛ — см., например: Гринин, Исаев, Коротаев, 2016: 128–158). Далее в 2015 году можно видеть спад данного показателя, но он вновь несколько вырос в 2016 году.

В это время отмечается также рост данного показателя в Восточной Европе. Заметный скачок можно наблюдать в 2014 году, когда по сравнению с 2012–2013 годами данный показатель вырастает почти в 10 раз.

Подобная динамика характерна и для террористических атак (она будет подробно проанализирована по базе данных Global Terrorism Database) (см. рис. 11).

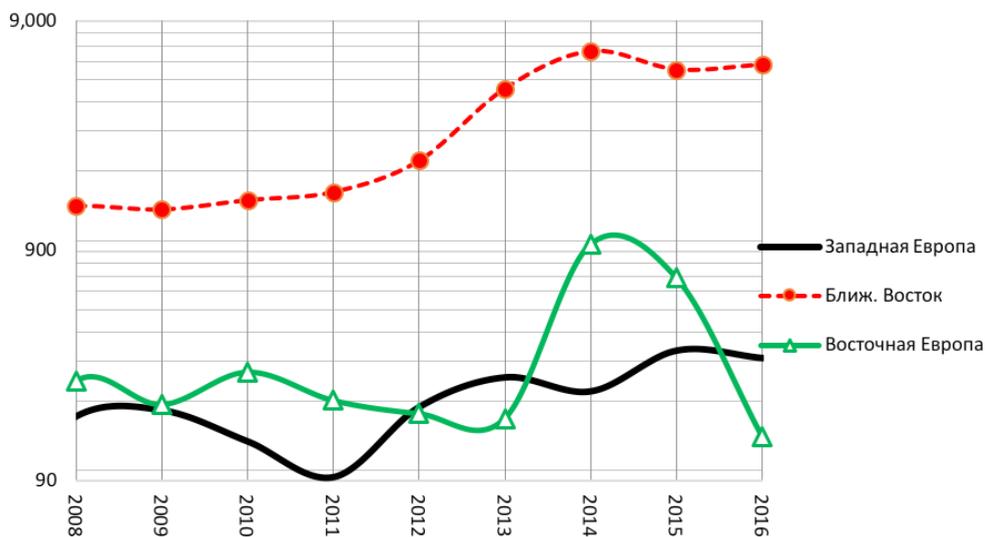

Рис. 11. Динамика количества террористических атак в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: START, 2018)

Абсолютный рекорд по количеству террористических атак принадлежит Ближнему Востоку в 2014 году (6658 терактов), что также можно связать с возникновением и взрывообразной экспансией в этом году ИГИЛ/ДАИШ. Этот рост начался в 2004 году в тесной связи с интервенцией США в Ирак; локальный рекорд был установлен в 2008 году (1408 терактов), после этого в 2009 году наблюдался некоторый спад (1362 случая). Примечательно, что в 2011 году сколько-нибудь значительного роста числа террористических атак на Ближнем Востоке не наблюдалось

(а в Европе даже было зафиксировано снижение этого числа). Как мы могли это видеть применительно к повстанческим действиям, стремительный рост числа террористических атак начался в 2012 году (2223 теракта), продолжался до 2014 года (6658 случаев), что превысило предыдущий рекорд 2008 года почти в 5 раз.

В чем-то схожая динамика в 2010–2016 годах наблюдалась и в Восточной Европе. Максимальное количество террористических атак — 2014 год (963 случая), что превышает предыдущий, 2013 год (168 случаев) почти в 6 раз. Однако тренд Восточной Европы не столь схож с трендом Западной Европы, где он достигает максимума в 2015 году (331 случай), что почти в 2 раза меньше аналогичного значения переменной в 2015 году в Восточной Европе и почти в 3 раза меньше максимального значения в этот период в Восточной Европе (2014 год). Вместе с тем нельзя не отметить, что и в Западной Европе рост числа террористических атак в 2011–2016 годах был в высшей степени значительным (более чем в 3 раза). Однако максимальное число террористических атак, зафиксированное в этот период в Западной Европе (331 в 2015 году), в 3 раза меньше количества терактов, зафиксированных в Восточной Европе в 2014 году (963 террористические атаки), и более чем в 20 раз меньше печального ближневосточного рекорда 2014 года (6658 терактов).

Следует упомянуть и индекс социально-политической дестабилизации, рассчитываемый CNTS для суммарного мониторинга социально-политической дестабилизации в той или иной стране (см. рис. 12).

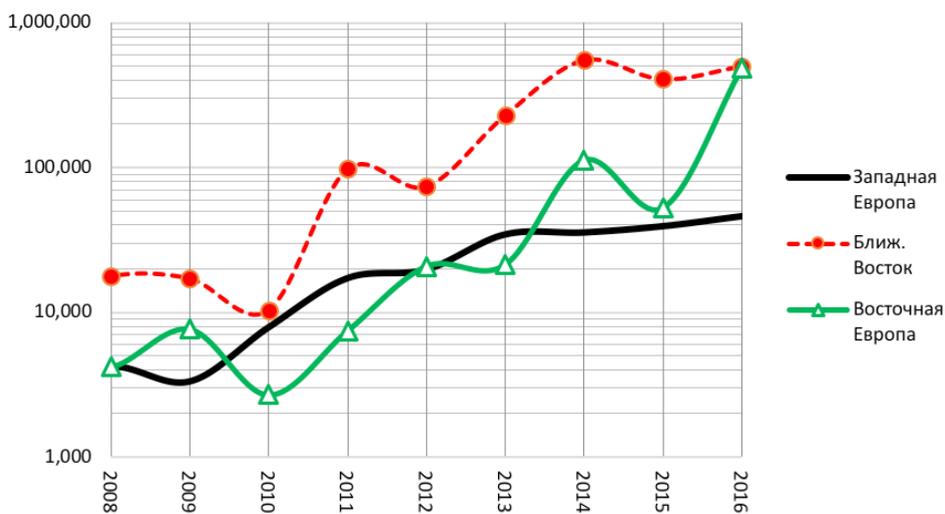

Рис. 12. Динамика индекса социально-политической дестабилизации в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Индекс для Ближнего Востока начинает значительно расти в 2011 году (97 563 пункта), превысив, таким образом, значение предыдущего, 2010 года (10 311 пунктов) почти в 9 раз. Далее, в 2012 году (73 937 пунктов) этот показатель несколько уменьшился. В 2013 году вновь начался рост данного показателя (229 252 пункта), а в 2014 году был установлен новый рекорд (554 812 пунктов), что почти в 6 раз превышает рекорд 2011 года. Далее значение показателя несколько уменьшилось в 2015 году (409 252 пункта), а в 2016 году вновь начался рост (502 998 пунктов).

Данная динамика и в этом случае в чем-то сходна с той, что фиксируется CNTS для Восточной Европы. Максимальное значение переменная принимает в 2014 году (111 689 пунктов), при этом она превышает аналогичный показатель за 2013 год (21 312 пунктов) почти в 5 раз. В 2015 году значение индекса падает почти в 2 раза, а в 2016 году вновь возрастает.

Динамика Восточной Европы по этому показателю в чем-то схожа и с Западной Европой, где рекорд был установлен в 2016 году (45 688 пунктов), рост начался в 2011 году (с 17 063 пунктов) и с тех пор только увеличивался. В результате и в Восточной и в Западной Европе система CNTS зафиксировала в 2016 году рекордные для всего периода после 2008 года значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации. Однако сравнивая западноевропейские показатели с Восточной Европой, нельзя не отметить, что рекорд 2016 года Восточной Европы превышает рекорд Западной Европы за этот же год почти в 11 раз.

Многokратное превышение значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS для Ближнего Востока в 2014 году по сравнению с Западной Европой связано прежде всего с тем, что число зафиксированных в этом году повстанческих действий многократно превысило число зафиксированных в этом году в Западной Европе крупных терактов, так как при расчете данного индекса повстанческим действиям/крупным терактам система CNTS придает особо крупный вес¹⁰. С этим же обстоятельством связано и промежуточное положение Восточной Европы по данному показателю, зафиксированному в 2014–2016 годах.

Возникает вопрос, насколько правомерно утверждение о том, что общий уровень социально-политической дестабилизации в Восточной Европе в 2016 году многократно превышал таковой для Западной Европы, вплотную приближаясь к бурлящему Ближнему Востоку? И действительно, более внимательный анализ данных показывает, что применительно к числу повстанческих действий и террористических актов высокий уровень соответствующего показателя для Восточной

10. Система CNTS присваивает каждому элементарному индикатору дестабилизации веса; при этом распределение весов выглядит следующим образом: политические убийства — 25, политические забастовки — 20, повстанческие действия — 100, правительственные кризисы — 20, репрессии — 20, беспорядки — 25, перевороты и попытки переворотов — 150, антиправительственные демонстрации — 10. При расчете интегрального индекса социально-политической дестабилизации значение каждого элементарного индекса умножается на соответствующие веса, результаты суммируются, а полученная сумма делится на 8 (Wilson, 2017: 13–14).

Европы является артефактом динамики данных показателей всего лишь в одной восточноевропейской стране — в Украине.

Нетипичные случаи дестабилизации: кейс Украины

При рассмотрении графиков дестабилизации в Восточной Европе можно заметить, что некоторые из них имеют значимость, только если в списке стран, по которым собирается статистика, присутствует Украина. Если же её исключить, то некоторые динамические изменения становятся незначимыми. Выделим Украину в отдельный кейс исследования, поскольку в этой стране произошли нетипичные для региона рассматриваемого периода события, связанные с особо радикальной дестабилизацией.

Украинский кризис принял открытую форму в конце 2013 года, когда на площади Независимости в Киеве прошел митинг против приостановки процесса евроинтеграции Украины (см., например: Цирель, 2015). До этого протесты против Януковича имели вид преимущественно антиправительственных демонстраций, которые при расчете интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS получают самый небольшой вес. В 2014 году демонстрации переросли в массовые беспорядки, а в дальнейшем и в гражданскую войну, сопровождаемую волной самых настоящих террористических актов по всей Украине, что резко повысило значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации не только для Украины, но и для Восточной Европы в целом (см. рис. 13).

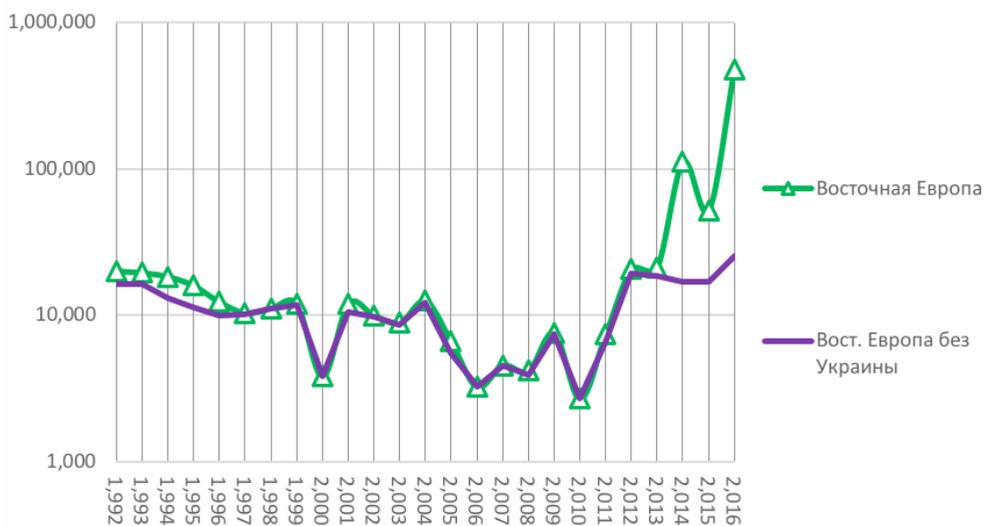

Рис. 13. Динамика индекса социально-политической дестабилизации в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

К 2014 году данный показатель достиг 112 тыс. пунктов, обогнав предыдущие годы более чем в 5 раз. В 2016 году данный показатель превысил 481 тыс. пунктов, обогнав предыдущий рекорд в 4 раза и практически сравнявшись с аналогичным показателем Ближнего Востока. Вместе с тем если рассмотреть Восточную Европу без Украины, то мы увидим, что в 2014 году там вообще не наблюдалось роста общего индекса социально-политической дестабилизации, а в 2016 году он лишь незначительно превышал значение 2013 года. Таким образом, стремительный рост общего индекса социально-политической дестабилизации в Восточной Европе является артефактом начала гражданской войны и волны террористических атак на Украине.

Украина переживает три волны социально-политической дестабилизации: антиправительственных демонстраций, беспорядков и волну особо насильственных форм социально-политической дестабилизации — повстанческих действий и терроризма, которые последовательно сменяют друг друга.

21 ноября Украинская революция начинается с мирных демонстраций протеста против решения правительства приостановить процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС, однако достаточно быстро мирные демонстрации перерастают в массовые беспорядки, интенсивность которых растет в декабре, январе и феврале, вплоть до свержения Януковича. Уже в январе база Global Terrorism Database фиксирует на Украине 3 террористических акта, в феврале их число увеличивается до 15, но в марте снижается до 7. Однако в апреле на фоне резкого снижения числа демонстраций и беспорядков, зафиксированных на Украине базой данных Mass Mobilization Data Project/MMDP¹¹ (Clark, Regan, 2018), наблюдается резкий, почти на порядок, рост числа терактов (до 66). Своего пика (191 теракт) этот показатель достигает в июле 2014 года, когда число зафиксированных на Украине демонстраций и массовых беспорядков падает до 0. Уровень террористической активности продолжает оставаться очень высоким вплоть до 2015 года на фоне близкой к 0 обычной протестной активности в виде массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций. Таким образом, волна террористической и повстанческой активности на Украине шла с заметным запаздыванием относительно волны обычной протестной активности (см. рис. 14).

11. В данном случае мы пользуемся именно этой БД, а не CNTS, так как именно эта база данных дает нам нужное в этом случае разрешение с точностью до месяца, тогда как CNTS дает информацию с годовым разрешением.

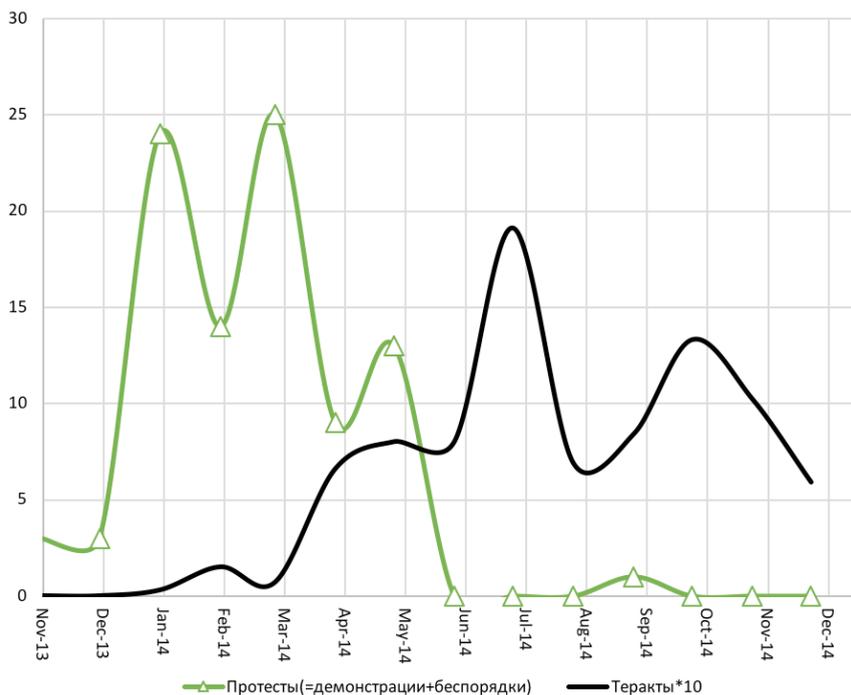

Рис. 14. Динамика протестов и терактов в Украине в конце 2013 г. и в 2014 г.
(Источники: START, 2018; Clark, Regan, 2018)

Украина радикально меняет общие кривые динамики дестабилизации в Восточной Европе только применительно к повстанческим действиям, террористическим актам и интегральному индексу социально-политической дестабилизации (что, как мы уже писали выше, связано с особо высоким весом, придаваемым создателями CNTS повстанческим действиям). Применительно же к антиправительственным демонстрациям восточноевропейская кривая имеет качественно сходную форму как с учетом, так и без учета Украины (см. рис. 15).

Как мы видим, Украина внесла сколько-нибудь значимый вклад в рост общего числа антиправительственных демонстраций, зафиксированных в Восточной Европе только в годы двух своих революций (в 2004 и в 2014 годах), но даже в это время о сколько-нибудь радикальной форме изменения восточноевропейской кривой говорить не приходится.

Сходная картина наблюдается и по массовым беспорядкам (см. рис. 16).

Рис. 15. Динамика антиправительственных демонстраций в Восточной Европе в период 1992–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

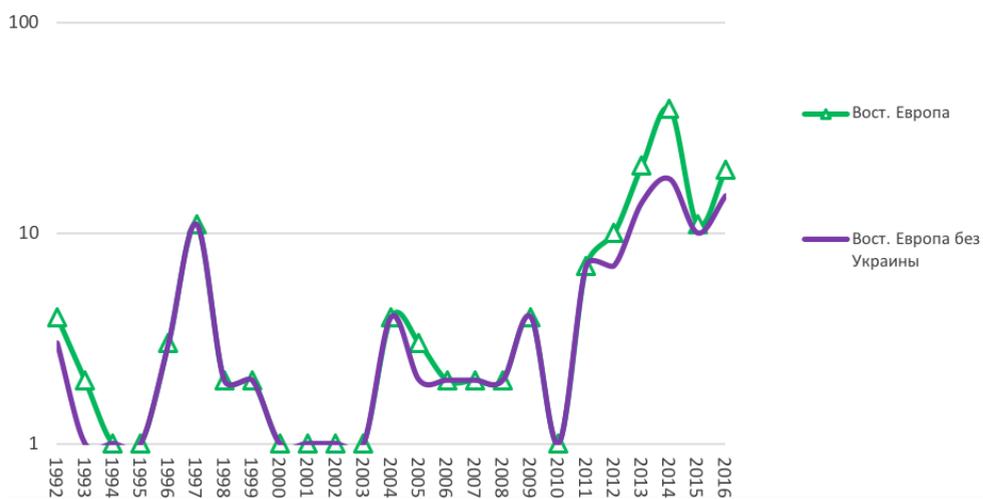

Рис. 16. Динамика беспорядков в Восточной Европе в период 1992–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

В данном случае Украина внесла действительно заметный вклад в общее число зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе массовых беспорядков всего лишь один раз — в 2014 году. Вклад этот оказался при этом несколько более значительным, чем антиправительственных демонстраций, но и здесь ни о каком радикальном изменении формы восточноевропейской кривой говорить не приходится.

А вот применительно к динамике повстанческих действий в Восточной Европе речь действительно идет о радикальной разнице между кривыми Восточной Европы и Украины (см. рис. 17).

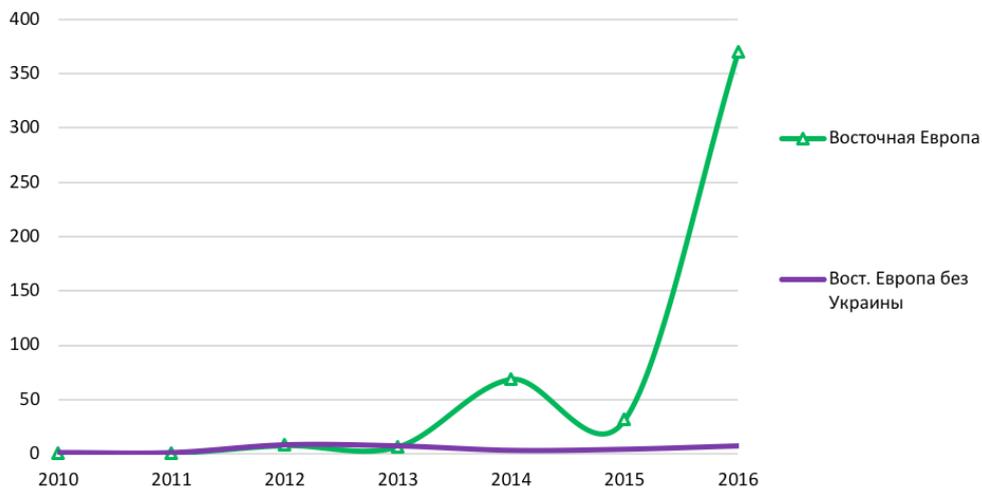

Рис. 17. Динамика интенсивности повстанческих действий в Восточной Европе в период 2010–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Вполне очевидно, что всплеск данного вида дестабилизации связан в первую очередь с войной в Донбассе, которая началась весной 2014 года (Mitrokhin, 2015; Matsuzato, 2017). Как известно, разрозненные движения за присоединение Донбасса к России существовали еще с начала 1990-х годов (Mitrokhin, 2015). Они отличались различными культурными и идеологическими повестками: казаки, православные активисты, неоязычники, десантники (*paratroopers*), последователи публициста Дугина и т. п. (Mitrokhin, 2014). Однако большинство активистов были вытеснены с политической арены народным ополчением (*militia*) в марте-апреле 2014 года, которое начинает использовать силу для решения политических вопросов — с этого момента можно говорить о начале действий, подпадающих под понятие «повстанческих» (*guerilla warfare*) по определению CNTS.

Обратимся далее к украинскому разделу базы данных Global Terrorism Database (START, 2018). Ниже приведена статистика террористических атак и убитых в них в этой стране (см. рис. 18 и 19).

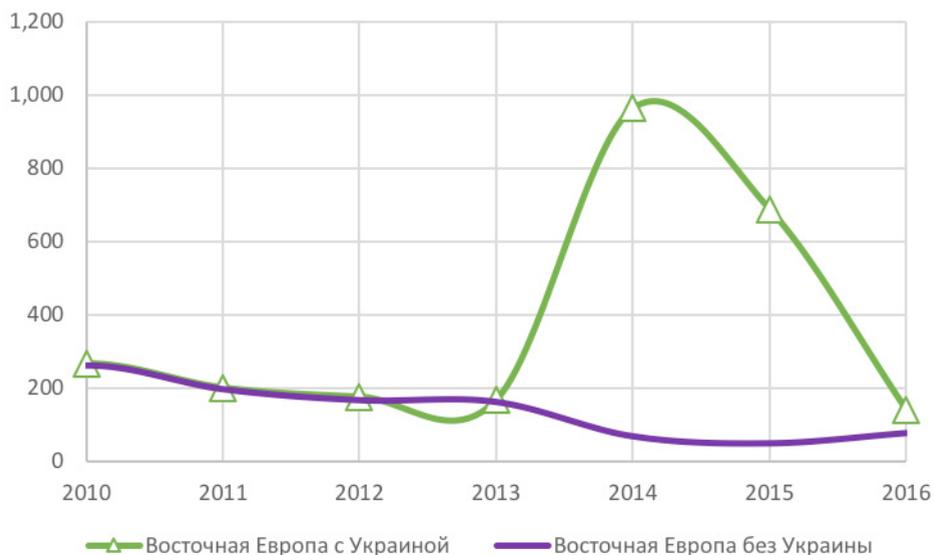

Рис. 18. Динамика количества террористических атак в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: START, 2018)

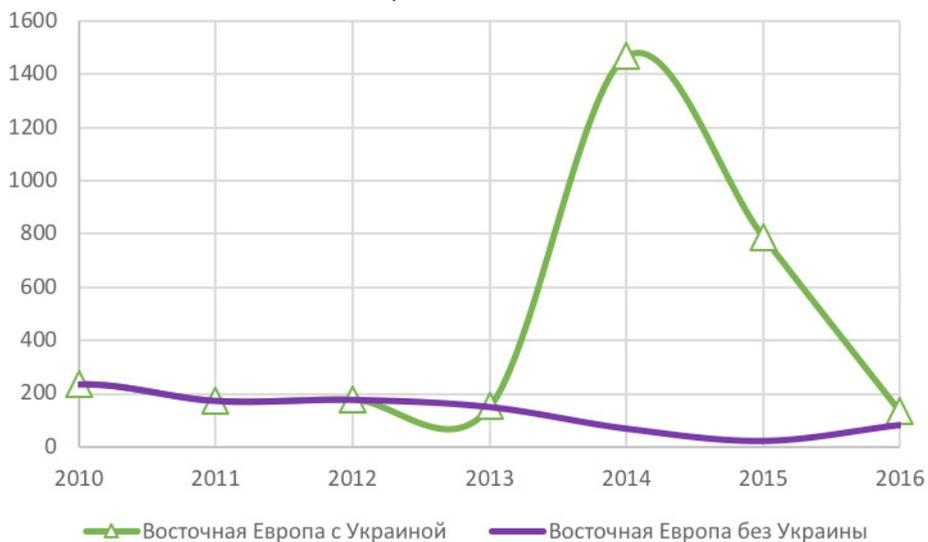

Рис. 19. Динамика количества террористических убийств в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: START, 2018)

Рисунки 18 и 19 достаточно наглядно показывают, что резкий рост числа зафиксированных в Восточной Европе терактов, а также жертв терактов целиком связан с Украиной. При рассмотрении Восточной Европы без Украины получается, что в 2014 году там наблюдалось заметное снижение и того и другого.

Однако резкий рост числа террористических атак и их жертв, зафиксированных на Украине в 2014 году, никак нельзя объяснить одной лишь войной в Донбассе (хотя заметная часть терактов в 2014 году произошла как раз на территории именно этого региона Украины). На примере Одессы, которая не была затронута военными действиями, наглядно видно, что увеличение количества террористических атак не связано с увеличением количества повстанческих действий, но является следствием политической нестабильности в стране. Ниже приведена инфографика взрывов на территории Одессы за 2014–2015 годы (см. рис. 20).

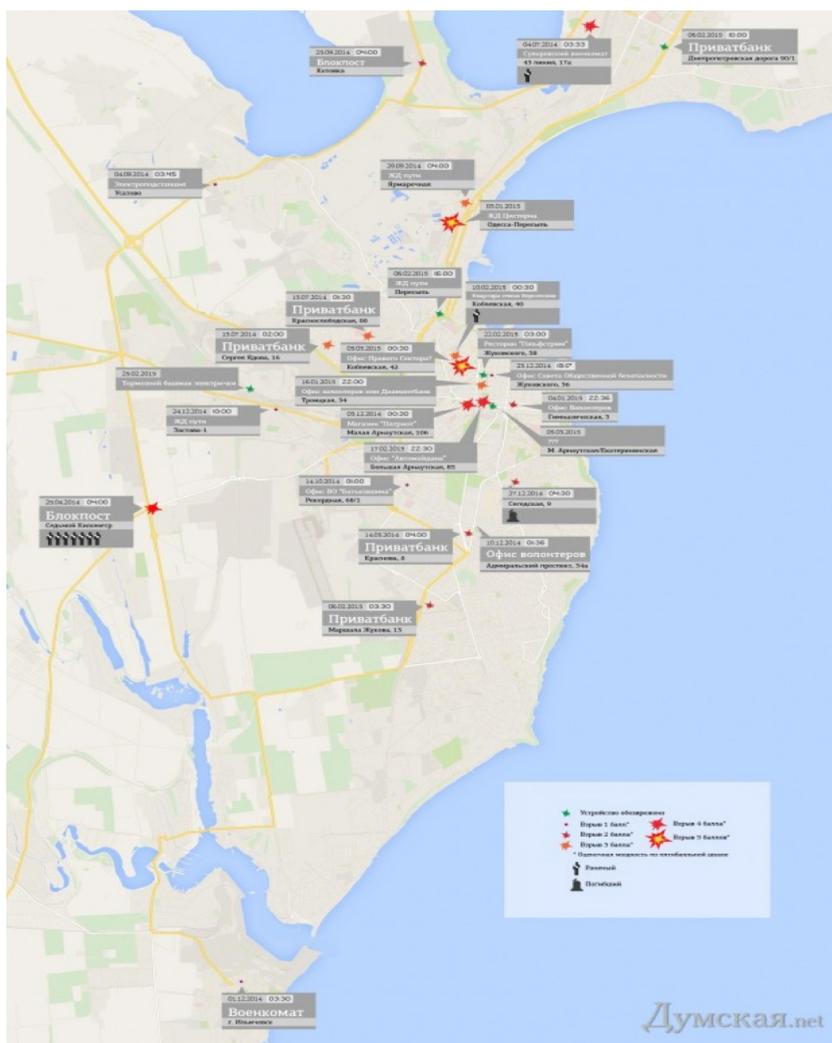

Рис. 20. Локализация террористических атак в Одессе в период 2014–2015 гг. (Источник: Думская.net, 2015)

За 2014–2016 годы базой данных GTD было зафиксировано 44 случая террористических актов в Одессе. Большая часть из них (32 случая) — это взрывы самодельных бомб, направленные на объекты инфраструктуры, отделения банка ПриватБанк, отделения общественных организаций и партий. При этом важно заметить, что для страны в период революции 2014 года был характерен именно «внутренний» терроризм как форма борьбы оппозиции, а не «внешний» терроризм, скачок которого был зафиксирован в Западной Европе после 2014 года (Eurofor, 2018). Террористические акты были зафиксированы в 2014 году также во Львове, Киеве, Житомире, Днепропетровске, Черкассах, Харькове, Херсоне, Полтаве, Севастополе, Закарпатье (START, 2018), то есть речь идет именно об общенациональной террористической волне, а не только лишь о насилии в Донбассе.

Таким образом, начиная с 2011 года Украина проходит ряд фаз дестабилизации — мирные антиправительственные демонстрации сменяются массовыми беспорядками, за которыми следует волна террористических актов и повстанческих действий. После 2010 года такая радикальная дестабилизация не наблюдалась ни в одной восточноевропейской стране. Однако нельзя сказать, что такой паттерн дестабилизации характерен только для Украины. Если обратиться к мировой динамике числа антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, повстанческих действий/терактов, которую мы описывали в одной из своих работ, то можно заметить те же самые три волны (Коротаев, Мещерина и др., 2016: 39–41) (см. рис. 21).

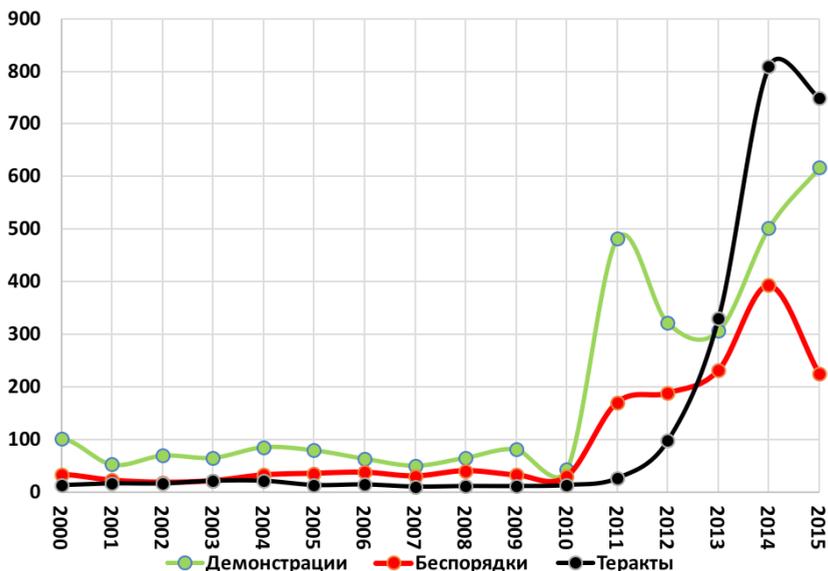

Рис. 21. Динамика общего количества зафиксированных в мире системой CNTS антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и крупных терактов/повстанческих действий в период 2000–2015 гг. (Источник: (Banks, Wilson, 2018))

В 2011 году в мире особенно выросло количество крупных антиправительственных демонстраций (в 11,5 раза — более чем на порядок), при этом наблюдался заметно менее интенсивный (примерно в 6 раз) рост массовых беспорядков, число же крупных терактов/повстанческих действий в этом году выросло только в 2 раза. Число зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций в 2011–2013 годах несколько снизилось, в то время как глобальная интенсивность массовых беспорядков продолжала расти, вплотную приблизившись к интенсивности антиправительственных демонстраций. Глобальное число крупных террористических актов/повстанческих действий в 2011–2014 годах росло по экспоненте, превысив в 2014 году число и тех и других. В целом можно сказать, что после 2010 года на мир-системном уровне нарастание массовых беспорядков шло с некоторым лагом относительно роста числа антиправительственных демонстраций, а увеличение числа крупных террористических актов/повстанческих действий несколько запаздывало относительно и первых и вторых (подробнее об этом см., например: Коротчаев, Мещерина и др., 2016: 39–41). Таким образом, можно видеть достаточно четкий паттерн глобальной радикализации — вначале вырастают менее насильственные факторы дестабилизации, а затем более насильственные. При этом позднее при полной реализации паттерна радикализации манифестации насильственных форм начинают опережать по своей интенсивности ненасильственные манифестации.

Подобный паттерн характерен и для тех стран из других мир-системных зон, где процессы социально-политической дестабилизации зашли особенно далеко. Например, с некоторыми смещениями, подобный паттерн наблюдался в 2010-х годах в Йемене (см. рис. 22).

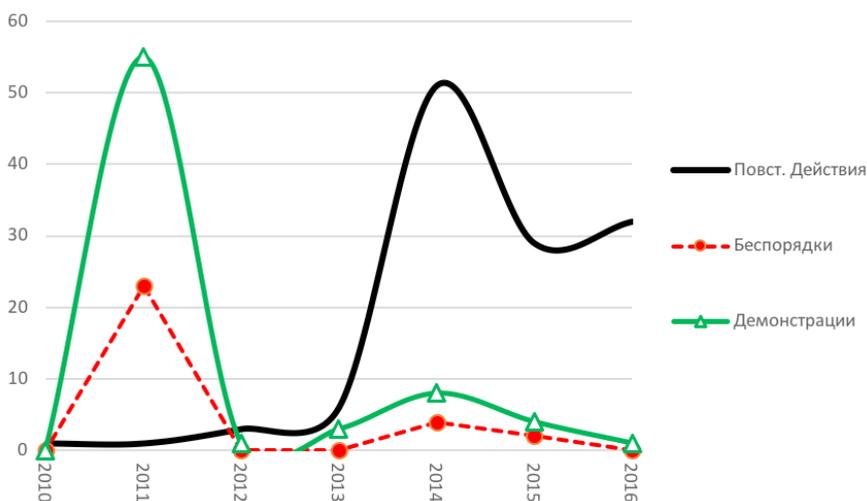

Рис. 22. Динамика повстанческих действий, беспорядков и демонстраций в Йемене в период 2010–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Можно отметить значительный рост антиправительственных демонстраций в 2011 году, происходивший одновременно с ростом числа беспорядков. Протесты в Йемене начались 22–25 января и вначале были мирными (Euronews.com, 2011; Гринин, Исаев, Коротаев, 2016), распространение стычек с полицией с тенденцией к перерастанию мирных демонстраций в массовые беспорядки началось лишь в феврале-марте 2011 года, когда протестующих не удовлетворили решения, принятые президентом Салехом (gia.ru, 2011). К тому же на поверхность вышел давний конфликт между двумя группировками йеменской элиты — кланом Салеха и кланом аль-Ахмаров, контролировавшим многие важные формирования йеменских вооруженных сил. Подобно тому, как египетская военная элита воспользовалась народными выступлениями для сведения счетов со своим главным противником — группировкой во главе с Гамалем Мубараком (Korotayev, Issaev, Shishkina, 2016; Исаев, Коротаев, 2014; Коротаев, Исаев, 2014), клан аль-Ахмаров решил воспользоваться народными выступлениями в Йемене для того, чтобы попробовать разгромить своего главного противника — Салехов. С этой целью и под аплодисменты левоверного международного сообщества группировка аль-Ахмаров позиционировала себя в качестве защитников «народных борцов за демократию» от репрессий «деспотической диктатуры» Али Абдаллы Салеха. 26 февраля 2011 года сразу несколько лидеров двух крупнейших йеменских племен, Хашид и Бакиль, группировавшихся вокруг клана аль-Ахмаров, заявили о переходе на сторону оппозиции. В марте один из лидеров племенного союза Хашид Али Мохсен аль-Ахмар, командующий северным военным округом и первой бронетанковой дивизией (одной из самых боеспособных в стране), заявил о своем выходе из Всеобщего народного конгресса — правящей партии, кандидатом от которой в свое время был президент Салех. Вслед за генералом Али Мохсеном аль-Ахмаром о переходе на сторону оппозиции объявили еще три генерала и десятки офицеров. Войска мятежников прибыли в Сану якобы «для защиты манифестантов», разместившись на центральной площади, а также у зданий Центрального банка, министерства обороны и президентского дворца, что и привело к резкой эскалации насильственной компоненты в социально-политической дестабилизации в Йемене (см.: Исаев, 2012; Исаев, Шишкина, 2012; Гринин, Исаев, Коротаев, 2016).

На графике видно, как в 2012–2013 годах происходит резкий спад числа демонстраций и беспорядков, а затем с 2013 года растет число повстанческих действий, достигших локального пика в 2015 году. Подобный рост насильственных форм протестной активности в 2014 году в стране связан с хуситским восстанием, формальной причиной которого стало повышение цен на бензин. В кратчайшие сроки хуситы сумели взять под свой контроль несколько мухафаз (провинций) в северо-западной части страны, а 21 сентября захватили основную часть столицы, что в дальнейшем привело к началу полномасштабной гражданской войны, отягченной, как обычно, мощной иностранной интервенцией (Коротаев, Исаев, 2015; Пеньковцев, Мокбел, 2017: 186).

Обратимся и к другим регионам мира. В качестве примера выделим Таиланд, в котором после 2008 года наблюдалась, в сущности, сходная последовательность дестабилизационных волн (см. рис. 23).

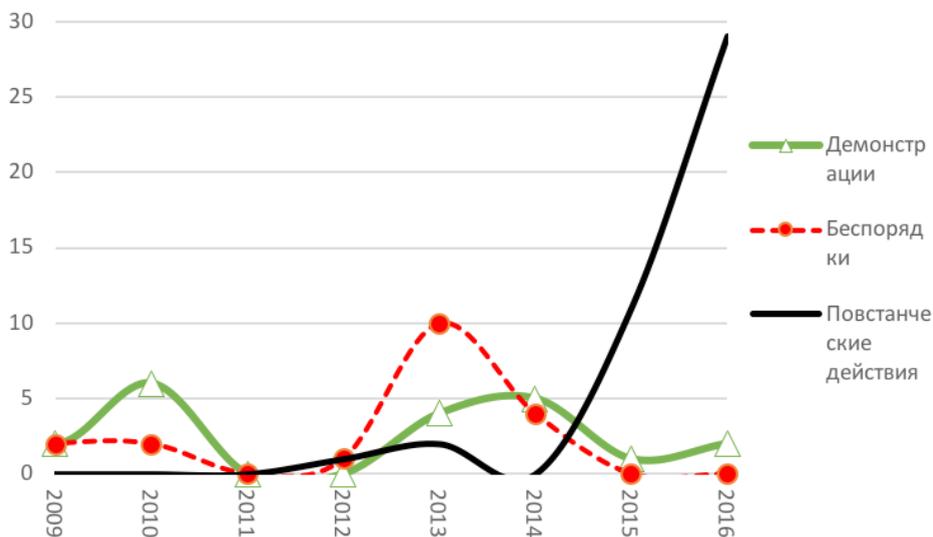

Рис. 23. Динамика повстанческих действий, беспорядков и демонстраций в Таиланде в период 2009–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

В 2010-е годы в Таиланде правящая (вплоть до 2013–2014 года) партия Пхья Тхаи («Для Таиланда»; опиравшаяся в основном на провинциальное большинство тайского населения) получила на выборах 2011 года около половины голосов (что дало ей 265 мест из 500 в парламенте). В это же время ее главный противник — *Phak Prachathipat* (Демократическая партия) — получила 35% всех голосов (159 мест из 500 в парламенте). Однако в Бангкоке лидирующая партия обладала лишь 30% голосов. Таким образом, оказалось, что население столицы поддерживает оппозиционную партию (что было подтверждено и на выборах мэра в 2013 году), в результате чего Бангкок стал эпицентром протестов в 2013 году, а в 2014-м власть в Бангкоке была взята военными (Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015). После прихода к власти военных политические силы оказались лишены возможности выражать свой протест легальным путем, что спровоцировало рост числа террористических атак. На примере ситуации в Таиланде можно отчетливо увидеть, как волна менее насильственных видов протестной активности сменяется волной актов с особо выраженной насильственной составляющей — начиная с 2009 года растет число демонстраций (их количество к 2010 году превышает число беспорядков в 2 раза), при этом число беспорядков остается на прежнем уровне. К 2011 году и демонстрации, и беспорядки, и повстанческие действия падают до нулевого значения и остаются на низком уровне еще год. В 2013 же году происходит резкий

рост числа беспорядков на фоне незначительного роста числа демонстраций и повстанческих действий, однако с 2014 года резко идет вверх число повстанческих действий (в 2014–2016 годах их число возросло на порядок: с 0 до 29 случаев повстанческих действий). Можно констатировать, что Таиланд, как и Йемен, прошел все три стадии развития кризиса: первый этап в 2010 году, второй в 2013-м и третий в 2015–2016 годах.

Таким образом, случай Украины действительно выделяется в 2010-х годах на фоне остальных стран Восточной Европы, однако повторяет паттерн, характерный для некоторых стран и всего мира в целом в этот временной период.

Заключение

Итак, имеются определенные основания утверждать, что «арабская весна» выступила триггером дестабилизационной волны в Восточной Европе, как, впрочем, и в ряде других мир-системных зон (Коротаев, Мещерина и др., 2016, 2017; Коротаев, Шишкина, Исаев, 2016; Коротаев, Шишкина, Лухманова, 2017; Akaev et al., 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina, 2018). В Восточной Европе, так же как и во многих других регионах мира, волна протестов началась практически сразу после получения известий о первых успехах арабских революций, при этом наблюдалась диффузия протестов со многими схожими характеристиками: занятие большой территории многочисленной группой протестующих на длительные промежутки времени, схожие требования (социальная справедливость, экономическое и политическое равенство), социодемографический состав (при особенно активном участии неустроенной образованной молодежи) и т. д.¹² Такого рода протесты были зафиксированы в 2011 году в Чехии, Боснии и Герцеговине, Румынии, Сербии, Словакии, Косово, Армении, Македонии, Эстонии, Хорватии, России, Словении. При этом обнаруживается значительный контраст с предыдущей волной социально-политической дестабилизации в Восточной Европе, пришедшейся на 2009 год и связанной со значительным падением производства в результате глобального финансово-экономического кризиса и вызванной им серии правительственных кризисов.

В 2011 году протестная волна проходила на фоне не спада производства, а его заметного подъема при отсутствии правительственных кризисов. Это подчеркивает важную роль, сыгранную «арабской весной» в запуске данной дестабилизационной волны. Вместе с тем проведенный анализ заставляет предполагать и важную роль, которую в данной дестабилизационной волне (при этом как на

12. Наши выводы несколько отличаются от выводов теоретиков диффузии коллективного действия (Beissinger, 2002; 2007; Beck, 2011; Tarrow, Tilly, 2007), которые утверждают, что для успешного заимствования паттернов коллективного действия требуются схожее историческое прошлое и схожая культура. Однако данные, приведенные нами и некоторыми другими авторами (Kerton, 2012; Kavada, 2017; Hammond, 2015), позволяют говорить о том, что сам факт успешности того или иного вида протестов может вести к его заимствованию и в регионах с существенно отличными культурными характеристиками и историческим прошлым.

восточноевропейском, так и на глобальном уровне) могла сыграть тесно связанная с глобальным посткризисным восстановительным ростом вторая волна агфляции (вторая волна взрывообразного роста цен на продовольствие).

При этом проделанный нами анализ показывает, что события на Арабском Востоке оказали влияние на динамику социально-политической дестабилизации только в 2011 году. В последующие же годы дестабилизационные процессы в этой мир-системной зоне развивались вполне независимо от событий в арабской зоне. После 2011 года Западную Европу захватывает вторая волна финансово-экономического кризиса (т.н. кризис PIGS), которая в первую очередь отразилась на экономиках Португалии, Испании, Греции, Италии, но в конечном счете затронула всю Европу — как Западную, так и Восточную. Вторая волна кризиса, по нашему мнению, ответственна за рост числа правительственных кризисов и антиправительственных демонстраций в Восточной Европе после 2011 года из-за связанности экономик стран, относящихся к этим двум регионам. Подобная динамика наблюдалась также и для массовых беспорядков.

Формальный анализ баз данных показал, что после 2014 года на территории Восточной Европы заметно вырастает количество повстанческих действий и террористических атак. Более детальный анализ позволяет сделать вывод, что подобный тренд появляется из-за особого кейса Украины. Мы обратили внимание на то, что Украина в 2014–2015 годах переходит от менее насильственных факторов дестабилизации (массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций) к более насильственным (терроризм и повстанческие действия). Однако всплеск террористической активности не был напрямую связан с повстанческими действиями, о чем свидетельствует кейс Одессы, на которую пришлось наибольшее количество террористических атак, а скорее являлся следствием дестабилизации в стране. С другой стороны, подобный паттерн дестабилизации оказывается нетипичным для Восточной Европы рассматриваемого периода, но обнаруживается в некоторых других странах (например, в Йемене и Таиланде), а также на глобальном уровне; поэтому говорить об украинском эксэпционализме не приходится. Комментируя случай Украины, можно сделать вывод, что данные факторы дестабилизации вряд ли напрямую связаны с «арабской весной», скорее их причинами послужили внутренние структурные особенности этой страны в обозначенный временной период.

Литература

- Акаев А., Садовничий В., Коротяев А. (2010). О возможности предсказания нынешнего глобального кризиса и его второй волны // *Экономическая политика*. № 6. С. 39–46.
- Бызов Л. Г. (2012). Политические цвета новорусского протеста // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 27–32.

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В.* (2018). Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа // Социологический журнал. Т. 24. №. 2. С. 28–65.
- Глинкина С. П., Куликова Н. В., Сеницина И. С.* (2014). Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН.
- Гринин Л. Е.* (2017). Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. № 4. С. 138–155.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В.* (2016). Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель.
- Думская.net.* (2015). Терракты по-одесски: опыт предков и современные тенденции (инфографика). URL: <http://dumskaya.net/news/25-teraktov-kogo-i-kak-vzryvayut-v-odesse-infogr-044308/> (дата доступа: 29.05.2018).
- Замятнина Е. С.* (2017). Образование и социально-политическая дестабилизация: систематический обзор // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 8. С. 219–232.
- Иванов Е. А., Шишкина А. Р.* (2018). Агфляция и риски социально-политической дестабилизации в постсоветской Центральной Азии // *Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Мещерина К. В.* (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 9. Волгоград: Учитель. С. 452–469.
- Исаев Л. М.* (2012). Племенная революция по-йеменски // Неприкосновенный запас. № 4. С. 178–187.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В.* (2014). Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 14–20.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* (2012). Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В.* (2014). О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. Т. 7. № 1. С. 56–74.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р.* (2017а). ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р.* (2017б). Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политические исследования. № 2. С. 155–169.
- Коротаев А., Васькин И., Билюга С.* (2017). Гипотеза Олсона–Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 9–49.

- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017). Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. (2011). Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. (2014). Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 91–100.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. (2015). Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 71–81.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. (2014). Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах // История и математика 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Херн У. Д., Дельянов В. Г., Куликова Е. Д. (2016). Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 7. С. 22–126.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянов В. Г. (2017). Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ // Сравнительная политика. Т. 8. № 4. С. 113–126.
- Коротаев А. В., Романов Д. М., Билюга С. Э., Халтурина Д. А. (2018). Влияние удельного числа интернет-пользователей на потенциал дестабилизации: предварительный количественный анализ // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 9. С. 222–247.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. (2016). Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 108–122.
- Коротаев А., Хохлова А., Цирель С. (2018). Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы // Экономическая социология. Т. 19. №. 2. С. 118–167.
- Коротаев А. В., Цирель С. В., Билюга С. Э. (2019). Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа // Сравнительная политика. № 1. С. 98–123.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. (2016). Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 108–122.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. (2017). Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. № 6. С. 150–168.

- Малков С. Ю., Кортаев А. В., Билюга С. Э., Осипов Д. А. (2017). К вопросу о некоторых естественно-природных факторах социально-политической дестабилизации // Информационные войны. Т. 3. № 43. С. 56–69.
- Малков С. Ю., Кортаев А. В., Исаев Л. М., Кузьмина Е. В. (2013). О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. № 4. С. 137–162.
- Назаров М. М. (1995). Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. № 1. С. 47–59.
- Пеньковцев Р. В., Мокбел Х. Г. Х. (2017). Влияние событий «арабской весны» на политическую ситуацию в Республике Йемен // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 6-2. С. 183–188.
- Романов Д. М., Билюга С. Э., Халтурина Д. А. (2018). Связь «молодежных бугров» с явлениями социально-политической дестабилизации // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 9: 181–221.
- Соболев А. С. (2013). География, технологии и политика: факторы коллективного протеста в России 2011–2012 годов // Социология власти. № 4. С. 104–118.
- Украинская правда. (2012). В Румынии протесты уволили правительство // Украинская правда. 06.02.2012. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2012/02/6/6954905/> (дата обращения: 01.05.2018).
- Урнов М. Ю. (2008). Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс.
- ФОМ. (2011а). Динамика цен. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dcl1.pdf> (дата доступа: 01.06.2018).
- ФОМ. (2011б). Уровень протестных настроений. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d3oypn11.pdf> (дата доступа: 01.06.2018).
- Цирель С. В. (2012). Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Кортаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 3. М.: Либроком. С. 162–173.
- Цирель С. В. (2015). К истокам украинских революционных событий 2013–2014 // Гринин Л. Е., Кортаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 6. Волгоград: Учитель. С. 57–83.
- Эхо Москвы. (2012). Дмитрий Песков пообещал разогнать лагерь оппозиции на Чистых прудах // Эхо Москвы. 11.05.2012. URL: <https://echo.msk.ru/news/887291-echo.html> (дата доступа: 01.04.2018).
- Яшлавский А. Э. (2018). Между соблазном и принуждением: «мягкая сила» ИГИЛ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 7. С. 27–37.
- 24ur.com. (2011). Treba je ustaviti politiko zategovanja pasov // 24ur. 14.10.2011. URL: <http://24ur.com/novice/slovenija/shoda-v-ljubljani-in-kopru-nista-prijavljena.html> (дата доступа: 1.04.2018).
- A+1. (2012). Protest Continues at Mashtots Park // A1plus. 13.02.2012. URL: <http://www.a1plus.am/55320.html> (дата доступа: 1.04.2018).

- Abusharif I. N.* (2014). Parsing "Arab Spring". Doha: Northwestern University in Qatar.
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* (2017). Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 116. P. 316–321.
- Akaev A., Sadovnichii V., Korotayev A.* (2011). Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis // *Doklady Mathematics*. Vol. 83. № 2. P. 1–4.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A.* (2012). On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-Economic Crises Forecasts // *European Physical Journal Special Topics*. Vol. 205. № 1. P. 355–373.
- Alfa.mk. (2011). Окупирај го Wall Street, окупирај го Скопје // *Алфа ТВ*. 11.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20120403142912/http://vesti.alfa.mk/default.aspx?mId=36&eventId=41572> (дата доступа: 01.04.2018).
- Anand M. R., Gupta G. L., Dash R.* (2012). *The Euro Zone Crisis: Its Dimensions and Implications*. New Delhi: Department of Economic Affairs (DEA) of the Ministry of Finance.
- Andrews K. T., Biggs M.* (2006). The Dynamics of Protest Diffusion: Movement Organizations, Social Networks, and News Media in the 1960 Sit-Ins // *American Sociological Review*. Vol. 71. № 5. P. 752–777.
- Arezki M. R., Bruckner M.* (2011). *Food Prices and Political Instability*. Washington: International Monetary Fund.
- Bagheri D. A., Shafie S. M.* (2017). Globalization, Crisis of Meaning and Emergence of the Fundamentalist Identity: The Case Study of the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS) // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 8. № 1. P. 139–155.
- Banks A. S., Wilson K. A.* (2018). *Cross-National Time-Series Data Archive*, Jerusalem: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (дата доступа: 05.06.2018).
- Barber B.* (2003). *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley: University of California Press.
- BBC. (2015). *Moldova Anger Grows over Banking Scandal* // *BBC News*. 14.09.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34244341> (дата доступа: 29.05.2018).
- Beck C. J.* (2011). The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. Vol. 35. № 2. P. 167–207.
- Beck C. J.* (2014). Reflections on the Revolutionary Wave in 2011 // *Theory and Society*. Vol. 43. № 2. P. 197–223.
- Beehner L.* (2018). Fragile States and the Territory Conundrum to Countering Violent Nonstate Actors // *Democracy and Security*. Vol. 14. № 2. P. 101–127.
- Beissinger M. R.* (2002). *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M. R.* (2007). Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 2. P. 259–276.

- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K.* (2015). Explaining Divergent Revolutionary Coalitions: Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions // *Comparative Politics*. Vol. 48. № 1. P. 1–24.
- Blic.rs.* (2011). Rim u plamenu, više od 70 povređenih u okršajima “ogorčenih” sa policijom // *Blic*. 15.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20110117171416/http://www.blic.rs/Vesti/Svet/283383/Sirom-sveta-protesti-Ogorcenih-pridruzio-se-i-Beograd> (дата обращения: 1.04.2018).
- Bogaert K.* (2011). Global Dimensions of the Arab Spring and the Potential for Anti-hegemonic Politics // *Jadaliyya*. № 21. P. 1–3.
- Bogaert K.* (2013). Contextualizing the Arab Revolts: The Politics behind Three Decades of Neoliberalism in the Arab World // *Middle East Critique*. Vol. 22. № 3. P. 213–234.
- Breau S.* (2014). The Occupy Movement and the Top 1% in Canada // *Antipode*. Vol. 46. № 1. P. 13–33.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D.* (2015). Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 59. № 7. P. 1186–1215.
- Bunce V. J., Wolchik S. L.* (2006). International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. № 3. P. 283–304.
- Chaisty P., Whitefield S.* (2013). Forward to Democracy or Back to Authoritarianism? The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011–2012 // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 5. P. 387–403.
- Charnock G., Purcell T., Ribera-Fumaz R.* (2014). *The Limits to Capital in Spain*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Clark D., Regan P.* (2018). *Mass Mobilization Protest Data*. Cambridge: Harvard University. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/MMdata> (дата доступа: 05.05.2018).
- Currie K.* (2012). Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*. Vol. 2012. P. 294–297. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2012/currie_en.pdf (дата доступа: 05.06.2018).
- Danjibo N. D.* (2013). The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*. Vol. 35. № 2. P. 16–34.
- Davies J. C.* (1962). Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. Vol. 27. № 1. P. 5–19.
- DeNardo J.* (2014). *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
- Denik.cz.* (2011). Až 300 lidí demonstrovalo proti vládám a finančníkům // *Denik*. 15.10.2011. URL: https://www.denik.cz/z_domova/demonstranti-v-praze-protestuji-proti-soucasne.html (дата доступа: 1.04.2018).
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G.* (2017). Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts // *World Futures*. Vol. 73. № 4–5. P. 216–223.

- Dowe H.* (2001). *Europe in 1848: Revolution and Reform*. New York: Berghahn Books.
- Duyvendak J. W., Giugni M. G.* (1995) *Social Movement Types and Policy Domains // Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J. W., Giugni M.* (eds.). *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 82–110.
- Elbakidze L., Jih Y. H.* (2015) Are Economic Development and Education Improvement Associated with Participation in Transnational Terrorism? // *Risk Analysis*. Vol. 35. № 8. P. 1520–1535.
- Epress.am. (2018). Pashinyan to Negotiate with Authorities on Behalf of People // Epress. 21.04.2018. URL: <http://epress.am/en/2018/04/21/thousands-reconvene-anti-government-protests-across-armenia-dozens-detained-live-thread.html> (дата доступа: 06.06.2018).
- Erde J.* (2014). Constructing Archives of the Occupy Movement // *Archives and Records*. Vol. 35. № 2. P. 77–92.
- Erdogan A.* (2013). From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition // *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Vol. 12. № 3. P. 17–31.
- Euronews.com. (2011). Йемен: тысячи манифестантов в Сане требуют отставки президента // Euronews. 29.05.2018. URL: <http://ru.euronews.com/2011/01/27/growing-anti-regime-protests-spread-to-yemen> (дата доступа: 29.05.2018).
- Europol. (2018). EU Terrorism Situation and Report 2018 (TESAT 2018). The Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/eu-terrorism-situation-and-trend-report#fndtn-tabs-o-bottom-2> (дата доступа: 07.06.2018).
- Fadaee S., Schindler S.* (2014). The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability // *Globalizations*. Vol. 11. № 6. P. 777–791.
- FAO. (2018). Monthly Real Food Price Indices. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nation. URL: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/world-food/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls (дата доступа: 02.05.2018).
- Fillipov M., Smutov M.* (2011). Tallinnas avaldasid sajad inimesed meelt pankade ja poliitikute vastu // *Postimees*. 15.10.2011. URL: <https://tallinn.postimees.ee/599232/tallinnas-avaldasid-sajad-inimesed-meelt-pankade-ja-poliitikute-vastu> (дата доступа: 1.04.2018).
- Gamson W. A., Sifry M. L.* (2013). The Occupy Movement: An Introduction // *Sociological Quarterly*. Vol. 54. № 2. C. 159–163.
- Giannakis E., Bruggeman A.* (2017). Economic Crisis and Regional Resilience: Evidence from Greece // *Papers in Regional Science*. Vol. 96. № 3. P. 451–476.
- Gil-Alana L. A.* (2003). A Fractional Multivariate Long Memory Model for the US and the Canadian Real Output // *Economics Letters*. Vol. 81. № 3 P. 355–359.
- Goldstone J. A.* (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

- Goldstone J. A.* (2011). Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*. Vol. 90. № 3. P. 8–16.
- Goldstone J. A.* (2017). Demographic Structural Theory: 25 Years On // *Cliodynamics*. Vol. 8. № 2. P. 85–112.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustic M., Marshall M., Ufelder J., Woodward M.* (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1. P. 190–208.
- Grasso M. T., Giugni M.* (2016). Protest Participation and Economic Crisis: The Conditioning Role of Political Opportunities // *European Journal of Political Research*. Vol. 55. № 4. P. 663–680.
- Greene R., Kuswa K.* (2012). From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 42. № 3. P. 271–288.
- Grinin L. E.* (2018). Revolutions: An Insight into a Five Centuries' Trend // *Social Evolution & History*. Vol. 17. № 2. P. 15–39.
- Grinin L., Korotayev A.* (2011). The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future // *World Futures*. Vol. 67. №. 8. C. 531–563.
- Grinin L., Korotayev A.* (2012). Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. Vol. 68. № 7. P. 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V.* (2016). Revolution and Democracy: Sociopolitical Systems in the Context of Modernization // *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 10. № 3. P. 118–139.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A.* (2019). Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. Dordrecht: Springer.
- Gunter M.* (2013). The Kurdish Spring // *Third World Quarterly*. Vol. 34. № 3. P. 441–457.
- Gurr T. R.* (1970). Sources of Rebellion in Western Societies: Some Quantitative Evidence // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 391. № 1. P. 128–144.
- Hammond J. L.* (2015). The Anarchism of Occupy Wall Street // *Science & Society*. Vol. 79. № 2. P. 288–313.
- Hendrix C., Haggard S., Magaloni B.* (2009). Grievance and Opportunity: Food Prices, Political Regime, and Protest. Presentation at the International Studies Association Convention, New York (August, 2009).
- Hoesterey J.* (2013). Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy // *Review of Middle East Studies*. Vol. 47. № 1. P. 56–62.
- Huntington S.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Iranzo A., Farné A.* (2013). Occupy Movements in the Media // *Peace Review*. V. 25. P. 384–391.
- Jensen M., Bang H.* (2013). Occupy Wall Street: A New Political Form of Movement and Community? // *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 10. P. 444–461.

- Jones G. A., Rodgers D.* (2011). The World Bank's World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: A Critique through Five Vignettes // *Journal of International Development*. Vol. 23. № 7. P. 980–995.
- Kavada A.* (2015). Communicating Protest Movements: The Case of Occupy // *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. Vol. 13. № 1. P. 39–54.
- Kavada A.* (2017). Social Movements and the Global Crisis: Organising Communication for Change // *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 12. № 1. P. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O.* (2017) Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square // *Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P.* (eds.). *Protest Camps and Social Movements: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol, Chicago: Bristol and Chicago Policy Press. P. 71–90.
- Kerton S.* (2012). Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*. Vol. 1. P. 302–308.
- Kohut A.* (2011). The «Haves» and the «Have-Nots» // *The New York Times*. 18 October. Opinion page.
- Korotayev A., Bilyuga S., Belalov I., Goldstone J.* (2018) Oil Prices, Socio-Political Destabilization Risks, and Future Energy Technologies // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 128. P. 304–310.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A.* (2017). Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality // *Russian Sociological Review*. Vol. 16. № 3. P. 30–57.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A.* (2016) Egyptian Coup of 2013: An «Econometric» Analysis // *Journal of North African Studies*. Vol. 21. № 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* (2015). Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 49. № 5. P. 461–488.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A.* (2018). A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. Vol. 14. № 4. P. 331–357.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I.* (2018). Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis // *Cliodynamics*. V. 9. № 1. P. 59–118.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevoznov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S.* (2011). A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // *Cliodynamics*. Vol. 2. № 2. P. 276–303.
- Kuzio T.* (2006). Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. № 3. P. 365–386.
- Lagi M., Bertrand K., Bar-Yam Y.* (2011). *The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East*. Cambridge: New England Complex Systems Institute.

- Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D.* (2011). The Arab Spring| The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Matsuzato K.* (2017). The Donbass War: Outbreak and Deadlock // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 25. № 2. P. 175–201.
- Mitrokhin N.* (2015). Infiltration, Instruction, Invasion: Russia's War in the Donbass // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. Vol. 1. № 1. P. 219–249.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M.* (2002). Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra.
- Musthaq F.* (2014). Tumult in the Maldives // *Journal of Democracy*. Vol. 25. № 2. P. 164–170.
- Myers D. J.* (2000). The Diffusion of Collective Violence: Infectiousness, Susceptibility, and Mass Media Networks // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. № 1. P. 173–208.
- Olson M.* (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force // *Journal of Economic History*. Vol. 23. № 4. P. 529–552.
- Ortmans O., Mazzeo E., Mescherina K., Korotayev A.* (2017). Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis // *Cliodynamics*. Vol. 8. № 2. P. 113–158.
- Pickerill J., Krinsky J.* (2012). Why does Occupy Matter? // *Social Movement Studies*. Vol. 11. P. 279–287.
- Radio Sarajevo. (2011). Sarajevo se pridružilo protestima // Radio Sarajevo. 15.10.2011. URL: <https://www.webcitation.org/6I7Y9ySvj?url=http://www.radiosarajevo.ba/novost/65399> (дата доступа: 01.04. 2018).
- Radio Zet. (2016). Opozycja wciąż w Sejmie. «Będziemy tyle, ile potrzeba!» // Radio Zet. 17.12.2016. URL: <http://archiwum.radiozet.pl/Wiadomosci/Kraj/Protest-przed-Sejmem.-Manifestacja-w-Warszawie-w-poludnie-00033953> (дата доступа: 29.05.2018).
- Reuters.com. (2013). Kiev Protest Gather, EU Dangers Aid Promise // Reuters. 12.12.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/2013/12/12/us-ukraine-idUSBRE9BA04420131212> (дата доступа: 29.05.2018).
- Rexhepi I.* (2011). Nuk Shqetëson «Occupy Prishtina» // KALLXO. 23.10.2011. URL: <http://kallxo.com/gjnk/nuk-shqeteson-occupy-prishtina/> (дата доступа: 1.04.2018).
- Ria.ru. (2011). Более 20 тыс. человек участвуют в демонстрации в столице Йемена // РИА Новости. 03.02.2011. URL: <https://ria.ru/world/20110203/329785877.html> (дата доступа: 29.05.2018).
- Rose R., Mishler W.* (2010). The Impact of Macro-economic Shock on Russians // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 26. № 1. P. 38–57.
- Sigelman L., Simpson M.* (1977). A Cross-National Test of The Linkage between Economic Inequality and Political Violence // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 21. № 1. P. 105–128.

- Skinner J.* (2011). Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms // Working Papers on Information Systems. Vol. 11. № 169. P. 2–26.
- Slaughter A. M.* (2011). Occupy Wall Street and the Arab Spring // The Atlantic. 07.10.2011. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (дата доступа: 17.04.2018).
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A.* (2017). Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-analysis // Cross-Cultural Research. Vol. 51. № 1. P. 26–50.
- Sme.sk.* (2011). Protestovalo sa aj pred sídlom Penty // SME. 15.10.2011. URL: <http://www.sme.sk/c/6099081/protestovalo-sa-aj-pred-sidlom-penty.html> (дата доступа: 1.04.2018).
- Smith B.* (2004). Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World, 1960–1999 // American Journal of Political Science. Vol. 48. № 2. P. 232–246.
- START. (2018). Global Terrorism Database. College Park: University of Maryland. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (дата доступа: 18.04.2018).
- Tarrow S., Tilly Ch.* (2007). Contentious Politics and Social Movements // *Boix C., Stokes S. C.* (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press. P. 435–460.
- Tilly Ch.* (2003). The Politics of Collective Violence. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urdal H.* (2004). The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000. Washington: World Bank.
- Waits R.* (2011). V for Vendetta Masks: Who's behind Them? // BBC News Magazine. 20.10.2011. URL: www.bbc.com/news/magazine-15359735 (дата доступа: 1.04.2018).
- Weyland K.* (2009). Bounded Rationality and Policy Diffusion: Social Sector Reform in Latin America. Princeton: Princeton University Press.
- Wilson K.* (2017). Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual. Jerusalem: Databanks International.
- World Bank. (2018). GPD per capita (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата доступа: 10.06.2018).
- Zekic B.* (2011). Dolazite li sutra na prosvjed? “To je zadnja prilika borbe za ljudskost, bojim se da ćemo postati životinje” // IndexHr. 14.10.2011. URL: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/dolazite-li-sutra-na-prosvjed-to-je-zadnja-prilika-borbe-za-ljudskost-bojim-se-da-cemo-postati-zivotinje/577283.aspx> (дата доступа: 1.04.2018).
- Zogby J.* (2011). Whether in Egypt or America, It Takes Organization to Win // Huff Post World. 22.10.2011. URL: https://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html (дата доступа: 29.06.2018).

Echo of the Arab Spring in Eastern Europe: A Quantitative Analysis

Andrey Korotayev

PhD, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics
Chief Research Professor, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Daniil Romanov

Research Assistant, Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

Ilya Medvedev

Research Intern, International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: semyonkot@yandex.ru

The article analyzes the impact of the Arab Spring on destabilization processes in Eastern Europe. The authors show how the success of the Arab revolutions influenced the rise of protest activity in Eastern Europe in 2011. The similarities of the protests in Eastern Europe with the protests of the Arab Spring period are demonstrated. We also analyze ways of borrowing patterns of destabilization. The wave of protest activity after 2011 is compared with the previous wave of protest activity initiated by the global financial-economic crises of 2008–2009. In addition to the external factor of the Arab Spring, the article examines the internal factors of the protest activity of the second wave of the economic crisis associated with the economic crises in Portugal, Italy, Spain, and Greece. The authors define the most typical forms of destabilization for Eastern Europe: anti-government demonstrations, riots, terrorist actions, and guerrilla warfare. The contribution of the Ukrainian Revolution in 2014 to the dynamics of the most violent forms of protest in Eastern Europe is also analyzed. In explaining the special case of Ukraine which breaks with the general trend of Eastern Europe, the authors show that Ukraine experienced a transition from less-violent forms of destabilization (anti-government demonstrations and riots) to more violent ones (guerrilla warfare and terrorist attacks) in 2013–2014. The reasons for the growth of terrorist activity and guerrilla warfare as well as the role of the war in Donbass are discussed. It is shown that though the case of Ukraine is unique for Eastern Europe in the period under study, it has many parallels on a global scale.

Keywords: Arab Spring, Eastern Europe, political instability, anti-government demonstrations, riots, guerrilla warfare, terrorist attacks, CNTS destabilization indices

References

- 24ur.com. (2011) Treba je ustaviti politiko zategovanja pasov. *24ur*, 14.10.2011. Available at: <http://24ur.com/novice/slovenija/shoda-v-ljubljani-in-kopru-nista-prijavljena.html> (accessed 1 April 2018).
- A+1. (2012) Protest continues at Mashtots Park. *A1plus*, 13.02.2012. Available at: <http://www.a1plus.am/55320.html> (accessed 1 April 2018).
- Abusharif I. N. (2014) *Parsing "Arab Spring"*, Doha: Northwestern University in Qatar.

- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017) Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 116, pp. 316–321.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2010) O vozmozhnosti predskazaniya nyneshnego globalnogo krizisa i yego vtoroy volny [About the possibility of predicting the current global crisis and its second wave]. *Ekonomicheskaya politika*, no 6, pp. 39–46.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2011) Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics*, vol. 83, no 2, pp. 1–4.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the dynamics of the world demographic transition and financial-economic crises forecasts. *European Physical Journal Special Topics*, vol. 205, no 1, pp. 355–373.
- Alfa.mk. (2011) Окупирај го Wall Street, окупирај го Скопје. *Алфа ТВ*, 11.10.2011. Available at: <https://web.archive.org/web/20120403142912/http://vesti.alfa.mk/default.aspx?mld=36&eventId=41572> (accessed 1 April 2018).
- Anand M. R., Gupta G. L., Dash R. (2012) *The euro zone crisis and its dimensions and implications*. New Delhi: Department of Economic Affairs (DEA) of the Ministry of Finance.
- Andrews K. T., Biggs M. (2006) The dynamics of protest diffusion: Movement organizations, social networks, and news media in the 1960 sit-ins. *American Sociological Review*, vol. 71, no 5, pp. 752–777.
- Arezki M. R., Bruckner M. (2011) *Food Prices and Political Instability*. Washington: International Monetary Fund.
- Bagheri D. A., Shafie S. M. (2017) Globalization, crisis of meaning and emergence of the fundamentalist identity; the case study of the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS). *Journal of Globalization Studies*, vol. 8, no 1, pp. 139–155.
- Banks A. S., Wilson K. A. (2018) *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International. Available at: <http://www.databanksinternational.com> (accessed 5 June 2018).
- Barber B. (2003) *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*, Berkeley: University of California Press.
- BBC. (2015) Moldova anger grows over banking scandal. *BBC News*, 14.09.2015. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34244341> (accessed: 29 May 2018).
- Beck C. J. (2011) The world-cultural origins of revolutionary waves: five centuries of European contention. *Social Science History*, vol. 35, no 2, pp. 167–207.
- Beck C. J. (2014) Reflections on the revolutionary wave in 2011. *Theory and Society*, vol. 43, no 2, pp. 197–223.
- Beehner L. (2018) Fragile states and the territory conundrum to countering violent nonstate actors. *Democracy and Security*, vol. 14, no 2, pp. 101–127.
- Beissinger M. R. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M. R. (2007) Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer/rose/orange/tulip revolutions. *Perspectives on Politics*, vol. 5, no 2, pp. 259–276.
- Beissinger M., Jamal A., Mazur K. (2015) Explaining divergent revolutionary coalitions: Regime strategies and the structuring of participation in the Tunisian and Egyptian revolutions. *Comparative Politics*, vol. 48, no. 1, pp. 1–24.
- Blic.rs. (2011) Rim u plamenu, više od 70 povređenih u okršajima "ogorčenih" sa policijom. *Blic*, 15.10.2011. Available: <https://web.archive.org/web/20111017171416/http://www.blic.rs/Vesti/Svet/283383/Sirom-sveta-protesti-Ogorcenih-pridruzio-se-i-Beograd> (accessed 1 April 2018).
- Bogaert K. (2011) Global dimensions of the Arab Spring and the potential for anti-hegemonic politics. *Jadaliyya*, no 21, pp. 1–3.
- Bogaert K. (2013) Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world. *Middle East Critique*, vol. 22, no 3, pp. 213–234.
- Breau S. (2014) The occupy movement and the top 1% in Canada. *Antipode*, vol. 46, no 1, pp. 13–33.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. (2015) Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no 7, pp. 1186–1215.

- Bunce V. J., Wolchik S. L. (2006) International diffusion and post-communist electoral revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, no 3, pp. 283–304.
- Byzov L. (2013) Politicheskiye tsveta novorusskogo protesta [Political colors of the New Russian protest]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 1, pp. 27–32.
- Chaisty P., Whitefield S. (2013) Forward to democracy or back to authoritarianism? The attitudinal bases of mass support for the Russian election protests of 2011–2012. *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, no 5, pp. 387–403.
- Charnock G., Purcell T., Ribera-Fumaz R. (2014) *The Limits to Capital in Spain*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Clark D., Regan P. (2018) *Mass Mobilization Protest Data*, Cambridge: Harvard University. Available at: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/MMdata> (accessed 5 May 2018).
- Currie K. (2012) Asia and the Arab Spring. *Culture and Society*, vol. 2012, pp. 294–297. Available: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxius-adjunts/anuari/med.2012/currie_en.pdf (accessed 5 June 2018).
- Danjibo N. (2013) The aftermath of the Arab spring and its implication for peace and development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa*, vol. 35, no 2, pp. 16–34.
- Davies J. C. (1962) Toward a theory of revolution. *American Sociological Review*, vol. 27, no 1, pp. 5–19.
- DeNardo J. (2014) *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*, Princeton: Princeton University Press.
- Denik.cz. (2011) Až 300 lidí demonstrovalo proti vládám a finančníkům. *Denik*, 15.10.2011. Available at: https://www.denik.cz/z_domova/demonstranti-v-praze-protestu-proti-soucasne.html (accessed 1 April 2018).
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G. (2017) Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts. *World Futures*, vol. 73, no 4–5, pp. 216–223.
- Dowe H. (2001) *Europe in 1848: Revolution and Reform*, New York: Berghahn Books.
- Duyvendak J. W., Giugni M. G. (1995) Social movement types and policy domains. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis* (eds. H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. Giugni), Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 82–110.
- Dumskaya.net (2015) Terakty po-odesski: opyt predkov i sovremennyye tendentsii (infografika) [Terror acts in Odessa: the experience of ancestors and modern trends (infographics)]. *Dumskaya*, 06.03.2015. Available at: <http://dumskaya.net/news/25-teraktov-kogo-i-kak-vzryvayut-v-odesse-infogr-044308/> (accessed 29 May 2018).
- Ekho Moskvy (2012) Dmitriy Peskov poobeshchal razognat lager oppozitsii na Chistyykh prudakh [Dmitry Peskov promised to disperse the opposition camp on the Clean Ponds]. *Ekho Moskvy*, 11.05.2012. Available at: <https://echo.msk.ru/news/887291-echo.html> (accessed 1 April 2018).
- Epress.am (2018) Pashinyan to Negotiate with Authorities on behalf of People. *Epress*, 21.04.2018. Available at: <http://epress.am/en/2018/04/21/thousands-reconvene-anti-government-protests-across-armenia-dozens-detained-live-thread.html> (accessed 6 June 2018).
- Erde J. (2014) Constructing archives of the Occupy movement. *Archives and Records*, vol. 35, no 2, pp. 77–92.
- Erdogan A. (2013) From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, vol. 12, no 3, pp. 17–31.
- Euronews. Com. (2011) Yemen: tysyachi manifestantov v Sanaa trebuyut otstavki prezidenta [Yemen: thousands of demonstrators in Sanaa demand the resignation of the president]. *Euronews*, 29.05.2018. Available at: <http://ru.euronews.com/2011/01/27/growing-anti-regime-protests-spread-to-yemen> (accessed 29 June 2018).
- Europol. (2018) *EU terrorism situation and report 2018 (TESAT 2018)*. The Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. Available at: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018> (accessed 7 June 2018).
- Fadaee S., Schindler S. (2014) The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability. *Globalizations*, vol. 11, no 6, pp. 777–791.

- FAO (2018) *Monthly Real Food Price Indices*, Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nation. Available at: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/worldfood/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls (accessed 2 May 2018).
- Fillipov M., Smutov M. (2011) Tallinnas avaldasid sajad inimesed meelt pankade ja poliitikute vastu. *Postimees*, 15.10.2011. Available at: <https://tallinn.postimees.ee/599232/tallinnas-avaldasid-sajad-inimesed-meelt-pankade-ja-poliitikute-vastu> (accessed 1 April 2018).
- FOM (2011) Dinamika tsen [Dynamic of Prices]. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dc11.pdf> (accessed 1 June 2018).
- FOM (2011) Uroven protestnykh nastroyeniy [The Level of Protest Moods]. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d30ypn11.pdf> (accessed 1 June 2018).
- Gamson W. A., Sifry M. L. (2013) The# Occupy movement: an introduction. *The Sociological Quarterly*, vol. 54, no 2, pp. 159–163.
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017) Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*, vol. 96, no 3, pp. 451–476.
- Gil-Alana L. A. (2003) A fractional multivariate long memory model for the US and the Canadian real output. *Economics Letters*, vol. 81, no 3, pp. 355–359.
- Glinkina S., Kulikova N., Sinitsina I. (2014) *Strany Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy: yevrointegratsiya i ekonomicheskiy rost* [The Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth], Moscow: Institute of Economics RAS.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. (2011) Understanding the revolutions of 2011: weakness and resilience in Middle Eastern autocracies. *Foreign Affairs*, vol. 90, no 3, pp. 8–16.
- Goldstone J. A. (2017) Demographic Structural Theory: 25 Years On. *Cliodynamics*, vol. 8, no 2, pp. 85–112.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustic M., Marshall M., Ufelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 190–208.
- Grasso M. T., Giugni M. (2016) Protest participation and economic crisis: The conditioning role of political opportunities. *European Journal of Political Research*, vol. 55, no 4, pp. 663–680.
- Greene R., Kuswa K. (2012) From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 42, no 3, pp. 271–288.
- Grinin L. (2017) Russkaya revolyutsiya i lovushki modernizatsii [The Russian Revolution and Modernization Traps]. *Polis (Russian Federation)*, no 4, pp. 138–155.
- Grinin L. (2018) Revolutions: an insight into a five centuries' trend. *Social Evolution & History*, vol. 17, no 2, pp. 15–39.
- Grinin L., Issaev L., Korotayev A. (2016) *Revolutsii i nestabilnost na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East], Moscow: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A. (2011) The coming epoch of new coalitions: Possible scenarios of the near future. *World Futures*, vol. 67, no 8, pp. 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. (2012) Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures*, vol. 68, no 7, pp. 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. (2016) Revolution and democracy: Sociopolitical systems in the context of modernisation. *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 10, no 3, pp. 118–139.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019) *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy: World System and World Values Perspectives*, Dordrecht: Springer.
- Gunter M. (2013) The Kurdish Spring. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 3, pp. 441–457.
- Gurr T. R. (1970) Sources of rebellion in Western societies: Some quantitative evidence. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 391, no 1, pp. 128–144.
- Hammond J. L. (2015) The anarchism of occupy Wall Street. *Science & Society*, vol. 79, no. 2, pp. 288–313.

- Hendrix, C., Haggard, S., & Magaloni, B. (2009) Grievance and opportunity: Food prices, political regime, and protest. Presentation at the International Studies Association Convention, New York (August, 2009).
- Hoesterey J. (2013) Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies*, vol. 47, no 1, pp. 56–62.
- Huntington S. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Iranzo A., Farné A. (2013) Occupy Movements in the Media. *Peace Review*, vol. 25, pp. 384–391.
- Issaev L. (2012) Plemennaya revolyutsiya po-yemenski [Yemeni Tribal Revolution] // *Neprikosnovennyy zapas*, no 4, pp. 178–187.
- Issaev L., Korotayev A. (2014) Egiptskiy perevorot 2013 goda: opyt ekonometricheskogo analiza [Egyptian coup of 2013: an econometric analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 2, pp. 14–20.
- Issaev L., Shishkina A. (2012) *Siriya i Yemen: neokonchennyye revolyutsii* [Syria and Yemen: Unfinished Revolutions], Moscow: LIBROKOM.
- Ivanov E., Shishkina A. (2018) Agflyatsiya i riski sotsialno-politicheskoy destabilizatsii v postsovetsoy Tsentralnoy Azii [Agflation and Sociopolitical Destabilization Risks in Post-Soviet Central Asia]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*, vol. 9, pp. 452–469.
- Jensen M., Bang H. (2013) Occupy Wall Street: A New Political Form of Movement and Community? *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 10, pp. 444–461.
- Jones G. A., Rodgers D. (2011) The World Bank's World Development Report 2011 on conflict, security and development: a critique through five vignettes. *Journal of International Development*, vol. 23, no 7, pp. 980–995.
- Kavada A. (2015) Communicating Protest Movements: The Case of Occupy. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, vol. 13, no 1, pp. 39–54.
- Kavada A. (2017) Social Movements and the Global Crisis: Organising Communication for Change. *Westminster Papers in Communication and Culture*, vol. 12, no 1, pp. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O. (2017) Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square. *Protest Camps and Social Movements: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance* (eds. G. Brown, A. Feigenbaum, F. Frenzel, P. McCurdy), Bristol, Chicago: Bristol and Chicago Policy Press, pp. 71–90.
- Kerton S. (2012) Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy. *Social Movement Studies*, vol. 1, pp. 302–308.
- Kohut A. (2011) The “Haves” and the “Have-Nots”. *The New York Times*, 18 October, opinion page.
- Korotayev A. (2014) O vozmozhnykh ekonomiko-psikhologicheskikh faktorakh ukrainskoy revolyutsii 2014 goda [On the possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, vol. 7, no 1, pp. 56–74.
- Korotayev A., Bilyuga S., Belalov I., Goldstone J. (2018) Oil prices, socio-political destabilization risks, and future energy technologies. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 128, pp. 304–310.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017) VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsiy i uroven' obrazovaniya. Kross-natsionalnyi analiz [GDP per capita, Anti-Government Demonstration Intensity, and Education Level. A Cross-National Analysis]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, no 1, pp. 127–143.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017) Ekonomicheskiy rost i sotsialno-politicheskaya destabilizatsiya: opyt globalnogo analiza [Correlation between GDP per capita and protest intensity: A quantitative analysis]. *Polis (Russian Federation)* no 2, pp. 155–169.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no 4, pp. 406–440.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. (2017) Economic development, sociopolitical destabilization and inequality. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 30–57.
- Korotayev A., Grinin L., Issaev L., Bilyuga C., Vaskin I., Slinko E., Shishkina A., Meshcherina K. (2017) *Destabilizatsiya: globalnyye, natsionalnyye, prirodnyye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: Global, National, Natural Factors and Mechanisms], Volgograd.: Uchitel.

- Korotayev A., Issaev L. (2014) Anatomiya egipetskoy kontrrevolyutsii [Anatomy of the Egyptian counter-revolution]. *World Economy and International Relations*, no 8, pp. 91–100.
- Korotayev A., Issaev L. (2015) Yemen: neizvestnaya revolyutsiya i mezhdunarodnyy konflikt [Yemen: Unknown Revolution and International Conflict]. *World Economy and International Relations*, no 8, pp. 71–81
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. (2016) Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis. *The Journal of North African Studies*, vol. 21, no 3, pp. 341–356.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013-2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no 5, pp. 461-488.
- Korotayev A., Khokhlova A., Tsirel C. (2018) Bezrabotitsa kak prediktor sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Zapadnoy i Vostochnoy Yevropy [Unemployment as a predictor of socio-political destabilization in Western and Eastern Europe]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 19, no 2, pp. 118–167.
- Korotayev A., Malkov S. (2014) Lovushka na vykhode iz maltuzianskoy lovushki v sovremennykh moderniziruyushchikhsya obshchestvakh [A Trap at the Escape from the Malthusian Trap in Modern Modernizing Societies]. *Istoriya i matematika*, vol. 9, pp. 43–98.
- Korotayev A., Meshcherina K., Kulikova E., Delyanov V. (2017) Arabskaya vesna i yeyo globalnoye ekho: kolichestvennyy analiz [Arab Spring and its global echo: quantitative analysis]. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, vol. 8., no 4, pp. 113–126.
- Korotayev A., Meshcherina K., Issaev L., Iskoskov A., Hern W., Delianov V., Kulikova Y. (2016) Arabskaya vesna kak trigger globalnoy sotsialno-politicheskoy destabilizatsii: opyt sistematicheskogo analiza [The Arab Spring as a trigger for global socio-political destabilization: a systematic analysis]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 7, p. 22–126.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. (2018) A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security*, vol. 14, no 4, pp. 331–357.
- Korotayev A., Romanov D., Bilyuga S., Khaltourina D. (2018) Vliyaniye udelnogo chisla internet-polzovateley na potentsial destabilizatsii: predvaritelnyy kolichestvennyy analiz [The impact of the proportion of Internet users on the destabilization potential: a preliminary quantitative analysis]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 9, pp. 222–247.
- Korotayev A., Shishkina A., Issaev L. (2016) Arabskaya vesna kak trigger globalnogo fazovogo perehoda? [Arab spring as a global phase transition trigger?]. *Polis (Russian Federation)*, no 3, pp. 108–122.
- Korotayev A., Shishkina A., Lukhmanova Z. (2017) Volna globalnoy sotsialno-politicheskoy destabilizatsii 2011-2015 gg.: kolichestvennyy analiz [The wave of global sociopolitical destabilization of 2011-2015: a quantitative analysis]. *Polis (Russian Federation)*, no 6, pp. 150–168.
- Korotayev A., Tsirel S., Bilyuga S. (2019) Korruptsiya, tsennosti i popytki nasilstvennykh izmenenii gosudarstvennoi vlasti v stranakh s razlichnym urovnem VVP na dushu naseleniia: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korreliatsionnogo analiza [Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, no 1, pp. 98–123.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017) Gipoteza Olsona — Huntingtona o krivolinyeynoy zavisimosti mezhdou urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsialno-politicheskoy destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza [Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–49.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clidynamics*, vol. 9, no 1, pp. 59–118.
- Korotayev A., Zinkina J. (2011) Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskiy analiz [Egyptian Revolution of 2011: A Sociodemographic Analysis]. *Istoriicheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, vol. 4, no 2, pp. 5–29.

- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. (2011) A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics*, vol. 2, no 2, pp. 276–303.
- Kuzio T. (2006) Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, no 3, pp. 365–386.
- Lagi M., Bertrand K., Bar-Yam Y. (2011) *The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East*, Cambridge: New England Complex Systems Institute.
- Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D. (2011) The Arab Spring| The revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions. *International Journal of Communication*, vol. 5, pp. 1375–1405.
- Malkov S., Korotayev A., Bilyuga S., Osipov D. (2017) K voprosu o nekotorykh yestestvenno-prirodnnykh faktorakh sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii [Some environmental factors of sociopolitical destabilization]. *Informatsionnyye voyny*, vol. 3, no 43, pp. 56–69.
- Malkov S., Korotayev A., Issaev L., Kuzminova E. (2013) O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsialnoy nestabilnosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytiy Arabskoy vesny [On the methodology for assessing the current state and predicting social instability: a quantitative analysis of the events of the Arab Spring]. *Polis (Russian Federation)*, no 4, pp. 137–162.
- Matsuzato K. (2017) The Donbass War: Outbreak and Deadlock. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no 2. pp. 175–201.
- Mitrokhin N. (2015) Infiltration, instruction, invasion: Russia's war in the Donbass. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, vol. 1, no 1, pp. 219–249.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2002) *Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth*, Barcelona: Universitat Pompeu Fabra.
- Musthaq F. (2014) Tumult in the Maldives. *Journal of Democracy*, vol. 25, no 2, pp. 164–170.
- Myers D. J. (2000) The diffusion of collective violence: Infectiousness, susceptibility, and mass media networks. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 1, pp. 173–208.
- Nazarov M. (1995) Politicheskii protest: opyt empiricheskogo analiza [Political protest: the experience of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 47–59.
- Olson M. (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force. *Journal of Economic History*, vol. 23, no 4, pp. 529–552.
- Ortmans O., Mazzeo E., Mescherina K., Korotayev A. (2017) Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Clodynamics*, vol. 8, no 2, pp. 113–158.
- Penkovtsev P., Mokbel X. (2017) Vliyaniye sobytiy "arabskoy vesny" na politicheskuyu situatsiyu v Respublike Yemen [Influence of the Arab Spring Events on the Political Situation In The Republic Of Yemen]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, vol. 9., no 6-2, pp. 183–188.
- Pickerill, J., Krinsky, J. (2012) Why does Occupy Matter? *Social Movement Studies*, vol. 11, pp. 279–287.
- Radio Sarajevo (2011) Sarajevo se pridružilo protestima. *Radio Sarajevo*, 15.10.2011. Available at: <https://www.webcitation.org/6l7Y9ySvj?url=http://www.radiosarajevo.ba/novost/65399> (accessed 1 April 2018).
- Radio Zet (2016) Opozycja wciąż w Sejmie. „Będziemy tyle, ile potrzeba!”. *Radio Zet*, 17.12.2016. Available at: <http://archiwum.radiozet.pl/Wiadomosci/Kraj/Protest-przed-Sejmem.-Manifestacja-w-Warszawie-w-poludnie-00033953> (accessed 29 May 2018).
- Reuters.com (2013) Kiev protest gather, EU dangles aid promise. *Reuters*, 12.12.2013. Available at: <https://www.reuters.com/article/2013/12/12/us-ukraine-idUSBRE9BA04420131212> (accessed 29 June 2018).
- Rexhepi I. (2011) Nuk Shqetëson 'Occupy Prishtina'. *KALLXO*, 23.10.2011. Available at: <http://kallxo.com/gjnk/nuk-shqeteson-occupy-prishtina/> (accessed 1 April 2018).
- Ria.ru (2011) Boleye 20 tys. chelovek uchastvuyut v demonstratsii v stolitse Yemena [More than 20 thousand people participate in the demonstration in the capital of Yemen]. *RIA Novosti*, 03.02.2011. Available at: <https://ria.ru/world/20110203/329785877.html> (accessed 29 May 2018).
- Romanov D., Bilyuga S., Khaltourina D. (2018) Svyaz "molodezhnykh bugrov" s yavleniyami sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii [The connection of "youth bulges" with the phenomena

- of socio-political destabilization]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 9, pp. 181–221.
- Rose R., Mishler W. (2010) The impact of macro-economic shock on Russians. *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no 1, pp. 38–57.
- Sigelman L., Simpson M. (1977) A cross-national test of the linkage between economic inequality and political violence. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 21, no 1, pp. 105–128.
- Skinner J. (2011) Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms. *Working Papers on Information Systems*, vol. 11, no 169, pp. 2–26.
- Slaughter A. M. (2011) Occupy Wall Street and the Arab Spring. The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (accessed 17 April 2018).
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime type and political destabilization in cross-national perspective: a re-analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26–50.
- Sme.sk. (2011) Protestovalo sa aj pred sídlom Penty. *SME*, 15.10.2011. Available at: <http://www.sme.sk/c/6099081/protestovalo-sa-aj-pred-sidlom-penty.html> (accessed 1 April 2018).
- Smith B. (2004) Oil wealth and regime survival in the developing world, 1960–1999. *American Journal of Political Science*, vol. 48, no 2, pp. 232–246.
- Sobolev A. (2013) Geografiya, tekhnologii i politika: faktory kollektivnogo protesta v Rossii 2011–2012 godov [Geography, technology and politics: factors of collective protest in Russia 2011–2012]. *Sociology of Power*, no. 4, pp. 104–118.
- START (2018) *Global Terrorism Database*, College Park: University of Maryland. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed 18 April 2018).
- Tarrow S., Tilly Ch. (2007) Contentious politics and social movements. *The Oxford Handbook of Comparative Politics* (eds. C. Boix, S. C. Stokes), Oxford: Oxford University Press, pp. 435–460.
- Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsirel S. (2012) Usloviya voznikoveniya revolyutsionnykh situatsiy v arabskikh stranakh [Conditions for the occurrence of revolutionary situations in the Arab countries]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 3, pp. 162–173.
- Tsirel S. (2015) K istokam urkainskikh revolyutsyonykh sobytyi 2013–2014 [to the origins of Ukrainian revolutionary events]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 6, pp. 57–83.
- Ukrainskaya pravda (2012) V Rumynii protesty uvolili pravitel'stvo [In Romania, protests fired the government]. *Ukrainskaya Pravda*, 06.02.2012. Available at: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2012/02/6/6954905/> (accessed 1 May 2018).
- Urdal H. (2004) *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*, Washington: World Bank.
- Urnov M. (2008) *Emotsii v politicheskom povedenii* [Emotions in Political Behavior], Moscow: Aspect Press.
- Vaskin I., Korotayev A., Tsirel S. (2018) Ekonomicheskii rost, obrazovaniye i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic development, education, and terrorism: A quantitative analysis]. *Sociological Journal*, vol. 24, no 2, pp. 28–65.
- Waits R. (2011) V for Vendetta masks: Who's behind them? *BBC News Magazine*, 20.10.2011. Available at: www.bbc.com/news/magazine-15359735 (accessed 1 April 2018).
- Weyland K. (2009) *Bounded Rationality and Policy Diffusion: Social Sector Reform in Latin America*, Princeton: Princeton University Press.
- Wilson K. (2017) *Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual*, Jerusalem: Databanks International.
- World Bank (2018) GPD per capita (current US\$). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 10 June 2018).
- Yashlavsky A. (2018) Mezhdu soblaznom i prinuzhdeniyem: "myagkaya sila" IGIL [Between lure and coercion: ISIS's "soft power"]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 7, pp. 27–37.
- Zamyatnina Y. (2018) Obrazovaniye i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: sistemacheskii obzor [Education and socio-political destabilization: a systematic review]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 8, pp. 219–232.

- Zekic B. (2011) Dolazite li sutra na prosvjed? "To je zadnja prilika borbe za ljudskost, bojim se da ćemo postati životinje". *IndexHr*, 14.10.2011. Available at: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/dolazite-li-sutra-na-prosvjed-to-je-zadnja-prilika-borbe-za-ljudskost-bojim-se-da-cemo-postati-zivotinje/577283.aspx> (accessed 1 April 2018).
- Zogby J. (2011) Whether in Egypt or America, it takes organization to win. *Huff Post World*, 22.10.2011. Available at: https://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html (accessed 29 June 2018).

Этническая дискриминация в борьбе с преступностью и терроризмом — вопрос здравого смысла?

Ксения Григорьева

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Адрес: ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5., г. Москва, Российская Федерация 117218
E-mail: kсениагригорьева@yandex.ru

Несмотря на запрет расовой дискриминации российским и международным законодательством, она сохраняется и в России, и за рубежом. Особую остроту данная проблема приобрела в контексте борьбы с терроризмом. После 11 сентября 2001 года популярной стала точка зрения, согласно которой осуществление «особого контроля» в отношении граждан некоторых национальностей и/или выходцев из отдельных регионов является неправовым, но эффективным, а потому незаменимым средством противодействия террористической угрозе и другим глобальным вызовам безопасности. В странах — членах Совета Европы (в т. ч. в России) и США распространились распоряжения об этнически избирательном контроле и соответствующие практики. Настоящая статья посвящена анализу таких практик и распоряжений в различных регионах Российской Федерации. Эмпирической базой исследования являются документальные источники: постановления и программы региональных органов власти; доклады о ходе их выполнения; отчеты сотрудников полиции; материалы межведомственных совещаний и другие документы, находящиеся в открытом доступе и размещенные на официальных сайтах российских государственных учреждений. Кроме того, в статье рассматривается аналогичный международный опыт борьбы с преступностью и терроризмом. Делается вывод, что этнически избирательный контроль неэффективен и приводит к целому ряду негативных последствий: усилению социального неравенства; снижению качества работы правоохранительных органов; недоверию к полиции; стигматизации этнических и национальных групп; повышению межэтнической и межнациональной напряженности в обществе. Применение альтернативных методов противодействия терроризму и другим видам преступлений позволяет повысить результативность работы полиции и избежать дискриминации.

Ключевые слова: дискриминация, терроризм, расовое профилирование, этнические меньшинства, межэтническая напряженность

Равноправие — основополагающий принцип современных демократических государств, согласно которому все граждане равны перед законом и имеют право на равную защиту закона без какого бы то ни было различия, в т. ч. независимо от расы, национальности, происхождения и места жительства (ООН, 1948). Дискриминация запрещена Конституцией Российской Федерации (ст. 19), Уголовным кодексом Российской Федерации (ст. 136), Кодексом Российской Федерации об

административных правонарушениях (ст. 5.62), а также рядом международных соглашений, к которым присоединилась Россия, в частности, Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ст. 14)¹ и Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Тем не менее как в России, так и за рубежом принцип равноправия нередко игнорируется, а в качестве оправдания приводятся доводы о необходимости борьбы с преступностью и терроризмом. При этом существование институционализированных дискриминационных практик всегда отрицается, а в случае выявления фактов расовой (этнической) дискриминации их причиной объявляются предрассудки отдельных должностных лиц.

Результаты исследования, представленные в настоящей статье, показывают, что: 1) дискриминационные практики существуют на институциональном уровне, по крайней мере, в некоторых регионах России и зарубежных стран; 2) представление о том, что этнически избирательный контроль — эффективное средство в противодействии преступности и терроризму, в действительности не находит подтверждения. Напротив, имеющийся зарубежный опыт позволяет заключить, что отказ от этнической избирательности повышает качество и результативность работы правоохранительных органов.

Определение понятий

В данной статье понятие дискриминации используется в соответствии с определением, которое дает Европейский суд по правам человека² (ЕСПЧ), а именно: «различное обращение с людьми в аналогичных ситуациях без объективного и разумного обоснования» (European Court, 2002: 326). Дискриминация по признаку этнической принадлежности в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации³, определением Европейской комис-

1. Присоединившись к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), в ведении которого находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Конвенция и Протоколы являются составной частью правовой системы России и имеют приоритет по отношению к нормам национального законодательства.

2. Выбор этого определения обусловлен тем, что ЕСПЧ: 1) представляет собой наднациональный судебный орган, в юрисдикции которого находятся все страны — члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в т. ч. и Россия; 2) имеет обширную судебную практику по делам, связанным с различными формами дискриминации; 3) предлагает определение, которое является, на наш взгляд, наиболее кратким и емким в ряду аналогичных определений.

3. Согласно ч. 1 ст. 1 Конвенции, «выражение „расовая дискриминация“ означает любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни» (ООН, 1965).

сии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН)⁴ и ЕСПЧ⁵ является одной из форм расовой дискриминации. Причем таковой признается дискриминация не только по признаку действительной, но и по признаку предполагаемой этнической принадлежности (ЕСПЧ, 2005).

Дискриминация по признаку национального происхождения⁶, согласно определению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и ЕКРН, также рассматривается в качестве разновидности расовой дискриминации.

Дискриминация по месту жительства — понятие, охватывающее широкий спектр различных ситуаций⁷. В рамках настоящего исследования нас будут интересовать дискриминационные практики, связанные с регистрацией по месту жительства, в тех случаях, когда они смыкаются с расовой дискриминацией. К таковым, например, относится дискриминация граждан России, прибывших из северокавказских республик, поскольку граждане из этой категории с высокой долей вероятности будут иметь иное этническое происхождение, чем жители того региона, где они в настоящее время пребывают или проживают⁸.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования являются официальные документы: распоряжения и программы, принятые региональными органами власти; доклады о ходе их выполнения; отчеты и информационно-аналитические записки сотрудников полиции; материалы межведомственных совещаний и т. д. Поиск документальных источников осуществлялся с марта 2017 года по август 2018 года в информационных базах данных «КонсультантПлюс», «Гарант», «Законы и постановления РФ», на официальном сайте МВД России (мвд.рф), в поисковых системах «Яндекс» и «Google».

4. Согласно п. (б) Раздела I Общеполитической рекомендации ЕКРН № 7, «прямая расовая дискриминация» означает любое неодинаковое обращение по таким основаниям, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство и национальное или этническое происхождение, не имеющее объективного и разумного оправдания» (ЕКРН, 2002: 5).

5. Согласно Постановлению Европейского суда по правам человека «Тимишев против России» (Timishev v. Russia), жалобы №№ 55762/00, 55974/00, § 56, ECHR 2005-XII «дискриминация по признаку действительной или предполагаемой этнической принадлежности является формой расовой дискриминации» (ЕСПЧ, 2005).

6. Под национальным происхождением в данном случае понимается не этническое, а страновое происхождение.

7. К примеру, признаки дискриминации по месту жительства может иметь дискриминация не по настоящему, а по предшествующему месту жительства; неравное обращение с разными территориальными единицами; неодинаковое отношение к гражданам, живущим в различных частях страны, населенных пунктах, в стране и за границей и т. д. (Осипов, 2009).

8. В данном случае мы ориентируемся также на определение, сформулированное Комитетом по ликвидации расовой дискриминации ООН, который относит дискриминацию выходцев с Северного Кавказа в России к одной из форм расовой дискриминации (Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН, 2017).

Первоначально поисковые запросы содержали словосочетания «лицо кавказской национальности», «лицо чеченской национальности». По мере обнаружения релевантных документов и ознакомления с ними запросы изменялись в соответствии с употребляемой в источниках терминологией:

— выходцы из СКР (Северо-Кавказского региона, северокавказских республик);

— лица среднеазиатской национальности (выходцы из Средней Азии; Среднеазиатского региона);

— лица цыганской национальности (цыгане);

— лица, прибывшие из СКР (Северо-Кавказского региона, северокавказских республик, Средней Азии);

— места концентрации (компактного проживания) лиц кавказской национальности (выходцев из СКР, Северо-Кавказского региона, северокавказских республик, Средней Азии);

— оперативно-профилактические мероприятия по отработке лиц кавказской национальности (выходцев из СКР, Северо-Кавказского региона, северокавказских республик, Средней Азии) и проч.

Обнаруженные документы заносились в базу данных, организованную по географическому, тематическому и хронологическому принципу. Всего было проанализировано 419 документов, изданных в период с 1994 по 2018 год в 63 субъектах Российской Федерации.

Основными объектами дискриминационных практик, упоминаемых в документах, являлись выходцы с Кавказа и Средней Азии⁹. Кроме того, сходные практики фиксировались в отношении цыган и украинцев.

Распоряжения об осуществлении этнически избирательного контроля

Ранее проведенные исследования позволили установить, что в середине 1990-х годов в отдельных регионах России стали появляться распоряжения об «особом контроле» над чеченцами и другими выходцами из северокавказских республик, что явилось реакцией на первую чеченскую кампанию и сопровождавшие ее террористические акты. Усиление борьбы с терроризмом в начале 2000-х годов привело к тиражированию таких распоряжений и распространению мер «особого контроля» на уроженцев Закавказья и Средней Азии, а с началом войны в Украине — на украинцев (Григорьева, 2017: 197–240).

Решения об осуществлении «особого контроля» на основании этнической принадлежности, национального происхождения и места жительства обнаружива-

9. Отчасти это было обусловлено самими поисковыми запросами. С другой стороны, согласно данным российских правозащитных организаций и заключительным замечаниям КЛРД по двадцать третьему и двадцать четвертому периодическим докладам Российской Федерации за 2017 год, расовое профилирование в России «в особенности» нацелено на «выходцев из Центральной Азии и с Кавказа и лиц из числа рома» (Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН, 2017).

ются в документах, изданных в период с 1994 по 2017 год в различных регионах России. Так, в Программе по борьбе с преступностью в г. Москве на 2000 год, утвержденной премьером Правительства Москвы Ю. М. Лужковым¹⁰, содержится поручение «обеспечить полноту регистрации и контроль за проживанием граждан России чеченской национальности, установив обмен оперативной информацией между заинтересованными службами» (Правительство Москвы, 1999). Данное распоряжение дословно воспроизводится в Комплексной целевой программе по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью в г. Фрязино на 2002–2004 гг. «Правопорядок» (Совет депутатов г. Фрязино, 2002).

Решение Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 «О Комплексной программе города Железноводска по борьбе с преступностью на 2004 год» содержит распоряжение, адресованное ОВД города, об осуществлении специальных мероприятий «по установлению лиц, прибывающих из Чеченской Республики и убывающих обратно, их намерений, вида занятий, связей, в том числе с местными жителями» (Совет города Железноводска, 2004б).

Перечень мероприятий по реализации программы «Укрепление правопорядка на территории Ленинского района [Московской области] на 2005–2008 годы» включает требования: 1) «Производить выборку лиц кавказских народностей, заключивших браки с жительницами (жителями) района, отработать их по месту жительства на предмет фиктивности брака. Принимать меры к установлению местонахождения этих лиц». 2) «Проводить работу в местах концентрации лиц кавказской национальности, прежде всего в местах компактного проживания, на сельскохозяйственных и вещевых рынках, в местах стихийной торговли, на стоянках большегрузного транспорта с целью получения информации о готовящихся террористических актах и других преступлениях» (Совет депутатов Ленинского района, 2004).

Городская целевая программа профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы содержит распоряжение «провести комплекс поисковых мероприятий в местах компактного проживания граждан и обучения студентов из республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии в целях выявления экстремистских настроений, сбытчиков наркотических средств, задержания преступников» (Администрация городского округа город Уфа, 2013)¹¹.

В муниципальной программе города Когалым Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Профилактика экстремизма в городе Когалыме на 2014–2016 годы» среди основных мероприятий программы фигурирует: «Посещение и проведение бесед с семьями, прибывшими из стран Содружества Независимых Государств, Северо-Кавказского региона, имеющих несовершеннолетних детей, о недопустимости вовлечения подростков в экстремистскую деятельность» (Администрация города Когалыма, 2013).

10. Распоряжение от 28 декабря 1999 г. № 1268-РП.

11. Данное требование содержалось в аналогичных программах на 2007–2009 и 2010–2012 годы.

В Распоряжении Администрации муниципального образования «Икрянинский район» (Астраханская область) «О принятии дополнительных мер по недопущению совершения террористических актов и преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан на территории МО «Икрянинский район» от 05.04.2017 № 102 содержатся поручения: 1) «Организовать соответствующее взаимодействие с правоохранительными органами, подготовить и направить в местные муниципалитеты срочные телефонограммы по усилению мер антитеррористической направленности, сбору и передачи информации о лицах, вновь прибывших и прибывающих на территории муниципальных образований, из числа представителей Средней Азии, регионов Северного Кавказа, ближнего зарубежья (Грузия, Украина)». 2) «Организовать работу с представителями ТСЖ и управляющих компаний на предмет выявления и передачи информации правоохранительным органам о наличии подозрительных транспортных средств на территории дворов многоквартирных домов, лицах, снимающих внаем жилые помещения, которые могут представлять интерес для правоохранительных органов (представители среднеазиатских республик и народов, выходцев из Северо-Кавказского региона и ближнего зарубежья)» (Администрация муниципального образования «Икрянинский район», 2017).

Во всех приведенных распоряжениях, очевидно, содержатся признаки дискриминации. В программах по борьбе с преступностью в Москве, Фрязине и Ленинском районе Московской области официально подчеркивается этническое происхождение определенной группы лиц (чеченцев, «кавказцев»), для них устанавливается специальный режим, не распространяющийся на другие группы граждан. Таким образом, налицо различия в обращении на основании этнического происхождения. При этом обоснования для введения данных различий не соответствуют требованиям разумности и объективности, поскольку ссылки на необходимость борьбы с преступностью и терроризмом являются чрезмерно общими и абстрактными. Поясним, что разумными и объективными основаниями для различного обращения с гражданами, в соответствии с международными соглашениями, к которым присоединилась Российская Федерация, признаются обоснованные подозрения относительно участия конкретных лиц в конкретной преступной деятельности (см.: ЕКРН, 2004, 2007). Это означает, что распоряжения об «особом контроле» над *всеми* представителями тех или иных этнических групп, выходцами из отдельных стран или регионов, в целях борьбы с терроризмом и преступностью *в целом* не могут быть признаны разумными и обоснованными и являются неправомерными.

В решении Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523, Городской целевой программе профилактики правонарушений и борьбы с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы и Муниципальной программе города Когалым Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Профилактика экстремизма в городе Когалыме на 2014–2016 годы» дискриминирующими признаками являются место жительства и нацио-

нальное происхождение. Оперативно-профилактические мероприятия, предусмотренные в указанных решениях, распространяются в первом случае только на приезжих из Чеченской Республики, во втором — на выходцев из республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии, в третьем — на семьи, прибывшие из Северо-Кавказского региона и стран СНГ, и нарушают право перечисленных категорий граждан на неприкосновенность частной жизни, гарантированное Конституцией РФ (ст. 23). Как и в случаях, рассмотренных выше, ссылки на необходимость борьбы с терроризмом, экстремизмом и преступностью являются слишком общими и абстрактными и не отвечают требованиям разумности и объективности.

В Распоряжении Администрации муниципального образования «Икрянинский район» от 05.04.2017 № 102 предусмотрен сбор и передача правоохранительным органам персональной информации об отдельных категориях граждан: лицах, прибывающих с Северного Кавказа, «представителях среднеазиатских республик и народов», гражданах Украины и Грузии. Информация о прочих гражданах не собирается. Иными словами, здесь также имеет место различие в обращении, а в качестве дискриминирующих признаков выступают место жительства, этническое и национальное происхождение.

Распоряжения с признаками дискриминации на основании этнической принадлежности, национального происхождения или места жительства обнаруживаются в период с 1994 года и по настоящее время в решениях органов исполнительной и законодательной власти и других регионов России, в т. ч. Алтайского края, Амурской, Архангельской, Белгородской, Брянской, Волгоградской, Вологодской и Воронежской областей, Еврейской автономной области, Ивановской области, Кабардино-Балкарской Республики, Калужской, Кемеровской, Кировской и Костромской областей, Красноярского края, Курской, Липецкой, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Оренбургской и Орловской областей, Республики Алтай, Республики Бурятия, Республики Мордовия, Республики Татарстан, Республики Хакасия, Республики Чувашия, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Сахалинской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Челябинской и Ярославской областей.

Всего было обнаружено 148 подобных документов. 68 распоряжений касаются сбора информации о гражданах некоторых национальностей (в основном чеченцах), выходцах из северокавказских республик, уроженцах Средней Азии, а также передачи данной информации в правоохранительные органы. 64 документа содержат указания об осуществлении особого контроля и проведении специальных проверок в отношении граждан отдельных национальностей (чеченцев, «кавказцев»), выходцев из республик Северного Кавказа и среднеазиатских государств. 35 распоряжений предполагают осуществление контроля и проведение проверок в отношении юридических лиц, владельцами или руководителями которых являются выходцы из северокавказских республик и уроженцы Средней Азии. В 4 до-

кументах содержатся требования проводить проверки автотранспорта, следующего из Чеченской Республики и других республик Северного Кавказа.

Этнически избирательный учет и сбор персональной информации

Изданию дискриминационных распоряжений сопутствовало распространение соответствующих практик. Условно их можно разделить на два типа: 1) практики, направленные на сбор общей (агрегированной) и персональной информации о некоторых категориях граждан на основании их этнического или национального происхождения или регистрации по месту жительства; 2) осуществление «проверочных мероприятий» в отношении отдельных категорий граждан на основании их этнического или национального происхождения или регистрации по месту жительства. Инструментом для сбора общих сведений стал этнически избирательный учет, упоминания о котором обнаруживаются в официальных документах с 1999 года и по настоящий момент.

Так, в Отчете начальника Отдела МВД России по району Северное Бутово г. Москвы перед Департаментом муниципального образования и жителями района Северное Бутово г. Москвы за 2014 год сообщается: «На территории обслуживания постоянно проживают: Ингушский Регион — 23, регион Кабардино-Балкарии — 34, Карачаево-Черкесия — 14, лиц чеченской национальности — 64, Северная Осетия — 51, дагестанцы — 101, Республика Адыгея — 2» (Отдел МВД РФ по району Северное Бутово г. Москвы, 2014: 3).

В Решении Думы города Покачи «О результатах работы администрации города Покачи и отдела министерства внутренних дел России по городу Покачи в рамках обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка на территории города Покачи» от 30.04.2014 № 38 указывается (Дума города Покачи, 2014: 15), что «на территории города проживает 2426 лиц — выходцев из Северо-Кавказского региона. С начала года на территорию обслуживания ОМВД России по г. Покачи прибыло 174 человека, из них:

№ п/п	Национальность	Прибыло в 2013 г.	Всего проживают
1	Чеченцы	12	81
2	Дагестанцы	128	2055
3	Ингуши	31	332
4	Выходцы из Карачаево-Черкесии	2	20
5	Выходцы из Северной Осетии	1	11

(Дума города Покачи, 2014: 15)

В Итогах оперативно-служебной деятельности УУП¹² ОМВД РФ по Харабалинскому району Астраханской области за III квартал 2015 года содержится следующая информация: «На территории района проживает на отчетный период 537 ЛКН¹³, из них азербайджанцы — 82, армяне — 265, чеченцы — 117, аварцы — 23, езиды — 40, грузины — 10» (Отдел МВД РФ по Харабалинскому району, 2015: 8).

Практики этнически избирательного учета нарушают законодательство Российской Федерации¹⁴ и содержат явные признаки дискриминации: информация собирается только о гражданах определенной этнической принадлежности и/или гражданах, прибывших из отдельных регионов (как видно из приведенных документов, эти дискриминирующие признаки часто смешиваются), в отношении других граждан сбора информации не ведется. Это означает, что имеет место различие в обращении по признаку этнической принадлежности и/или региона происхождения. Обоснования для данных различий, вновь отсылающие к необходимости борьбы с экстремизмом, терроризмом и преступностью, как уже говорилось, являются чрезмерно абстрактными и не отвечают требованиям разумности и объективности. Практики этнически избирательного учета обнаруживаются не только в трех названных регионах, но также зафиксированы в официальных документах в Костромской, Псковской, Ростовской и Свердловской областях.

Упоминания о сборе персональной информации¹⁵ о гражданах определенной этнической или национальной принадлежности или прибывающих из отдельных регионов, который осуществляется в т. ч. с помощью принудительного заполнения ими опросных листов¹⁶, фотографирования, дактилоскопирования, ведения специальных баз данных, появляются в официальных документах с начала 2000-х годов и сохраняются по настоящее время. Так, в Информации о выполнении реше-

12. Участковый уполномоченный полиции.

13. Лица кавказской национальности.

14. Действующее законодательство запрещает целенаправленный сбор информации об этнической принадлежности граждан без их согласия. В соответствии с Конституцией РФ никто не может быть принужден к определению и указанию своей этнической принадлежности.

15. В отличие от этнически избирательного учета, где собираются агрегированные данные о численности представителей отдельных этнических групп, выходцев из некоторых регионов и стран, находящихся на территории того или иного субъекта РФ, сбор персональной информации предполагает получение индивидуализированных сведений. В т. ч. фиксируются ФИО, паспортные данные, место проживания или пребывания конкретных людей, иногда проводится дактилоскопическая и/или фотографическая регистрация и т. д.

16. Примерное содержание подобных опросных листов известно благодаря тому, что в 2012 году опросный лист, разработанный для выходцев из Северо-Кавказского региона в Сургуте, был размещен в открытом доступе (БезФормата, 2012). Он включал 16 позиций и подлежал заполнению с 14-летнего возраста. В т. ч. требовалось указать: ФИО; дату рождения; пол; национальность; место рождения; гражданство; серию и номер документа, удостоверяющего личность; наличие судимости (статья, вид и срок наказания); семейное положение; ФИО, дату рождения, место рождения жены/мужа; место жительства в Северо-Кавказском регионе; сведения о родственниках, оставшихся в Северо-Кавказском регионе (ФИО, адрес, телефон); сведения о родственниках, проживающих на территории РФ (степень родства, адрес, телефон); род занятий по прежнему месту жительства (место работы, должность); цель прибытия в округ; регистрацию по месту пребывания/жительства (адрес, на какой срок); адрес места фактического проживания.

ния Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 сообщается, что «чеченцы или жители Чеченской Республики при обращении в паспортно-визовую службу направляются в службу криминальной милиции Железноводского ОВД для постановки на учет (дактилоскопирование, фотографирование, опрос). При необходимости проводится оперативная разработка данных лиц. Материалы на указанных выше лиц хранятся в накопительном деле» (Совет города Железноводска, 2004).

В докладе главы города Когалыма на заседании Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по противодействию экстремистской деятельности от 16 ноября 2012 года содержится информация о том, что «все прибывающие на территорию обслуживания выходцы из СКР и Средней Азии проверяются по спец. учётам ОМВД, ИЦ¹⁷ УМВД РФ по ХМАО — Югре, с целью сбора компрометирующей информации и выявления лиц, возможно причастных к деятельности вооружённых бандформирований, ЭПГ¹⁸, ОПГ, террористическим актам, экстремистской деятельности. Данные лица дактилоскопированы, сфотографированы, [с ними] проведены профилактические беседы; причастность к террористической и экстремистской деятельности не установлена. Проверка лиц данной категории проводится постоянно на плановой основе» (Администрация города Когалыма, 2012).

В Приложении к Решению «О ходе реализации Комплексной программы профилактики правонарушений в городском округе город Салават Республики Башкортостан» за 2015 год указывается, что «в течение нескольких лет продолжается накопление созданной базы данных на выходцев из Северного Кавказа и иностранных граждан, проживающих на обслуживаемой территории. Информация в отношении данной категории лиц обрабатывается автоматизированной информационно-поисковой системой АБД „Легенда“ и АПК „Сова“» (Администрация городского округа город Салават, 2015: 5).

В Приложении к постановлению администрации Заводоуковского городского округа от 29.11.2017 № 1865 сообщается, что «в литерном деле регулярно обновляются списки лиц — выходцев из Северного Кавказа. Сотрудниками осуществляется дактилоскопирование данных лиц, постановка их на фото- и видеочёт, выяснение рода занятий, образа жизни, связей» (Администрация Заводоуковского городского округа, 2017: 4).

Описанные практики содержат в себе явные признаки дискриминации, поскольку сбор персональной информации распространяется только на граждан определенной этнической или национальной принадлежности или отдельных регионов происхождения. В первом из приведенных документов (Информации о выполнении решения Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523) дискриминирующими признаками являются этническое происхождение и место жительства (регион происхождения). В остальных документах — место жительства (регион происхождения) и национальное происхождение.

17. Информационный центр.

18. Этническая преступная группа.

Следует также отметить, что данные практики являются одной из разновидностей так называемого «расового профилирования»¹⁹ («этнического профилирования»), осужденного в ст. 72 Программы действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятой на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости в Дурбане в 2001 году, в которой Российская Федерация принимала активное участие, и в Общеполитической рекомендации ЕКРН № 11 от 29 июня 2007 года.

Термин «расовое профилирование» здесь и далее употребляется в соответствии с определением ЕКРН как «использование правоохранительными органами, без объективных и разумных обоснований, таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований» (ЕКРН, 2007). Под объективными и разумными обоснованиями понимаются случаи, «когда правоохранительные органы действуют на основании конкретного описания подозреваемого с соблюдением определенных сроков, то есть когда эти органы действуют на основании соответствующих характеристик лица, участвующего в конкретной преступной деятельности» (ЕКРН, 2007).

Вышеупомянутые практики, касающиеся *всех* представителей отдельных этнических групп (чеченцы и др.) и/или выходцев из некоторых регионов и стран (Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, стран СНГ) и не связанные с расследованием какого-либо конкретного преступления, очевидно, не соответствуют критериям объективности и разумной обоснованности. Наличие сходных практик документально зафиксировано в период с 2011 по 2018 год в Иркутской и Новгородской областях, Республике Татарстан, Ростовской, Свердловской и Тюменской областях.

Проведение «проверочных» мероприятий в отношении физических и юридических лиц, слежка

Наряду со сбором общей и персональной информации с середины 1990-х годов и по настоящее время осуществляются различного рода избирательные проверочные мероприятия в отношении граждан определенной этнической или национальной принадлежности, или прибывающих из отдельных регионов. Наиболее

19. П. 36 Общеполитической рекомендации ЕКРН № 11 «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов» поясняет, что действия, относимые к расовому профилированию, включают выявление и сбор данных на основании расовой принадлежности. При этом «расовая принадлежность» трактуется в самом широком смысле, включая такие признаки, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение, вне зависимости от того, являются ли они действительными или предполагаемыми. Комиссия подчеркивает, что отвергает теории, основанные на существовании отдельных «рас», и использует этот термин, стремясь обеспечить, чтобы лица, обычно ошибочно воспринимаемые как принадлежащие к «другой расе», оставались под защитой (ЕКРН, 2007).

распространенными видами таких проверочных мероприятий являются: поиск граждан в пассажиропотоках (на авто- и железнодорожных вокзалах, в метро, аэропортах) и в автотранспорте; обход квартир, гостиниц, общежитий, где они могут проживать, объектов, на которых они могут работать, мест, где они могут проводить досуг; проверка документов у тех, кто был обнаружен.

Так, в Итогах оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД по Енотаевскому району (Астраханская область) за II квартал 2015 года утверждается, что «одним из актуальных направлений деятельности УУП и в целом ОМВД является контроль за миграционными процессами и лицами кавказской национальности с целью своевременного пресечения межнациональной, расовой, социальной, религиозной вражды и недопущения со стороны указанной категории преступлений, направленных против личности и общественной безопасности. В данном направлении УУП проведены сверки ЛКН проживающих на территории района и их тотальной отработке по месту жительства» (Отдел МВД по Енотаевскому району, 2015: 2).

В Протоколе № 3 Заседания межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при администрации муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области от 14.09.2016 сообщается следующее: «Подразделениями УМВД России обеспечивается отработка жилого сектора, в первую очередь прилегающего к рынкам, вокзалам, местам отстоя грузового автотранспорта, гостиниц, объектам транспорта на предмет выявления лиц, прибывающих из Северо-Кавказского региона, прибывших на обучение в высшие и средние учебные заведения, а также для трудоустройства в строительные и иные организации» (Администрация муниципального образования «Выборгский район», 2016: 2).

В Информационно-аналитической записке по итогам работы Отдела МВД России по району Бибирево г. Москвы за 2015 год говорится, что «силами УУП и инспекторов ОДН проводится отработка жилого сектора, общежитий (ул. Плещеева, д. 15-А, общежитие РГСУ, МГТУ им. Баумана), где могут находиться лица, прибывающие из СКР» (Отдел МВД России по району Бибирево г. Москвы, 2015).

В Постановлении Администрации Нефтеюганского района (ХМАО) № 6 от 8 февраля 2018 года «О мерах по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность, а также доведению до них информации об уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности» сообщается, что «службами ОМВД проводится работа по выявлению и отработке лиц, прибывших из республик Северного Кавказа и стран Средней Азии с их последующей постановкой на учеты ОВД. Службой Государственной инспекции безопасности дорожного движения ОМВД России по Нефтеюганскому району производится досмотр автотранспорта, прибывшего из республик Северо-Кавказского региона при въезде в г. п. Пойковский и на автодороге Тюмень — Ханты-Мансийск» (Администрация Нефтеюганского района, 2018: 2).

Во всех перечисленных случаях действия должностных лиц носят дискриминационный характер, поскольку распространяются на отдельные категории граждан на основании их этнического или национального происхождения или региона, из которого они прибыли. В первом процитированном документе дискриминирующим признаком выступает этническая принадлежность («кавказская национальность»²⁰), в остальных трёх — национальное происхождение и место жительства (регион происхождения). Кроме того, описанные действия являются разновидностью этнического профилирования.

Аналогичные практики зафиксированы в официальных документах в Брянской, Кемеровской и Кировской областях, Краснодарском крае, Нижегородской, Орловской областях, Республике Башкортостан, Республике Карелия, Республике Саха (Якутии), Санкт-Петербурге, Саратовской, Смоленской, Тамбовской областях, Татарстане, Тульской области, Удмуртии, Ульяновской и Челябинской областях.

Отдельно следует упомянуть практику скрытого наблюдения за гражданами определенной этнической или национальной принадлежности или прибывшими из отдельных регионов (иногда именуемую «оперативным прикрытием»). Из доклада на Антитеррористической комиссии начальника ОМВД России по Лотошинскому району «О состоянии правопорядка и общественной безопасности в 2014 году и мерах по профилактике терроризма на территории Лотошинского муниципального района в 2015 году»: «Оперативным составом осуществляется оперативноекрытие важных объектов, расположенных на территории района, а также нежилых помещений и лиц, представляющих оперативный интерес, в первую очередь выходцев из Чечни» (Отдел МВД РФ по Лотошинскому району, 2015: 2).

Из Отчета начальника Отдела МВД России по району Чертаново Южное г. Москвы «Об итогах оперативно-служебной деятельности за 12 месяцев 2017 года» перед представительными органами муниципального образования: «Ежемесячно УУП осуществляется постоянный контроль за лицами чеченской национальности и прибывшими из СКР, зарегистрированными по месту жительства и месту пребывания на территории Отдела» (Отдел МВД РФ по району Чертаново Южное г. Москвы, 2018).

Очевидно, что действия оперативных сотрудников, о которых идет речь в первом документе, имеют признаки дискриминации по месту жительства (региону происхождения), а деятельность участковых уполномоченных, описанная во втором документе, — и по этническому происхождению, и по месту жительства (региону происхождения). Оба случая также подпадают под определение расового профилирования. Аналогичные практики документируются в Кировской, Новгородской и Пензенской областях, Пермском крае, Республике Чувашия и Ростовской области в период с середины 2000-х годов по настоящее время.

20. Несмотря на то что «кавказской национальности» не существует, мы, руководствуясь разъяснениями ЕКРН и практикой ЕСПЧ, относим данный вид дискриминации к этнической (расовой).

К этнически избирательным проверочным мероприятиям также можно отнести проверки юридических лиц, осуществляемые на основании этнического, национального или регионального происхождения их руководителей или владельцев. Информация о подобных проверках также фиксируется в официальных документах. Из Итогов оперативно-служебной деятельности уголовного розыска Межмуниципального отдела МВД России «Кизнерский» (Удмуртская Республика) за 1-е полугодие 2014 года: «Осуществлены проверки предприятий, собственниками которых являются выходцы из Северного Кавказа и Средней Азии, с целью выявления финансирования экстремистских бандформирований через коммерческие структуры. На территории Кизнерского района УР имеются предприятия, учредителями и руководителями которых являются выходцы из Северного Кавказа, а именно: ООО „Дила“, зарегистрировано 26.12.2002 года по адресу: с. Кизнер, ул. Гагарина, 2, учредители Мачарашвили Валентина Алексеевна, Мачарашвили Рамази Бидзинович, вид деятельности торговля. ООО „Первый Саркузский“ по адресу: УР, Кизнерский район, д. Саркуз, вид деятельности торговля, сельское хозяйство, руководитель, выходец из СКР Каимов Хусейн Эмилович 22.06.1965 года рождения, уроженец г. Шали ЧР, чеченец по национальности, проживающий по адресу: УР, Алнашский район с. Алнаши, ул. Сосновая, д. 1. В ходе проведенных оперативно-профилактических мероприятий фактов оказания адресной, финансовой и иной помощи организациям, поддерживающим незаконные вооруженные формирования, не выявлено» (Межмуниципальный отдел МВД РФ «Кизнерский», 2014).

Из Информационно-аналитической записки к отчету начальника Межмуниципального отдела МВД России «Павлово-Посадский» перед Советом депутатов о деятельности МО МВД за 1-е полугодие 2014 года: «В результате проверки организаций учредителями, собственниками которых являются лица — выходцы из Средней Азии и Северо-Кавказского региона, их связь с финансированием экстремистских, террористических и иных организаций радикального толка не установлена» (Межмуниципальный отдел МВД РФ «Павлово-Посадский», 2014: 3).

О дискриминационном характере описанных практик свидетельствует тот факт, что проверки осуществляются только в отношении тех организаций, руководителями или собственниками которых являются граждане определенной этнической принадлежности и/или выходцы из отдельных стран и регионов. Это означает, что имеет место различие в обращении, обоснование для которого (борьба с финансированием экстремистских и террористических организаций), как уже говорилось, не может быть признано объективным и разумным. При этом в первом случае дискриминирующим признаком является этническая принадлежность, национальное происхождение и место жительства (регион происхождения), во втором — место жительства и национальное происхождение.

Подобные мероприятия также задокументированы в Саратовской области и Ханты-Мансийском автономном округе, а распоряжения об их осуществлении — в Еврейской автономной области, Кемеровской области, Республике Чу-

вашия, Ростовской области, Ставропольском крае, Тамбовской, Челябинской и Ярославской областях.

Дискриминационные высказывания и призывы к населению об участии в дискриминационных практиках

Помимо самих дискриминационных практик в ходе исследования нами были обнаружены документально зафиксированные дискриминационные высказывания и призывы должностных лиц к населению об участии в осуществлении дискриминации в отношении отдельных групп граждан.

Подобные обращения и высказывания обнаруживаются в отчетах участковых уполномоченных, а также в памятках по выявлению признаков подготовки и проведения диверсионно-террористических актов. В частности, в Памятках для населения, размещенных на официальных сайтах некоторых районов Москвы и Московской области, сообщается: «Главная задача боевиков — раствориться среди масс населения и ничем не привлекать к себе внимание. Существует несколько характерных признаков. Как правило, это лица кавказской национальности» (см., например: Администрация поселения Совхоз имени Ленина, 2018; Отдел по ЮЗАО, 2018). В справке-отчете о проделанной работе за 6 месяцев 2014 г. УУП ОУУП и ДН²¹ Отдела МВД России по Левокумскому району на административном участке № 6 МО с. Правокумского (Ставропольский край) населению рекомендуется «обращать особое внимание на поведение лиц „кавказской национальности“» (Отдел МВД РФ по Левокумскому району, 2014: 4). Аналогичные рекомендации содержатся в отчетах 65 участковых уполномоченных в Калининградской области за период с 2012 по 2017 год.

В Нефтеюганске в 2017 году на некоторых встречах с жителями районов обслуживания участковые уполномоченные упрекали пришедших граждан в том, что те не ставят в известность полицию о появлении жильцов «кавказской национальности» в своих домах и подъездах: «Следует также обращать особое внимание на поведение лиц кавказской национальности. Многие из жильцов, проживающих в своих подъездах, часто сталкиваются с посторонними лицами кавказской национальности, которые стали проживать в их подъезде недавно. Но никто из жильцов ни разу не сообщил об этом своему участковому уполномоченному полиции, или хотя бы кто-то позвонил в дежурную часть ОМВД России по г. Нефтеюганску. Данные факты выявляются участковыми полицией и работниками федерально-миграционной службы при проведении различных рейдов» (Отдел МВД РФ по г. Нефтеюганску, 2018а, 2018б, 2018в).

Сходные обращения к населению содержатся также в отчетах участковых уполномоченных в Алтайском крае, Белгородской, Брянской, Волгоградской и Кировской областях, Краснодарском и Красноярском краях, Курганской, Курской

21. Отдел участковых уполномоченных полиции и делам несовершеннолетних.

и Нижегородской областях, Пермском крае, Республике Татарстан, Республике Чувашия, Ростовской, Самарской, Саратовской и Тамбовской областях, Удмуртской Республике.

Подводя итог, отметим, что фиксация дискриминационных практик в официальных отчетных документах и размещение их на сайтах органов исполнительной власти, очевидно, позволяет опровергнуть распространенное предположение о том, что подобные практики являются следствием этнических предрассудков отдельных сотрудников полиции. А с учетом существования соответствующих распоряжений можно сделать вывод, что, по крайней мере в некоторых российских регионах, дискриминационные практики институционализированы и вменены работникам правоохранительных органов в служебную обязанность²².

Расово (этнически) избирательный подход в борьбе с преступностью за рубежом: исследование проблемы

Использование дискриминационных мер в процессе противодействия преступности и терроризму распространено и в зарубежных странах. Однако если в России такие меры сравнительно редко проблематизируются²³, за рубежом они являются предметом длительного изучения, бурных академических, общественных и политических дебатов. Особенно интенсивно эта тематика разрабатывается в США, где вопросам расовой дискриминации традиционно уделяется повышенное внимание.

Начало изучения дискриминационных практик, существующих в системе уголовной юстиции, было положено серией наблюдений, проведенных Американским фондом адвокатов (American Bar Foundation) в 1956–1957 годах, за которыми последовали полевые этнографические исследования правоохранительных органов (Skolnick, 1966; Rubinstein, 1973). Уже в 1970 году в своей работе «Функции полиции в современном обществе» Э. Биттнер писал о расово (этнически) избирательном контроле, осуществляемом правоохранительными органами, и о негативных последствиях, к которым он приводит: «Как хорошо известно, приоритетными объектами особого внимания полиции являются некоторые этнические и расовые меньшинства, бедные слои населения, проживающие в городских трущобах, и молодежь в целом... Проблема заключается в том, что путем избирательного распределения наблюдения и вмешательства они [силы правопорядка] способствуют уже существующей напряженности в обществе» (Bittner, 1970: 10, 11).

Проблема расового профилирования стала изучаться несколько позже. Собственно, первый официально утвержденный профиль преступника, где раса прямо указывалась в качестве важной характеристики, появился в США в 1985

22. Подробнее о процессе институционализации практик этнически избирательного контроля см.: Григорьева, 2017.

23. В основном они являются объектом интереса правозащитных организаций, не вызывая широких дискуссий в академическом сообществе, СМИ, обществе в целом.

году, когда Департамент безопасности дорожного движения и автотранспортных средств Флориды издал «Руководящие принципы для полиции по общим характеристикам курьеров наркотиков» (Harris, 1999). С начала 1990-х годов использование расового профилирования в борьбе с преступностью все чаще привлекало внимание академического сообщества, СМИ и широкой общественности как в США, так и в европейских странах (в особенности в Великобритании, где интенсивное обсуждение данной проблемы в результате привело к реформированию полицейских практик). Однако бурный рост интереса к этой теме произошел во второй половине 1990-х годов, что было связано с опубликованием количественных данных о расово избирательных полицейских проверках водителей и пешеходов (см., например: Lamberth, 1996; Verniero, Zoubek, 1999; Spitzer, 1999; Lansdowne, 2000).

Эмпирические исследования продемонстрировали отсутствие убедительных доказательств в пользу тезиса, иногда использовавшегося для защиты расово и этнически избирательного контроля, о том, что уровень преступности в некоторых группах меньшинств выше, чем среди большинства населения (Cureton, 1997; Rudovsky, 2001). Кроме того, было установлено, что расовое профилирование приводит к известному эффекту «самосбывающегося пророчества»: ориентируясь на представителей отдельных рас и национальностей, полиция перестает видеть правонарушителей других рас и национальностей, что влечет за собой дисбаланс в количестве арестов и тюремных заключений для преступников разной этнической и расовой принадлежности (Mauer, Huling, 1995; Harris, 1999; Wacquant, 1999)²⁴.

К началу 2000-х годов в США и ЕС установился консенсус относительно необходимости искоренения практик расово избирательного контроля в правоохранительной деятельности (Newport, 1999; Stone, Pettigrew, 2000). Однако после теракта 11 сентября 2001 года общественное мнение, а также позиция части СМИ и представителей академического сообщества изменились. Распространение получила точка зрения, согласно которой применение мер этнически избирательного контроля в борьбе с терроризмом хоть и незаконно, но неизбежно и является вопросом здравого смысла (Jones, 2001; Gross, Livingston, 2002; Colb, 2004; Posner, 2006). Впрочем, никаких эмпирических доказательств справедливости данной позиции до сих пор не найдено, а результаты, полученные в ходе осуществления указанных мер, напротив, свидетельствуют об их чрезвычайно низкой эффективности.

К примеру, после того как было установлено, что несколько участников теракта 11 сентября 2001 года жили и учились в Гамбурге, власти Германии инициировали программу по интеллектуальному анализу данных, получившую название Rasterfahndung, для выявления возможных террористических ячеек, расположенных на территории ФРГ. Полиция проанализировала персональные данные пример-

24. По этой причине статистические различия в количестве зарегистрированных преступлений, совершенных людьми разных рас и национальностей, не могут служить убедительным доказательством того, что представители отдельных этнических групп или рас более склонны к преступному поведению, чем другие.

но 8,3 млн человек, используя профиль, основанный на общих характеристиках «гамбургских террористов». Полицейских интересовали мужчины в возрасте от 18 до 40 лет, нынешние или бывшие студенты, исповедующие ислам, выходцы из одной из 26 стран с преимущественно мусульманским населением. В конечном итоге были отобраны 1689 человек, которые затем «отрабатывались» представителями силовых структур в индивидуальном порядке: некоторые были вызваны на допрос в полицейский участок, за кем-то было установлено скрытое наблюдение. Однако несмотря на то, что поиски заняли несколько лет и потребовали затраты огромных материальных и человеческих ресурсов, в итоге ни один террорист не был обнаружен. Проект Rasterfahndung был закрыт в 2003 году, а все собранные данные уничтожены (Open Society Institute, 2009: 68–70).

Аналогичным образом закончилась попытка розыска террористов с помощью сбора и анализа персональных данных в США, где ФБР использовало иммиграционные базы для идентификации иностранцев-мусульман арабского происхождения, пребывающих в стране. В ходе этой операции 80 000 человек обязали предоставить информацию о себе, ещё 8000 человек были вызваны на допрос в ФБР и более 5000 человек подверглись превентивному заключению. Тем не менее все эти усилия не привели ни к одному официальному обвинению в терроризме (Ibid.).

В Великобритании в период с октября 2005 года по сентябрь 2006 года сотрудники полиции провели 22 672 проверки граждан по подозрению в причастности к террористической деятельности, в ходе которых непропорционально большое внимание уделялось представителям этнических меньшинств и мусульманам. В результате было произведено 27 арестов по обвинению в терроризме и 242 ареста за другие правонарушения. Однако в конечном итоге ни один человек не был осужден за преступление, связанное с терроризмом. В 2007–2008 годах британской полицией было произведено уже 117 278 остановок для проверки документов и личного досмотра, в результате чего по подозрению в причастности к террористической деятельности было задержано 72 человека, но никто из них не был осужден (Ibid.: 61–62).

В Парижском регионе в 2005 году было проведено 88 полицейских рейдов, во время которых проверке документов и обыскам подверглись 1173 человека и 185 человек были взяты под стражу, но лишь 8 из них были привлечены к судебной или административной ответственности по делам, не связанным с терроризмом (Ibid.: 74).

В том же 2005 году во Франции в специальном парламентском докладе, посвященном борьбе с терроризмом, было сделано заявление, что никакого «профиля террориста» не существует. В качестве доказательства приводились данные американского исследования, осуществленного профессором университета Пенсильвании и бывшим агентом ЦРУ Марком Сагеманом, который проанализировал персональные данные 382 террористов, прямо или косвенно связанных с «Аль-Каидой». Было установлено, что 90% из них не получили религиозного образо-

вания, 17,6% являются представителями высших социальных слоев и 54,9% принадлежат к среднему классу, большинство состоят в браке, имеют детей, ранее не были судимы. Также сообщалось, что в аналогичных исследованиях, проведенных европейскими разведывательными службами, были получены сходные выводы, свидетельствующие о том, что составление «профиля террориста» бесполезно (Délégation de l'Assemblée nationale, 2005: 51).

Что касается российского опыта, то исчерпывающие данные об эффективности мероприятий по осуществлению «особого контроля» над гражданами на основании их этнической/национальной принадлежности или региона происхождения в рамках борьбы с терроризмом на сегодняшний день отсутствуют. Косвенным свидетельством низкой результативности подобных мероприятий является тот факт, что в ходе анализа обнаруженных нами документов, содержащих сведения об этнически избирательном подходе при проверке и оформлении документов, сборе, хранении и использовании персональной информации, проведении оперативно-разыскных и проверочных мероприятий не было обнаружено ни одного упоминания об аресте или привлечении к ответственности за участие в террористической деятельности. Сообщалось лишь о выявлении некоторого количества граждан, допустивших административные правонарушения, в основном в сфере миграционного законодательства.

Между тем результаты эмпирических исследований, продолжавшихся в 2000-е годы, свидетельствуют о чрезвычайно широком распространении расово избирательного подхода в борьбе с преступностью и терроризмом. EU-MIDIS — первое обследование населения ЕС по вопросам меньшинств и дискриминации, проведенное в 2008 году, выявило активное использование расового профилирования во многих европейских государствах. Особенно высокие показатели расово и этнически избирательных остановок и проверок документов были зафиксированы в Греции, Испании, Ирландии, Венгрии, Франции и Нидерландах. Чаще всего объектами этнического профилирования в ЕС становились цыгане и африканцы (FRA, 2010). Данные, полученные в результате проведения второй волны EU-MIDIS в 2015–2016 годах, продемонстрировали сохранение проблемы расового профилирования в странах — членах ЕС. Кроме того, было выявлено применение мер «особого контроля» в отношении мусульман (FRA, 2017).

Непродолжительный анализ зарубежных интернет-ресурсов, осуществленный автором настоящей статьи²⁵, показал, что в некоторых европейских странах, как и в России, обнаруживаются официальные распоряжения и отчеты, содержащие информацию об этнически избирательном контроле. В частности, в Италии распоряжения об особом контроле над цыганами неоднократно фигурировали в указах премьер-министра, префектов, документах за подписью министра вну-

25. Поиск осуществлялся в течение 2 недель (с 7 по 21 января 2019 года) в системе «Google». Как и в случае с российским кейсом использовался простой поиск по ключевым словам. По мере нахождения релевантных документов поисковые запросы изменялись в соответствии с употребляемой в источниках терминологией.

тренних дел, а отчеты об этнически избирательных проверочных мероприятиях размещались на официальных сайтах правоохранительных органов (см., например: Berlusconi, 2008a, 2008b; Ministero dell'Interno, 2008; Polizia di Stato, 2015). В Германии имеются официальные документы и сообщения, фиксирующие этнически избирательный контроль в отношении выходцев из стран Магриба (см., например: Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein-Westfalen, 2016; Polizei NRW Köln, 2016; Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2016). В Польше документы, размещенные на сайтах органов государственной власти, свидетельствуют о практиках этнически избирательного сбора информации и слежки за выходцами из так называемых стран «высокого риска»: Афганистана, Алжира, Египта, Ирака, Ирана, Иордании, Ливана, Ливии, Пакистана, Палестины, Судана, Сирии, мусульманских государств бывшего Содружества Независимых Государств и кавказских республик, входящих в состав Российской Федерации (см., например: Szreder, 2005: 85; Zieliński, 2016; Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji, 2019). Это позволяет сделать вывод об институционализации дискриминационных практик, сходных с российскими, по крайней мере в некоторых странах — членах ЕС.

Исследования, проводившиеся в 2000-х годах, подтвердили ранее сделанные заключения о низкой результативности этнически избирательного контроля (Press, 2010; Pap, 2011), недоказанности утверждения о повышенном уровне преступности в некоторых группах меньшинств (Kádár, Pap, 2009) и о негативных эффектах расового профилирования. В том числе было установлено, что расово и этнически избирательный подход в процессе противодействия преступности и терроризму ведет к усилению социального неравенства (Harcourt, 2004; Blanchard, 2014; Mutsaers, 2014), закреплению негативных стереотипов о меньшинствах, являющихся объектами расового профилирования (Alschuler, 2002; Gardner, 2014), фрустрации, недоверию к полиции и нежеланию общин, подвергающихся «особому» контролю, сотрудничать с ней (Weitzer, Tuch, 2002; Nadal et al., 2017). Одновременно, имеющийся опыт реформирования органов правопорядка в США, Испании и Великобритании²⁶, показывает, что отказ от расово и этнически избирательного подхода позволяет не только избежать негативных последствий дискриминации, но и повысить эффективность работы правоохранительных органов.

Реформы правоохранительных органов США, Испании и Великобритании

Вплоть до 1998 года Таможенная служба США уделяла непропорционально большое внимание чернокожим и латиноамериканцам во время проведения досмотров в аэропортах, направленных на поиск наркокурьеров. Особый интерес проявлялся к афроамериканкам и латиноамериканкам: они значительно чаще других подвергались инвазивным обыскам и рентгеновскому досмотру. При этом коэффициент

26. Подчеркнем, что речь идет о локальном опыте реформирования отдельных органов правопорядка, который пока не получил широкого распространения, несмотря на хорошие результаты, и не привел к преодолению проблемы расового профилирования даже в перечисленных странах.

эффективности (частота обнаружения наркотиков) был невысок во всех группах и составлял 5,8% для белых, 5,9% для чернокожих и 1,4% для латиноамериканцев. Особенно низкие показатели эффективности давали обыски афроамериканок и латиноамериканок, которые в действительности реже других участвовали в перевозке наркотиков (Open Society Institute, 2009: 53). В 1999 году после ряда жалоб на неправомерные остановки и обыски Таможенная служба изменила процедуры отбора пассажиров для личного досмотра, устранив расу из списка факторов, подлежащих учету, и потребовав от своих сотрудников сосредоточить внимание на поведении пассажиров, использовать больший объем разведывательной информации, а также более аргументированно принимать решения о задержании и обыске. В результате этих мер уже к 2000 году диспропорции в задержаниях граждан различной расовой принадлежности были практически полностью устранены, а коэффициент эффективности повысился более чем в 2 раза для всех этнических групп задержанных (Ibid.: 53).

Высокую эффективность показали и реформы, осуществленные в 2007–2008 и 2012–2013 годах²⁷ муниципальной полицией Фуэнлабрады, Жироны, Кастельона и Педресуэлы (Испания), где во избежание этнического профилирования было введено требование об обязательном наличии обоснованного подозрения при остановках и проверках граждан сотрудниками правоохранительных органов. Для контроля над действиями полицейских были разработаны специальные бланки, в которые заносилась информация о причинах остановок и проверок. При этом копии указанных документов выдавались лицам, подвергнутым проверке, а оригиналы — линейным руководителям, которые заносили информацию в специальную базу данных, что впоследствии позволяло анализировать деятельность сотрудников полиции. В ежемесячных отчетах рассчитывались показатели «проблемных» действий полицейских (основывающихся не на поведенческом анализе или оперативной информации, а на этнических предубеждениях). Наиболее показательными результаты эксперимента были в Фуэнлабраде, где полиция продолжала придерживаться введенных правил и процедур и после окончания пилотного периода. Число проверок, осуществляемых полицией Фуэнлабрады, сократилось с 408 на 10 000 жителей в 2007 году до 65 на 10 000 жителей в 2013 году (Open Society Foundations, 2015: 26), а коэффициент эффективности (количество задержаний по результатам проверок) за тот же период вырос в 4,5 раза (Ibid.: 32). Диспропорции в проверках граждан разных национальностей существенно сократились (в частности, упала доля остановок румын, марокканцев, эквадорцев и нигерийцев)²⁸.

27. Программа Стратегии эффективных полицейских остановок и проверок (STEPS) и Программа эффективной полицейской идентификации (PIPE). Программы осуществлялись полицией при поддержке некоммерческих организаций.

28. В Жироне, Кастельоне и Педресуэле количество проверок и этнические диспропорции при их проведении также сократились, а коэффициент эффективности работы полиции повысился, однако статистические данные, позволяющие отслеживать изменения, собирались только в течение пилотного периода.

Согласно Закону о терроризме, принятому в Великобритании в 2000 году, английские полицейские получили право останавливать и обыскивать пешеходов и транспортные средства для обнаружения предметов, которые могут быть использованы в террористических целях, даже при отсутствии обоснованных подозрений в наличии таких предметов. После теракта 11 сентября 2001 года это право стало широко использоваться, причем, как уже упоминалось, непропорционально большое внимание сотрудники полиции уделяли представителям этнических меньшинств и мусульманам.

Низкая результативность и явный дискриминационный подтекст действий работников силовых структур вызвали дискуссию в британском обществе о допустимости указанного подхода. В итоге полномочия полиции были пересмотрены: в 2011 году полицейским было запрещено останавливать граждан для досмотра без обоснованных подозрений в их причастности к терроризму. Особо подчеркивалось, что обоснованные подозрения должны базироваться не на внешнем виде гражданина и стереотипных представлениях о склонности тех или иных групп к участию в террористической деятельности, а на разведывательных данных и/или поведенческом анализе. Осуществлять остановку и досмотр было разрешено только в том случае, если имеется оперативная информация о возможной подготовке теракта и если офицер полиции получил санкцию от вышестоящего начальства. При этом территория, на которой проводились проверки, и срок действия такого разрешения не должны были быть больше, чем это необходимо для предотвращения террористического акта (Home Office, 2012).

В результате принятых мер количество остановок граждан для досмотра сократилось (с 1151 чел. в 2010–2011 годах до 768 чел. в 2017–2018 годах), а коэффициент эффективности (количество задержаний по подозрению в причастности к террористической деятельности) увеличился с 3 до 8% (Home Office, 2018: 21). Число проверок по подозрению в причастности к террористической деятельности за тот же период сократилось с 65 684 до 15 391 чел., а коэффициент эффективности возрос с 1,4 до 11,5% (Home Office, 2018: 23).

Выводы

Анализ документальных источников позволил установить, что во многих российских регионах существуют дискриминационные практики по признакам этнической принадлежности, национального происхождения и места жительства (региона происхождения). При этом подобные практики не являются специфически российской проблемой: они существуют и за рубежом.

Наличие распоряжений об осуществлении этнически избирательного контроля и фиксация соответствующих практик в официальных отчетных документах позволяет опровергнуть распространенное мнение, что основной причиной дискриминации являются этнические предубеждения отдельных полицейских, и при-

йти к выводу о её институционализации, по крайней мере в отдельных регионах России и зарубежных стран.

Международный опыт показывает, что осуществление «особого контроля» над гражданами на основании их этнического или национального происхождения неэффективно и ведет к целому ряду негативных последствий, таких как усиление социального неравенства; непропорционально высокий процент представителей меньшинств среди лиц, привлекаемых к ответственности в системе уголовного правосудия; снижение качества работы правоохранительных органов; стигматизация этнических и национальных групп; повышение межэтнической и межнациональной напряженности в обществе; недоверие к полиции и отказ от сотрудничества с ней тех категорий граждан, в отношении которых устанавливается повышенный контроль.

Использование альтернативных подходов, предполагающих переключение внимания сотрудников силовых структур с этнической или национальной принадлежности граждан на конкретные разведывательные данные и поведенческий анализ, позволяет повысить эффективность работы полиции и избежать дискриминации.

Источники

Администрация города Когалыма. (2012). Доклад на заседании Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по противодействию экстремистской деятельности 16 ноября 2012 года по вопросу «О реализации муниципальных целевых программ по профилактике экстремизма, гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, укреплению толерантности». URL: <http://www.gov.admhmao.ru/komissii-i-sovety/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy-pri-gubernatore-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugr/komissii/mezhvedomstvennaya-komissiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-po-protivodeystviyu-ekstrem/zasedaniya/2012-god/16-noyabrya-2012-goda/povestka/343050/doklad> (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация города Когалыма. (2013). Муниципальная программа «Профилактика экстремизма и терроризма в городе Когалыме». Постановление Администрации города Когалыма от 15.10.2013 № 2927. URL: <http://admkogalym.ru/economics/municipal-programs/munitsipalnye-programmy/> (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация городского округа город Салават. (2015). Приложение к Решению «О ходе реализации Комплексной программы профилактики правонарушений в городской округе город Салават Республики Башкортостан». URL: <http://www.salavatsovet.ru/resheniya-soveta/3-sozyv/materialy-k-zasedaniyu-soveta/materialy-k-47-zasedaniyu-soveta/o-xode-realizacii-kompleksnoj-programmy-profilaktiki>

pravonarushenij-v-gorodskom-okruge-gorod-salavat-respubliki-bashkortostan/ (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация городского округа город Уфа. (2013). Городская целевая программа «Профилактика правонарушений и борьба с преступностью на территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан на 2013–2015 годы». URL: <https://ufacity.info/document/131444.html> (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация Заводоуковского городского округа. (2017). Муниципальная программа «Основные направления деятельности по реализации государственной политики в сферах национальных, государственно-конфессиональных, общественно-политических отношений и профилактике экстремистских проявлений в Заводоуковском городском округе» на 2016–2020 годы. URL: [https://zavodoukovsk.admtymen.ru/files/upload/OMSU/Zavodoukovsk/№%201865_Приложение%20к%20НПА_\(3368398v3\)\(1\).pdf](https://zavodoukovsk.admtymen.ru/files/upload/OMSU/Zavodoukovsk/№%201865_Приложение%20к%20НПА_(3368398v3)(1).pdf) (дата доступа: 01.08.2018)

Администрация муниципального образования «Выборгский район». (2016). Протокол № 3 Заседания межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при администрации муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области от 14.09.2016 г. URL: http://www.vbglenobl.ru/sites/default/files/protokol_no_3__2016.doc (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация муниципального образования «Икрянинский район». (2017). Распоряжение Администрации муниципального образования «Икрянинский район» «О принятии дополнительных мер по недопущению совершения террористических актов и преступлений, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан на территории МО «Икрянинский район» от 05.04.2017 г. № 102. URL: <http://ikradm.ru/normativnie-pravovie-akti/postanovleniya-i-rasporyajeniyz/1491-postanovleniya-i-rasporyazheniya-za-2017-god?start=3> (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация Нефтеюганского района. (2018). Постановление Администрации Нефтеюганского района №6 от 08 февраля 2018 года «О мерах по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность, а также доведению до них информации об уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности». URL: http://www.admoil.ru/zashita_prav_detey/postanovleniya/2018/6.docx (дата доступа: 01.08.2018).

Администрация поселения Совхоз имени Ленина. (2018). Признаки подготовки и проведения диверсионно-террористических актов. URL: <http://www.pos-sovhozlenina.ru/settlement/security/at2.php?print=Y> (дата обращения: 01.08.2018).

БезФормата. (2012). Спец. анкета для северокавказцев. URL: <http://magas.bezformata.ru/listnews/spetc-anketa-dlya-severokavkaztcev/4887054/> (дата доступа: 01.08.2018)

Дума города Покачи. (2014). Решение от 30.04.2014 № 38 «О результатах работы администрации города Покачи и отдела министерства внутренних дел России по городу Покачи в рамках обеспечения общественной безопасности

- и охраны общественного порядка на территории города Покачи». URL: http://dumapokachi.ru/files/2014/resheniya2014/05.05.2014/38_ot_30_04_2014.docx (дата доступа: 01.08.2018).
- ЕКРН. (2002). Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 7 «О национальном законодательстве по борьбе с расизмом и расовой дискриминацией». Принята 12 декабря 2002 года. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата доступа: 01.08.2018).
- ЕКРН. (2004). Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 8 «По борьбе с расизмом в процессе противодействия терроризму». Принята 17 марта 2004 года. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата доступа: 01.08.2018).
- ЕКРН. (2007). Общеполитическая рекомендация ЕКРН № 11 «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов». Принята 29 июня 2007 года. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата доступа: 01.08.2018).
- ЕСПЧ. (2005). Постановление ЕСПЧ от 13.12.2005 «Дело «Тимишев (Timishev) против Российской Федерации» (Жалобы №№ 55762/00 и 55974/00). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARBo02&n=34568#013826377381474875> (дата доступа: 01.08.2018).
- Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН. (2017). Заключительные замечания по двадцать третьему и двадцать четвертому периодическим докладам Российской Федерации (CERD/C/RUS/23-24). URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD/C/RUS/CO/23-24&Lang=Ru (дата доступа: 01.08.2018)
- Межмуниципальный отдел МВД РФ «Кизнерский». (2014). Итоги оперативно-служебной деятельности уголовного розыска ММО МВД России «Кизнерский» за 1 полугодие 2014 года. URL: <https://кизнерский.18.мвд.рф/document/6941134> (дата обращения: 01.08.2018).
- Межмуниципальный отдел МВД РФ «Павлово-Посадский». (2014). Информационно-аналитическая записка к отчету начальника Межмуниципального отдела МВД России «Павлово-Посадский» полковника полиции В. В. Самохина перед Советом депутатов о деятельности МО МВД за 1 полугодие 2014 года. URL: http://pavpos.ru/files/Dokument/SovDep_Resh/otchet_746.pdf (дата доступа: 01.08.2018).
- ООН. (1948). Всеобщая декларация прав человека. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- ООН. (1965). Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел МВД России по району Бибирево г. Москвы. (2015). Информационно-аналитическая записка по итогам работы Отдела МВД России по району Бибирево

- г. Москвы за 2015 год. URL: <https://свао.мск.мвд.рф/document/7065434> (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел по ЮЗАО Управления ФСБ по городу Москве и Московской области. (2018). Признаки подготовки диверсионного террористического акта. URL: <http://obruchev.mos.ru/bezopasnost/u-terrora-shansov-net/act-diversionno.php> (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел МВД РФ по г. Нефтеюганску. (2018а). ИАЗ УУП Охрименко И. А. URL: https://86.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_dolznhostnih_lic/Otchjoti_uchastkovih_upolnomochennih_pol/OMVD_Rossii_po_g._Neftejugansku/инфор (дата доступа: 01.08.2018)
- Отдел МВД РФ по г. Нефтеюганску. (2018б). ИАЗ УУП Селиверстов Г. С. (2018) URL: https://86.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_dolznhostnih_lic/Otchjoti_uchastkovih_upolnomochennih_pol/OMVD_Rossii_po_g._Neftejugansku/инфор (дата доступа: 01.08.2018)
- Отдел МВД РФ по г. Нефтеюганску. (2018в). ИАЗ УУП Хомутовский А. А. (2018) URL: https://86.мвд.рф/Dejatelnost/Otcheti_dolznhostnih_lic/Otchjoti_uchastkovih_upolnomochennih_pol/OMVD_Rossii_po_g._Neftejugansku/инфор (дата доступа: 01.08.2018)
- Отдел МВД РФ по Енотаевскому району. (2015). Итоги оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД по Енотаевскому району за 2 квартал 2015 года. URL: https://30.мвд.рф/Activity/Otchjoti_dolznhostnih_lic/uup/Otchjoti_uchastkovih_pered_naseleniem/Enotaevskij_rajon/item/6976144 (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел МВД РФ по Ловокумскому району. (2014). Справка-отчет о проделанной работе за 6 месяцев 2014 г. УУП ОУУП и ДН Отдела МВД России по Ловокумскому району на административном участке № 6 МО с. Правокумского. URL: <http://mopravokum.ru/otchety.html> (дата доступа: 01.08.2018)
- Отдел МВД РФ по Лотошинскому району. (2015). Доклад на Антитеррористической комиссии начальника ОМВД России по Лотошинскому району «О состоянии правопорядка и общественной безопасности в 2014 году и мерах по профилактике терроризма на территории Лотошинского муниципального района в 2015 году». URL: http://лотошинье.рф/media/2015/02/24/news_docs/Vyistuplenie%20na%20ATK%2020.02.2015.doc.docx (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел МВД РФ по району Северное Бутово г. Москвы. (2014). Информационно-аналитическая записка состояния оперативной обстановки и борьбы с преступностью на территории отдела МВД России по району Северное Бутово г. Москвы за 6 месяцев 2014 года. URL: http://old.uvd-uzao.ru/images/105/File/2014_severnoe_butovo_6_mes.doc (дата доступа: 01.08.2018).
- Отдел МВД РФ по Харабалинскому району. (2015). Итоги оперативно-служебной деятельности УУП ОМВД РФ по Харабалинскому району за 3 квартал 2015 года. URL: https://30.мвд.рф/Activity/Otchjoti_dolznhostnih_lic/uup/Otchjoti_uchastkovih_pered_naseleniem/Harabalinskij_rajon/item/7401674 (дата доступа: 01.08.2018).

- Отдел МВД РФ по району Чертаново Южное г. Москвы. (2018). Отчет начальника Отдела МВД России по району Чертаново Южное г. Москвы «Об итогах оперативно-служебной деятельности за 12 месяцев 2017 года» перед представительными органами муниципального образования. URL: <https://юоо.мск.мвд.рф/document/12089774> (дата доступа: 13.06.2018).
- Правительство Москвы. (1999). Программа по борьбе с преступностью в г. Москве на 2000 год. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/14252220/> (дата доступа: 01.08.2018).
- Совет депутатов г. Фрязино. (2002). Комплексная целевая программа по укреплению правопорядка и усилению борьбы с преступностью на территории г. Фрязино на 2002–2004 гг. «Правопорядок». URL: <http://moscow-portal.info/2002/06/10/a255279.htm> (дата доступа: 01.08.2018)
- Совет города Железноводска. (2004а). Информация о выполнении решения Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 «О комплексной программе города Железноводска по борьбе с преступностью на 2004 год». URL: <http://zakon-region2.ru/4/179202/> (дата доступа: 01.08.2018).
- Совет города Железноводска. (2004б). Решение Совета города Железноводска от 28.04.2004 № 523 «О Комплексной программе города Железноводска по борьбе с преступностью на 2004 год». URL: <http://zakon-region2.ru/4/180000/> (дата доступа: 01.08.2018).
- Совет депутатов Ленинского района. (2004). Решение Совета депутатов Ленинского района МО от 17.11.2004 № 2/7 об утверждении программы «Укрепление правопорядка на территории Ленинского района на 2005–2008 годы». URL: <http://moscow-portal.info/2004/11/17/a242209.htm> (дата доступа: 01.08.2018).
- Berlusconi S.* (2008a). Decreto del Presidente del Consiglio dei ministri 21 maggio 2008 «Dichiarazione dello stato di emergenza in relazione agli insediamenti di comunità nomadi nel territorio delle regioni Campania, Lazio e Lombardia». URL: <https://www.asgi.it/wp-content/uploads/public/decreto.del.presidente.del.consiglio.dei.ministri.21.maggio.2008.pdf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Berlusconi S.* (2008b). Ordinanza del Presidente del Consiglio dei ministri 30 maggio 2008 № 3676 «Disposizioni urgenti di protezione civile per fronteggiare lo stato di emergenza in relazione agli insediamenti di comunità nomadi nel territorio della regione Lazio». URL: <http://www.asgi.it/wp-content/uploads/public/ordinanza.del.presidente.del.consiglio.dei.ministri.30.maggio.2008.n.3676.pdf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. (106). NRW: Schwerpunktaktion «Maghreb». 500 Antragsstellende an einem Tag. URL: <http://www.bamf.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2016/20160413-020-pm-schwerpunktaktion-maghreb.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- European Court of Human Right. (2002). Reports of Judgments and Decision, 2002-IV. Köln: Carl Heymanns.

- Ministerium für Inneres und Kommunales des Landes Nordrhein-Westfalen. (2016). Schriftlicher Bericht des Ministers für Inneres und Kommunales zur «Situation der Asylbewerber aus nordafrikanischen Herkunftsstaaten in NRW» zur Sitzung des Innenausschusses am 18. Februar 2016. URL: <https://www.landtag.nrw.de/Dokumentenservice/portal/WWW/dokumentenarchiv/Dokument/MMV16-3696.pdf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Ministero dell'Interno. (2008). Linee Guida per l'attuazione delle ordinanze del Presidente del Consiglio dei Ministri del 30 maggio 2008, nn. 3676, 3677 e 3678, concernenti insediamenti di comunità nomadi nelle regioni Campania, Lazio e Lombardia. URL: <http://www.statewatch.org/news/2008/jul/italy-roma-ministry-guidelines-italian.pdf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Ministerstwo Spraw Wewnętrznych i Administracji. (2019). Straż Graniczna. URL: <http://www.antyterroryzm.gov.pl/CAT/antyterroryzm/instytucje-i-sluzby/straz-graniczna/552,Straż-Graniczna.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Polizei NRW Köln. (2019). Twitter. URL: https://twitter.com/polizei_nrw_k/status/815318640094572548 (дата доступа: 12.02.2019).
- Polizia di Stato. (2015). Effettuato un controllo al locale campo nomadi. Identificate oltre 150 persone. URL: 11.07.2015. <http://questure.poliziadistato.it/it/Asti/articolo/5730dfbd84a1448960072> (дата доступа: 12.02.2019).
- Szreder L. (2005). Zarządzenie Nr 1429 Komendanta Głównego Policji z dnia 31 grudnia 2004 r. w sprawie wprowadzenia w Policji procedur reagowania w sytuacjach kryzysowych. URL: http://www.policja.pl/ftp/dzienniki_urzedowe/2005/dziennik_03_2005.pdf (дата доступа: 12.02.2019).
- Zieliński J. (2016). Odpowiedź na interpelację nr 6275 w sprawie działań Ministerstwa Obrony Narodowej oraz Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji w związku z ryzykiem eskalacji konfliktu na Ukrainie. URL: <http://www.sejm.gov.pl/Sejm8.nsf/InterpelacjaTresc.xsp?key=2ADB718A> (дата доступа: 12.02.2019).

Литература

- Григорьева К. С. (2017). Государственная политика и межэтническая напряженность // Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф. (ред.). Социальные факторы межэтнической напряженности в России. М.: ФНИСЦ РАН. С. 197–240.
- Осипов А. Г. (2009). Дискриминация по признакам, связанным с местом жительства, — основные аспекты и контуры проблемы // Демоскоп Weekly. № 361–362. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0361/analito5.php> (дата доступа: 01.08.2018).
- Alschuler A. W. (2002). Racial Profiling and the Constitution // *University of Chicago Legal Forum*. № 1. P. 163–269.
- Bittner E. (1970). *The Functions of the Police in Modern Society*. Washington: U.S. Government Printing Office.

- Blanchard E.* (2014). Contrôle au faciès: une cérémonie de dégradation // *Plein droit*. № 103. P. 11–15.
- Colb S. F.* (2004). Profiling with Apologies. URL: <http://scholarship.law.cornell.edu/fac-pub/628> (дата доступа: 28.09.2018)
- Cureton S.* (1997). Consensus of Conflict? An Empirical Test Of Differential Social Control Using 1980 and 1990 Uniform Crime Reports (PhD Thesis). Washington: Washington State University.
- Davies S. L.* (2003). Profiling Terror // *Ohio State Journal of Criminal Law*. Vol. 1. P. 45–101.
- Délégation de l'Assemblée nationale. (2005). Rapport d'information déposé par la délégation de l'Assemblée nationale pour l'Union européenne sur l'Union européenne et la lutte contre le terrorisme (documents E 2616, E 2634 et E 2734), et présenté par M. Christian Philip, député. Assemblée Nationale. No. 2123, March 2. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/12/europe/rap-info/i2123.asp#P629_101747 (дата доступа: 01.08.2018).
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J.* (2002). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research // *Justice Quarterly*. Vol. 19. № 2. P. 249–273.
- FRA. (2010). EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey: Main Results Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- FRA. (2017). EU-MIDIS II: Second European Union Minorities and Discrimination Survey. Muslims: Selected Findings. Luxembourg: Publications Office of the European Union
- Gardner T. G.* (2014). Racial Profiling as Collective Definition // *Social Inclusion*. Vol. 2. № 3. P. 52–59.
- Gross S. R., Livingston D.* (2002). *Racial Profiling Under Attack // Columbia Law Review*. Vol. 102. №. 5. P. 1413–1438.
- Harcourt B. E.* (2004). Rethinking Racial Profiling: A Critique of the Economics, Civil Liberties, and Constitutional Literature, and of Criminal Profiling More Generally. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.471901> (дата доступа: 01.10.2018).
- Harris D. A.* (1999). Driving while Black: Racial Profiling on Our Nation's Highways. URL: <https://www.aclu.org/report/driving-while-black-racial-profiling-our-nations-highways> (дата доступа: 01.10.2018).
- Home Office. (2012). Code of Practice (England, Wales and Scotland) for the Exercise of Stop and Search Powers under Sections 43 and 43a of the Terrorism Act 2000, and the Authorisation and Exercise of Stop and Search Powers Relating to Section 47a of, and Schedule 6b to, the Terrorism Act 2000. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97944/stop-search-code-of-practice.pdf (дата доступа: 01.08.2018).
- Home Office. (2018). Operation of Police Powers under the Terrorism Act 2000 and Subsequent Legislation: Arrests, Outcomes, and Stop and Search, Great Britain, Financial Year Ending March 2018. Statistical Bulletin 09/18. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/

- <file/716000/police-powers-terrorism-mar2018-hosbo918.pdf> (дата доступа: 01.08.2018)
- Jones J. M. (2001). The Impact of the Attacks on America: Americans Believe Country Already at War, Accept Increased Security Measures. URL: <https://news.gallup.com/poll/4894/impact-attacks-america.aspx> (дата доступа: 01.10.2018).
- Kádár A., Pap A.L. (2009). Police Ethnic Profiling in Hungary: An Empirical Research: Ideals of Systemicity and Axiomatisability between Utopianism and Heuristic Assertion // *Acta Juridica Hungarica*. Vol. 50. № 3. P. 253–267.
- Lamberth J. (1996). A Report to the ACLU. New York: America Civil Liberties Union.
- Lansdowne W. M. (2000). Vehicle Stop Demographic Study. San Jose: San Jose Police Department.
- Mauer M., Huling T. (1995). Young Black Americans and the Criminal Justice System: Five Years Later. Washington: The Sentencing Project.
- Mutsaers P. (2014). Ethnic Profiling as a Societal Institution in the Netherlands. URL: https://www.researchgate.net/publication/268443592_Ethnic_profiling_as_a_societal_institution_in_the_Netherlands (дата доступа: 01.10.2018).
- Nadal K. L., Davidoff K. C., Allicock N., Serpe C. R., Erazo T. (2017). Perceptions of Police, Racial Profiling, and Psychological Outcomes: A Mixed Methodological Study // *Journal of Social Issues*. Vol. 73. № 4. P. 808–830.
- Newport F. (1999). Racial Profiling Seen as Widespread, Particularly Among Young Black Men. URL: <https://news.gallup.com/poll/3421/racial-profiling-seen-widespread-particularly-among-young-black-men.aspx> (дата доступа: 28.09.2018).
- Open Society Institute. (2009). Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory. New York: Open Society Institute.
- Open Society Foundations. (2015). Fair and Effective Police Stops. Lessons in Reform from Five Spanish Police Agencies. Technical Report. New York: Open Society Foundations.
- Pap A. L. (2011). Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings // *Acta Juridica Hungarica*. Vol. 52. № 4. P. 273–295.
- Posner R.A. (2006). Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency. New York: Oxford University Press.
- Press W. (2010). To Catch a Terrorist: Can Ethnic Profiling Work? // *Significance*. Vol. 7. № 4. P. 164–167.
- Rosich K. J. (2007). Race, Ethnicity, and the Criminal Justice System. Washington: American Sociological Association.
- Rubinstein J. (1973). City Police. New York: Ballantine.
- Rudovsky D. (2001). Law Enforcement by Stereotypes and Serendipity: Racial Profiling and Stops and Searches Without Cause. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1932&context=faculty_scholarship (дата доступа: 28.09.2018).

- Skolnick J. H.* (1966). *Justice without Trial: Law Enforcement in a Democratic Society*. New York: John Wiley & Sons.
- Spitzer E.* (1999). *The New York City Police Department's «Stop and Frisk» Practices: A Report to the People of the State of New York from the Office of the Attorney General*. Albany: New York Attorney General's Office.
- Stone V., Pettigrew N.* (2000). *The Views of the Public on Stops and Searches*. Police Research Series Paper 129. London: Home Office.
- United States General Accounting Office. (2000) *Report to the Honorable Richard J. Durbin United States Senate. U.S. Customs Service Better Targeting of Airline Passengers for Personal Searches Could Produce Better Results*. GAO/GGD-00-38. March 17. URL: <https://www.gao.gov/assets/230/228979.pdf> (дата доступа: 01.08.2018).
- Verniero P., Zoubek P. H.* (1999). *Interim Report of the State Police Review Team Regarding Allegations of Racial Profiling*. Trenton: New Jersey Attorney General's Office.
- Wacquant L.* (1999). «Suitable Enemies»: Foreigners and Immigrants in the Prisons of Europe // *Punishment & Society*. Vol. 1. № 2. P. 215–222.
- Weber L., Bowling B.* (eds.). (2012). *Stop and Search: Police Power in Global Context*. London: Routledge.
- Weitzer R., Tuch S. A.* (2002). *Perceptions of Racial Profiling: Race, Class, and Personal Experience* // *Criminology*. Vol. 40. № 2. P. 435–456.

Is Ethnic Discrimination a Matter of Common Sense in the Fight against Crime and Terrorism?

Kseniya Grigor'eva

Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Address: Krzhizhnovsky str., 5, 24/35, Moscow, Russian Federation 117218

E-mail: ksenia.grig@mail.ru

Despite the prohibition of racial discrimination by Russian and international legislation, it remains in Russia and abroad. This problem has become especially acute in the context of the fight against terrorism. Since September 11, 2001, the popular view is that ethnically-selective control is illegal but effective, and therefore an indispensable means of countering the terrorist threat and other global security challenges. The member States of the Council of Europe (including Russia) as well as the United States have issued orders on the ethnically-selective control over citizens and related practices. This article is devoted to the analysis of such practices and orders in different regions of the Russian Federation. In addition, the article discusses similar international experiences in the fight against crime and terrorism. The empirical bases of the research are documentary sources: orders and programs of regional authorities and reports on the progress of their implementation; reports of police officers; materials of interdepartmental meetings, and other open-access documents that are posted on official websites of state institutions. It is concluded that ethnically-selective control is ineffective and leads to a number of negative consequences such as a decrease in public safety, a distrust of the police, the stigmatization of ethnic and national groups, and an

increase of inter-ethnic tension in society. The use of alternative methods of combating terrorism and other types of crime can both improve efficiency and avoid discrimination.

Keywords: discrimination, terrorism, racial profiling, ethnic minorities, interethnic tension

References

- Alschuler A. W. (2002) Racial Profiling and the Constitution. *University of Chicago Legal Forum*, no 1, pp. 163–269.
- Bittner E. (1970) *The Functions of the Police in Modern Society*, Washington: U.S. Government Printing Office.
- Blanchard E. (2014) Contrôle au faciès : une cérémonie de dégradation. *Plein droit*, no 103, pp. 11–15.
- Colb S. F. (2004) *Profiling with Apologies*. Available at: <http://scholarship.law.cornell.edu/facpub/628> (accessed 28 September 2018).
- Cureton S. (1997) Consensus of Conflict? An Empirical Test of Differential Social Control Using 1980 and 1990 Uniform Crime Reports (PhD Thesis), Washington: Washington State University.
- Davies S. L. (2003) Profiling Terror. *Ohio State Journal of Criminal Law*, vol. 1, pp. 45–101.
- Délégation de l'Assemblée nationale (2005) Rapport d'information déposé par la délégation de l'Assemblée nationale pour l'Union européenne sur l'Union européenne et la lutte contre le terrorisme (documents E 2616, E 2634 et E 2734), et présenté par M. Christian Philip, député. Assemblée Nationale. No. 2123, March 2. Available at: http://www.assemblee-nationale.fr/12/europe/rap-info/i2123.asp#P629_101747 (accessed 1 August 2018).
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J. (2002) Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*, vol. 19, no 2, pp. 249–273.
- FRA (2010) *EU-MIDIS: European Union Minorities and Discrimination Survey: Main Results Report*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- FRA (2017) *EU-MIDIS II: Second European Union Minorities and Discrimination Survey: Muslims: Selected Findings*, Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Gardner T. G. (2014) Racial Profiling as Collective Definition. *Social Inclusion*, vol. 2, no 3, pp. 52–59.
- Grigor'eva K. (2017) Gosudarstvennaya politika i mezhetnicheskaya napryazhennost' [Public Policy and Interethnic Tensions]. *Sotsial'nyye faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti v Rossii* [Social Factors of Interethnic Tensions in Russia] (eds. Y. Epikhina, M. Chernysh), Moscow: FNISTS RAN, pp. 197–240.
- Gross S. R., Livingston D. (2002) *Racial Profiling Under Attack*. *Columbia Law Review*, vol. 102, no 5, pp. 1413–1438.
- Harcourt B. E. (2004) Rethinking Racial Profiling: A Critique of the Economics, Civil Liberties, and Constitutional Literature, and of Criminal Profiling More Generally. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.471901> (accessed 1 October 2018).
- Harris D. A. (1999) Driving while Black: Racial Profiling on Our Nation's Highways. Available at: <https://www.aclu.org/report/driving-while-black-racial-profiling-our-nations-highways> (accessed 1 October 2018).
- Home Office (2012) Code of Practice (England, Wales and Scotland) for the Exercise of Stop and Search Powers under Sections 43 and 43a of the Terrorism Act 2000, and the Authorisation and Exercise of Stop and Search Powers Relating to Section 47a of, and Schedule 6b to, the Terrorism Act 2000. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97944/stop-search-code-of-practice.pdf (accessed 1 August 2018).
- Home Office (2018) Operation of Police Powers under the Terrorism Act 2000 and Subsequent Legislation: Arrests, Outcomes, and Stop and Search, Great Britain, Financial Year Ending March 2018. Statistical Bulletin 09/18. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/716000/police-powers-terrorism-mar2018-hosb0918.pdf (accessed 1 August 2018).
- Jones J. M. (2001) The Impact of the Attacks on America: Americans Believe Country Already at War, Accept Increased Security Measures. Available at: <https://news.gallup.com/poll/4894/impact-attacks-america.aspx> (accessed 1 October 2018).

- Kádár A., Pap A. L. (2009) Police Ethnic Profiling in Hungary: An Empirical Research: Ideals of Systemicity and Axiomatisability between Utopianism and Heuristic Assertion. *Acta Juridica Hungarica*, vol. 50, no 3, pp. 253–267.
- Lamberth J. (1996) *A Report to the ACLU*, New York: America Civil Liberties Union.
- Lansdowne W. M. (2000) *Vehicle Stop Demographic Study*, San Jose: San Jose Police Department.
- Mauer M., Huling T. (1995) *Young Black Americans and the Criminal Justice System: Five Years Later*, Washington: The Sentencing Project
- Mutsaers P. (2014) Ethnic Profiling as a Societal Institution in the Netherlands. Available at: https://www.researchgate.net/publication/268443592_Ethnic_profiling_as_a_societal_institution_in_the_Netherlands accessed 1 October 2018).
- Nadal K. L., Davidoff K. C., Allicock N., Serpe C. R., Erazo T. (2017) Perceptions of Police, Racial Profiling, and Psychological Outcomes: A Mixed Methodological Study. *Journal of Social Issues*, vol. 73, no 4, pp. 808–830.
- Newport F. (1999) Racial Profiling Seen as Widespread, Particularly Among Young Black Men. Available at: <https://news.gallup.com/poll/3421/racial-profiling-seen-widespread-particularly-among-young-black-men.aspx> (accessed 28 September 2018).
- Open Society Foundations (2015) *Fair and Effective Police Stops. Lessons in Reform from Five Spanish Police Agencies: Technical Report*, New York: Open Society Foundations.
- Open Society Institute (2009) *Ethnic Profiling in the European Union: Pervasive, Ineffective, and Discriminatory*, New York: Open Society Institute.
- Osipov A. (2009) Diskriminatsiya po priznakam, svyazannym s mestom zhitelstva: osnovnyye aspekty i kontury problemy [Discrimination on Ground of Residence: Main Aspects and Contours of the Problem]. *Demoskop Weekly*, no 361–362 Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0361/analit05.php> (accessed 1 August 2018).
- Pap A. L. (2011) Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings. *Acta Juridica Hungarica*, vol. 52, no 4, pp. 273–295.
- Posner R. A. (2006) *Not a Suicide Pact: The Constitution in a Time of National Emergency*, New York: Oxford University Press.
- Press W. (2010) To Catch a Terrorist: Can Ethnic Profiling Work? *Significance*, vol. 7, no 4, pp. 164–167.
- Rosich K. J. (2007) *Race, Ethnicity, and the Criminal Justice System*, Washington: American Sociological Association.
- Rubinstein J. (1973) *City Police*, New York: Ballantine.
- Rudovsky D. (2001) Law Enforcement by Stereotypes and Serendipity: Racial Profiling and Stops and Searches Without Cause. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1932&context=faculty_scholarship (accessed 28 September 2018).
- Skolnick J. H. (1966) *Justice without Trial: Law Enforcement in a Democratic Society*, New York: John Wiley & Sons.
- Spitzer E. (1999) *The New York City Police Department's "Stop and Frisk" Practices: A Report to the People of the State of New York from the Office of the Attorney General*, Albany: New York Attorney General's Office.
- Stone V., Pettigrew N. (2000) The Views of the Public on Stops and Searches (Police Research Series Paper 129), London: Home Office.
- United States General Accounting Office (2000) Report to the Honorable Richard J. Durbin United States Senate. U.S. Customs Service Better Targeting of Airline Passengers for Personal Searches Could Produce Better Results. GAO/GGD-00-38. March 17. Available at: <https://www.gao.gov/assets/230/228979.pdf> (accessed 1 August 2018).
- Verniero P., Zoubek P.H. (1999) *Interim Report of the State Police Review Team Regarding Allegations of Racial Profiling*, Trenton: New Jersey Attorney General's Office.
- Wacquant L. (1999) "Suitable Enemies": Foreigners and Immigrants in the Prisons of Europe. *Punishment & Society*, vol. 1, no 2, pp. 215–222.
- Weber L., Bowling B. (eds.) (2012) *Stop and Search: Police Power in Global Context*, London: Routledge.
- Weitzer R., Tuch S. A. (2002) Perceptions of Racial Profiling: Race, Class, and Personal Experience. *Criminology*, vol. 40, no 2, pp. 435–456.

Радикально-демократическая модель политики как реакция на проблему политической интеграции беженцев

Константин Фомин

Ассистент, кафедра философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002
E-mail: kostyafominphil@gmail.com

Надежда Савельева

Аспирантка, кафедра философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002
E-mail: n.saveleva@narfu.ru

Данная статья посвящена анализу истоков той проблемной ситуации с беженцами, которая имеет место в мире в настоящий момент, а также поиску новой модели эмансипационной политики, могущей предложить работающее решение этой проблемы. Основной посыл статьи состоит в том, что политические теории Дж. Агамбена, Ж. Рансьера и Дж. Батлера могут быть совмещены в рамках радикально-демократической модели политики, в центре которой будет находиться пересмотренный концепт прав человека. Сначала авторами статьи были определены базовые категории, используемые для анализа политических теорий: «национальное государство», «суверенитет», «беженцы», «безгосударственные лица», «права человека». Далее исследуется контекст появления либеральной концепции прав человека, являющейся нормативным фундаментом международно-правового порядка. После рассмотрения основной критики, направленной против либеральной концепции прав человека, авторы обращаются к теории суверенной власти Дж. Агамбена. Один из основных его тезисов — необходимость отказа от концепта прав человека в рамках теории эмансипационной политики. Этот отказ итальянский философ мотивирует фактом изначальной взаимосвязанности прав человека и государственной власти. Авторы оценивают положительные и негативные аспекты подхода Агамбена к политике. Далее рассматривается альтернативный подход к правам человека, предложенный Ж. Рансьером. В конце статьи предлагается более конструктивная модель эмансипационной политики, комбинирующая идеи итальянского философа с идеями Ж. Рансьера и Дж. Батлера. С точки зрения авторов статьи, эта модель лишена основных недостатков, исследуемых ими подходов. Ее преимуществами являются расширенная трактовка власти и реинтеграция идеи солидарности в теорию эмансипации.

Ключевые слова: национальное государство, суверенитет, беженцы, безгосударственные лица, права человека, радикально-демократическая модель политики

© Фомин К. В., 2019

© Савельева Н. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-140-157

Постановка проблемы

Отправной точкой нашей статьи является проблема политической интеграции беженцев. С момента выхода «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт эта проблема стала объектом внимательного изучения множества политических теоретиков. Мы сконцентрируемся на тех авторах, которые утверждали методологическую ценность обращения к проблеме беженцев при разработке модели эмансипационной политики.

С первого серьезного кризиса системы национальных государств, который ознаменован событиями Первой мировой войны, эта тема не потеряла актуальности. Были предприняты попытки решения с помощью двух юридических механизмов: права на убежище и натурализации. Однако эти механизмы не были зафиксированы в писаном праве и носили декларативный характер, то есть не были действенными средствами правовой защиты беженцев. Проблема на сегодняшний день остается открытой, единственным результатом попыток ее решения, на наш взгляд, было увеличение категорий, обозначающих безгосударственных лиц, ту часть человечества, которая неспособна заявить о своей гражданской принадлежности. Наряду со столь же актуальными международными проблемами, как миграция и гуманитарные интервенции, «безгосударственность» свидетельствует о противоречии между концепцией всеобщих прав и требованиями суверенитета национальных государств.

На сегодняшний день тема политической интеграции наряду со смежными темами рассматривается в рамках исследований по проблемам беженцев (*refugee studies*), где феномен безгосударственности становится объектом научного анализа. В современных журналах, посвященных беженцам, можно выделить три основных фокуса: социоэкономический и политический контексты, имеющие значение для понимания вынужденной миграции; реальный опыт беженцев и их стратегии выживания; вопросы усовершенствования и реализации законов и политики, связанных с вынужденными мигрантами.

В рамках данной статьи мы рассмотрим подход Дж. Агамбена к политике, сформулированный им в качестве решения проблемы политической интеграции беженцев. Характерной чертой этого подхода будет требование отказа от концепта прав человека. Подходу Дж. Агамбена мы противопоставим идеи Ж. Рансьера, не требующего такого отказа. Основная мысль статьи состоит в том, что позиции итальянского и французского философов могут быть совмещены с позицией Дж. Батлера в рамках модели радикально-демократической политики, в центре которой будет находиться пересмотренный концепт прав человека. Авторы полагают, что эта модель совмещает наиболее сильные моменты вышеупомянутых ученых и наиболее адекватна эмансипационной политике.

Проблема политической интеграции беженцев впервые была четко сформулирована в работе Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (Арендт, 1996), где представлен детальный анализ исторических условий возникновения феномена безгосу-

дарственности. Впоследствии к этой проблеме обращались К. Бэнерджи, А. Бадью и С. Жижек. Бэнерджи затрагивает аспект взаимосвязи системы национальных государств и беженцев (Banerjee, 2010); Бадью концентрируется на роли, которую играют беженцы в обновлении политической жизни национального сообщества (Badiou, 2016); Жижек обращается к аспекту взаимоотношений между капиталистической системой и потоками беженцев (Žižek, 2016). Тем не менее все вышеперечисленные авторы не предлагают комплексного подхода

Подобная попытка была предпринята итальянским философом Дж. Агамбенном. Прежде чем перейти к его теории суверенной власти, обратимся к историческому контексту формирования либеральной концепции прав человека. Также нами будут рассмотрены причины, по которым эта концепция подвергается критике. Обращение к данной концепции позволяет нам ответить на вопрос, почему проблема политической интеграции беженцев остается нерешенной до сего дня.

При анализе теорий мы будем исходить из следующей трактовки категорий:

1) Следуя постмарксистскому подходу, авторы определяют национальное государство как противоречивую форму государства, в которой сталкиваются правовое равенство и национальный суверенитет.

2) Опираясь на теорию К. Бэнерджи, авторы трактуют национальный суверенитет как политическую волю нации, способной принять решение относительно качества и формы своего существования. В максимальной степени он проявляется в актах исключения из политического сообщества части населения.

3) Права человека рассматриваются как отличные от гражданских прав. Права человека — это права угнетенных людей, которые невидимы в публичном пространстве и лишены голоса в политическом сообществе. На место пары «права человека (естественные права)/гражданские права» авторы ставят «права человека (права неучтенных)/гражданские права». Здесь авторы развивают идеи Ж. Рансьера и С. Чемберса.

4) Беженцы определяются предельно широко как политически отчужденные безгосударственные люди, которым не гарантированы защита и право на достойное существование.

Либеральная трактовка прав человека и ее критика

Авторы обращаются к генеалогии идеи прав человека, представленной в работах теоретиков, относящихся к школе критических правовых исследований, и в особенности к работе «Конец прав человека» Костаса Дузинаса (Douzinas, 2000). Предпочтение отдается именно этим исследователям, поскольку им удается избежать крайностей исторического релятивизма и неисторического универсализма.

С эпохи Нового времени права человека занимают центральное место в политической мысли. Свобода индивида становится проблемой. Это стало очевидно по смещению акцента от логики закона к логике права в традиции естественного права. В «Левиафане» Т. Гоббса (Гоббс, 2001: 89) и в «Опытах о законе природы»

Дж. Локка (Локк, 1988: 3) уже звучит требование различать право и закон. Согласно английским философам, право связано со свободой действия, а закон — с предписанием.

В силу своей родословной в правах человека заложена идея защиты индивида от репрессивного государственного вмешательства, и на первый план выходит специфически либеральный подход к личности. Субъектом либеральных прав человека является независимый индивид, который рассматривает жизнь, свободу и безопасность как собственность, которая должна быть защищена от внешнего вмешательства (McNeilly, 2016).

Позиция по отношению к государству не оставалась неизменной на протяжении всей истории развития либеральной мысли. Уже со времен Дж. С. Милля отрицалась абсолютная автономия индивида. Последний может реализовать свой потенциал только при протекционистском государстве, ориентированном на социальную поддержку индивидов. Идеи британского философа получили развитие в теориях представителей деонтологического либерализма: Дж. Ролза и Р. Дворкина.

Либеральная трактовка прав человека подвергалась критике со стороны таких авторов, как Э. Берк, К. Маркс, Г. В. Ф. Гегель, Ж. Лакан, К. Дузинас. Берк обращал внимание на абстрактный и рационалистический характер прав (Берк, 1993); Маркс и марксисты видели в них политическую конструкцию, которая скрывает факт экономической эксплуатации (Маркс, 1955). Гегель утверждал, что права человека — это институциональное выражение борьбы за взаимное признание, а следовательно, они не могут носить строго индивидуалистический характер (Гегель, 2007). Психоанализ критикует концепцию прав человека за постулирование субъекта права, предшествующего символическому порядку (Douzinas, 2000). Теоретики, относящиеся к школе критических правовых исследований, утверждают, что права человека, связанные исключительно с позитивным правом, утрачивают свой эмансипационный потенциал (Ibid.).

Среди критикующих либеральную трактовку прав особое место занимает Х. Арендт, чей анализ современной исторической ситуации позволяет по-новому посмотреть на отношения между правами человека и статусом гражданина. Ключевой фигурой для нее становится безгосударственное лицо, указывающее на фундаментальную роль сообщества в обеспечении прав человека.

Исследуя причины появления массового потока беженцев, Арендт обращается к процессу отзыва гражданства правительствами европейских государств у определенных сегментов их населения, что привело к появлению лиц, лишенных какой бы то ни было государственной защиты.

Арендт отмечает, что с таким быстрорастущим количеством безгосударственных лиц не могли справиться существующие на тот момент правовые институты национальных государств. Причину неудачи она видит в изначально неадекватном подходе к правам человека в рамках либеральной традиции.

Анализируя этот подход, Арендт концентрируется на его базовом допущении: существовании человека в догосударственном состоянии, обладающего правами в силу своей природы. Проблематичность такого подхода заключается в том, что, с одной стороны, любая законная политическая система должна признавать права, чтобы не утратить свою легитимность; с другой стороны, в рамках политической системы единственным гарантом этих прав может быть только политический суверен (Арендт, 1996: 317). Таким образом, права, провозглашаемые в качестве естественных, фактически не являются таковыми, поскольку опираются на суверена, который должен был обеспечить их соблюдение внутри политического сообщества.

Вслед за Берком Арендт подчеркивает, что права человека — это не права индивидов в приватном пространстве, т. е. гражданские права, которые имеют смысл только в контексте членства в политическом сообществе (Берк, 1993). Феномен безгосударственности сделал очевидным глубокую связь между «правами человека» и политической принадлежностью. Фундаментальное лишение, испытываемое бесправными, — это лишение права на принадлежность к сообществу, в котором такие права могли бы иметь значение, и места в мире, в котором их слова и действия будут приняты во внимание (Арендт, 1996: 396–397). Это «право иметь права», которое потерял беженец, полностью отсутствовало в рамках Декларации прав человека. Либеральная трактовка прав человека, заложенная в основании данного документа, исключала возможность артикуляции этого основного права, отчуждение которого приводило к лишению человеческого достоинства.

Не ограничиваясь демонстрацией недостатков либеральной концепции прав человека, Арендт исследует условие, при котором стала возможна денационализация, т. е. лишение гражданского статуса. Этим условием является изначальная противоречивость формы государства, появившегося в эпоху Нового времени, которую беженцы сделали видимой. Феномен безгосударственности продемонстрировал конфликт между национальным суверенитетом (правом нации на самоопределение) и неотчуждаемыми/естественными правами индивида, уже присутствующий в тексте Декларации прав человека. Он свидетельствовал о завершении превращения государства в орудие нации, которое больше не сдерживается рамками конституционализма.

Итак, анализ Арендт показывает, что феномен безгосударственности не только совпадает по времени с развитием системы национального государства, но и является непосредственным продолжением логики суверенитета, на которой основана система. Внимательное изучение позиции беженца позволяет нам увидеть то, каким образом денационализация создает условия, при которых возможно бесчеловечное обращение с другими. Таким образом, феномен безгосударственности является не просто симптомом кризиса современной системы национальных государств, но и тем, что изначально присутствовало в качестве возможности в структуре национальных государств, но сдерживалось таким фактором, как формирование конституционного правления.

Однако Арендт не выходит за рамки критического анализа прав человека. Для нее беженцы остаются воплощением кризиса системы национальных государств, опирающихся на права индивидов в приватном пространстве. Она выступает диагностом Современности, не предлагая какого-либо способа преодоления этого кризиса. Проблема политической интеграции беженцев просто исключается из рассмотрения.

Теория суверенной власти как развитие идей Х. Арендт

Отталкиваясь от различия приватной и публичной сфер, используемого Х. Арендт, Дж. Агамбен разрабатывает теорию суверенной власти, первая версия которой была представлена в работе «*Homo sacer*: суверенная власть и голая жизнь» (Агамбен, 2011а). В ней философ развивает идею перемещения жизни в центр политики как основной операции, осуществляемой суверенной властью. Анализируя функционирование последней, Агамбен указывает на то, что ее первоосновой, конститутивным элементом или даже некой предпосылкой оказывается жизнь, абсолютно не защищенная, обреченная на смерть. Такую жизнь мыслитель называет «голой жизнью». Она представляет собой жизнь, сведённую до животной, до факта биологического существования, то есть такого существования, которое не имеет символического значения. Для описания отношения между «голой жизнью» и суверенной властью итальянский философ использует понятие «включающего исключения»: первая в качестве исключенной инкорпорируется в последнюю. «Голая жизнь продолжает существовать в политике в форме исключения, то есть как нечто, включающееся в неё только посредством устранения» (Агамбен, 2011а: 18). Суверенная власть, политизируя жизнь, превращает её в объект, нуждающийся в законодательной защите. В этом случае получается, что «голая жизнь» не предшествует суверенной власти, а становится её продуктом.

Указывая на то, что «включающее исключение» является исходным структурным политическим отношением, мыслитель обращается к фигуре *homo sacer*. В древнеримском праве, по словам Агамбена, *homo sacer* — «это тот, кто исключен из мира людей, и, хотя он не может быть принесен в жертву, тем не менее его может убить всякий вполне законно, и это не будет считаться убийством» (Агамбен, 2008: 79). Таким образом, *homo sacer* исключался и из человеческой правовой сферы, и из религиозной сферы, то есть подвергался двойному исключению, при этом его жизнь как «голая жизнь» включалась в существующий порядок как то, что можно было безнаказанно отобрать. Также он не мог быть принесен в жертву, потому что, не являясь членом сообщества, не имел никакой ценности. Лишение жизни *homo sacer* не может быть определено ни как убийство (поскольку убийство, в строгом смысле этого слова, подразумевает наказание), ни как жертвоприношение. Он находится за пределами любых установленных форм правосудия. Именно производство *homo sacer* есть суть суверенной власти. Чтобы поддерживалось существование суверенной власти, это производство должно быть перманентным,

постоянным. *Homines sacri* представляют собой постоянно воспроизводимый мир исключенных, отверженных. Одним из воплощений *homo sacer* для Агамбена является беженец как идеальный образец бесправного человека в существующей системе национальных государств.

Итак, суть процедуры «включающего исключения» состоит в вынесении индивидов за рамки правового порядка. Чтобы свести всех людей, находящихся за пределами последнего, к *homo sacer*, Агамбен вынужден принять две предпосылки. Вопервых, тот, кто находится вне правового порядка, является индивидом, лишенным всякой коллективной идентичности. Во-вторых, *homo sacer* полностью беззащитен и подвержен насилию со стороны всех тех, кто находится в рамках права. Только при принятии этих двух предпосылок суверенная власть будет абсолютна. Возникает вопрос, насколько они оправданны. Находиться вне рамок конкретного правового порядка не означает быть за пределами любого потенциального порядка. Отверженные и исключенные могут стать носителями альтернативного определения реальности и способствовать трансформации существующего национального порядка.

Рассмотрев основные структурные элементы отношения «включающего исключения», Агамбен исследует условия, которые необходимы для их функционирования. Совокупность этих условий обозначается понятием «чрезвычайное положение». Чрезвычайное положение — это положение, при котором ни одному из граждан не гарантировано право на жизнь. Абсолютная власть суверена после объявления чрезвычайного положения предстает в своем чистом виде: власть принимать решение о жизни и смерти гражданина. Таким образом, чрезвычайное положение, приостанавливая конституционное правление, стирает грань между правом и полным произволом.

Чрезвычайное положение дает начало политико-правовой парадигме, в которой норма не отличается от исключения. В современном мире, указывает Джордж Агамбен, чрезвычайное положение, которое обычно воспринимается как временная мера, начинает охватывать всё большие промежутки времени, становясь нормой, правилом. Одна из причин подобной тенденции, по мнению итальянского мыслителя, связана с борьбой с терроризмом, которой и оправдывается введение чрезвычайного положения. Такую парадигму, когда чрезвычайное положение становится правилом, Агамбен называет «лагерем». Он пишет: «Лагерь появляется в тот момент, когда политическая система современного национального государства, базировавшаяся на функциональной связи между определённым локусом (территория) и юридическим порядком (Государство), регулируемой автоматическими правилами фиксации жизни (рождения или принадлежности к народу), входит в полосу длительного кризиса, и Государство решает напрямую включить в перечень своих задач заботу о биологической жизни нации» (Агамбен, 2016: 222). Данные преобразования приводят к смене приоритетной модели управления: от установления порядка к контролю за беспорядком.

Господство парадигмы «лагеря» рассматривается Агамбеном как неизбежное следствие трансформации общества в эпоху модерна. Данные общества характеризуются появлением индивидов, права которых зафиксированы в декларациях. Эти декларации выступали местом вписывания биологической жизни в политико-правовой порядок современного государства. Коренной перелом, произошедший в эпоху Нового времени, заключался во включении «голой жизни» в саму структуру государства, превращении биологической жизни в посюстороннее основание его легитимности. Таким образом, права человека рассматриваются итальянским философом как опора и поддержка государственной власти.

Согласно Агамбену, не существует оппозиции между абсолютной государственной властью и правами человека. Права человека превращают естественную жизнь в источник и носитель прав. Они превращают рождение в принцип суверенитета. Связка «рождение — суверенитет — гражданство» оставалась самоочевидной вплоть до XX века, который характеризуется все более увеличивающимся количеством беженцев, которые демонстрируют самим своим существованием разрыв между рождением и нацией, выводят на свет скрытое основание политической власти: «голую жизнь». Будучи просто людьми, лишенными маски граждан, они представляют собой сложную задачу для тех, кто хочет определить их в политических терминах.

Согласно Агамбену, все попытки решения проблемы разрыва связки «нация-рождение», о которой свидетельствуют беженцы, оказались неудачными. Решение кризиса системы национальных государств и снятие проблемы интеграции беженцев с политической повестки дня связывается им с выходом за рамки категорий Нового времени, прежде всего категорий «гражданин» и «индивид». Агамбен утверждает необходимость перехода к новому видению политики и связанному с ней международному порядку. Этому видению будет посвящен следующий раздел.

Снятие проблемы политической интеграции беженцев в новом международном порядке

Согласно точке зрения Агамбена, снятие проблемы политической интеграции беженцев предполагает признание кризиса национальных государств и неэффективности прав человека как инструмента защиты безгосударственных лиц. Необходимо сместить фокус с уровня сущего к уровню должного: представить политическое сообщество за рамками национального суверенитета.

В таком типе сообщества политико-правовые структуры перестанут выполнять свою основную функцию — порождение «голой жизни» — и превратятся в объект игры будущего человечества. Этот переход станет возможным с изменением установок по отношению к праву. На место принуждения должно встать исследование, на место почитания — игра. В таком сообществе одно чрезвычайное положение, которое является кульминацией биополитического процесса, будет

смещено другим, в котором не только буквальность закона, но и его доминирующая власть приостановлена (Агамбен, 2011: 100).

В области международных отношений также произойдут значительные изменения. Фиксированные границы будут заменены на открытые, а принцип национального деления утратит свой смысл. Пространства континентов станут рассматриваться как атерриториальные и экстерриториальные, в которых все резиденты государств утратят свое фиксированное место на определенной территории, превратившись в своего рода кочевников (Агамбен, 2015: 33–34). Таким образом, проблема политической интеграции беженцев решится в том политическом сообществе, где все в равной степени приобретут статус беженца.

Сильной стороной подхода Агамбена к решению проблемы политической интеграции беженцев является его комплексность. Он одновременно предлагает когнитивную картографию современности и перспективное видение политического сообщества. Несмотря на свою сильную сторону, данный подход не лишен недостатков. Итальянский философ не видит возможности продуктивного использования прав человека в решении проблемы политической интеграции беженцев. Он рассматривает права исключительно как инструмент укрепления суверенной власти. При том последнее, по его мнению, носит неизбежный характер. Помимо этого, Агамбен исключает из своего рассмотрения вопрос об условиях возможности перехода от системы национального деления к новому международному порядку.

Недостатки подхода Агамбена мотивируют к разработке иного виденья политики, в той же степени учитывающего проблему политической интеграции беженцев. Необходимо отметить, что неудовлетворительное решение вышеупомянутой проблемы не умаляет значимость теории суверенной власти. Определенные моменты последней будут использованы авторами статьи и при разработке радикально-демократической модели политики.

Альтернативная трактовка прав человека Ж. Рансьера и его виденье политики

Опровержению тезиса о необходимости отказа от концепта прав человека для эмансипационной политики будет посвящена следующая часть статьи. Мы продемонстрируем альтернативное виденье политики, подразумевающее сохранение прав человека.

Один из вариантов реконцептуализации прав человека предлагает Ж. Рансьер в своей статье «Кто является субъектом прав человека?» (Rancière, 2004). Этому варианту мы отдаем предпочтение по причине того, что он обеспечивает связь между теорией и практикой прав человека. Французский философ фокусирует свое внимание на вопросе субъекта прав, который для него всегда является политическим субъектом. Согласно Рансьеру, права человека — это права неучтен-

ных, т. е. тех, кто является «слепым пятном» политического сообщества, тех, кто не представляет собой социальную группу с четко определенной идентичностью.

Суть тезиса состоит в следующем. Прежде всего необходимо указать, что формулировка Рансьера препятствует любой попытке идентификации референта «прав человека». Изначально отрицается возможность существования фиксированного субъекта, который был бы одновременно источником и носителем прав. На место единого субъекта он ставит процесс субъективации, посредством которого устанавливается связь между двумя формами существования прав человека (Ibid.: 302).

Первая форма — это зафиксированные в документах права. Они являются предписаниями для жизни сообщества. Вторая форма — это права неучтенных, которые делают определенные выводы из предписания и решают проверить силу предписания. Дело не только в проверке того, насколько «реальность» подтверждает или отрицает права, но и в смысле такого подтверждения или отрицания. Рансьер развивает свою мысль, утверждая, что человек и гражданин — это не свойства или характеристики конкретных индивидов, он отрицает существование таких коллективных образований, как «граждане» и «люди». Для Рансьера абстрактные понятия «человек» и «гражданин» являются политическими именами, значение которых не может быть определено раз и навсегда и будет пересматриваться каждый раз после публичной акции, на которой проверяется равенство (Ibid.: 303). Далее он указывает на то, что гражданин и человек — это избыточные имена, которые начинают продуктивно работать только в контексте тяжбы (litige) по поводу включенных и исключенных.

Тяжбу, о которой пишет Рансьер, необходимо отличать от конфликта интересов, мнений или ценностей. Это спор по поводу сферы «здорового смысла»: спор о данном, о рамках, в которых мы различаем это данное. Суть тяжбы в организации встречи двух миров в определенном месте: мира, в котором права являются действительными, и мира, в котором они остаются просто декларациями (Ibid.: 304).

Общее название субъекта, который формируется по ходу тяжбы, — демос. Обращаясь к этимологии слова «демос», Рансьер исключает рассмотрение последнего в качестве обозначения совокупности членов сообщества или трудящегося класса населения. Это понятие фиксирует дополнительную часть, которая инициирует переход от подсчета групп населения политического сообщества к подсчету неучтенных, смещение фокуса от «полиции» к «политике».

Права человека — это права демоса, которые указывают в конкретных публичных акциях на второй способ подсчета. Как только права приписываются одному и тому же субъекту, весь политический процесс исчезает. Философ полагает, что допущение фиксированного референта «прав человека» преграждает путь продуктивного использования этого понятия. Сила прав человека заключается в челночном движении между первой записью права и публичными акциями, на которых она подвергается испытанию (Ibid.: 305). По этой причине граждане го-

сударств, управляемые нелегитимным правительством, нелегальные иммигранты в транзитных зонах различных стран или люди, находящиеся в лагерях беженцев, могут ссылаться на них. Права человека становятся их правами, когда они участвуют в публичной акции, на которой осуществляется разбор несправедливости, связанный с отрицанием равенства, зафиксированного в документах.

Для понимания контекста, в котором осуществляется демонстрация исключенных, надо вернуться к уже упомянутому способу их подсчета: «полиции». С помощью этой категории Рансьер пытается зафиксировать типичную операцию власти. Для французского философа последняя прежде всего проявляется в поддержании четко иерархизированного порядка здравого смысла, в котором каждая вещь имеет свое место и выполняет свою функцию. Для поддержания порядка власти требуется создание символического универсума, который обосновывал бы представления здравого смысла. Полиция — это механизм сортировки научных и ненаучных объяснительных схем, которые становятся строительными блоками будущего символического универсума. Именно полиция ответственна за натурализацию асимметричных отношений не только между вещами, но и между людьми.

Проблема такого определения способа функционирования власти заключается в чрезмерном сужении спектра её возможных действий. В подходе Рансьера не принимается во внимание пересечение власти и прямого насилия. Рассмотрим пример политической манифестации. Рансьер описывает единственную стратегию сохранения иерархических отношений: апелляцию к различиям здравого смысла, политический процесс оспаривания этих отношений представляется как аргументативный процесс. Исключается из рассмотрения ситуация, в которой одна из сторон насильственно прерывает демонстрацию, но при разработке модели политики необходимо принимать во внимание эту возможность.

Трактовка политики как демонстрации равенства неучтенными также не лишена проблем. Рансьер не ставит вопрос о длительности политического действия, об организации, поддерживающей эту длительность. Политический субъект прав человека, выполнив функцию «обновления деятелей и форм их действия» (Рансьер, 2006), обречен раствориться и инкорпорироваться, не изменяя фундаментально общественное целое. Такая позиция обусловлена изначальным противопоставлением равенства и сообщества. Сообщество представляет собой для Рансьера иерархический порядок, который может быть прерван процессом политической субъективации, но не может быть преодолен.

Таким образом, благодаря теории Рансьера становится очевидным эмансипационный потенциал прав человека. Демонстрируется неадекватность полного отказа от концепта прав, мотивированного тем, что они являются инструментом укрепления государственной власти. Права человека не являются гражданскими правами, а следовательно, не могут служить основанием для легитимации любой формы правления. Но теория прав человека Рансьера имеет свои недостатки, связанные с ограниченной трактовкой власти и негативным определением политики,

т. е. последняя рассматривается как исключение из полицейского порядка. Для использования данной концепции в качестве элемента модели радикальнодемократической политики требуется частичный пересмотр категорий.

Радикально-демократическая модель эмансипационной политики

Предлагаемую нами модель политики мы обозначаем как радикально-демократическую, опирающуюся на кантовскую идею регулятивного идеала. Демократия должна оставаться проектом, за воплощение которого политические активисты борются, осознавая невозможность его полной реализации (Жижек, 2004: 128). Она является бесконечным процессом эмансипации, движимым политическими принципами свободы и равенства для всех.

Предлагаемая нами модель будет представлять собой результат объединения теорий Агамбена и Рансьера. Этим теориям отдается предпочтение из-за акцента на проблеме угнетения, связанного с нормальным функционированием национального государства. Радикально-демократическая модель политики потребует согласования позиций вышеупомянутых теоретиков по поводу трактовки категорий власти и политики.

Вернемся к сильным и слабым сторонам концепций власти Агамбена и Рансьера. Сильной стороной теории первого является понимание принципа функционирования суверенной власти: расширение пространства, на котором устанавливается чрезвычайное положение. В этом пространстве грань между исполнением закона и применением насилия стирается. Любое действие власти, в том числе насильственное, оправданно только потому, что исходит от власти. Негативной стороной его теории является ее телеологический характер. Диагностируя современную тенденцию развития власти, он приписывает ей характер онтологической судьбы. Господство парадигмы чрезвычайного положения рассматривается Агамбеном как следствие изначально биополитического характера власти. Этот ход мысли становится возможным благодаря сведению всего многообразия политических отношений к отношению исключения. В результате итальянский философ становится невосприимчив к историческому контексту и неспособен увидеть в мире национальных государств какую-либо политику, помимо той, что осуществляется государственной властью.

Сильной и одновременно слабой стороной является символическая трактовка власти Рансьера. Власть, по его мнению, заботится прежде всего о поддержании иерархического порядка. Цель ее — не допустить появления группы неучтенных, не выполняющих приписываемых им сообществом функций. Упреждающим механизмом, помогающим выполнить эту цель, выступает полиция, призванная закрепить связь индивида с местом в общественном целом. Но такая трактовка полностью исключает пересечение власти и прямого насилия.

Объединив сильные стороны этих двух подходов к власти, мы предлагаем более широкую трактовку последней: власть представляет собой совокупность

практических действий государства по управлению населением, варьирующихся от установления сферы здравого смысла до прямого физического уничтожения индивидов. В данном подходе к власти объединяются идеи чрезвычайного положения и полиции как средств укрепления и расширения полномочий государства.

Следующей категорией, требующей пересмотра, является «политика». Агамбен трактует последнюю двояко: деятельность власти, опирающейся на суверенное исключение; особый способ жизни в постнациональном мире. Если биополитика — политика в первом смысле — существовала с возникновения первого человеческого объединения, то форма-жизни — политика во втором смысле — должна еще только появиться. Условием станет отказ от категорий Нового времени и смена установок по отношению к праву. Сильная сторона такой трактовки — предположение иного типа политики за пределами государственного суверенитета. Слабая сторона — игнорирование вопроса перехода к политической жизни постнационального мира.

Трактовка категории «политика» Рансьера имеет сильные стороны: строго эгалитарный характер и отрицание идеи предзаданного политического субъекта. Однако у нее есть и недостатки. Рансьер не учитывает аспект политической организации. Он предлагает модель политики, в которой неучтенные обречены на инкорпорацию без трансформации общественного целого. Рансьер выводит за рамки категории политики длительную практикопреобразовательную деятельность организованного демократического движения. Это связано с негативной оценкой любого рода солидарности, которая всегда предполагает общественные связи — иерархию.

Ввиду того, что Агамбен, так же как и Рансьер, рассматривает политику как совокупность действий индивидов, не связанных общей идентичностью, авторам необходимо обратиться к теоретикам, которые не отказываются от категории солидарности, например, к теории собраний Дж. Батлер (Батлер, 2018). Развивая идею народного суверенитета, она рассматривает фундамент, на котором строится солидарность современных демократических движений. По ее мнению, в публичных акциях представителей этих движений на передний план выходит тема социальной незащищенности: цель их — показать в публичном пространстве уязвимые тела, порождаемые нормальным функционированием социального порядка. Эта демонстрация должна служить напоминанием о взаимозависимости как людей, присутствующих здесь и сейчас, так и анонимных других. Данная зависимость от других осознается политическими активистами и является основанием для их солидарности.

Синтезировав подходы к политике Агамбена, Рансьера и Батлер, мы приходим к следующему определению: политика — это совокупность солидарных пролонгированных символических действий индивидов, направленных на подрыв иерархического порядка и демонстрацию хрупких тел. В этом определении совмещены идеи негосударственной политики, демонстрации равенства и солидарности, основанной на хрупкости тел.

Совместив подходы к власти и политике Агамбена и Рансьера с идеей солидарности Батлер, мы предлагаем модель радикальнодемократической политики, которая предположительно будет способствовать интеграции беженцев. К основным аспектам этой модели относятся следующие: контекст осуществления, нормативный горизонт, характер политического действия, символическая эффективность.

В предложенной модели политика рассматривается как включенная в репрессивный контекст. Её контрапунктом всегда является определенным образом организованная власть. Для сохранения статус-кво последняя может принять форму как полиции, так и чрезвычайного положения. Насилие, являющееся одним из конституирующих элементов власти, может быть использовано для рассеивания демократического движения. Отсюда возникает потребность в обращении к вопросу средств поддержания последнего, направленного на подрыв иерархического порядка, исключая безгосударственных лиц. Таким средством может стать солидарность, построенная на осознании хрупкости тел активистов, которые могут быть покалечены или убиты теми, кто призван обеспечивать правопорядок.

Следующим аспектом модели политики является нормативный горизонт действий участников процесса. За их действиями стоит представление о безусловном равенстве здесь и сейчас как предпосылке борьбы за права неучтенными. Этот момент, артикулированный в концепции прав Рансьера, позволяет нам предложить альтернативный способ решения политической интеграции беженцев, связанный с процессом политической субъективации, в котором активную роль на себя берут сами беженцы и другие неучтенные. Путь к политической интеграции первых пролегает через участие в публичных акциях демократических движений, борющихся за расширение гражданских прав на группы, которые были либо частично, либо полностью их лишены.

Эти акции призваны инициировать спор по поводу сферы разделяемого здравого смысла. Они принимают форму демонстрации. Отсюда вытекает третий аспект модели политики: специфика действия неучтенных заключается в замене силовых отношений отношениями разума. В акциях исключенных на место одного типа практики эмансипации (практика насильственного сопротивления) приходит другой (практика доказательства) (Рансьер, 2006: 77). Занимая публичное пространство и проблематизируя оправданность иерархии, неучтенные превращают проблему интеграции в безотлагательную проблему, требующую ряда государственных мер по направлению наделяния всей полнотой прав групп, ранее ею не обладающих.

Особую роль в ранее упомянутой замене играет символический акт идентификации неучтенных с политическим сообществом. Отождествляя себя с сообществом в целом, беженцы и другие неучтенные смогут продемонстрировать, что вопрос о статусе гражданина до сих пор открыт. Они поспособствуют восприятию последнего не как изначального статуса, полученного с рождения, а как ставки в политической борьбе. Участие беженцев в акции исключенных внесет свой

вклад в утрату политическим сообществом своих квазиестественных характеристик и отдалит его от образа иерархически организованной этнической общности.

Это, в свою очередь, откроет путь к формированию политической культуры конфликта. На смену конфронтационной логике группового партикуляризма, поддерживаемой представлением о естественной идентичности и связанных с ней интересов, придет политическая логика спора по поводу того, кто такие «мы», составляющие сообщество, и кого мы исключили, чтобы это «мы» как целое могло появиться. Эта смена логик делает настоящей задачей прочерчивания новых политических границ, поскольку факт исключения невозможно уже игнорировать. Она способствует процессу политической интеграции неучтенных, в том числе и беженцев.

Данное исследование не претендует на то, чтобы дать единственно верное решение проблемы политической интеграции беженцев. Оно посвящено одному из возможных средств: радикальнодемократической модели политики, базирующейся на сильных сторонах подходов Агамбена, Рансьера и Батлера. У первого автора мы заимствуем идею суверенного исключения и связанную с ней идею чрезвычайного положения; у второго — идею политики, ориентированной на демонстрацию идеи равенства; у третьего — идею солидарности, основанной на хрупкости тел.

Первым аспектом модели является включенность политики в репрессивный контекст. Политика всегда противопоставлена власти, которая может воплощаться как в действиях ненасильственного, так и насильственного характера. Именно из-за того, что вторая ориентируется на рассеивание демократического движения, требуется средство его сохранения. По нашему мнению, таким средством является солидарность, построенная на осознании уязвимости тел политических активистов.

Вторым аспектом модели является нормативный горизонт политики. Исходным пунктом последней выступает предпосылка о безусловном равенстве здесь и сейчас. Участники политического процесса создают пространство публичной дискуссии по поводу несоответствия формально провозглашаемого равенства и реально существующего иерархического порядка.

Третий аспект модели — ориентированность действий неучтенных на замену силовых отношений отношениями разума. Насильственное сопротивление должно быть замещено практикой доказательства. Последняя призвана показать анархическое основание любого иерархического порядка (любой порядок строится на равенстве умов), т. е. отсутствие рационального основания, стоящего за ним

Четвертый аспект модели связан с символическим актом отождествления неучтенных с политическим сообществом. Это отождествление направлено на изменение способа восприятия политического сообщества: от замкнутого этнического сообщества как естественно складывающегося образования к сообществу конфликта, открытого политическому вмешательству.

Литература

- Агамбен Дж.* (2008). Грядущее сообщество / Пер. с ит. Д. В. Новикова. М.: Три квадрата.
- Агамбен Дж.* (2011а). Номо sacer: суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова под ред. Д. В. Новикова. М.: Европа.
- Агамбен Дж.* (2011б). Номо sacer: чрезвычайное положение / Пер. с ит. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова под ред. Л. Воропай. М.: Европа.
- Агамбен Дж.* (2015). Средства без цели: заметки о политике / Пер. с ит. Э. Саттарова. М.: Гилея.
- Арендт Х.* (1996). Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом.
- Батлер Дж.* (2018). Заметки к перформативной теории собрания / Пер. с франц. Д. Краlechкина под ред. А. Кондакова. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Берк Э.* (1993). Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Сокр. пер. с англ. Е. И. Гельфанд. М.: Рудомино.
- Гегель Г. В. Ф.* (2007). Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столпнер. М.: Мир книги.
- Гоббс Т.* (2001). Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль.
- Жижек С.* (2004). Ирак: история про чайник / Пер. с англ. А. В. Смирнова. М.: Праксис.
- Локк Дж.* (1988). Опыты о законе природы / Пер. лат. Н. А. Федотова // *Локк Дж.* Сочинения. Т. 3. М.: Мысль. С. 3–53.
- Маркс К.* (1955). К еврейскому вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 1. М.: Политиздат. С. 382–413.
- Рансьер Ж.* (2006). На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис.
- Badiou A.* (2016). Our Wound is not So Recent: Thinking the Paris Killings of 13 November. Cambridge: Polity Press.
- Banerjee K.* (2010). Re-theorizing Human Rights through the Refugee: On the Interrelation Between Democracy and Global Justice // *Refuge: Canada's Periodical on Refugees*. Vol. 27. № 1. P. 24-35.
- Douzinas C.* (2000). The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford: Hart.
- McNeilly K.* (2016). After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights // *Law and Critique*. Vol. 27. № 3. P. 269-288
- Rancière J.* (2004). Who is the Subject of the Rights of Man? // *The South Atlantic Quarterly*. Vol. 103. № 2/3. P. 297–310.
- Žižek S.* (2016). Against the Double Blackmail: Refugees, Terror and Other Troubles with the Neighbors. London: Allen Lane.

Radical Democratic Model of Politics as a Response to the Problem of Refugees Political Integration

Konstantin Fomin

Assistant, Department of Philosophy and Sociology, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University
Address: 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russian Federation 163002
E-mail: kostyafominphil@gmail.com

Nadezhda Savelyeva

Post-graduate Student, Department of Philosophy and Sociology, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University
Address: 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russian Federation 163002
E-mail: n.saveleva@narfu.ru

This article is devoted to the analysis of the origins of the unsatisfactory situation concerning refugees, and searching for a new model of emancipatory politics that will be useful to overcome this situation. The main thesis of the article is that the positions articulated by G. Agamben, J. Ranciere, and J. Butler can be combined in a radical democratic model of politics that is based on a revised concept of human rights. First, the authors turn to the basic categories used in the analysis of political theories: national state, sovereignty, refugees, stateless people, and human rights. Then, the authors examine the context of the emerging liberal conception of human rights and the critics of this conception. After presenting the main arguments against the liberal conception of human rights, the authors turn to the theory of sovereign power. One of the main conclusions of this theory is that emancipatory political theorists should refuse the concept of human rights. Agamben's argumentation of such a refusal is based on the statement about the inevitable connection between human rights and state power. The authors point out both the positive and negative aspects of Agamben's approach as well as showing its advantages and limitations. Next, the authors demonstrate an alternative approach to human rights as proposed by J. Ranciere. At the end of the article, the authors present a constructive model of emancipatory politics which incorporates the ideas of G. Agamben, J. Ranciere, and J. Butler. For the authors of this paper, this model is free of the main drawbacks of the approaches under consideration. The advantages of the model are an expansive view of power, and the reintroduction of the notion of solidarity into emancipatory theory.

Keywords: national state, sovereignty, refugee, stateless persons, human rights, radical democratic model of politics

References

- Agamben G. (2008) *Grjadushhee soobshchestvo* [The Coming Community], Moscow: Tri kvadrata.
Agamben G. (2011) *Homo sacer: suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow: Evropa.
Agamben G. (2011) *Homo sacer: chrezvychajnoe polozhenie* [Homo Sacer: State of Exception], Moscow: Evropa.
Agamben G. (2015) *Sredstva bez celi: zametki o politike* [Means without End: Notes of Politics], Moscow: Gileya.
Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow: CentrKom.
Badiou A. (2016) *Our Wound is not So Recent: Thinking the Paris Killings of November*, Cambridge: Polity Press.
Banerjee K. (2010) Re-theorizing Human Rights through the Refugee: On the Interrelation Between Democracy and Global Justice. *Refuge: Canada's Periodical on Refugees*, vol. 27, no 1, pp. 24–35.

- Burke E. (1993) *Razmyshlenija o revoljucii vo Francii i zasedanijah nekotoryh obshhestv v Londone, odnosjashhihsja k jetomu sobytiju* [Reflections on the Revolution in France, And on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event], Moscow: Rudomino.
- Butler J (2018) *Zametki k performativnoj teorii sobranija* [Notes toward a Performative Theory of Assembly], Moscow: Ad Marginem Press.
- Douzinas C. (2000) *The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century*, Oxford: Hart Publishing.
- Hegel G. W. F. (2007) *Filosofija prava* [Philosophy of Right], Moscow: Mir knigi.
- Hobbes Th. (2001) *Leviafan* [Leviathan], Moscow: Mysl.
- Locke J. (1988) Opyty o zakone prirody [Essays in the Law of Nature]. *Sochinenija. T. 3* [Works, Vol. 3], Moscow: Mysl, pp. 3–53.
- Marx K. (1955) K evrejskomu voprosu [On the Jewish Question]. *Sochinenija. T. 1* [Works, Vol. 1], Moscow: Politizdat, pp. 382–413.
- McNeilly K. (2016) After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights. *Law and Critique*, vol. 27, no 3. pp. 269–288.
- Rancière J. (2004) Who is the Subject of the Rights of Man? *The South Atlantic Quarterly*, vol. 103, no 2/3, pp. 297–310.
- Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [On the Shores of Politics], Moscow: Praksis.
- Žižek S. (2004) *Irak: istorija pro čajnik* [Iraq: The Borrowed Kettle], Moscow: Praksis.
- Žižek S. (2016) *Against the Double Blackmail: Refugees, Terror and Other Troubles with the Neighbors*, London: Allen Lane.

Блокчейн и социальные концепты: экспозиция проблемного поля

Марина Пантыкина

Доктор философских наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе
Гуманитарно-педагогический институт, Тольяттинский государственный университет
Адрес: ул. Белорусская, д. 14, г. Тольятти, Самарская область, Российская Федерация 445020
E-mail: pantikina@ttsu.ru

В статье исследуется влияние технологии блокчейн на формирование смысловых структур социального мира. Специфика этого влияния состоит в том, что применение децентрализованной распределенной базы данных ставит под сомнение некоторые традиционные формы социальных взаимодействий и служит катализатором конституирования социальных значений, не имеющих аналогов в социальном мире. В связи с тем, что для их описания используются понятия, сложившиеся в классической социальной теории, в данной статье ставится задача актуализации их значений. В частности, в контексте внедрения технологии блокчейн анализируются «доверие», «ответственность», «время» и «майнинг». Поскольку содержание этих понятий является открытым, развивающимся, им присваивается статус социальных концептов. В качестве теоретико-методологического основания исследования используется акторно-сетевая теория, которая позволяет отказаться от условностей предзаданного знания и показать, что концепты — это семантические узлы, возникающие как следы (или ссылки на следы) конфигурированных действий акторов-актантов. В результате предлагается использовать исследованные социальные концепты в следующих значениях. «Доверие» — уверенность в алгоритмизированной определенности развития событий и последовательности действий участников коммуникации, основанная на гарантиях, предоставляемых децентрализованными техническими системами, а также подчинения анонимной коллективной идентичности. «Ответственность» — коллективная готовность участников коммуникации принимать решения в условиях неопределенности и компенсировать издержки, связанные с недооцененными рисками. «Блок-время» — собственное время технологии блокчейн, которое с позиций внешнего наблюдателя характеризуется изменением состояний протокола. С позиции внутреннего наблюдателя блок-время хронологично, так как оно фиксирует одновременность распространения информации среди участников транзакций и вневременную устойчивость алгоритма соединения блоков между собой. «Майнинг» — экономическая деятельность по производству вычислений криптографических записей блока, которая строится не только на рациональных, но и иррациональных, нерелексированных основаниях, в частности, на рецепции архаических представлений о риске и удаче.

Ключевые слова: блокчейн, «умный договор», блок-время, майнинг, акторно-сетевая теория, доверие, ответственность, социальные концепты

Среди массива публикаций об информационной технологии blockchain (далее — блокчейн)¹ постепенно начинают появляться исследования, посвященные социальным и антропологическим последствиям его внедрения. Их авторов объединяет вывод о том, что в ближайшем будущем можно ожидать существенные изменения в представлениях о социальном мире, которые будут вызваны влиянием этой «умной» технологии на человеческую практику и стандарты ее интерпретации (см., например: Swan, de Filippi, 2017). Действительно, продуцируемые блокчейн социальные концепты, которые можно определить как открытые семантические структуры², постоянно возникают и воспроизводятся в дискурсе криптопрактиков и апологетов криптопросвещения. Включаясь в привычные формы социальной практики и познания, они обуславливают формирование новых социальных представлений, которые в итоге задают направление преобразований в общественной жизни.

С сожалением приходится констатировать, что влияние информационных технологий на формирование социальных концептов остается вне поля внимания отечественных и зарубежных социологов. Отсутствие интереса к этой теме объясняется трудностями исследования в режиме «здесь и сейчас» разрушающихся старых и становящихся новых социальных представлений и лексических образований. Кроме того, социологии еще предстоит преодолеть «идолов театра» (Ф. Бэкон) в виде устоявшихся терминологии и методологии, которые сковывают «социологическое воображение» (П. Штомпка). Думается, что проблема влияния блокчейн на общественное сознание и соответствующий ему тезаурус имеет особое значение именно для социологии, так как ставит ее перед выбором: либо социология сохраняет за собой статус актуального и проективного социального знания, либо довольствуется общественными резонансами, создаваемыми социальными утопиями и средствами массовой информации.

Предлагаемая в данной статье экспозиция социальных концептов, возникших благодаря блокчейн, базируется на методологии акторно-сетевой теории (далее — ANT)³, которая позволяет отказаться от установки на предметную локализованность результатов исследования, преодолеть их предопределенность заданной проблемой и имеющимися научными знаниями. Например, один из основателей ANT Б. Латур в своей программной работе «Об акторно-сетевой теории: неко-

1. Блокчейн, или технология распределенного реестра, — это технологический протокол, который позволяет осуществлять обмен данными между договаривающимися сторонами внутри сети без необходимости в посредниках (Цветкова, 2017: 275).

2. Природа концептов как открытых семантических структур определяется направленностью человеческого сознания в будущее, о которой Д. Норт писал: «Для того чтобы знать будущее, нам потребовалось бы знать сегодня то, что мы будем знать завтра. Чтобы добиться лучшего понимания направления нашего нынешнего движения, нам необходимо сосредоточиться на том, как работает сознание и как оно осмысляет нашу внешнюю среду. Идеи и более структурированные убеждения, которых мы, люди, придерживаемся, определяют те решения, которые мы принимаем. Последние, в свою очередь, продолжают изменять нашу среду» (Норт, 2010: 39–40).

3. См. исследование причин возникновения, основных представителей и направлений: Вахштайн, 2005.

торые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями» (Латур, 2017: 173–200) доказывает несводимость ее ни к одной из известных социальных теорий и убеждает читателей в том, что всякие попытки дать ANT исчерпывающее определение только осложняют понимание⁴. Поэтому с учетом целей данного исследования остановимся на следующей ее возможной трактовке: акторно-сетевая теория — это программа исследования социотехнических систем, направленная на изучение распределенных в пространстве и времени человеческих и нечеловеческих акторов-актантов, которые идентифицируются и описываются посредством связи (ассоциации) друг с другом.

Значение ANT в изучении концептуализации социальных представлений состоит в том, что она позволяет обосновать связь семантических полей социального, материального и смыслового с помощью следующих аргументов:

1) ANT, отказывая социальному и смысловому в обособленном онтологическом статусе, приписывает его связям между ними, образующим сеть⁵;

2) поворот к материальному, суть которого состоит в рассмотрении неодушевленных предметов в качестве самостоятельных акторов-актантов⁶, то есть реальных социальных сил, участвующих в конструировании социального и смыслового, а не просто экранов или репродукторов социальной жизни (Латур, 2007: 89);

3) принцип множественности онтологий, который предполагает признание эпистемологического плюрализма в исследовании новых, пока неосвоенных реальностей;

4) принцип обобщенной симметрии, в соответствии с которым «объекты не просто действуют, они действуют вместе с людьми и даже наравне с людьми» (Ерофеева, 2015: 54) и инкорпорированы в единое семантическое пространство;

5) определение технологий как «привилегированных объектов», которые способны принуждать как социальная сила, создавать материальные сущности в виде гибридов (объект-субъектов и субъект-объектов), конструировать новые смыслы⁷;

6) презентация новых объяснений рисков в виде проблем «бесконечных посредников»⁸ и «неизменчивой мобильности»⁹.

4. Так, Б. Латур пишет: «На интуитивном уровне АСТ — это простой аргумент в пользу материального сопротивления» (Латур, 2017: 176).

5. В рамках ANT связи — это «следы» действий актантов по производству и распределению собственных атрибутов.

6. Акторы-актанты — это человеческие или нечеловеческие субъекты действия, которые могут только «включаться в действие» посредством ассоциации с другими, удивляющими или превосходящими его/ее/это» (Латур, 2007: 91).

7. «Еда превращается в food technologies, средства передвижения — в technologies of long distance control, руки жестикулирующего человека в communication technologies, а протезы — в cyborg technologies» (Вахштайн, 2013: 35–36).

8. Проблема невозможности контроля действий посредников (узлов) в условиях беспорядочного роста связей в сети.

9. Проблема сложности сохранения комплексности сети в условиях, когда акторы должны обеспечивать стабильность своей формы и устойчивость связей, находясь внутри процессов изменения информационного поля.

Разумеется, предложенные выше положения ANT не исчерпывают всех ее перспективных идей, но дают представление о новом направлении развития социальной теории в ее приложении к исследованию различных регионов, в том числе и блокчейна. В частности, она позволяет определить методологическую «оптику» его исследования, предлагая мыслить в терминах распределенной сети и ее узлов, имеющих столько измерений, сколько у них соединений (Латур, 2017: 176). В этом контексте концепты предстают как семантические узлы, возникающие как следы (или ссылки на следы) конфигурированных действий акторов-актантов. В процессе их дескрипции и должна произойти актуализация тезауруса социальной теории.

Что касается выбора социальных концептов, предлагаемых в данном исследовании, то он обусловлен принципом движения от известного к менее известному. Так, концепты «доверие» и «ответственность» наиболее часто используются в публикациях о блокчейне и активно формируются как в техническом, так и социальном дискурсах. Два других концепта — «блок-время» и «майнинг», известны как технические термины, а их социальная референтность пока является терра инкогнита, которая требует особого внимания со стороны социологов, философов и антропологов.

Концепт «доверие» и «умные контракты»

Изучение массива публикаций, посвященных технологии блокчейна, показывает, что трансформация содержания понятия «доверие» обусловлено появлением «умных контрактов»¹⁰ (смарт-контрактов, интеллектуальных контрактов). Думается, что одной из причин экспансии блокчейн в социальные практики следует считать необходимость преодоления девальвации доверия как социальной ценности, возникшей в последние десятилетия. А основанием популярности новой идеологии доверия — беспомощность государственных институтов в отношении вызовов тотальной неопределенности и возрастания рисков. Неслучайно принято связывать «выход на сцену» цифровой валюты биткойна с финансовым кризисом 2008 года. Как пишет Н. Смоленски, «так мы подходим к историческому моменту, когда недоверие к власти и богатству обращается против самих основ экономической жизни, которые имеют всеобщий и меняющийся характер» (Смоленски, 2018: 73).

В этом контексте «умные контракты» знаменуют собой новый этап развития истории договорных отношений. Предполагается, что они способны вытеснить привычные форматы гражданско-правовых договоров, баз данных систем голосования, кадастрового учета, обеспечить высокочастотный трейдинг на финансовых рынках и глобальные финансовые транзакции (Reijers, Coeckerbergh, 2016: 104).

10. «Умные контракты» — это договоры, существующие «в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлению заранее определенных в нем обстоятельств» (Савельев, 2016: 46).

Кроме ожиданий, связанных с появлением безопасных, быстрых и экономичных услуг, ставится и более амбициозная цель — создание децентрализованных¹¹ автономных организаций (Decentralized Autonomous Organizations), которые «представляют собой программные комплексы, осуществляющие покупку и продажу активов, принятие организационных решений и совершение иных действий на основе компьютерных алгоритмов без вмешательства человека» (Савельев, 2016: 47), а также правовых, экономических и политических институтов.

Заметим, что существует опасность отождествления доверия, которое формируется в социотехнических системах как технологический принцип, с доверием в ситуации лицом-к-лицу. Относительно последнего «умные контракты» позиционируются как «не доверяющие доверию» (О'Хара, 2017: 42). Такое доверие определяет идеологию алгоритмического доверия, которое реализуется в виде сложного протокола без влияния акторов договора в автоматическом режиме, который идентифицирует, проверяет, подтверждает и исполняет обязательства. Важнейшее основание такого доверия определяется тем, что договорные отношения строятся по схеме добровольного присоединения, то есть «условия „умного“ контракта формируются одной из сторон — той стороной, которая пишет программный код. Другие участники присоединяются к его условиям „как есть“... При этом условия такого договора являются заранее доступными всем потенциальным участникам, поскольку внесены в публично доступный Blockchain» (Савельев, 2016: 51).

Возможность доверительных отношений подтверждается сходством между программным кодом и нормативно-правовым актом. Во-первых, криптографический код, как и закон, гарантирует конфиденциальность и правильную идентификацию (Lessig 2006: 53)¹², а также исключает несанкционированный доступ к тайне записей в децентрализованных публичных базах данных. Примерами блокчейн-проектов, отвечающих этим требованиям, является приложение Alexandria, гарантирующее неизменяемость записей в Twitter и Ostel, а также предоставляющее бесплатную шифрованную телефонную связь на базе протокола Voice over IP. Эти приложения были созданы как «умные контракты», обеспечивающие права пользователей на свободу слова, защиту от несанкционированной цензуры или прослушки (Swan, 2015: 33).

Во-вторых, аналогия между криптографическим кодом и законом прослеживается в том, что в лингвистическом аспекте они являются перформативными высказываниями, фиксирующими коммуникативное намерение их «автора» совершить определенное действие, а также условия успешности и условия законности этого действия.

11. Децентрализация как принцип функционирования блокчейн имеет два значения. Первое и основное значение состоит в том, что сеть блокчейн не имеет собственных или арендованных серверов. Поэтому, и в этом заключается второе значение, он независим (неподконтролен) от политических или социальных институтов.

12. Цит. по: Reijers, Coeckbergh, 2016: 107.

В-третьих, криптографический код и юридическая норма обладают схожей структурой, состоящей из описания условий осуществления транзакций и ее свойств (гипотеза), собственно записей асимметричного шифрования (диспозиция) и записей об условиях «исключения» из договора и наступления ответственности за нарушение правил (санкция). А. И. Савельев уточняет, что

исполнение обязанности одной стороны по такому договору обусловлено наступлением определенных обстоятельств, что проявляется в исходном коде такого контракта, выражающемся операторами «If... then...» (если... то...). Таким образом, с точки зрения российского права данный вид отношений может быть охарактеризован либо как условная сделка (статья 157 ГК РФ), либо как договор, в котором исполнение обязанности одной стороны обусловлено исполнением другой (статья 327.1 ГК РФ). (Савельев, 2016: 51)

При этом в отличие от финансовых, судебных или правоохранительных органов, которые поддерживают доверие граждан к себе с помощью формирования зависимой позиции и поддержания «юридической нужды» в отстаивании субъективных прав в установленном порядке, блокчейн не «манипулирует» участниками транзакций и не «пренебрегает» их ожиданиями в угоду корпоративных интересов.

Однако, несмотря на то что блокчейн имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными социальными институтами в части обеспечения эффективности договорных отношений, а также вопреки тому, что принципы этой технологии релевантны ценностям демократии и либерализма, предположим, что алгоритмическое доверие является лишь превращенной формой доверия («не доверяющее доверию»). Действительно, его специфика обнаруживается в том, что блокчейн превращает доверие между отдельными правовыми лицами в доверие к децентрализованным технологическим системам с их квазисущностями (Reijers, Coeckelbergh, 2016: 122–123) в виде криптографических алгоритмов, транзакций, баз данных и т. п.

Симуляционность алгоритмического доверия проявляется также в замещении индивидуальной идентичности коллективной, которое оказывается очевидным, если сравнить алгоритмизированное доверие и доверие в ситуации «лицом-к-лицу». Последнее можно определить как когнитивную установку, формирующуюся на основе свободной позиции субъекта и направленную на выявление исходных данностей или очевидностей жизненного мира (Пантыкина, 2016: 57). Такое доверие возникает в индивидуальном сознании, а затем в результате формирования хабитуальных очевидностей «Я могу вновь и вновь» и «Я могу» способствует формированию доверия к общественным правилам и нормативно-правовой регламентации. Однако в основе функционирования блокчейн лежит превращенная логика: от коллективного консенсуса относительно объектов и правил действий с ними к уверенности в надежности технологии со стороны частного лица. Действительно, если пользователь блокчейн желает, чтобы транзакция произошла, он должен включиться в консенсусный механизм, который преобразует записи ин-

дивидуальных транзакций в статусные функции коллектива майнеров. Поэтому в его сознании не может быть разрыва между индивидуальной и коллективной идентичностью, присущего любому человеку, а во все индивидуальные когнитивные процессы должна быть включена функция рекурсии «коллективного разума» акторов.

Заметим, что такая логика в полной мере соответствует мышлению в терминах сети, заявленному акторно-сетевой теории в качестве доминирующего в социотехнических системах. Присущее ANT понимание акторов-актантов исключает дихотомию индивидуальное/коллективное, так как «не предполагает с необходимостью ни человеческих индивидуальных акторов с их особой мотивацией, ни людей в целом» (Латур, 2017: 182). А сама сеть — это тоже актор, записывающий следы действий других акторов. Именно она выполняет функцию коллектива¹³, принуждающего людей искать консенсус при посредничестве нечеловеческих акторов и реализовывать его в конкретном взаимодействии. Поскольку условием существования сети является распределенность активности разнородных акторов по ее пространству, то важна их способность уподобления собственных функций с функциями сети. Однако в социальности, которую создает такая ассоциация или коллектив, нет оснований для оберегающего и «доверяющего доверия», поскольку велика вероятность «включения» процессов, которые могут и не привести «к вычерчиванию (trace) новой связи и к построению заново какой-либо хорошо согласованной сборки» (Латур, 2014: 20).

Примером, иллюстрирующим эти идеи ANT, являются уже упоминавшиеся выше децентрализованные автономные организации (далее — DAO), которые одновременно являются и виртуальными коммерческими компаниями, и компьютерной программой, которая запускается цепочкой независимых акторов и устанавливает единый набор корпоративных поведенческих правил (Иванов и др., 2017: 37). DAO отличаются от традиционных юридических лиц тем, что после фиксации обязательств сторон в «умном договоре» они управляются автоматически от имени виртуального коллектива. При этом исключается или минимизируется зависимость от собственников активов, администрации или органов государственной власти. Для того чтобы понять, почему участники DAO признают в качестве сетевой ценности «основания общих рассматриваний», воспользуемся метафорой Дж. Ролза «занавес неведения». Эта квазисущность определяет отношения в сети вследствие того, что «стороны не знают определенных видов конкретных фактов. Прежде всего никто не знает своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса. Никто не знает своей удачи в распределении естественных дарований и способностей, своих умственных способностей и силы и т. п. ... Более того, я предполагаю, что стороны не знают конкретных обстоятельств своего собственного общества...» (Ролз, 1995: 127).

13. «Под коллективом мы понимаем не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны» (Латур, 2014: 106).

Первая децентрализованная автономная организация — The DAO, возникла в 2016 году как единственная официально зарегистрированная компания, воплотившая принципы коллективной идентичности и процедурного доверия в работе виртуального инвестиционного фонда. О’Хара описывает реализацию этих принципов следующим образом: «В обмен на покупку эфиркойнов¹⁴ инвесторы вступали в фонд, получая голоса пропорционально размеру вложения. Кандидат на финансирование должен был представить бизнес-план и умный контракт, определяющий условия взаимодействия с The DAO; затем проходило голосование инвесторов. Как только кандидат получал поддержку, контракт запускался на выполнение, переноса денежные средства согласно заданным правилам» (О’Хара, 2017: 43). Как видим, указанные условия работы The DAO релевантны принципу алгоритмического доверия, а также ожиданиям «уверовавших» в миссию этой организации и технические возможности блокчейн. При этом нельзя точно установить, насколько существенными должны быть трансформации коллективного сознания акторов, стремящихся к «умному» неведению. И не превратят ли они декларируемые в философии блокчейн ценности демократии и либерализма в симулякры.

Еще одной особенностью, демонстрирующей симуляционный характер алгоритмического доверия, является связанное с ним представление о свободе. Как указывалось выше, условия «умного контракта» определяются стороной, которая выступила инициатором или автором некоторого программного кода, а к нему присоединяются другие стороны договора посредством электронной подписи. Казалось бы, эта схема наилучшим образом соответствует требованию свободно волеизъявления участников соглашения. Однако если обратить внимание на то, как оно реализуется, становится очевидным, что в «умный договор» заложена идея свободы-симуляции. Она выражается в коллективной независимости от вмешательства в процесс исполнения договора как его участников, так и третьих лиц, а также в исключении какого-либо учета уникальных обстоятельств отдельных акторов.

В этих условиях транзакции или контракты рассматриваются как опосредуемые блокчейн «жесткие рамки отношений между людьми, а не промежуточные „ретрансляционные станции“. Если договор формально нарушен, его протокол действует как арбитр. То есть признание или отказ от транзакции становится окончательным вердиктом без учета привилегированности транзакции или ее социального контекста» (Reijers, Coeckbergh, 2016: 121–122). Другими словами, «умные контракты» подлежат к исполнению в любом случае и не способны учитывать изменившиеся обстоятельства какой-либо из сторон. А в случае умышленного и неумышленного технического сбоя слабая сторона освобождается, в смысле исключается из договора без возможности инициировать переговоры или восстановить свои права в судебном порядке.

14. Эфиркойн — криптовалюта Ethereum, платформы децентрализованных онлайн-сервисов на базе блокчейн, учрежденной с целью демонстрации жизнеспособности идеи The DAO.

Как видим, свобода, основанная на алгоритмическом доверии, имеет ограниченный характер. Она игнорирует проявления неравенства или превышения полномочий, если они не учтены в «умном контракте». Думается, что именно это стало причиной развала The DAO после двух месяцев существования. С формальной точки зрения его причиной стала кража 55 миллионов долларов злоумышленниками, воспользовавшимися ошибкой в коде. Однако, по существу, злоумышленники не являются таковыми, так как «если код — это контракт, значит, что бы ни сделали хакеры, все будет в рамках контракта» (О'Хара, 2017: 43). Любопытно то, что в качестве злоумышленников могут рассматриваться и сами разработчики Ethereum. Дело в том, что с целью возврата денег инвесторам они переписали код «умного контракта», тем самым девальвировали принцип алгоритмического доверия и ценность виртуальной коллективной свободы ради человеческого фактора.

Думается, что не все выявленные симуляционные признаки доверия соответствуют ожиданиям среднестатистических участников гражданско-правовых отношений. Поэтому по мере совершенствования технологии блокчейн алгоритмическое доверие может дополниться недостающими социально ориентированными функциями. Однако уже сейчас можно утверждать факт существенного влияния алгоритмического доверия и «умных контрактов» на трансформацию доверия как значимого социального концепта.

Концепт «ответственность» в контексте преодоления неопределенности и рисков

Человечество никогда не достигло бы современного уровня технологического развития, если бы на каждом этапе своей истории не создавало социальные институты, способствующие минимализации рисков и преодолению неопределенностей. Как подчеркивает Д. Норт, «убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта» (Норт, 2010: 29). Что касается технологии блокчейн, то в ее основе лежит иной принцип, выражающийся в том, что не социальные теории и институты, а коллективная ответственность является условием минимума стабильности ее функционирования. Чтобы оценить степень реалистичности этого принципа, сопоставим классическое и постнеклассическое понимание ответственности.

Понятие «ответственность», сложившееся в классической социальной теории, используется в нравственном, правовом и религиозном аспектах и определяется как обязанность личности, социальной группы и государства совершать действия, направленные на сохранение социального порядка, и претерпевать осуждение или правовые ограничения в случаях неисполнения этой обязанности. Для того чтобы ответственность признавалась как личное и общественное благо, необходимо соблюдение следующих условий. Во-первых, позитивность ответственности должна

быть производна от адекватности понимания субъектом того, что ему предписано социальной ролью. В результате такого самоотождествления с действительностью формируется привычка к нормальному (нравственному, законопослушному) поведению и стремление противостоять любому произволу. Во-вторых, на формирование ответственности оказывает существенное влияние легитимность законов позитивного права. При каких условиях законы являются легитимными или, в терминологии Гегеля, знаемыми и общезначимыми? Законы должны быть выражением взаимосвязи потребностей и труда, необходимого для их удовлетворения, и иметь рефлексию внутри себя и в праве (Гегель, 2009: 278), то есть быть экономически целесообразными и нравственно обоснованными. В-третьих, ответственность должна быть основана на восприятии государства как нравственной силы, объединяющей частные лица в нацию, и государственного строя как базиса доверия.

В условиях кризиса социальной идентичности и децентрализации политической власти каждое из выявленных условий может быть поставлено под сомнение. Так, с точки зрения З. Баумана, идея децентрализации как раз и проявляется в том, что

хаос перестал быть главным врагом рациональности, цивилизации, рациональной цивилизованности и цивилизованной рациональности... Хотя на словах предписания национальных правительств и судебной власти суверенных государств по-прежнему основываются на принципах правопорядка, их повседневные действия сводятся к постепенному, но неуклонному демонтажу последних препятствий на пути к «творческому беспорядку», выражающему искренние стремления одних и молчаливо воспринимаемому другими как приговор судьбы... Впереди же нас ждёт лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость — полная противоположность господству порядка. (Бауман, 2002: 50)

Следовательно, цивилизационные достижения — это то, за что приходится расплачиваться высокими рисками. При этом «неясно, кому и во что можно верить, поскольку не видно никого, кто бы контролировал общий ход вещей, — никто не может гарантировать, что все пойдет в ожидаемом направлении. Жизнь в условиях нестабильности — это жизнь в условиях риска (Risikoleben), и человек, принимающий решения, должен сам платить за риски, на которые он идет» (Бауман, 2002: 56). Как следствие, в современном обществе ответственность, неопределенность и риск становятся взаимодополняющими понятиями.

По мере распространения технологии блокчейн все чаще появляются факты, доказывающие, что она может стать источником социальной нестабильности и рисков, которые не могут быть преодолены с помощью имеющегося социального опыта и правовых институтов. Так, распространившиеся в последнее время случаи кражи биткоинов и использования смарт-контрактов для совершения преступлений оказываются за пределами сферы влияния правоохранительных органов.

А агенты блокчейн, совершившие противоправные деяния-транзакции, избегают ответственности, так как не могут быть идентифицированы.

Кроме того, существуют обстоятельства, которые не могут быть учтены в «умном договоре» (например, природные катаклизмы или смерть), а следовательно, исключают наступление ответственности за его неисполнение. Рассмотрим пример «умного контракта», предложенный М. Свон. Согласно договору, внук получает наследство либо в случае наступления восемнадцатилетия, либо в день смерти бабушки. Для этого предлагается предусмотреть транзакцию, в распределенном журнале которой будет записана дата рождения внука и определены связи с интернет-газетой некрологов, базой данных смертей или другими информационными источниками (Swan, 2015: 17). Нетрудно догадаться, что без посредника, контролирующего этот процесс, исполнение такого договора сопряжено с множеством рисков и исключает какую-либо ответственность сторон. Впрочем, автор этого кейса Свон завершает свои рассуждения ссылками на известные научно-фантастические романы, что указывает на сомнительность подобных договоров.

В этом контексте ответственность окончательно утрачивает привычные семантические границы и становится симулякр. Один из авторов симуляционной версии ответственности Ж. Бодрийяр считал, что всё, что связано с таким сложным социально-психическим явлением, как ответственность, является «игрой воображения», последствия которой мы оцениваем так, как будто бы ответственность присутствует на самом деле в материи социальных отношений. Источником этой социальной фантазии является власть, которая создала достаточно политических и технических средств для того, чтобы простые обыватели поверили в несуществующее. Причем если раньше власть сама обладала монополией на производство эквивалентных знаков, то современные информационные технологии несут в себе угрозу растворить ее в игре знаков (Бодрийяр, 2013: 145). Эта «игра» уравнивает ответственность и безответственность, разрушая различие законного и незаконного, на котором строится социальный порядок. Отказавшись от необходимости ответственности как социальной ценности права, Бодрийяр считает, что ее следует сохранить в качестве маркера психического здоровья граждан, так как «любой человек нуждается в психизме, чтобы быть приспособленным» (Там же: 170).

Предложенная Бодрийяром деконструкция ответственности до ее витально-го основания — вменяемости, позволяет поставить вопрос об условиях дееспособности всех сторон смарт-контрактов. С одной стороны, лицо, заключающее гражданско-правовой договор в цифровой форме, руководствуется свободным волеизъявлением, действует в своих интересах и, как следствие, принимает определенные обязательства и несет ответственность. Но также верно и то, что «умному договору» присуща не гражданская, а техническая обязательность в виде запрограммированного условия. Более того, «поскольку одним из ключевых элементов обязательства является его направленность в будущее и последующие волевые действия (бездействие) обязанного лица по его исполнению, в ситуации,

когда соответствующие условия исполняются самим компьютером, утрачивает значение и само понятие „обязательство“» (Савельев, 2016: 47). «Умный договор» программируется таким образом, что невозможно избежать его исполнения или внести какие-либо дополнительные условия. А так как все условия договора императивно обязательны, то исчезает ответственность как нормативный принцип гражданско-правовых отношений. Даже если она предусмотрена программным кодом, то пока отсутствуют правила защиты слабой стороны «умного договора», а также механизмы негосударственной реституции имущественного или иного ущерба.

В качестве гипотезы решения этой проблемы рассматривается идея предоставления государству особых прав администрирования технологии блокчейн в части контроля за содержимым его реестра и деанонимизации участников транзакций. Однако, как справедливо замечает А. И. Савельев, «как только государство начинает пытаться регулировать отношения, связанные с использованием соответствующей технологии, появляется ее более продвинутый вариант, нейтрализующий правовое воздействие» (Савельев, 2016: 51).

В настоящее время в качестве «мягкой версии» правового регулирования позиционируется проект Блокчейн 3.0 — Precedent, представляющий собой хранилище судебных прецедентов. Пополняется это хранилище майнерами из сообщества Precedent, которые регистрируют спорные ситуации, решают их пиринговым способом, а описание прецедентов заносят в распределенный журнал. С одной стороны, проект Precedent можно рассматривать как прообраз подлинно демократического правосудия. Но с другой стороны, он может стать новым источником риска неконтролируемой безответственности, обусловленной тем, что решения принимаются не на основе универсальной объективной нормы, а исходя из интересов участников сообщества Precedent. Как пишет Свон, именно они решают, можно ли вынести решение по тому или иному делу, можно ли изменить протокол, если он не отвечает изменившимся экономическим условиям (Swan, 2015: 48). Precedent гарантирует, что майнеры рассмотрят запрос, зарегистрированный в протоколе, но не способны технически обеспечить их безусловную ответственность. Кроме того, источником злоупотреблений могут быть и вознаграждения, получаемые майнерами, так как существует риск подкупа или принятия аффилированного решения (Swan, 2015: 49).

Разрабатывается и более жесткая версия решения вопроса о наступлении деликтной ответственности. Поскольку статус лиц, включенных в реестры блокчейн, уже известен¹⁵, то задача законодателей состоит в разграничении обязательств «умных контрактов» и традиционных договоров при условии соответствующей технической подготовки юристов. Думается, что результатом реализации такого

15. «К соответствующим лицам относятся создатели цепочек блоков, майнеры, финансовые регуляторы и центральные банки, консорциумы в области исследований и разработок» (Иванов и др., 2017: 50).

подхода будет цифровизация традиционных договоров, которая приведет к элиминированию основополагающих принципов блокчейна.

Как видим, блокчейн не только не избавляет от рисков, но производит все новые их разновидности, усиливая «неуловимость» ответственности. Этот вывод в полной мере коррелируется с положением акторно-сетевой теории о том, что любая социотехническая система исключает априорные условия порядка. Однако было бы ошибочным видеть в блокчейн полное отсутствие системной устойчивости. Блокчейн — это сеть. А «сети становятся более или менее объяснимыми по мере развертывания и в зависимости от того, что они делают друг с другом. Акторы приводят в порядок собственный беспорядок» (Латур, 2017: 187). Поэтому вопреки апологетам криптоанархии блокчейн не отменяет ответственности, а дополняет ее новыми предикациями, связанными с увеличением разнообразия социальных рисков, усилением социальной неопределенности и дискредитацией классического общественно-политического идеала ответственности. Думается, что в конечном итоге концепт ответственности, актуализированный благодаря влиянию блокчейн, послужит стимулом изменений в законодательстве. Содержание норм права станет более конкретным и адаптированным к техническим требованиям информационных технологий. Поэтому сторонам, заключающим контракт, достаточно будет выбрать нормативно-правовую базу, уже встроенную в код (Swan, 2015: 17).

Концепт «блок-время» и собственное время технологии блокчейн

Одной из самых «загадочных» составляющих блокчейн является присущее этой технологии собственное время *blocktime* (далее — блок-время). Основанием исследования блок-времени в качестве социального концепта следует считать теорию темпоральности, разработанную Э. Гидденсом, М. Кастельсом, С. Лэшем, Дж. Урри, К. Кнорр-Цетиной и др. Поскольку данная теория пока находится в стадии становления, то любые попытки описания проявлений новой темпоральности имеют высокую степень значимости.

«Блок-время» — это собственное время технологии блокчейн. Оно определяется как фиксируемый период, в течение которого подтверждается исчисляемое количество блоков. Измеряется блок-время в единицах времени подтверждения. Несмотря на то что они конвертируются в традиционные единицы времени (часы, минуты, секунды), события блокчейн «привязаны» не к реальному времени, а ко времени производства определенного количества блоков. Так, например, платформа Hawk, обеспечивающая конфиденциальность «умных контрактов», использует специальный таймер, который фиксирует время и очередность наступления событий в виде сформированных блоков. Введение этих параметров настолько усложняет запись кода, что практически исключается внешнее влияние на корректность исполнения «умного контракта».

По мере увеличения скорости производимых операций следует ожидать, что появится возможность отказаться от привычного «человеческого» времени в пользу высокотехнологичных временных шкал с наноинтервалами (наноминуты, наносекунды). Их использование не только сделает описания транзакций более точными, но позволит «производить больший объем времени» за счет того, что дифференциал этих двух траекторий времени создаст возможность трансформировать события одной временной траектории в события другой (Swan, 2016: 192).

Конечно, найдется немало сторонников технического понимания блок-времени, которые рассматривают его исключительно как стандартную функцию смарт-контрактов. Однако нельзя игнорировать тот факт, что время смарт-контрактов является гибким ресурсом и что ускорение, замедление, ожидание событий и их позиционирование постепенно становятся неотъемлемыми параметрами блок-времени (Ibid.: 193). Кроме того, если раньше предметом договорных отношений могли быть предсказуемые или уже прошедшие события, то блокчейн позволяет включать в «умный договор» события реального времени и даже придавать правовой статус несуществующим объектам и будущим событиям. Указанных выше характеристик блок-времени, думается, вполне достаточно, чтобы представить его как концепт, выражающий возможность нового понимания темпоральности человеческой жизни, социальных событий и истории.

Впервые идея о том, что темпоральность имеет множество ипостасей, возникла в естествознании как представление о множественности времени. Его суть состоит в том, что специфика каждого вида времени определяется связью между конкретной формой реальности и релевантной ей интуицией времени. При этом для каждого вида на конвенциональных основаниях устанавливается соответствующая шкала и единицы его измерения. Например, А. П. Левич, доказывая мысль о существовании собственного времени¹⁶ геологического, биологического, географического и иных процессов, предлагает трактовать время как количество меняющихся элементов системы, для измерения изменчивости которых требуется договоренность «о сохранении выбранной метрики: замены различных экземпляров элементов подразумеваются равноправными» (Левич, 1996: 58).

Информация как особая форма реальности также обладает собственным временем, а его свойства зависят от производящих их информационных технологий. Для того чтобы убедиться в правомерности этого утверждения, необходимо поставить «за скобки» традиционное представление об информации как совокупности сведений и признать, что потоки «информации» всегда являются временными различиями, производимыми внутри системы, а именно — различиями в системных состояниях, складывающимися в результате взаимодействия самореференциальных и инореференциальных — но всегда переработанных внутри

16. Например, собственный возраст организма может быть измерен не традиционными часами, сутками, месяцами, годами, а количеством вновь образовавшихся клеток, потреблением молекул кислорода и т. п.

системы — обозначений» (Луман, 2005: 11). Именно эти различия поддерживают существующие и порождают новые процессы внутри системы, а для их описания в информатике используются такие понятия, как «дискретное время», «асинхронное время», «no time» (безврежье) и т. д.

Дополнительным аргументом в пользу разработки концепта «блок-времени» являются изменения, производимые современными информационными технологиями в социальном управлении. Так, на смену универсальному часовому ходу времени и пространству отдельных мест, на которых основано управление индустриальным обществом, приходят трансформированное время и пространство децентрализованного общества и сетевого управления. М. Кастельс предлагает оценить масштаб происходящих изменений: «Это смешивание времен для создания вечной вселенной, не саморасширяющейся, но самоподдерживаемой, не циклической, но случайной, не рекурсивной, но инкурсивной (incurusive): вневременное время, использующее технологию для того, чтобы избавиться от контекстов своего существования и избирательно присваивать любую ценность, которую мог бы предложить каждый контекст вечно-настоящему» (Кастельс, 2000: 402).

Информационное время, а следовательно, и время блокчейн, имеет два характерных для часового времени параметра: одновременность и безврежье. Первый из них достаточно прост для понимания, так как является констатацией мгновенного распространения информации среди участников коммуникации. Например, благодаря блокчейн-транзакциям зашифрованная информация передается мгновенно на все компьютеры децентрализованной сети, а затем одновременно сохраняется, что существенно снижает вероятность ее несанкционированного использования. «Пучки» транзакций, исходящие одновременно в разных направлениях, образует узлы сети, которые только кажутся локальными и бесконечно удаленными друг от друга. На самом деле, в результате мгновенного включения в производство блоков они становятся близкими и образуют глобальное пространство.

Безврежье как второй, «неклассический», параметр информационного времени предполагает, по крайней мере, три варианта интерпретации. Во-первых, безврежье можно трактовать как способность объекта не изменять части своих свойств¹⁷. Так, «вечным» качеством блокчейна является то, что эта технология находится в постоянном процессе совершенствования и дополнения новыми приложениями. Подобно всем технологическим объектам, все программы блокчейн «одновременно и присутствуют (готовы к использованию) и отсутствуют (подвергаются дальнейшим исследованиям), они и одинаковые, и в то же время разные (Кнорр-Цетина, 2006: 281). В содержании концепта «блок-время» это свойство присутствует как идея эфемерности сегодняшних и вечной реальности будущих

17. Такие объекты описываются метафорически: вечное перо, вечный студент, вечный странник и т. д.

технологических достижений¹⁸, что позволяет охарактеризовать время как постоянную незавершенность и нетождественность самому себе¹⁹.

Второе понимание безвременья соответствует принципу «неизменчивой мобильности» акторно-сетевой теории. Его применение к исследованию собственного времени блокчейн требует дополнительных пояснений. Для этого будем основываться на определении времени как длительности, сменяемости объектов, их стадий и состояний (Кемеров, 1998: 164). Представим, что блокчейн — это строительство дома. Каждый его блок является стандартизированной структурой или формой записи группы транзакций, которая, будучи взятой отдельно от других блоков, не нуждается во временном измерении. Ахронологичен и алгоритм монтажа блоков. Внутреннему наблюдателю важно фиксировать не время, а вневременную неизменность правил соединения блоков между собой. Он видит формальную структуру строительства и не нуждается в хронометрических инструментах. И только с точки зрения внешнего наблюдателя, учитывающего различные контексты, дом с течением времени изменяется, прирастая этажами. Из этих рассуждений следует, что блокчейн хронологичен и ахронологичен одновременно. Чтобы понять природу этой антиномии, обратимся к следующему определению процесса: «„Процесс“... есть, таким образом, понятие, которое предполагает устойчивость. Устойчивость есть, однако единство, которое конституируется в потоке, к сущности которого принадлежит то, что в нем не может быть ничего устойчивого» (Гуссерль, 1994: 130).

Объекты, включенные в процессы (потоки сети), становятся неизменчивыми мобильностями, не разрушаются в условиях трансформации или перемещения благодаря сохранению стабильности структуры и связей в сети. С целью пояснения амбивалентности существования сетевых объектов воспользуемся примером Джона Ло — образом корабля, следующего из Лиссабона в Калькутту: «...корабль может быть представлен в виде сети — сети остовов, рангоутов, парусов, канатов, пушек, складов продовольствия, кают и самой команды. С другой стороны, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система, со всеми ее эфемеридами, астрологиями и квадрантами, таблицами расчетов, картами, штурманами и звездами, также может быть рассмотрена как сеть» (Ло, 2006: 32). С одной стороны, корабли являются «мобильностями», перемещаясь в пространстве и во времени, а с другой — остаются вне времени как неизменяемые пространственные формы сетевых единств. По аналогии с образом корабля блок-время фиксирует

18. Косвенным признаком реализации этой идеи можно считать статистику патентных документов, связанных с блокчейн, которая демонстрирует резкий рост патентной активности за три года (2015–2017 гг.). «Число поданных заявок на патенты выросло с 9 в 2014 г. до 150 в 2016 г., увеличившись почти в 17 раз, а за неполный 2017 г. количество зарегистрированных заявок на патент уже достигло 202. Однако экспоненциальный рост числа поданных патентных заявок не коррелирует с динамикой числа выданных и действующих патентов, что, вероятно, связано с нерешенными до настоящего времени вопросами об охраноспособности предлагаемых решений» (Цветкова, 2017: 285).

19. Следует признать, что вследствие своей смысловой «текучести» блок-время всегда будет очень сложным объектом познания.

в условных единицах локальные сетевые изменения, непрерывно производимые транзакциями. Однако если рассматривать блок-время с точки зрения функционирования блокчейн, то оно является не более чем условностью, придуманной для удобства пользователей. В действительности же любые направленные изменения в технологии тут же конвертируются в виртуальное стабильное пространство сети.

Третья характеристика безвременья блок-времени определяется тем, что Кастельс назвал недифференцированным временем, равнозначным вечности. Такое время возникает в сетевом обществе благодаря информационным технологиям, которые «порождают систематическую пертурбацию в порядке следования явлений, происходящих в этом контексте. Эта пертурбация может принимать форму сжатия временных промежутков между событиями, нацеленного на мгновенность, или же случайных разрывов в последовательности событий» (Кастельс, 2000: 431). Казалось бы, такого рода пертурбации не имеют никакого отношения к блокчейну, так как эта технология функционирует таким образом, что транзакции объединяются в блоки в строгом хронологическом порядке, который фиксируется в распределенном журнале. Это, собственно, и гарантирует систему защиты от изменения последовательности записи блоков. Кроме того, еще основателем блокчейн Сатоши Накамото была введена условная единица скорости формирования блоков (1 блок за 10 минут²⁰), которая до сих пор сохраняется в качестве меры упорядочивания информационных потоков.

Однако порядок никогда не был приоритетом сетевого общества, поэтому количество проявлений недифференцированности блок-времени постоянно растет. Например, такие биткоиновые процессинговые фирмы, как Bitpay, Coinbase или GoCoin, переводят платежи немедленно, а не в течение 10 минут. Они берут на себя риск неподтверждения легитимности транзакций, надеясь, что вероятность сбоя или двойная трата средств минимизированы на программном уровне.

Другой пример проявления безвременья блокчейн произошел 11 марта 2013 года в хронологическом журнале одновременно появились две одинаковые записи под разными номерами. Этот сбой оказался возможным вследствие того, что программисты, администрирующие сервисную программу, приступили к плановой замене версии 0,7 биткоинового программирования на более новую версию 0,8. Один из участников сети (майнер) успел зарегистрировать свой блок в старой версии, а другой участник — в новой. В результате случайного раздвоения блокчейна хеш-связи «повисли» в безвременье. Любопытно, что после изучения обстоятельств случившегося выяснилось, что подобного рода расхождения случались и до зафиксированного случая. Появляются они и до сих пор, поскольку все предлагаемые технические решения пока оказываются неэффективными (Винья, Кейси, 2018: 193–196).

20. 10-минутный график формирования и подтверждения легитимности блоков сложился случайно. Но сам факт выбора интервала и разработки для него программного обеспечения позволяет добиться устойчивости системы на 130 лет вперед (Винья, Кейси, 2018: 177).

Одновременность и безвременье как специфические темпоральные характеристики блокчейн связаны между собой и технологически, и по существу. В своей совокупности они показывают, что по мере совершенствования технологии блокчейн в части управления временем и трансформации временных потоков будут девальвироваться ценности, связанные с конечностью человеческого бытия и объективностью социально-исторических процессов. Кроме того, нельзя не согласиться с утверждением Кастельса о том, что в сети время вытесняется и структурируется пространством: «Пространство потоков... растворяет время, разупорядочивая последовательность событий и делаая их одновременными, помещая общество в вечную эфемерность» (Кастельс, 2000: 434). Что касается блокчейн, то в нем темпоральность не только замещается пространственными потоками, но смешивается со всеми другими «ингредиентами»: акторами, узлами, транзакциями, превращая его в абстракцию безвременья.

Концепт «майнинг» в контексте архаических экономических представлений

Одной из прикладных идей технологии блокчейн является то, что она направлена на формирование нового экономического мышления. Как пишет Свон, «это мышление требует, чтобы фундаментальные свойства экономики и рынков обнаруживались во всех жизненных ситуациях. Технология блокчейн помогает понять, что всё, что мы видим и переживаем, каждая система в жизни, в какой-то степени является экономикой: системой распределения ресурсов» (Swan, 2015: 28). Принимая во внимание эту установку, выясним особенности майнинга как вида экономической активности.

Майнингом принято называть деятельность, направленную на поиск случайных кодов (попсе) и формирование новых блоков информации на основе блокчейн с целью получения вознаграждения. Так как подбор кода с заданными параметрами нельзя получить мгновенно, то требуется генерировать достаточно большое количество кодов-хешей и ждать, когда программа блокчейн-протокола подтвердит его правильность. После этого, с целью достижения коллективного консенсуса, производится дополнительная проверка и подтверждение со стороны других участников майнинга.

Дешеви́зна технологии блокчейн и желание легкого обогащения способствуют вовлечению в эту деятельность все большего количества майнеров. Расширяются масштабы производства майнинговых дата-центров, развиваются акционерные формы их финансирования и создаются специализированные организации по обслуживанию майнинговых дата-центров и компаний, занимающихся майнинг

девелопментом²¹. С их появлением принято связывать возникновение промышленного майнинга как нового вида бизнеса²².

Вопреки сложившемуся мнению в функционал майнеров входит не только добыча криптовалюты, но и администрирование узловых компьютеров сети. Поэтому, рассматривая майнинг в качестве особого вида экономической деятельности, следует отличать майнинг как труд, направленный на техническое поддержание функционирования блокчейн, и труд, связанный с созданием блоков путем математических вычислений. Результатами последнего являются эмиссия нефинантных денег (Марамыгин, Прокофьева, Маркова, 2015: 40–41) и различного рода информационные продукты, выступающие в форме вознаграждения за удачные операции по майнингу²³. В терминологии теории финансов оно означает право эмиссии денег, затраты на которую несет всё сообщество майнеров.

Несмотря на то что криптовалютный рынок динамично развивается, и блокчейн активно внедряется в бизнес, понятие майнинга до сих пор не имеет четких семантических границ. С одной стороны, на государственном уровне провозглашается намерение легализовать майнинг в качестве предпринимательской деятельности и включить в классификатор видов экономической деятельности, а с другой — обнаруживается очевидная осторожность, с которой понятие майнинга внедряется в экономический и юридический тезаурусы. Думается, что это противоречие указывает на наличие «слепой зоны» в его содержании, позволяющей присвоить ему статус нового социального концепта²⁴.

Эта загадочная «слепая зона» образована смешением современных представлений о труде и производстве, сформулированных в политической экономии XIX века, с архаической наивной верой в сверхъестественное происхождение богатства и удачи. Так, первопорядковое слово сленга майнеров «удача» и постулат о том, что «в среднем удача пула всегда стремится к 100%, то есть к идеальному миру»²⁵, относятся к доклассическим экономическим представлениям о добычании богатств и обмене ими. М. Фуко писал, что они были основаны на убеждении, что для преодоления колебаний меновой стоимости товара достаточно всеобщего признания, что покупательная способность денег установлена «самим провиде-

21. См., например: Центр Блокчейн Технологий ВТС, 2018.

22. Вопрос рентабельности этого бизнеса остается спорным, так как «заработок» зависит от волатильности криптовалют, быстрого устаревания компьютерной техники, длительности и трудоемкости создания ее технической «оснастки», стоимости энергозатрат, рисков мошенничества и т. д.

23. Заметим, что подобное толкование майнинга не противоречит представлению об информации как экономическом феномене. В частности, Ж. Бодрийяр считал ее «прибавочной стоимостью смысла, тождественной экономической стоимости, происходящей из ускоренного оборота капитала» (Бодрийяр, 2013: 111).

24. Несмотря на то что АНТ больше связана с семиотикой, чем с антропологией, «начало „материальному повороту“ было положено в работах социальных антропологов... исследовавших „социальную жизнь“ вещей и их „культурные биографии“» (Вахштайн, 2005: 97–98). Думается, что эта историческая отсылка дает право использовать в данной статье антропологические аргументы, не нарушая ее методологической выверенности.

25. См., например: Ширшов, 2018.

нием, когда оно погрузило в землю золотые и серебряные руды, заставив их медленно расти, подобно тому как на земле растут растения и приумножаются животные. Между всеми вещами, которые для человека необходимы и желательны, и сверкающими рудными жилами, скрытыми в толще земли, где в тиши растут металлы, имеется абсолютное соответствие» (Фуко, 1994: 199). Технология майнинга работает по циклам, аналогичным «жизни» богатства, а стратегии майнеров строятся на умении выжидать, когда «вырастут» транзакции, провидение в виде случайной выборки откроет сакральное знание в качестве правильной комбинации чисел в записи блоков²⁶.

Для того чтобы ожидания майнеров оправдывались, а их услуги держались в цене, Сатоши Накамото ввел такой параметр, как внутренняя стоимость биткойна, которая определяется количеством монет в блоке. С конца 2012 года оно сокращалось в два раза каждые четыре года. К 2140 году, по замыслу Накамото, это количество должно было свестись к нулю, а в обращении должен остаться 21 миллион биткойнов. Такое запрограммированное сокращение объемов эмиссии криптовалюты позволяет обеспечить ее архаическое качество — редкость (Винья, Кейси, 2018: 95). Оно же является стимулом для майнеров продолжать «добычу» в условиях ежегодного сокращения объемов ее предложения и обострения конкуренции. Думается, что майнинг представляет новый формат конкуренцией, так как «блокчейн основан на доказательстве работы, и вам нужно доказать, что вы инвестировали вычисления, поэтому вам нужно доказать, что вы участвовали в игре» (Maxwell, Speed, Pschets, 2017: 94). При этом не профессиональные компетенции, а интуиция и готовность к выполнению рутинной деятельности с отсроченным результатом предопределяют степень финансовой успешности майнинга.

Конечно, сложно поверить в то, что столь высокотехнологичный труд строится не только на рациональных, но и иррациональных, нерелексируемых основаниях. Действительно, если майнер — это наблюдатель сети, то, согласно акторно-сетевой теории, он может попробовать настаивать на исключительной рефлексивной позиции, но ее никогда не признают другие майнеры. Как пишет Б. Латур,

наблюдатель — чем бы он ни был — обнаруживает себя на равных со всеми остальными системами отсчета. Это вовсе не значит, что он обречен на отчаяние или замкнутость на себе, ведь отсутствие привилегированного статуса никогда не ограничивало экспансию и интеллект акторов. Миростроитель среди миростроителей, в своем разрыве с галилеевской системой отсчета он видит не трагические ограничения знания, а только ресурсы. Чтобы присоединить еще одну систему отсчета, наблюдатель, подобно любым другим акторам, вынужден работать и заплатить определенную цену... Отсутствие

26. На неизбежность иррациональных оснований принимаемых решений относительно эргодических явлений указывал Норт: «В случае подлинно нового явления мы сталкиваемся с неопределенностью, последствия которой нам просто неизвестны. И в этом случае вероятность успешного снижения неопределенности зависит лишь от удачи, а игроки будут действовать исходя из иррациональных убеждений. И действительно, иррациональные убеждения играют большую роль в социальных изменениях» (Норт, 2010: 39–40).

привилегий также означает отсутствие априорных границ знания. Если одни акторы способны объяснять другие акторы, то на это способен и наблюдатель. А если не способен, то он все равно может попытаться. История, риски и авантюры являются частью построения сети наблюдателем. (Латур, 2017: 190)

Из этого следует, что отсутствие специальных знаний и слабая рефлексивность позиции не ограничивают, а, наоборот, открывают возможности для акторов-майнеров. Особого рода коллективизм майнинга, реализующийся по принципу «занавеса неведения», также является условием бесперебойного функционирования сети блокчейн.

Еще в 2009 году Накамото организовал IRT-чат для общения программистов. Очень скоро он преобразовался в форум Bitcoin Forum, вокруг которого и начало складываться сообщество майнеров. Кроме того, эта материализованная социальность с минимумом рефлексии явилась причиной возникновения культуры майнеров. Одним из способов идентификации с этой культурой можно считать созданный ими язык, который обладает общими для всех сетевых языков характеристиками: «Он должен быть бедным, ограниченным, кратким и простым — эквивалентом лоренцевых преобразований» (Латур, 2017: 191). Например, одно из наиболее распространенных слов сленга майнеров — это «работа». С одной стороны, работа обозначает функционирование компьютерной сети, производящей сложные математические вычисления. А с другой — служит указанием на ее результаты, которые конвертируются в человеко-часы и записываются в распределенный журнал. Таким образом, в терминах ANT работу можно определить как коллективную инвестицию, в которой смешиваются и становятся равнозначными энергозатраты людей и нелюдей.

Вокруг экономической деятельности постепенно формируется особая культура, которая имеет свою музыку и даже поэзию. А описания образов лидеров этого движения показывают, что она не лишена религиозности. Так, отцов-основателей блокчейн принято называть «евангелистами», а его активных адептов — «посвященными». Первый добытый Накамото блок биткоинов получил название «Иисус Биткоина» (Винья, Кейси, 2018: 181). Одним из самых значимых аргументов в пользу религиозности культуры блокчейн является история о Сатоши Накамото — анониме с именем. О его изобретениях стало известно в 2008 году, за короткий срок он превратил обезличенную и замкнутую группу майнеров в сообщество уверовавших. Но уже через три года бесследно исчез подобно Лао-цзы.

Как отмечают П. Винья и М. Кейси, этого было достаточно, чтобы в современных условиях и исключительно технологическими средствами был создан миф о сотворении мира. При этом гораздо менее религиозные маркетологи пришли к пониманию огромной духовной силы, которой обладает этот миф: «Мысль о том, что чей-то бизнес родился из блестящей идеи человека, пошедшего против мнения большинства, помогает персонифицировать продукт и порождает мощ-

нейший маркетинговый стимул» (Винья, Кейси, 2018: 102). Имя Сатоши Накамото, ставшее символом неизбежности социальных перемен, присваивается различным объектам — криптовалютам, сайтам, компьютерным играм, мероприятиям с названием площади Сатоши и другим маркетинговым продуктам. А они, в свою очередь, транслируют эту идею новым потребителям бренда.

С майнингом связано еще одно архаическое представление — вера в то, что богатство прирастает его удачным распределением между майнерами. При этом победа в конкурентной борьбе или «игре даров» достигается с помощью упорства, терпения и новых технологических решений, «правильное» сочетание которых является случайностью. Однако практика показывает, что свойственное людям стремление к легкому обогащению стимулирует создание уловок «эффективного нарушения». Майнинг оказался такой экономической деятельностью, в которой эти уловки применяются наиболее активно. В частности, разрушение децентрализации сети идет за счет того, что блокчейн-сообщества стремятся к разработке технических средств, которые предоставляют им конкурентные преимущества в области экономии энергоресурсов, увеличения скорости транзакций, освоения новых сфер приложения блокчейна. Любопытно, что создатель Ethereum В. Бутерин уверен, что бороться с социальной коррумпированностью²⁷ бесполезно, так как сеть обладает способностью самовосстановления. Для этого надо «не утруждать себя попытками помешать нежелательной координации, а вместо этого пытаться создавать протоколы, которые могут быть устойчивыми к ней. Попытаться найти золотую середину, предполагающую достаточную координацию для развития протокола и движения вперед, но недостаточную для осуществления атак. Попытаться провести разграничение между полезной координацией и вредной координацией и сделать первую простой, а вторую — более сложной» (Бутерин, 2017). Очевидно, что если идея Бутерина получит реализацию, то это возродит на новом техническом уровне экономику «натурального» обмена вещами и ресурсами. Майнинг, избавленный от угрозы централизации, может стать образцом экономического взаимодействия «без барьера» между людьми, между людьми и компьютерами, а также между компьютерами в сети блокчейн.

Думается, что предложенных аргументов вполне достаточно для признания того, что синтез смыслового потенциала, содержащегося в иррациональных основаниях майнинга с новыми информационными технологиями, может внести существенные коррективы в структуру современной экономики. Несмотря на то что майнинг пока принято связывать только с производством криптовалют, предложенные его характеристики социального концепта позволяют обнаружить в майнинге одно из проявлений постнеклассической информационной экономики. Ее дальнейшее развитие предполагает проектирование специализированных приложений блокчейн, обслуживающих автоматизированный рынок финансов, торговли, здравоохранения, юридических и иных услуг, трансформацию систе-

27. С. П. Чернозуб определяет использование экосистемы блокчейн в корыстных групповых интересах как социальную коррумпированность (Чернозуб, 2018: 138).

мы образования за счет создания новых профессий. Самое же главное — для того чтобы соответствовать этим процессам, большое количество людей будет вынуждено менять принципы экономического мышления и формировать иной спектр потребностей.

* * *

В заключение подчеркнем, что представленные в статье концепты «доверие», «ответственность», «блок-время» и «майнинг» являются малой частью новых социальных концептов, список которых увеличивается по мере расширения социальных функций технологии блокчейн. При этом значения этих концептов постоянно уточняются за счет синтеза рациональных знаний, предрассудочных продуктов воображения и интуиции. Выбор данных социальных концептов объясняется тем, что присущая именно им способность к самоактуализации обуславливает формирование новых представлений о социальном порядке. Кроме того, они в наибольшей степени определяют «точки бифуркации» технологии блокчейн.

Логика конституирования содержания представленных социальных концептов ставит под сомнение постулат классической социальной теории о том, что материальное подчинено осмысленному и социальному. В случае со смарт-технологиями любое доминирование социального вытесняется принципами функционирования сетевой ассоциации акторов-актантов. Поскольку их взаимодействие реализуется в условиях множественных рисков, была выбрана и соответствующая логика исследования: не анализ-аподиктика с однозначными утверждениями и дефинициями, а характерный для ANT анализ-критика с акцентом на выяснение этих рисков и описание неопределенностей. Именно поэтому в отношении представленных в статье концептов доверия, ответственности, блок-времени и майнинга применяется метод смешения аналитических и критических стратегий.

Литература

- Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос.
- Бодрийяр Ж. (2013). Симулякры и симуляции / Пер. с франц. О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист.
- Бутерин В. (2017). Виталик Бутерин о децентрализации и преимуществах Proof-of-Stake // ForkLog, 11.02.2017. URL: <https://forklog.com/vitalik-buterin-o-detsentralizatsii-i-preimushhestvah-proof-of-stake/> (дата доступа: 05.05.2018).
- Вахштайн В. С. (2013). К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // Логос. № 2. С. 3–37.
- Вахштайн В. С. (2005). Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 94–115.

- Винья П., Кейси М.* (2018). Эпоха криптовалют: как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / Пер. с англ. Э. Кондуковой под ред. А. Форк. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Гегель Г. В. Ф.* (2009). Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столпнер. М.: Мир книги.
- Гуссерль Э.* (2001). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В. А. Молчанова. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги.
- Гуссерль Э.* (1994). Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем. В. А. Молчанова. М.: Логос, Гнозис.
- Ерофеева М. А.* (2015). О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. Т. 27. № 4. С. 51–71.
- Иванов А. Ю., Башкатов М. Л., Галкова Е. В., Тюляев Г. С., Пивненко А. С.* (2017). Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности. М.: НИУ ВШЭ.
- Кастельс М.* (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Б. Э. Верпаховского, Д. А. Тищенко, А. Н. Субочева под ред. Н. В. Сергеева, О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ.
- Кемеров В. Е.* (1998). Пространство и время // *Кемеров В. Е.* (ред.). Современный философский словарь. Москва: ПАНПРИНТ.
- Кнорр-Цетина К.* (2006). Социальность и объекты: социальные отношения в пост-социальных обществах знания / Пер. с англ. Н. Эдельмана // *Вахштайн В. С.* (ред.). Социология вещей. М.: Территория будущего. С. 267–306.
- Латур Б.* (2007). Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Латур Б.* (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: НИУ ВШЭ.
- Латур Б.* (2017). Об акторно-сетевой теории: некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. № 1. С. 173–200.
- Левич А. П.* (1996). Субституционное время естественных систем // Вопросы философии. № 1. С. 57–69.
- Ло Дж.* (2006). Объекты и пространства / Пер. с англ. В. С. Вахштайна // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 3042.
- Луман Н.* (2005). Медиакоммуникации / Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Логос.
- Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А.* (2015). Экономическая природа и проблемы использования виртуальных денег (криптовалют) // Известия Уральского государственного экономического университета. № 2. С. 37–43.
- Норт Д.* (2010). Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: НИУ ВШЭ.
- О'Хара К.* (2017). Умные контракты — глупая идея // Открытые системы. СУБД. № 2. С. 42–44.
- Пантыкина М. И.* (2016). Доверие в праве как когнитивная установка индивидуального правосознания // Философия права. № 2. С. 53–58.

- Ролз Дж.* (1995). Теория справедливости / Пер. с англ. В. В. Целищева, В. Н. Карповича, А. А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Савельев А. И.* (2016). Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. Т. 16. № 3. С. 32–60.
- Смоленски Н.* (2018). Эволюция доверия // В мире науки / Scientific American. № 3. С. 72–75.
- Фуко М.* (1994). Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с франц. Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad.
- Цветкова Л. А.* (2017). Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. Т. 3. № 4. С. 275–296.
- Центр Блокчейн Технологий ВТС. (2018). Майнинг как бизнес. Выгодно ли? URL: <http://www.btc-center.ru/blogs/mayning/mayning-kak-biznes-vygodno-li> (дата доступа: 18.02.2018).
- Чернозуб С. П.* (2018). Блокчейн и социальные сети нового поколения: утопия. Революция, социальный вызов // Общественные науки и современность. № 1. С. 134–142.
- Ширшов Г.* (2018). Что такое майнинг? Удача в майнинге. URL: <https://2bitcoins.ru/chto-takoe-majning-udacha-v-majninge> (дата доступа: 18.02.2018).
- Lessig L.* (2006). Code: Version 2.0. New York: Basic Books.
- Maxwell D., Speed C., Pschets L.* (2017). Story Blocks: Reimagining Narrative through the Blockchain // Convergence. Vol. 23. № 1. P. 79–97.
- Reijers W., Coeckelbergh M.* (2015). The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies // Philosophy & Technology. Vol. 31. № 1. P. 103–130.
- Swan M.* (2015). Blockchain: Blueprint for a New Economy. Sebastopol: O'Reilly Media.
- Swan M.* (2016). Blockchain Temporality: Smart Contract Time Specificability with Blocktime // International Symposium on Rules and Rule Markup Languages for the Semantic Web RuleML 2016: Rule Technologies. Research, Tools, and Applications. Berlin: Springer. P. 184–196.
- Swan M., de Filippi P.* (2017). Toward of Philosophy of Blockchain: a Symposium. Introduction // Metaphilosophy. Vol. 48. № 5. P. 603–619.

Blockchain and Social Concepts: Exposure of the Problem Field

Marina Pantykina

Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Vice-director, Humanitarian-Pedagogical Institute of Educational-Methodical Work, Togliatti State University

Address: Belorusskaya str., 14, Togliatti, Samara Region, Russian Federation 445020

E-mail: pantykina@tltsu.ru

The article studies the influence of blockchain technology on the formation of semantic structures in the social world. The feature of this influence is that the usage of a decentralized distributed database challenges traditional forms of social interactions, serving as a catalyst for constituting social values without analogues in the social world. Because the concepts developed in classical social theory are used to describe these values, this requires an actualization of its thesaurus. In particular, the article studies the concepts of trust, responsibility, time, and mining in the context of the introduction of blockchain technology. Because the content of these concepts is open and developing, they are given the status of social concepts. The study uses the actor-network theory as a theoretical and methodological basis. It lets us abandon conventions of common knowledge, and shows that these concepts are semantic nodes which emerge as trails (or links to trails) of the configured actions of actor-actants. In conclusion, the studied concepts are proposed to be used with the following meanings: (1) trust is confidence in algorithmized certainty processes and the actions of communication participants, and is based on the guarantees provided by decentralized information systems and on restricting freedom by subjecting anonymous collective identities; (2) responsibility is the personal willingness of participants to take actions in conditions of uncertainty, and to compensate risks; (3) block-time is the own-time of the technology of blocking, which characterizes the state of the protocol for the external observer. For the internal observer, block-time is chronological, since it fixes the timeless stability of the algorithm which connects blocks with each other; (4) mining is a kind of economic activity based on the synthesis of cryptographic technologies and the perception of archaic ideas about risk, luck, and wealth.

Keywords: blockchain, smart contract, block-time, mining, actor-network theory, trust, responsibility, social concepts

References

- Baudrillard J. (2013) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation], Tula: Tulsy poligrafist.
- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society], Moscow: Logos.
- Buterin V. (2017) Vitalik Buterin o detsentralizatsii i preimushchestvakh Proof-of-Stake [Vitalik Buterin on Decentralization and Advantages of Proof-of-Stake]. *ForkLog*. 11.02. Available at: <https://forklog.com/vitalik-buterin-o-detsentralizatsii-i-preimushchestvah-proof-of-stake/> (accessed 5 May 2018).
- Chernozub S. (2018) Blokcheyn i sotsial'nyye seti novogo pokoleniya: utopiya. *Revolutsiya, sotsial'nyy vyzov* [Blockchain and Social Networks of the New Generation: Utopia, Revolution, Social Challenge]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 134–142.
- Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow: HSE.
- Center of Blockchain Technology (2018) Mayning kak biznes. Vygodno li? [Mining as Business. Is it Profitable?]. Available at: <http://www.btc-center.ru/blogs/mayning/mayning-kak-biznes-vygodno-li> (accessed 18 February 2018).
- Erofeeva M. (2015) O vozmozhnosti aktorno-setevoy teorii deystviya [On the Possibility of an Actor-Network Theory of Action]. *Sociology of Power*, vol. 27, no 4, pp. 51–71.
- Foucault M. (1994) *Slova i veshhi: arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], Saint Petersburg: A-cad.
- Hegel G. W. F. (2009) *Filosofiya prava* [Philosophy of Right], Moscow: Mir knigi.
- Husserl E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of the Inner Consciousness of Time], Moscow: Logos, Gnozis.
- Husserl E. (2001) *Logicheskie issledovaniya. T. 2(1)* [Logical Research, Vol. 2(1)], Moscow: Gnozis, Dom intellektualnoy knigi.
- Ivanov A., Bashkatov M., Galkova E., Tulyaev G., Pivnenko A. (2017) *Blokcheyn na pike khaypa: pravovyye riski i vozmozhnosti* [Blocking at the Peak of the Hype: Legal Risks and Opportunities], Moscow: HSE.
- Kemerov V. (1998) *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern Philosophical Dictionary] (ed. V. Kemerova), Moscow: PANPRINT.

- Knorr-Cetina K. (2006) *Sotsial'nost' i ob'yekty: sotsial'nyye otnosheniya v postsotsial'nykh obshchestvakh znaniya* [Sociality and Objects: Social Relations in Post-Social Knowledge Societies]. *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshstain), Moscow: Territoriya budushchego.
- Latour B. (2017) Ob aktorno-setevoy teorii: nekotorye razjasneniya, dopolnennyye eshhe bol'shimi uslozheniyami [On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications]. *Logos*, no 1, pp. 173–200.
- Latour B. (2007) Ob interobjektivnosti [On Interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 2, pp. 79–96.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriiu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: HSE.
- Law J. (2006) Ob'yekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Russian Sociological Review*, vol. 5, no 1, pp. 30–42.
- Levich A. (1996) Substitutsionnoe vremya estestvennykh sistem [The Substitutional Time of Natural Systems]. *Russian Studies in Philosophy*, no 1, pp. 57–69.
- Luhmann N. (2005) *Media kommunikatsii* [Media Communications], Moscow: Logos.
- Lessig L. (2006) *Code: Version 2.0*, New York: Basic Books.
- Maramygin M., Prokofieva E., Markova A. (2015) Ehkonomicheskaya priroda i problemy ispol'zovaniya virtual'nykh deneg (kriptovalyut) [Economic Nature and the Problems of Using Virtual Money (Cryptocurrencies)]. *Izvestiya of Ural State Economic University*, no 2, pp. 37–43.
- Maxwell D., Speed C., Pschets L. (2017) Story Blocks: Reimagining Narrative through the Blockchain. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, vol. 23, no 1, pp. 79–97.
- North D. (2010) *Ponimanie protsessa ehkonomicheskikh izmenenij* [Understanding the Process of Economic Changes], Moscow: HSE.
- O'Hara K. (2017) Umnyye kontrakty — glupaya ideya [Smart Contracts — Dumb Idea]. *Open Systems. DBM*, no 2, pp. 42–44.
- Pantykina M. (2016) Doverie v prave kak kognitivnaya ustanovka individual'nogo pravosoznaniya [Trust in Law as a Cognitive Attitude of Individual Legal Consciousness]. *Philosophy of Law*, no 2, pp. 53–58.
- Reijers W., Coeckelbergh M. (2016) The Blockchain as a Narrative Technology: Investigating the Social Ontology and Normative Configurations of Cryptocurrencies. *Philosophy & Technology*, vol. 31, no 1, pp. 103–130.
- Rawls J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice], Novosibirsk: Novosibirsk University Press.
- Savelyev A. (2016) Dogovornoe pravo 2.0: "umnye" kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava [Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of the Classical Contract Law]. *Herald of Civil Procedure*, no 3, pp. 32–60.
- Shirshov G (2018) Chto takoe maining? Udacha v maininge [What is Mining? Success in Mining]. Available at: <https://2bitcoins.ru/chto-takoe-majning-udacha-v-majninge> (accessed 18 February 2018).
- Smolensky N. (2018) Evolyutsiya doveriya [Evolution of Trust]. *In the World of Science. Scientific America*, no 3, pp. 72–75.
- Swan M. (2016) Blockchain Temporality: Smart Contract Time Specificability with Blocktime. *International Symposium on Rules and Rule Markup Languages for the Semantic Web RuleML 2016: Rule Technologies. Research, Tools, and Applications*, Berlin: Springer, pp. 184–196.
- Swan M. (2015) *Blockchain: Blueprint for a New Economy*, Sebastopol: O'Reilly Media.
- Swan M., de Filippi P. (2017) Toward of Philosophy of Blockchain: a Symposium. Introduction. *Metaphilosophy*, vol. 48, no 5, pp. 603–619.
- Tsvetkova L. (2017) Perspektivy razvitiya tekhnologii blokcheyn v Rossii: konkurentnyye preimushchestva i bar'yery [Prospects for the Development of Blockade Technology in Russia: Competitive Advantages and Barriers]. *Economics of Science*, vol. 3, no 4, pp. 275–296.
- Vakhshstain V. (2005) Vozvrashchenie material'nogo: "prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoy teorii [Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 94–115.

- Vakhshain V. (2013) K mikrosotsiologii igrushek: stsenariy, afordans, transpozitsiya [Toward the Microsociology of Toys: Script, Affordances, Rekeying]. *Logos*, no 2, pp. 3–37.
- Vigna R., Casey M. J. (2018) *Epokha kriptovalyut: kak bitkoin i blokcheyn menyayut mirovoy ekonomicheskoy poryadok* [The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain Are Challenging the Global Economic Order], Moscow: Mann, Ivanov & Ferber.

Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты *

Александр Широков

Аспирант, аспирантская школа по социологическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: needeed@gmail.com

Статья представляет собой попытку интерпретации акторно-сетевой теории (ANT) Бруно Латура как записывающего устройства или, иными словами, как способа перевода мира в текстовую форму. Задаваясь вопросом о том, что значит быть акторно-сетевым теоретиком, автор показывает, что это в первую очередь означает писать специфические тексты. Если принять подобную версию того, чем является ANT, то на первый план выходит вопрос: как именно Латур предлагает нечто описывать? Его способ описания опирается на некоторую политику объяснения, которая, как и любая другая политика, строится на определенных принципах или кредо; в данном случае эти принципы связаны с влиянием семиотики и этнометодологии, а также результатами, что Латур назвал «антропологией нововременных». В данном тексте сначала анализируется, как Латур избирательно заимствует некоторые элементы семиотики и этнометодологии, разрабатывая свою политику объяснения. Затем показано, как эта политика объяснения реализуется на практике в определенной стратегии описания. Автор приходит к выводу, что политика объяснения Латура и базирующаяся на ней стратегия описания предполагает средний путь между тем, чтобы выходить на метауровень, объясняя нечто, и тем, чтобы использовать только объяснения самих акторов. Этот средний путь состоит в разработке некоторых принципов описания, которые не приводили бы ни к замене языка акторов языком социолога, ни к простому повторению языка акторов. Инфра-язык ANT содержательно ничего не говорит о мире, но определенным образом организует описание мира; это пустой шаблон, на который каждый раз необходимо заново наносить карту местности. Именно поэтому возможно и историческое, и этнографическое, и смешанное исследование в духе ANT.

Ключевые слова: Бруно Латур, акторно-сетевая теория, объяснение, описание, режимы существования, исследования науки и технологий, инфрарефлексивность

© Широков А. А., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-186-217

* Я благодарен Андрею Кузнецову и Андрею Корбуту за ценные комментарии и порой безжалостную критику; без них эта статья не появилась бы или, по крайней мере, была бы совсем другой.

Не вера и не отчаяние. Я буду настолько агности-
ком и настолько честным, насколько это будет воз-
можно.

Бруно Латур. «Ирредукции»

Зачем нужен еще один текст, посвященный акторно-сетевой теории (далее — ANT)? Казалось бы, этому направлению посвящено уже немало работ¹, даже в русскоязычной литературе на сегодняшний день есть как общие введения в ANT (Вахштайн, 2005; Хархордин, 2008), так и подробные исследования различных проблем и аспектов этого подхода (Напреенко, 2013; Кузнецов, 2015). Тем не менее мы продолжаем задаваться вопросами: что такое ANT, что значит быть акторно-сетевым теоретиком и что для этого нужно делать. «В разных контекстах АСТ предстает то как посткритическая социология, то как космополитический проект, то как консервативная методология» (Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017: 4). Во многом это связано с тем, что данный подход, получив широкое распространение в 1990-х (Evarts, 2011), по мнению Джона Ло, сам стал множественным (Law, 1999); ANT стала целым движением, состоящим из нескольких смежных проектов или из нескольких диаспор (Law, 1997). Парадоксально, что вся эта «мешанина» из идей, концептов и клише оказалась неразрывно связана с именем Бруно Латура: «Мы говорим ANT — подразумеваем „Латур“, мы говорим „Латур“ — подразумеваем ANT» (Кузнецов, 2013: 64). Эта плотная связка позволила некоторым авторам утверждать, что в более поздний период творчества Латур «полностью переключился» на свой новый проект — исследование режимов существования и в некотором смысле отказался от ANT (Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017: 3). В итоге становится проблематично не только определить, что такое ANT, но и понять, какое место она занимает в проекте самого Латура.

Некоторая путаница связана уже с самим выражением «акторно-сетевая теория». По общему признанию, термин «актор-сеть» придумал Мишель Каллон в первой половине 1980-х годов, но имя «акторно-сетевая теория» далеко не сразу было принято её создателями. Каллон изначально использовал словосочетание «социология актор-сети» (Callon, 1986); Джон Ло также употреблял выражение «теория актора-сети» (Law, 1992). Латур же с самого начала говорил именно об «акторно-сетевой теории»². Различие в выражениях может свидетельствовать о различиях в понимании этого подхода. В случае теории актора-сети предполагается, что эта теория исследует какие-то актор-сети или концептуализирует их. Термин «акторно-сетевая теория» предполагает, что актор-сеть — это метод выстраивания теории, выстраивания описания. Подобная версия подтверждается тем, как

1. См., например, недавно вышедшие: De Vries, 2016; Michael, 2016.

2. Относительно других авторов Латур достаточно поздно начал использовать это выражение; впервые оно появилось в тексте 1996 года «Об акторно-сетевой теории: некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями» в журнале «Philosophi» на датском языке. В том же году была опубликована и ее англоязычная версия в журнале «Soziale Welt». Однако на сайте Латура сказано, что статья была написана еще в 1990 году, о причинах задержки публикации информации нет (Latour, 1996b).

Латур представляет акторно-сетевую теорию в своем первом тексте, посвященном напрямую ей: «Этот метод говорит не о форме сущностей и действий, а о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности» (Латур, 2017в: 185).

Однако в каком смысле об ANT в версии Латура можно говорить как о методе? Ведь Латур не предлагает какой-либо методики; как он пишет в одном из текстов, «„следуйте за акторами“ — гласит лозунг нашей социологии, но в нем не говорится, как именно нужно за ними следовать» (Латур, 2007: 91). Несмотря на свою эмпирическую направленность, ANT не представляет собой определенной, четко очерченной методики, например, сбора данных. В связи с этим в отношении нее часто возникает вопрос: «Является ли этот язык формальных реляций сугубо методологической наработкой, или же он отражает некую онтологическую действительность?» (Напреенко, 2013: 87). Последний вариант выбрал Грэм Харман в своей метафизической интерпретации ANT, предполагающей, что этот подход говорит нечто о том, как устроен мир (идеи и принципы ANT — это то, что есть в мире самом по себе) (Harman, 2009). Другой поворот, поворот к методологической интерпретации, означает что «ANT — это методологическая наработка, призванная отразить работу онтологически различных сущностей» (Ерофеева, 2015а: 30). То есть ANT не говорит ничего о том, как «на самом деле» устроен мир, но предлагает некоторые концептуальные построения, которые позволяют что-то в мире ухватить (идеи и принципы ANT — это аналитические конструкты, которые исследователь привносит в мир). Проблема обеих интерпретаций и в целом подобной постановки вопроса состоит в следующем: они предполагают, будто ANT говорит нечто о самом мире, каким-то образом его определяет, безотносительно того, так ли это на самом деле, или же это лишь аналитический конструкт. Латур, в свою очередь, постоянно занимает агностическую позицию по отношению к миру: «Мы не знаем, как устроен мир» (Латур, 2015: 40); «мы не должны верить заранее, что мы знаем, говорим ли мы о субъектах или объектах, людях или богах, животных, атомах или текстах» (Latour, 1993: 167).

Альтернативное прочтение ANT можно попытаться развернуть вокруг предположения, что эта теория ничего (или почти ничего) не говорит о том, каков мир, но указывает на то, что с ним нужно делать. Латурианская версия ANT оказывается в большей степени теорией метода (или действия), а не мира; это «способ путешествовать от одного места к другому, от одного поля к следующему, а не интерпретация того, что делают акторы, просто упакованная в более благовидный и универалистский язык» (Латур, 2017а: 208–209). В таком случае этот подход, его язык, идеи и принципы предстают в виде инструкций — предписаний относительно того, как следует действовать. Однако сами эти инструкции носят не методический характер, предполагающий конкретную последовательность действий, а скорее, характер запретов, определенным образом организующих деятельность; это правила метода, а не руководства.

В связи с этим вопрос: что именно организуют эти инструкции, или на что направлен этот метод? Еще раз обратимся к уже приведённой цитате Латура: «Этот метод говорит... о том, каким должно быть записывающее устройство, которое бы позволило подробно описать сущности» (Латур, 2017в: 185). «Записывающее устройство» — понятие из первой крупной работы Латура в соавторстве со Стивом Вулгаром; это «любой аппарат или специфическая конфигурация аппаратов, способные преобразовать материальную субстанцию в график или диаграмму» (Вулгар, Латур, 2012: 186). Еще в своем раннем исследовании лаборатории Латур обнаружил, что практики записывания играют важнейшую роль в функционировании науки. Тексты и различные записи, например, показания приборов, результаты экспериментов и т. п., — это основной продукт деятельности ученых; сама наука оказывается машиной по производству текстов. В некотором смысле ANT — это попытка Латура создать записывающее устройство для социальных наук, иначе говоря, это метод производства или организации текста.

Теория о том, как писать текст, кажется чем-то куда менее претензионным, нежели теория о том, как устроено общество, куда движется история, или же теория, стремящаяся наделить материальные объекты способностью к действию (интенция, которую нередко приписывают представителям ANT [Ерофеева, 2015б]). На подобное пренебрежительное отношение к практике написания текстов указывает и сам Латур: «Вас учат плохо! Не учить докторантов-социологов писать диссертации — все равно что не учить химиков проводить лабораторные эксперименты. Вот почему я теперь учу только одному: писать» (Латур, 2014: 209). Вероятно, данное предубеждение относительно значения способа описания и скрывало возможность подобной интерпретации ANT. Несмотря на явную эмпирическую направленность данного подхода, Латур как-то раз даже назвал свой проект эмпирической философией (Latour, 2010)³, интерес большинства авторов приковывает, скорее, теоретическая составляющая его творчества, а не то, как он предлагает практически организовывать описание и как это делает он сам. Случай российской рецепции в этом отношении особенно показателен⁴. Однако банальное открытие — научная деятельность направлена на написание текстов — ставит под сомнение подобное отношение к практике письма. Какими бы изощренными ни были наши методы сбора данных, какой бы сложный эксперимент мы ни поставили, как бы долго мы ни прожили среди своих информантов, нам все равно придется писать об этом текст. Поэтому «никакой ученый не должен находить для себя унижительным корпеть над описанием. Напротив, это высшее и редчайшее достижение» (Латур, 2014: 192).

3. Данное выражение можно встретить и у Аннемари Мол: одно из своих исследований она назвала «упражнением в эмпирической философии» (Mol, 2002).

4. Российских эмпирических исследований в духе ANT почти нет, об этом можно судить, исходя из русскоязычной библиографии по ANT за период с 2006 по 2015 год, которую собрал Николай Руденко (Руденко, 2015).

Если принять подобную версию того, чем является ANT, то на первый план выходит вопрос: какую именно стратегию описания предлагает Латур? Эта стратегия, в свою очередь, опирается на определенную политику объяснения, поэтому, прежде чем подступиться к первому, необходимо разобраться со вторым. Как и любая другая политика, политика объяснения строится на определенных принципах, или кредо; в данном случае эти принципы связаны с влиянием семиотики Альгирдаса Греймаса и этнометодологии, а также с результатами того, что Латур назвал антропологией нововременных⁵. Как он указывает, ANT — это «наполовину этнометодология и наполовину семиотика» (Latour, 2005: 54), или «матрица из семиотики, этнометодологии, исследований науки» (Tresch, 2013: 303). Однако скрещивание этих перспектив привело к появлению специфического гибрида.

В данном тексте, с одной стороны, будет показано то, как Латур избирательно заимствует некоторые элементы семиотики и этнометодологии. Этот анализ не будет последовательным разбором влияний данных теорий в хронологическом разрезе; скорее, разворачивая политику объяснения Латюра, мы будем периодически указывать на возможные влияния, чтобы разобраться в их последствиях. Это неминуемо приведет к потере некоторой исторической конкретики. Однако в рамках данной статьи важно не то, как, когда именно, при каких условиях на Латюра повлиял тот или иной автор, но то, что это влияние может открыть для понимания ANT, какие практические последствия оно несет для данного подхода. С другой стороны, мы рассмотрим, как политика объяснения Латюра связана с его собственными исследованиями науки.

Для этого сначала необходимо проанализировать, как Латур понимает объяснение и как он описывает природу оппозиции «объясняемое и объясняющее». Затем речь пойдет о том, как эта оппозиция связана с концепцией нового времени Латюра. Далее будет проанализирована альтернатива, которую он предлагает нововременному идеалу объяснения. И, наконец, в последней части статьи мы покажем, какая стратегия описания вырастает из этой альтернативной политики объяснения.

Что такое объяснение и зачем оно нужно

Начать разговор об объяснении стоит, вероятно, с наиболее общего вопроса: что такое объяснение? В самом простом виде «оно означает установление некоторой связи между двумя списками, один из которых включает в себя набор объясняемых элементов (B), а другой — перечень так называемых объясняющих элементов (A)» (Латур, 2012б: 116). Помимо наличия такой связи необходимо учитывать ее характер, а также ее силу. В случае если она носит характер «один-к-одному», т. е. если список A повторяет список B, ничего не объясняется. Как правило, объяснение имеет место тогда, когда более чем один элемент из списка B связан толь-

5. С обоими направлениями он познакомился где-то между 1975 и 1977 годами во время своего исследования лаборатории Института Солка в Сан-Диего (Латур, 2017б: 224–225).

ко с одним элементом из списка А; в таком случае и появляется само разделение на объясняемое и объясняющее. «Политика объяснения в общем виде может быть описана следующим образом: если вы владеете элементом x из списка А, вы также овладеваете элементами x' , y' списка В. Это общее определение власти, понимаемой как в политическом, так и в логическом смысле... Один элемент может „замени́ть“, „представи́ть“, „символизи́ровать“ все остальные элементы, которые на деле стали второстепенными, дедуцируемыми, подчиненными или незначительными» (Латур, 2012б: 117). Социальное объяснение является разновидностью объяснения, оно использует социальное в качестве объяснительного принципа. Забегая вперед, стоит отметить, что именно поэтому для Латура социальное объяснение — «это часть проблемы, а не решение» (Там же: 122).

Подобное определение предполагает возможность некоторого измерения власти или силы объяснения: чем больше элементов из списка объясняемых можно соотнести с одним элементом из списка объясняющих, тем более властно объяснение. Максимум власти (и, как часто полагается учеными, идеальный вариант) объяснение достигает, когда все элементы списка В (в том числе те, которых еще нет) могут быть дедуцированы из одного элемента списка А. В таком случае владение одним объясняющим элементом позволяет потенциально владеть всеми объясняемыми элементами. Другая крайность этой воображаемой шкалы власти — когда элементы списка А повторяют элементы списка В, в таком случае, как правило, речь идет о литературной истории или «просто описании», которое ничего не объясняет.

Определившись с тем, что такое объяснение, необходимо задать себе следующий вопрос: когда появляется необходимость в объяснении и когда сильное объяснение оказывается более желанным? «Сильное объяснение становится необходимым, когда кто-то хочет действовать на расстоянии... Вам понадобится сильное объяснение, если вы вышли из ситуации x , но все еще хотите влиять на нее. Почему? Потому что теперь вы должны быть в ситуациях x и x' одновременно. В ситуации x вам требуется владеть некоторыми элементами или свойствами ситуации x' » (Латур, 2012б: 118–119). Концепт действия на расстоянии занимает одно из центральных мест в работах Латура периода исследований науки (Hagman, 2009: 34–35). Чтобы разобраться в том, как он связан с объяснением, необходимо подробнее остановиться на этих работах.

В своих ранних исследованиях науки Латур заметил, что ученые — это «одержимые и едва ли не маниакальные писатели» (Вулгар, Латур, 2012: 183). Они постоянно все записывают и трансформируют то, что их интересует, в тексты и цифры. В дальнейшем Латур ввел различие формы и материи: «Форма становится тем, что можно перенести из x' в x ; материя — то, что не может вынести такого путешествия» (Латур, 2012б: 120). Это различие проходит у Латура по линии мобилизуемое/немобилизуемое. Форма — то, что может быть перенесено из одного материального репертуара в другой; материя — то, что нет возможности/желания/смысла/цели перенести. «Ин-формация» — это то, что циркулирует.

Направление трансформаций/мобилизаций потенциально может быть любым, нет никакой предзаданной траектории, но для науки (или режима циркулирующей референции) характерно движение в сторону текстов, что связано с практически задачами научной деятельности. Проблематично сказать нечто о реальности самой по себе, но это становится возможным в цепи переводов, благодаря которым происходит переход от одних материальных репертуаров к другим (Latour, 1999).

Чтобы изучить мир, его нужно трансформировать, изменить.

Если бы ученые смотрели на природу, экономику, звезды, органы, то ничего бы не увидели... Ученые начинают видеть что-либо только тогда, когда перестают смотреть на природу и начинают с одержимостью рассматривать исключительно распечатки и записи на плоской поверхности... «Объекты» удаляются из лабораторий или же просто отсутствуют. От кровоточащих и визжащих крыс быстро избавляются. Все, что из них извлекается, это небольшой набор цифр. Это извлечение... — все, что имеет значение. Ничего нельзя сказать о крысах, но много чего может быть сказано о цифрах/диаграммах. (Latour, 1990)

За счет этих операций ученые могут локально владеть глобальным.

Таким образом, властное объяснение не является результатом жадности власти, а следует из решения практических задач действия на расстоянии. Ученые удалены от интересующих их объектов, что приводит к необходимости мобилизации этих объектов, но те не нужны им как таковые, в своей целостности. Предположим, социологам удалось собрать всех респондентов в одном месте, но это никак не поможет им сделать какие-либо выводы об общественном мнении. В такой ситуации нет необходимости в объяснении; необходимость возникает тогда, когда, находясь в опросном центре, мы хотим владеть мнением населения целой страны. Для этого нужен ряд трансформаций, в результате которых ученые переходят от работы с населением страны к работе с массивом данных.

Эффект такой серии трансформаций подобен чуду: «владея» таблицей данных, можно владеть целым обществом, обладание лишь тенями позволяет владеть миром. Понимание объяснения как решение проблемы действия на расстоянии предполагает различие между миром и знанием или описанием. Чтобы знать, нужно объяснять, мобилизовать, трансформировать. Описание всегда удалено от практики и не может быть лишь проводником или средством переноса практики. Латур признает данную особенность текстов, и это отличает его подход от принципов этнометодологии, где, в связи с политикой уникальной адекватности методов, предполагается, что текст некоторым образом погружает читателя в практику (Garfinkel, 2002: 176). Для Латура же текст — это всегда фикция, инсценировка практики; это не означает, что текст не дает доступа к практике, просто доступ всегда некоторым образом ограничен и носит специфический характер, который задается особенностями способов переноса (например, частотой датчика, масштабом карты и т. п.).

Как возникает объясняемое и объясняющее

Понимание объяснения как решения проблемы действия на расстоянии приводит к следующему вопросу: почему существует разделение на объясняемое и объясняющее, почему существуют два списка? Как правило, предполагается, что причина/объясняющее — это нечто изначальное, и чтобы понять следствие, нужно *открыть* его причину. Данное различие рассматривается как нечто изначально существующее. Исследования науки, произведенные Латуром, показали, что «причина возникает как следствие расширения сетей и укрепления центров» (Латур, 2012б: 123). То, что в конечном итоге представляется как объясняющее, становится таковым в результате многочисленных операций, которые многократно трансформировали изначально интересующий исследователей объект. Когда же это происходит — вся цепь трансформаций забывается, а выделенная сущность признается причиной всего, что так беспокоило ученых. Благодаря этому забыванию производится разрыв между познающим субъектом и познаваемым миром, производится внешний по отношению к нам мир, и чтобы познать его, необходим «правильный» ключ.

Вера в существование подобных разрывов является специфической чертой той жизненной конфигурации, которую мы называем модерном, или новым временем, и которую Латур сделал предметом исследования в своем антропологическом проекте⁶. Именно для осуществления антропологии «наиболее современных» практик он в 1975 году и отправился исследовать лабораторию⁷. Негативная (или методологическая) часть данного проекта была заявлена в 1991 году в манифесте «Нового времени не было». Гипотеза книги состоит в следующем: «Слово „нововременное“ обозначает две совокупности совершенно различных практик... Первая совокупность практик создает посредством „перевода“ (*traduction*) такие смешения, в которые входят существа совершенно нового типа, гибриды природы и культуры. Вторая совокупность посредством „очищения“ создает две совершенно различные онтологические зоны, одну из которых составляют люди, другую — нечеловеки (*non-humains*)» (Латур, 2006: 74).

6. Задумка этого проекта возникла в 1973–1975 годы, когда Латур, чтобы избежать воинской службы, отправился работать в город Абиджан республики Кот-д’Ивуар. Там он участвовал в проекте по исследованию факторов, которые определяют неравномерное распределение профессионального успеха между выходцами из Кот-д’Ивуара и приезжими французами. Латур вспоминал: «Я сразу понял, что если при решении этой проблемы буду использовать схему борьбы между модернизацией и архаичностью, то ничего не смогу понять. Но в то же время я осознавал, что альтернативной схемы не было, так как мы не знали, как в терминах этнографии описать смысл понятий „рациональный“, „эффективный“, „компетентный“, „прибыльный“ — всех тех качеств, которые, по мнению экспатриантов, отсутствовали у коренного населения. <...> Асимметрия была ужасающей: Белые антропологизировали Черных — да, именно так, но они избегали антропологизации самих себя» (Латур, 2017б: 222).

7. Однако зарождение такого направления, как исследования науки и технологий (STS), а также сотрудничество с Мишелем Каллоном и Джоном Ло сместили траекторию самого Латюра и отвлекли его от столь претензионного проекта (особенно важную роль тут сыграли споры внутри самих STS). В этом смысле проект Латюра выходит за рамки исключительно STS и даже науки как таковой, а ANT — это, скорее, промежуточный, нежели конечный пункт пути Латюра. Хотя, вероятно, ANT — это наиболее «STS-ная» и наиболее научная часть его проекта.

Остановлюсь подробнее на понятии перевода, т. к. это основное понятие у Латура⁸. Оно проистекает из философии Мишеля Серра, у которого перевод — это установление связи между двумя сущностями, трансформирующее обе сущности (Serres, 1983). Важно подчеркнуть, что перевод предполагает установление отношения до существования этого отношения, перевод — это всегда установление нового отношения, и потому он связан с высоким уровнем неопределенности, т. к. может кончиться неудачей.

Теоретическая модель перевода выглядит следующим образом: есть некоторый агент, имеющий определенную цель, которой он не может достичь своими силами ввиду какого-либо препятствия. В такой ситуации он может либо отказаться от этой цели, либо попытаться достичь её обходным путем (*detour*), через обращение к другим агентам, не важно, человеческим или нечеловеческим⁹. Вместе они могут либо пойти к первоначальной цели, либо выбрать другие цели. Возвращение к первоначальной цели — это лишь один из возможных сценариев (рис. 1). «Результат этих усилий нельзя предсказать заранее. Природа опосредования — неопределенность» (Кузнецов, 2012: 70).

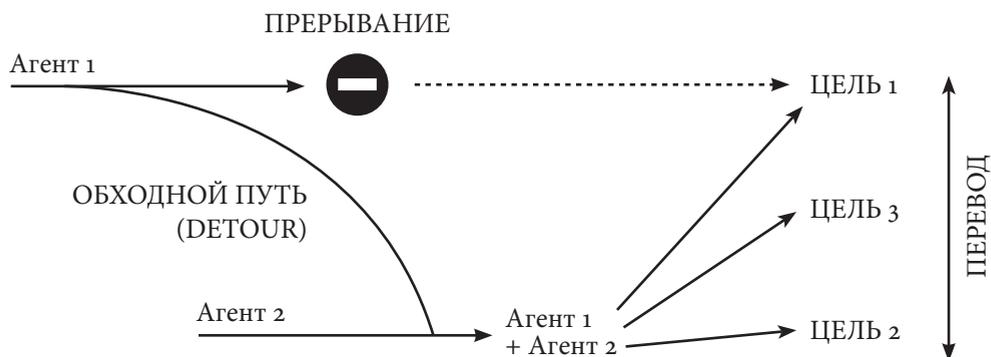

Рис. 1. Перевод¹⁰

Идея преодоления препятствия подразумевает возможность неудачи. Преодолевая препятствие и обращаясь к другим, всегда есть риск уйти совсем в другом

8. Представляя свой проект в этой работе, он пишет: «Нашим вожатым является понятие перевода, или сети. Это понятие — более гибкое, чем понятие „система“, более историческое, чем понятие „структура“, более эмпирическое, чем понятие „сложность“, — становится нитью Ариадны для всех наших запутанных историй» (Латур, 2006: 61–62).

9. Сам Латур приводит в качестве примера следующую ситуацию: «Если агент человек в порыве гнева хочет отомстить и если что-то препятствует выполнению цели агента по какой бы то ни было причине (возможно, агент недостаточно силен), тогда агент делает обход, отклонение от курса... Агент 1 обращается за помощью к Агенту 2, в данном случае к оружию. Агент 1 вербует оружие или завербован им (первое или второе — не имеет значения), и третий агент появляется из слияния первых двух» (Latour, 1994: 32).

10. Взято из: Latour, 1994: 32.

направлении от первоначальной цели. В этой связи в поздних работах Латур вводит понятие разрыва (*hiatus*), обозначающее ситуацию, когда в текущем состоянии сущность или актор существовать дальше не может, необходимо преодолеть препятствие или разрыв. Если исследователь обращает внимание на эти разрывы и на то, как они преодолеваются, это помогает ему проследить некоторую траекторию переводов/переключений/обращений сущности к чему-то еще (Latour, 2013: 39). В понимании Латура, существование — это постоянное преодоление разрывов, постоянная медиация. Понятие разрыва подчеркивает неопределенность и рискованность перехода от состояния в момент времени x_1 к состоянию в момент x_2 , а также подчеркивает, что существование не происходит автоматически, для этого необходимо проделывать некоторую работу. С этим и связан риск существования: каждая сущность находится под угрозой исчезновения, хотя сами риски и способы их преодоления различаются.

Частично идею разрыва Латур почерпнул из этнометодологии, довольно специфически прочитав работы Гарольда Гарфинкеля. Как однажды написал Латур, «гений этнометодологии берет свое начало в открытии того, что всякий порядок действия, даже самый обычный, постоянно прерывается очень маленьким разрывом, требующим от актора, оснащенного собственными микрометодами, изобретательного акта восстановления порядка. Как неуклюжий сотрудник лаборатории, я непреднамеренно умножал опыты этих „разрывов“, лишь оттенявших с таким трудом приобретенные компетенции моих товарищей» (Латур, 2017б: 226). Для раннего Гарфинкеля основанием социального порядка являются конститутивные ожидания, позволяющие воспринимать порядок как нормальный; «действие этих конститутивных ожиданий в играх или в повседневных ситуациях служит важным условием стабильных черт согласованных действий» (Гарфинкель, 2009: 20). Когда ожидания нарушаются, происходит разрыв порядка, что требует задействования методов нормализации порядка и восстановления конститутивных ожиданий. В определенном смысле Латур практиковал создание таких разрывов в своих исследованиях науки. Например, в «Лабораторной жизни» есть описание ситуации, когда некий новичок задавал ученым вопросы, ответы на которые казались им само собой разумеющимися. «С определенного момента настойчивое вопрошание новичка о „вещах, которые всем известны“ расценивалось как социально неприемлемое» (Вулгар, Латур, 2012: 214). Еще более явно этот прием используется в работе «Наука в действии», где Латур вводит риторическую фигуру спорщика, который постоянно задает ученым очевидные, с их точки зрения, вопросы. В этой связи Латур говорит о критических упражнениях (*breaching exercise*) (Latour, 1988: 208), делая аллюзию на критические эксперименты Гарфинкеля.

Таким образом, перевод предполагает, во-первых, высокий уровень неопределенности в отношении его успешности и последствий. Во-вторых, как видно из описания этого понятия, для Латура акторы не самодостаточны: ни одной сущности недостаточно самой себя для того, чтобы продолжать свое собственное су-

ществование. Вторую практику нововременных — очищение¹¹ — Латур ассоциирует с критикой, поскольку критика предполагает замену множества элементов каким-либо одним, к примеру, «капитализмом», «обществом» и т. п. Например, Луи Пастер обращался к множеству союзников — к другим ученым, гигиенистам и др., но в итоге научный прорыв был присвоен непосредственно Пастеру, хотя без всех этих союзников он бы не смог достичь таких результатов. Критика занимается очищением, устранением непосредственной работы по производству фактов и артефактов, устранением истории их создания. Практика перевода производит гибриды, практика очищения — чистые формы; она дистиллирует «то, что ей предоставляет работа по умножению гибридов» (Латур, 2006: 133).

Новое время предполагает рассмотрение этих практик отдельно и асимметрично: «Нововременные появились на свет благодаря связи, существующей между работой очищения и работой медиации, но только в первой они видят залог своего успеха» (Латур, 2006: 113). Научное объяснение представляет собой яркий тому пример. Оно методично устраняет работу, произведенную для решения проблемы действия на расстоянии, а затем приписывает всю силу элементу, который был получен в результате этой работы, как если бы этот элемент изначально и двигал весь процесс. Так появляется объясняющее и объясняемое, субъект и объект, природа и общество и другие «чистые регионы». Проблема заключается в следующем: при отсутствии адекватного представительства гибриды вырываются наружу, что приводит к последствиям, которые нельзя разрешить, разделяя такие регионы, как природа, общество, экономика, политика и т. п.¹²

Новая конституция

Предыдущее рассуждение приводит к следующему вопросу: получается, если мы хотим объяснить нечто, то нам нужна практика очищения? Не совсем. Важная часть реформы того, что Латур назвал нововременной конституцией, состоит в том, чтобы «рассматривать работу очищения в качестве частного случая медиации» (Латур, 2006: 148). Значит ли это, что Латур предлагает отказаться или даже разрушить базовые оппозиции модерна, такие как субъект и объект, природа и общество и др.? Опять же не совсем. Мы продолжаем жить в этих оппозициях, они играют важную роль в современном мире, и от них нельзя так просто отказаться. Однако Латур выделяет два способа репрезентации этих оппозиций: первый начинается с чистых регионов и учитывает только работу очищения; при втором способе очищение — это лишь конечный этап цепи переводов. «Первый способ — редукционистский, так как владеть одним элементом списка А равносильно тому, чтобы владеть всеми элементами списка В. Второй я называю не-редукционистским или ирредукционистским, поскольку он прибавляет работу редукции ко всему осталь-

11. Или всё то же «забывание» (из более ранних работ по исследованиям науки).

12. Например, в экологическом кризисе замешаны все эти, казалось бы, чистые регионы; его нельзя разрешить, оставаясь только в одном из них.

ному вместо того, чтобы вычитать все остальное, когда редукция осуществлена» (Латур, 2012б: 124).

Латур придерживается второго способа и, вопреки распространенному мнению, не стремится разрушить или отместить базовые оппозиции модерна, но «обходит их с фланга, чтобы реконституировать, или пересобрать, т.е. показать рутинные причины их возникновения, устройство и практические последствия» (Кузнецов, 2016: 44). Для этого Латур предлагает «вернуться немного назад, чтобы развернуть интеллектуальное пространство, достаточно просторное для того, чтобы в нем одновременно нашли себе место задачи по очищению и осуществлению медиации» (Латур, 2006: 135). Но что значит вернуться немного назад? Данное высказывание отсылает к методу контроверз, который является одним из краеугольных камней STS (Pinch, Leuenberger, 2006).

Метод контроверз возник в конце 1970-х — начале 1980-х годов в качестве инструмента для исследования производства научных фактов. Основная идея состоит в следующем: чтобы понять, как нечто стало научным фактом, нужно вернуться назад в момент времени, когда есть несколько конкурирующих гипотез и ученые находятся в ситуации спора относительно их истинности. Исследование необходимо начать с ситуации, где граница между истинностью и ложностью еще не установлена, и анализировать, как она возникает — как появляется асимметрия и как нечто оказывается истиной или ложью. Иными словами, чтобы понять производство асимметрий/порядка, нужно начать с симметрии или хаоса¹³.

Заострение внимания исследователей науки и технологий на ситуациях контроверзы привело к тому, что Латур назвал «счастливым крахом социологии науки» (Латур, 2014: 132). В сущности, речь идет о сильной программе Дэвида Блур, предполагающей экспансию социологии на новые земли — на содержание научного знания (Блур, 2002). Однако исследование ситуаций неопределенности сначала в лаборатории, а потом и за её пределами показало, что объективное и субъективное, факты и артефакты, причина и следствие — классические атрибуты объяснения, к которым так стремились социальные ученые — являются итогом научного процесса, а не его отправной точкой. «Заслугой исследований науки и подобных ей отраслей социологии стало то, что был поколеблен стандарт, сравнение с которым делало их маргинальными или просто „частными“» (Латур, 2014: 140). Латур берет на вооружение сам прием — не исходить из оппозиций/различий, а смотреть на ситуации, в которых эти оппозиции конституируются — и переносит его на все другие различия (человеческое/нечеловеческое, микро/макро, общество/природа и др.), тем самым перестраивая всю социальную теорию¹⁴. Именно по-

13. Частично это связано с влиянием этнометодологии, в частности, её тезиса о том, что порядок — это достижение, что порядок не объясняет действия акторов, а является практическим достижением самих акторов. В этом аспекте ANT обнаруживает «множество практических связей с этнометодологией... Универсальность или порядок — это не правило, а исключение, требующее объяснения» (Латур, 2017в: 177).

14. В некотором роде эмпирические исследования естественных наук привели к необходимости перестройки наук социальных. Вулгар в этой связи вводит понятие рефлексивной этнографии, кото-

этому социальное объяснение оказывается невозможным; социальное — это не то, с помощью чего можно объяснить нечто, но то, что само требует ирредукционистского объяснения. Разделение на природу и общество — итог пути, а не его начало, это итог очищения гибридов¹⁵.

В более поздних работах вместо контроверзы Латур начинает использовать термины «предмет беспокойства» (*matter of concern*)¹⁶ (Latour, 2005) и «вещь» (Latour, 2004b: 233). Все три выражения указывают на одни и те же ситуации неопределенности границ и исхода дела, которые становятся у Латура стратегической точкой исследований¹⁷. Поэтому он называет свой подход социологией неопределенности, социологией, которая начинает с неопределенности, начинает с отсутствия четких границ между природой и обществом и другими оппозициями модерна, но, следуя за работой перевода и очищения, приходит к определенности. Ситуации неопределенности, или контроверзы, оказываются тем самым интеллектуальным пространством, способным вместить одновременно природу и общество, субъекты и объекты и т. п. Обращаясь к этим ситуациям, мы «перестаем быть абсолютно современными» (Латур, 2006: 114).

Таким образом, Латур стремится пересобрать базовые оппозиции модерна, переосмыслить их через следование за цепочками переводов, в результате которых эти оппозиции или чистые регионы становятся возможны. Это приводит Латура к переосмыслению самого модерна и определению его как совокупности не чистых регионов или сфер, а режимов существования. Идея режима существования предполагает наличие множества материалов (ими может быть все что угодно: идеи, звезды, бумага и т. п. (Latour, 2013: 209)) и различных способов связи этих материалов. «Латура интересуют исключительно переключения, дифференциалы между материальными репертуарами, описываемые в терминах инскрипции, перевода, медиации» (Кузнецов, 2016: 46). Режим существования — это некоторый способ связи абсолютно любых материалов, и в этом смысле режим существования можно понимать как режим перевода со своими специфическими разрывами и способами их преодоления. Проект исследования режимов существования Латура — попытка выделить или классифицировать различные типы траекторий, различные типы движений между материальными репертуарами. Акторно-сетевая теория, предположительно, также является одним из режимов существования. В этой связи встает вопрос о том, как ANT соотносится с режимом науки, или

рая предполагает, что объект исследования STS имеет рефлексивное значение для самих STS (Woolgar, 1982).

15. Само слово «гибрид» не слишком удачно, т. к. предполагает, что сначала имеется нечто чистое, что затем смешивается, в то время как Латур предполагает гибридов изначально.

16. Вероятно, к термину «контроверза» в STS семантически прикрепилось прилагательное «научная», поэтому для указания на схожие ситуации за пределами науки Латур взял более гибкий термин из дипломатии. Первой версией этого понятия было *state of affairs*, как следует из черновика текста, опубликованного на сайте Латура (Latour, 2004a).

17. О перипетиях использования этих терминов Латуром см.: Кузнецов, 2015.

циркулирующей референции, который, решая проблему действия на расстоянии, производит объяснения.

Следуя за объяснениями акторов

Отказ от асимметричного рассмотрения практик медиации и очищения приводит к следующему, вероятно, решающему вопросу: «Должны ли мы что-либо объяснять?.. Ответ — „нет“, но с некоторыми оговорками... Не следует стремиться к идеалу объяснения не только потому, что он недостижим, но и потому, что он вообще не является желанной целью» (Латур, 2012б: 126). Подобно джину, который дает не то, что человек хочет, а то, что тот просит, Латур точно отвечает на заданный вопрос, но дьявол кроется в оговорках. Акторно-сетевой теоретик не должен ничего объяснять, поскольку объяснение — это не то, что исследователь привносит в мир; мир полон объяснений и без исследователя. Акторы сами способны объяснить свои действия и действия других акторов; задача ANT — следовать за этой их деятельностью. Это рассуждение подводит к главному правилу ANT: следовать за акторами.

Данное правило необходимо рассматривать в связи с понятием контроверзы/предмета беспокойства и логически вытекающим из него агностицизмом. Чтобы исследовать контроверзу, необходимо анализировать то, как формируется граница между какими-либо оппозициями, а не исходить из этой границы изначально. Эта методологическая установка в некоторой степени агностическая: мы не должны заранее полагать, что знаем, каков мир и кто его населяет. Как пишет Латур: «Мы не знаем, как устроен мир. Но это не повод не начать. Ведь другие, по видимому, это знают и постоянно занимаются тем, что определяют окружающих их акторов, то, чего они хотят, причиной чего они становятся, а также способы их ослабить или привлечь на свою сторону» (Латур, 2015: 40). Если исследователь с самого начала самостоятельно не исходит из каких-либо асимметрий (различий, иерархий и т. п.), ему приходится следовать за асимметриями, которые вносят и поддерживают сами акторы. Таким образом, следовать за актором — означает следовать за тем, что Латур в более поздних работах назвал практической метафизикой акторов. Установление метафизики — задача не исследователя, но самих акторов, они «сами устанавливают свои теории, свои метатеории и даже свои метаметатеории, акторов необходимо предоставить самим себе. Это *laissez-faire* социология» (Latour, 1996a: 170).

Практическая метафизика — это не столько строгий теоретический концепт, сколько определенная установка по отношению к акторам и миру, в чем-то схожая с требованием «уважения к изучаемому эмпирическому миру» Герберта Блумера¹⁸ (Blumer, 1969: 34). У Латура эта установка имеет различные истоки.

18. На то, что позиция Латура в целом гомологична прагматизму, указывает, например, Говард Беккер в интервью Кеннету Пламмеру (Plummer, 2003). Подробнее о сходствах и различиях между акторно-сетевой теорией и символическим интеракционизмом см.: Кузнецов, 2014.

Во-первых, понятие практической метафизики Латура является переосмыслением того, что Гарфинкель называл практическим социологическим мышлением. Если для последнего все акторы — непрофессиональные социологи (Гарфинкель, 2003: 9), владеющие методами опознания, осмысления, обнаружения социальной структуры, то для Латура все акторы — еще и непрофессиональные философы. В первом приближении речь идет об эпистемологическом эгалитаризме в отношении исследователя и исследуемых: у первого нет никаких особенных методов или способностей, принципиально недоступных вторым¹⁹. Метафизика названа «практической», поскольку разворачивается акторами не в качестве чего-то отстраненного, но всегда в связи с чем-либо конкретным: деятельностью, событиями, ситуациями, по отношению к которым акторы разворачивают определенную метафизику. Они определяют, объясняют, описывают то, что происходит в данном конкретном случае. Если этимологически метафизика — это «то, что после физики», то в данной концепции физики не существует в чистом виде как единственно верной и окончательной: всё есть метафизика. Все акторы одинаково способны разворачивать метафизику — оценки, описания, объяснения мира и других акторов. Различия между описаниями (или метафизиками) — эффект, а не изначальное свойство, они возникают в связи с теми режимами существования, в которые акторы оказались вовлечены. Любое описание — лишь одно из возможных, одно-разовая метафизика, которая может распространиться и быть принята многими акторами. Данная установка призывает изначально не разделять описания на научные/ненаучные, истинные/ложные и т. п., а вместо этого следить за тем, как выстраиваются эти различия описаний. Задача исследователя — дать метафизикам акторов раскрыться, а не ограничивать их (например, концептуализируя тем или иным образом). ANT предполагает большую свободу акторов и малую свободу исследователя; первым можно все, вторым почти ничего.

Во-вторых, идея практической метафизики связана с семиотикой Греймаса, которая фокусируется на траектории производства значения (Hoestaker, 2005). Латур заимствует данное понимание семиотики и, разрабатывая свой проект материальной семиотики, определяет её как «изучение того, как создается значение, но слово „значение“ понимается в его изначальной не-текстуальной и не-лингвистической интерпретации; каким образом прокладывается одна-единственная привилегированная траектория из неопределенного количества

19. Подобно тому, как Гарфинкель уравнивает исследователя и исследуемых в отношении наличия у них социологических способностей, Латур уравнивает их в отношении наличия способностей метафизических, перенося задачу определения того, каков мир, на плечи акторов и следуя за их «миросозидающей деятельностью». Схожий ход также осуществляют другие важные для Латура авторы Люк Болтански и Лоран Тевено, которые переносят способность критики на плечи акторов и делают её предметом исследования, таким образом переходя от критической социологии к социологии критической способности. Поэтому ANT и социологию критической способности нередко объединяют в одно направление — французскую прагматическую социологию. Томас Бенатуил выделяет следующие ее черты: плюрализм режимов действия, создание для них различных моделей систематизации, принцип следования за акторами и внимание к нечеловеческим сущностям (Bénatouil, 1999).

возможностей; в этом смысле семиотика — изучение построения порядка или прокладывания пути» (Akrich, Latour, 1992: 259). Способность прокладывать значение, вносить различие в траекторию производства значения оказывается фундаментальным по отношению к природе свойством акторов — «если какой-то актор не создает различия, то это не актор» (Латур, 2014: 183). Важно подчеркнуть, что различия, вносимые акторами, носят не когнитивный, а онтологический характер; прокладывание значений/асимметрий меняет мир²⁰. Это также означает, что любое объяснение, в том числе научное, небезразлично к самому миру (это еще одна коннотация практичности метафизики): например, жизнь микробов изменилась после Пастера.

В этой связи следовать за практическими метафизиками акторов — значит следовать за теми различиями, которые проводят акторы, например, за тем, как они различают истинное/ложное, успешное/неуспешное, природное/социальное и т. д., подобно тому, как персонажи внутри текста взаимно определяют друг друга. В семиотическом смысле следовать за акторами — значит следовать за траекторией сюжета производства научного факта, технического артефакта или чего-либо еще, следовать за тем, как акторы преломляют, смещают сюжет. Это задает важное методологическое правило: границы сюжета, разворачивающегося вокруг предмета исследования, и, соответственно, границы самого исследования задают акторы, а не исследователь. Семиотика Греймаса делает точкой фокусировки сам текст, запрещая выход за его пределы (к интенциям писателей и читателей, а также к внешним референтам); все, что нужно семиотику, есть в самом тексте, в тех сюжетных перипетиях, которые в нем разворачиваются (Греймас, Курте, 1983: 494). Подобным образом Латур фокусируется на тех перипетиях (или переводах), которые происходят между акторами, и запрещает себе выход за их пределы, например, самостоятельно приписывая им какие-либо качества или вводя какой-либо контекст, кроме того, который создают сами акторы²¹.

Итак, что же значит главное правило ANT — следование за практическими метафизиками акторов? Оно требует от исследователя определенного агностицизма: он/она не должен думать, что знает, каков мир и сущности, населяющие его; вместо этого необходимо следовать за тем, как эти вопросы проясняют сами акторы. Единственным метафизическим допущением самого Латура о мире является наличие акторов (и их практических метафизик), а все остальное необходимо оставить самим акторам. ANT является способом движения, или путешествия, между

20. Как указывает Мария Ерофеева, в ANT происходит «стирание грани между исследовательской позицией и онтологией мира» (Ерофеева, 2015а: 30).

21. Для Греймаса текст в некотором смысле содержит в себе весь мир. Подобным образом Латур рассматривал лабораторию в своей первой работе: он следовал за тем, какие связи лаборатория устанавливает с другими сущностями, как она их понимает, что входит в лабораторию и что из нее выходит. Это разновидность монадологического мышления: лаборатория оказывается монадой, преломляющей через себя весь мир, собирающей целый мир под определенным углом. В этой связи понятен интерес Латура к Тарду и различные параллели между Латуром и Лейбницем.

практическими метафизиками акторов; она фокусируется на той траектории/сюжете, которые разворачиваются вокруг и по поводу предмета беспокойства.

Таким образом, задача исследователя — следовать за практическими метафизиками акторов, не заменяя их своими, но дополняя и комментируя. Благодаря допущению, что мир уже различён (или объяснен) акторами, становится возможным объяснение социолога, поскольку для Латура объяснение исследователя всегда будет идти вместе с объяснениями самих акторов. Его подход — это не теория акторских сетей, а теория, которая выстраивается акторно-сетевым методом, то есть движется от одного актора к другому. Исследователь, как и акторы, прокладывает траекторию в процессе своего исследования, поэтому объяснение исследователя завязано на той траектории, которую он прошел, на тех акторах, между которыми он двигался. Соответственно, оно может быть проложено по-разному, и в этом смысле Латур говорит об одноразовых объяснениях: в следующий раз исследователь может проложить другой путь, в буквальном смысле обратиться к другим информантам, пойти в другие места и выстроить другое описание²². Повторение какой-либо траектории всегда вносит различие, это никогда не повторение той же самой траектории. Как пишет Латур: «Все происходит только один раз и в одном месте» (Латур, 2012а: 3).

Данный способ объяснения носит ненаучный и ненововременной характер. «Ненаучный», потому что ANT не занимается решением проблемы действия на расстоянии — она признает расстояние между ситуацией А и В, показывает, как это расстояние создается и преодолевается акторами, решающими проблему действия на расстоянии. Такой способ объяснения предполагает, что списки объясняемого и объясняющего равны, сколько одного, столько и другого, и поэтому текст в духе ANT носит характер истории, о чем речь пойдет далее. «Ненновременной», потому что он отвергает нововременную конституцию, предполагающую асимметричное рассмотрение работы медиации и очищения, а также изначальное разделение природы и общества. Этот способ объяснения отталкивается от простого тезиса: все сущности имеют историю или сюжет, давайте это и проследим. Такова та политика объяснения, на которой строится стратегия описания Латура.

22. Вероятно, в этом вопросе также имеет место влияние идей Шарля Пеги; изучением его творчества Латур занимался в студенческие годы, а в 1973 году прочитал лекцию об одном из его произведений (Schmidgen, 2014: 13). Лекция была посвящена преимущественно проблеме повторения. Повторять для Пеги — значит учреждать уникальное и особенное, придавая тем самым свежесть предыдущим актам повторения. Повторение никогда не есть точное воспроизведение предыдущего, оно скорее может быть определено как своеобразное поведение по отношению к другому событию, уникальному и неповторимому. «Как говорил Пеги, не праздник Федерации чувствуется или представляет взятие Бастилии, но взятие Бастилии заранее празднует и повторяет все Федерации; так первая белая кувшинка Моне повторяет все остальные», — пишет Делёз (Делёз, 1998: 14).

Как рефлексировать историю происхождения текста: метарефлексивность

Как пишет Латур, ANT «переносит центр тяжести теории на запись, а не на специфические формы, подлежащие записи» (Латур, 2017в: 185). Соответственно, появляется следующий вопрос: какие тексты необходимо писать, исходя из реконструированной выше политики объяснения, или как эта политика объяснения реализуется в определенной стратегии описания? Для начала еще раз подчеркнем уже высказанный тезис: любое описание есть результат множества трансформаций/медиаций/мобилизаций. Любой текст пишется в ситуации А о чем-то в ситуации В. Слегка упрощая, можно сказать, что текст является результатом множества действий его автора; подобное трудно отрицать, поскольку любой автор знает: тексты, к сожалению, не пишутся сами собой. К этой истории происхождения текста можно относиться двояко или, скорее, её можно рефлексировать двумя способами. Под рефлексивным Латур понимает «любой текст, который учитывает собственное производство и таким образом устраняет вредное воздействие на читателей, состоящее в том, что тексту верят слишком много или слишком мало» (Латур, 2012б: 128).

Первый способ, или метарефлексивность, представляет собой попытку не учитывать историю происхождения текста или сделать её неважной, используя специфические приемы, которые якобы устраняют влияние ситуации производства текста на сам текст. Формально устранить этот зазор между миром и его описанием можно двумя способами: либо устранить мир, оставив лишь текст, который тогда ни к чему не отсылает (решение деконструктивизма), либо устранить текст, элиминировать дистанцию между миром и его описанием, утверждая тем самым, что описание не транспортирует и не деформирует мир, но дает доступ к самому миру (решение этнометодологии). Согласно Латуру, метарефлексивность предполагает потенциальное неравенство способов описания перед описываемым миром. «Деррида полагает, что текст может избежать удела присутствия, а Гарфинкель, кажется, верит, что сообщение в конце концов может избежать удела отсутствия. За этими противоположными рефлексивными заявлениями стоит наивная и неукротимая вера в возможность написания более правдивых текстов» (Там же: 130).

Хотя Латур, подобно этнометодологам, утверждает, что операции, осуществляемые исследователем и исследуемыми, принципиально ничем не отличаются (Lynch, 1985: 6), все же имеются различия в том, на что эти операции направлены, в их траекториях движения, а также в ресурсах, на которые они опираются. То, что является ресурсом актора, не может быть ресурсом аналитика. Последний не может использовать различия, которыми пользуется актер, поскольку исследователя должно интересовать то, как эти различия использует актер. В связи с этим отличаются их направления движения и траектории. ANT как специфический режим существования предполагает движение в сторону ситуации предмета беспокойства, генерируя неопределенность. Наука же как режим существования

предполагает противоположное направление: ученый стремится сконструировать научный факт, упорядочить хаос. Это еще раз указывает на то, что ANT не является научным проектом в том понимании науки, которое предлагает Латур.

Цели ученого и исследователя науки различаются (хотя операции одни и те же). Повторение траектории исследуемых акторов означало бы натурализацию — стать тем, кого исследуешь; в сущности, это именно то, к чему стремится этнометодология (Garfinkel, 2002: 176). Однако для Латура это значит, во-первых, перестать быть аналитиком, т. к. став тем, кого ты исследуешь, ты отказываешься от задачи исследования, за исключением тех случаев, когда такой анализ является практической задачей акторов, но, как правило, перед участниками практики не стоит задача исследования собственной практики. Во-вторых, это означает потерю свободы движения между практическими метафизиками акторов, поскольку исследователь уже не может следовать за различиями, которые используют акторы, ему приходится самому использовать их как ресурс.

Соответственно, хотя Латур, подобно этнометодологам, говорит о том, что в самой практике (или, на языке Латура, в самой сети) есть ресурсы её описания (практические метафизики акторов), исследователь всегда некоторым образом трансформирует эти ресурсы (осуществляет перевод). Исследователь на своем пути также вступает с акторами в отношения (как это делают они сами), он не наблюдает за ними откуда-то извне. «Наблюдатель — чем бы он ни был — обнаруживает себя на равных со всеми остальными системами отсчета... Миростроитель среди миростроителей» (Латур, 2017в: 190). В этой связи Латур говорит о том, что написание текста подобно постановке эксперимента: в тексте акторы встречаются в таком составе и таким образом, что подобные встречи были бы маловероятны в мире. Точно так же в лаборатории очищаются, выделяются и перемешиваются сущности, которые могли бы не соприкоснуться за пределами лаборатории²³. «Хороший текст никогда не бывает непосредственным портретом того, что он описывает, — потому что он вообще не портрет. Он всегда часть некоего искусственного эксперимента по воспроизведению и усилению следов, оставленных испытанием» (Латур, 2014: 191). Вопрос в том, как рефлексировать эту искусственность и как писать тексты, учитывающие историю собственного происхождения.

Инфрарефлексивность и инфразык: до вместо после

Второй способ рефлексировать историю происхождения текста Латур называет инфрарефлексивностью. «Инфра»²⁴ (до) тут противопоставляется «мета» (после); это значит, что ANT занимает позицию на месте действий до того, как образуются субъекты/объекты, общество/природа и т. п., то есть ANT начинает с неопределен-

23. Схожую идею высказывает Люк Болтански, указывая, что текст — это некоторое место, где автор сталкивает акторов; тексты — это лаборатории социальных ученых (Boltanski, 2012).

24. «Инфра» буквально означает «находящееся ниже», здесь это надо понимать как происходящее прежде, до, безотносительно рефлексии.

ности/контroversы. Инфрарефлексивность предполагает следующую стратегию описания: «Если все курсируют между А и В, озабочены тем, как установить (или не устанавливая) связи, как воспроизвести (или не воспроизвести) одну ситуацию в другой, то почему бы не принять эту деятельность за нашу цель: предъявить познающего, познаваемое и работу, необходимую, чтобы разорвать или создать связи между А и В? Я называю это *не-научным* способом изучения как естественных, так и социальных наук. Я также полагаю, что это возможное определение инфрарефлексивности» (Латур, 2012б: 137). Несколько витиеватое определение, по сути, означает следующее: если у текста есть история, то именно её и нужно описать, описать тот путь, который прошел исследователь в своих поисках от начала до конца. То есть «предъявить познающего, познаваемое и работу, необходимую, чтобы разорвать или создать связи» — значит описать, как исследователь вступал в отношения с акторами, как и почему двигался от одного к другому. Отсюда и призывы Латура: «Описывайте, пишите, описывайте, пишите» то, что вы делаете и как двигаетесь (Латур, 2014: 209)²⁵.

Подобное описание не предполагает действия на расстоянии и властного объяснения, а потому не является научным, о чем речь шла выше. Тут отсутствует очищение тех переводов, которые осуществил исследователь, а значит, отсутствует единый, сильный персонаж, объясняющий всех остальных. В таком описании объяснение распределено по всему пути исследователя, оно слабо, а списки объясняемого и объясняющего оказываются равны. «Этот вид объяснения, как правило, обладает литературными чертами истории» (Латур, 2012б: 118). Последнее указывает на то, что данная стратегия описания приводит к нарративизации текста.

Тут важно заметить, что Греймас, на семиотику которого опирается Латур, понимает под нарративом любую временную последовательность действий/событий/трансформаций (Beetz, 2013: 5). Любое исследование также носит характер последовательности, т. к. исследователь не может быть сразу в двух местах, но двигается от одного к другому. Инфрарефлексивность предполагает «самоиллюстрирование вместо самореференции. Гораздо проще достичь необходимой рефлексивности, если придерживаться самоиллюстрирующих принципов анализа. Это означает, что наш рассказ не требует для себя привилегий» (Латур, 2012б: 134). То есть текст, произведенный ANT, — это иллюстрация траектории, которую прошел ANT-исследователь. Соответственно, самоиллюстрация траектории исследования также будет носить характер нарратива, некоторой последовательности. Поэтому Латур пишет, что «благодаря такой позиции мы получаем куда больше признаков хорошей истории, чем предлагают рефлексивисты» (Там же: 137).

Текст в духе ANT организован нарративно; в этом состоит важное отличие ANT от семиотики Греймаса. «Тексты семиотика, в отличие от текстов новеллиста, могут, но не обязаны быть организованы нарративно. Если новеллист ограничен

25. Этот призыв отдаленно напоминает характерное для этнографических исследований описание того, как исследователь(ца) входил в поле, с какими проблемами он/она сталкивался и т. п., хотя это лишь частичное сходство.

требованиями создания связного, внутренне реалистичного и направленного нарратива, то семиотик не связан этими ограничениями. Его работы могут быть не нарративами, но аналитическими словарями, — архитектурами, а не историями» (Кузнецов, 2018: 95). То есть семиотик может описывать нарратив ненарративно, он может двигаться по тексту в любых направлениях, перепрыгнуть в середину или конец и т. п. Однако выходя за пределы текста и двигаясь между текстами и акторами, исследователь теряет эту свободу перемещения и возможность перепрыгивания. ANT предполагает большую свободу акторов и почти никакой свободы исследователя: следуя за акторами, он зависит от них.

Одновременно с этим, прослеживая траектории акторов, исследователь прокладывает и свою собственную траекторию, сквозь пути других. В этом и состоит кредо, предлагаемое Латуром: все в мире имеет свою историю, давайте будем следовать за этой историей, но при этом будем рефлексивны тому, какую историю порождает мы сами в процессе исследования, через написание текстов, иллюстрирующих наш путь²⁶. Именно поэтому хороший ANT-текст — это текст, «который прослеживает сеть» (Латур, 2014: 181), сеть в семиотическом смысле, то есть тот сюжет или траекторию, которую прочертил исследователь в процессе исследования траекторий других акторов.

Опираясь на авторов семиотического поворота, Латур указывает, что нет никакого универсального способа связи между знаком и референтом, а значит, важно не то, какие слова используются для описания, а то, как выстраивается описание²⁷. Таким образом, критерием описания в духе ANT оказывается не использование конкретных слов, будь то актер, перевод, сеть, но определенная организация описания. Язык ANT — это инфра-язык, где «инфра» отсылает нас к ситуации «до»: до того, как проведено исследование, до того, как исследователь прошел определенный путь, есть актер, медиация, сеть и т. п.; в тексте место этих слов занимают конкретные персонажи и взаимоотношения между ними²⁸. К примеру, в работе о Пастере Латур скрещивает социологию с бактериологией: «Я говорю о пастерианцах таким же образом, каким они говорят о микробах» (Latour, 1993: 148). Он использует терминологию, встречающуюся в текстах пастерианцев; как правило,

26. Частично это связано с принципом рефлексивности Блур, которому Латур радикально следует. Изначально Блур сформулировал его следующим образом: «Социология знания должна быть рефлексивной. В принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии. <...> Это очевидное требование, так как в противном случае социология являла бы собой опровержение собственных теорий» (Блур, 2002: 5–6).

27. Помимо этого, Латур еще сильнее нарративизирует свои тексты, сближает науку и литературу, помещая внутрь текста персонажа — наблюдателя (Latour, Woolgar, 1986), спорщика (Latour, 1988), профессора социологии (Latour, 1996a) (все это альтер эго самого Латура), — который на протяжении текста двигает повествование. Во многих его книгах буквально есть протагонист, за движением которого наблюдает читатель.

28. Поэтому Латур несколько раз сравнивал ANT с «рисованием по законам перспективы из-за особого сходства с перспективой как пустой конструкцией, строго определенной, но не имеющей иной задачи, кроме как исчезнуть, как только картине позволено развернуть собственное пространство» (Латур, 2017a: 209).

она носит несколько милитаристский характер (например, «пункт обязательного прохождения сил» и т. п.). Публичные эксперименты Пастера описываются Латуром как способ инфицировать французское общество «бациллой» бактериологии, а его лаборатория — как своеобразный «патоген», способный адаптироваться к новым условиям и распространяться всеми доступными путями.

Итак, ANT предполагает определенную организацию повествования в тексте, и важно рассмотреть, на каких принципах строится эта организация и какое практическое значение они имеют для выстраивания описания. Как уже было подчеркнуто, правило следования за актором означает следование не за актором как таковым, а за его практическими метафизиками — за различениями, определениями, оценками, которые он разворачивает. В плане организации повествования это значит, что путь протагониста (ход повествования) определяют сами акторы, они указывают, куда двигаться. Поэтому как важный критерий Латур называет следующий: «Позволяется ли понятиям акторов доминировать над понятиями исследователей, или же звучит только речь исследователя?» (Латур, 2014: 46). Данный критерий еще раз указывает на идею инфразыка: конкретные слова, используемые в тексте, задаются исследуемым случаем, а не метаязыком исследователя. Однако это не значит, что описание должно состоять из цитат акторов, самих цитат может вообще не быть. Задача автора текста — развернуть практические метафизику акторов (развернуть тот мир, который они строят), двигать повествование между ними и некоторым образом комментировать или дополнять их.

Это также значит, что автор не должен писать текст так, будто он знает, чем закончится исследуемая история. Исследование процессов конструирования научных фактов, технологических артефактов и т. п., как правило, носит ретроспективный характер, и в тексте необходимо выстроить повествование таким образом, чтобы не создавалось ощущения, будто исход истории предрешен заранее, или, по крайней мере, стоит показать, что ситуация могла сложиться иначе. То есть в тексте необходимо воссоздать неопределенность относительно возможного исхода дела; в этом и состоит практическая реализация принципа симметрии/неопределенности²⁹. Читатель не знает, куда его заведет писатель, — писатель не знает, куда его заведут акторы.

В связи с этим становятся понятны два других важных принципа организации описания. Во-первых, в тексте «все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их» (Латур, 2014: 181). ANT следует принципу «чеховского ружья»: каждый элемент повествования должен быть необходим. Каждый персонаж в тексте должен каким-то образом влиять на траекторию сюжета. «Если какой-то актер не создает различия, то это не актер» (Латур, 2014: 183), и, соответственно, его можно не включать в описание. Из этого правила вытекает другое — отсутствие «прыжков

29. Любопытно, что Дик Пелс вводит термин «симметризм» для обозначения соответствующей тенденции в целом в исследованиях науки и технологий (Pels, 1996).

и разрывов» (Латур, 2014: 285) в описываемой траектории. Речь идет о некоторой непрерывности и конкретности описания: если вводится новый персонаж/актор, то необходимо описание тех конкретных процедур и действий, посредством которых он связан с другими актерами. Автор не может по собственному желанию вводить в текст сущности, которые никак не релевантны для исследуемых акторов. Где именно сюжет заканчивается или где стоит прекратить описание, определяется практической метафизикой исследуемых акторов, тем, что для них релевантно. В одной из работ Латур достаточно четко обозначил это правило: «Как только чье-то имя было упомянуто, ты звонишь ему, договариваешься о встрече и идешь на него смотреть» (Latour, 1996a: 38). Именно акторы определяют движения исследователя, они указывают: персонаж идет, таким образом, прочерчивается актер-сеть, описание которой представляет собой текст в духе ANT.

Процесс создания ANT-текста в чем-то схож с тем, как мы пользуемся «Википедией»: мы начинаем с определенной статьи, отсылающей ко многим другим статьям, к которым мы переходим, чтобы понять ту статью, с которой начали; при этом разные статьи могут противоречить друг другу. В результате движения по ссылкам рождается траектория, которую и необходимо описать в тексте через самоиллюстрацию. Эта самоиллюстрация необязательно должна быть детальной (в смысле той детальности описания, которую можно обнаружить в описаниях этнометодологов); отдельные элементы могут быть изменены или даже приукрашены в литературных целях, но эта иллюстрация должна проследивать траекторию исследователя. Описание этого движения всегда будет локальным, одноразовым, уникально адекватным пути, пройденному исследователем в своих изысканиях, а не исследуемой практике, как в случае этнометодологии. Другой исследователь может пройти другую траекторию, и, соответственно, его самоиллюстрация будет иной, поскольку он начнет с других акторов, которые могут увести его в другую сторону. Поэтому невозможно какое-либо абсолютное описание или объяснение, подобно тому, как невозможен только один путь.

Таким образом, политика объяснения Латура и следующая из нее стратегия описания, предполагает средний путь между тем, чтобы, объясняя нечто, выходить на метауровень, и тем, чтобы использовать только объяснения самих акторов. Этот средний путь состоит в разработке некоторых принципов описания, которые бы не приводили ни к замене языка акторов языком социолога, ни к простому повторению языка акторов. Такое описание предполагает операцию дополнения или комментирования объяснений акторов вместо операции замены. Инфразык ANT содержательно ничего не говорит о мире, но определенным образом организует описание мира, это пустой шаблон, на который каждый раз необходимо заново наносить карту местности. Конкретные слова могут различаться, важна сама грамматика описания. Именно поэтому исследование в духе ANT может быть и историческим (Латур, 2015), и этнографическим (Latour, 2009), и смешанным (Latour, 1996a).

Заключение

В настоящем тексте была предпринята попытка представить ANT как метод организации описания, подвергнув историческому и концептуальному анализу политику объяснения Латура и вытекающую из нее стратегию описания. Первое не может жить без второго, ведь как бы ни был изощрен и сложен способ объяснения, он все равно реализуется в тексте через определенные литературные приемы. Проследив за перипетиями латуровской мысли, обобщим изложенное и в риторических целях зададим Латуру три основных, по мнению Иммануила Канта, вопроса философии, тем более что Латур называет то, чем занимается, эмпирической философией.

«Что я могу знать?» Лишь то, с чем я вступил в отношения, к чему я имею доступ, путь к чему оплатил ценой собственных действий. Больше никаких априорных сущностей вроде общества или социальной структуры; больше никаких литературных персонажей, с которыми взаимодействуют одни лишь социологи в своих текстах; больше никакой изощренной фантазии великих мыслителей. Я могу знать лишь то, что узнал в процессе исследования, ничего больше. Это метафизический вопрос, и при ответе на него я ограничен метафизикой тех, за кем следовал на своем пути.

«Что я должен делать?» Всего-навсего описывать этот путь, описывать то, как я двигался, выбирал следующий пункт названия, описывать тех Вергилиев, что упорядочивали мое путешествие в хаосе этого мира. Это моральный вопрос, и главными добродетелями должны стать честность в описании (честно описывай, где ты был и что видел), а также уважительное отношение к миру изучаемых акторов (уважай их слова и поступки, а не пытайся заменить своими). Это одновременно и проще и сложнее. Проще потому, что все, что требуется от исследователя, — описывать траекторию своего исследования, не прибегая к изобретению дополнительных сущностей. Сложнее потому, что эту траекторию придется проложить, то есть провести исследование.

«На что я могу надеяться?» Только лишь на акторов, на их способность прокладывать пути/значение/порядок, а также на то, что они меня куда-то приведут, куда именно, не знаю, в этом вся загадка, но надеюсь, что приведут. Это религиозный вопрос, и я верю только в то, что мир населен множеством различных сущностей со своими собственными практическими метафизиками, которые ничуть не лучше и не хуже тех, о которых столько толкуют ученые. Все остальное — вопрос исследования.

Остался еще один, возможно, самый главный вопрос, собственно, эта статья с него и началась: «Зачем нужен еще один текст, посвященный акторно-сетевой теории?» В дискуссиях о работах Латура можно заметить один парадокс: основные и, вероятно, наиболее значимые его тексты представляют собой эмпирические исследования, но большая часть споров в отношении них носит скорее теоретический, чем методологический характер. Латур известен исследованиями лаборато-

рии, деятельности Луи Пастера, технологической системы Арамис и ряда других вещей, но, как правило, обсуждается, *что* Латур делал, а не *как* он это делал, хотя для него первое неотделимо от второго. Ввиду этого понятно, почему так мало эмпирических исследований, где в полной мере реализуется потенциал АНТ. Ударившись в анализ теоретической составляющей творчества Латура, мы поразительно мало внимания уделили её практической стороне. Именно поэтому и важно исследование данного аспекта программы Латура — как он предлагает двигаться в процессе исследования и описывать это движение.

Литература

- Астахов С. С. (2015). Метафизическая интерпретация акторно-сетевой теории и ее ограничения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. С. 118–124.
- Блур Д. (2002). Сильная программа в социологии знания / Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // Логос. № 5/6. С. 1–24.
- Вахштайн В. С. (2005). Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 94–115.
- Гарфинкель Г. (2003). Что такое этнометодология? / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 3. № 4. С. 3–25.
- Гарфинкель Г. (2009). Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 8. № 1. С. 10–51.
- Греймас А. Ж., Курте Ж. (1983). Семиотика: объяснительный словарь теории языка / Пер. с франц. В. П. Мурат // Степанов Ю. С. (ред.). Семиотика. М.: Радуга. С. 483–551.
- Делёз Ж. (1998). Различие и повторение / Пер. с франц. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. СПб.: Петрополис.
- Ерофеева М. А. (2015а). Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. № 1. С. 17–36.
- Ерофеева М. А. (2015б). О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. № 4. С. 51–71.
- Кузнецов А. Г. (2012). Медиа и онтология вещей // Медиафилософия VIII. Медиафилософия: междисциплинарное поле исследований. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. С. 65–85.
- Кузнецов А. Г. (2013). «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: МВСШЭН. С. 62–75.

- Кузнецов А. Г. (2014). Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и «зона обмена» // Социология власти. № 1. С. 64–74.
- Кузнецов А. Г. (2015). Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // Социология власти. № 1. С. 55–89.
- Кузнецов А. Г. (2016). Транспортные медиации — формы машинного и материалы человеческого // Этнографическое обозрение. № 5. С. 40–52.
- Кузнецов А. Г. (2018). Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // Логос. № 5. С. 85–112.
- Латур Б. (2006). Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д. Калугина под ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2007). Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова // Социологическое обозрение. Т. 6. № 2. С. 79–96.
- Латур Б. (2012а). Ирредукции (неопубликованный перевод). URL: https://vk.com/doc9046581_114363951?hash=7138bdb7885faf12de&dl=f4586e8cdo747a8255 (дата обращения: 24.07.2017).
- Латур Б. (2012б). Политика объяснения: альтернатива / Пер. с англ. А. Кузнецова // Социология власти. № 8. С. 113–143.
- Латур Б. (2013). Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федоровой под ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: ВШЭ.
- Латур Б. (2015). Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб.: Изд-во ЕУСПб.
- Латур Б. (2017а). АСТ: вопрос об отзыве / Пер. с англ. Н. Кочинян // Логос. № 1. С. 201–216.
- Латур Б. (2017б). Биография одного исследования: к работе о модулах существования / Пер. с англ. А. Лобановой, С. Гавриленко // Логос. № 1. С. 217–244.
- Латур Б. (2017в). Об акторно-сетевой теории: некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. № 1. С. 173–200.
- Латур Б., Вулгар С. (2012). Лабораторная жизнь: конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию / Пер. с англ. А. Кузнецова // Социология власти. № 6–7. С. 178–234.
- Напреенко И. (2013). Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура // Социология власти. № 1/2. С. 75–98.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017). Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. № 1. С. 1–40.
- Руденко Н. И. (2015). Российский Actor-Network-Theory, 2006–2015: попытка библиографии. URL: https://vk.com/doc57898489_437282018?hash=dd8338d66a2a14ead6&dl=56113f3d09b9cee5e3 (дата обращения: 24.01.2017).

- Хархордин О. В. (2008). Латур: практики и сети // Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб: Изд-во ЕУСПб. С. 243–261.
- Akrich M., Latour B. (1992). A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies // Bijker W., Law J. (eds.) Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change. Cambridge: MIT Press. P. 259–264.
- Beetz J. (2013). Latour with Greimas: Actor-Network Theory and Semiotics. URL: https://www.academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics (дата обращения: 08.07.2017).
- Bénatouil T. (1992). Comparing Sociological Strategies: The Critical and the Pragmatic Stance in French Contemporary Sociology // European Journal of Social Theory. Vol. 2. № 3. P. 379–396.
- Blumer H. (1969). Symbolic Interactionism: Perspective and Method. Berkeley: University of California Press.
- Boltanski L. (2012). Love and Justice as Competences: Three Essays on the Sociology of Action. Cambridge: Polity.
- Callon M. (1986). The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle // Callon M., Law J., Rip A. (eds.) Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. Basingstoke: Macmillan. P. 19–34.
- De Vries G. (2016). Bruno Latour. Cambridge: Polity.
- Evarts S. (2011). Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory (B.A. Thesis). Brown University.
- Garfinkel H. (2002). Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Harman G. (2009). Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics. Melbourne: Re.press.
- Hoestaker R. (2005). Latour: Semiotics and Science Studies // Science Studies. Vol. 18. № 2. P. 5–25.
- Latour B. (1988). Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996a). Aramis; or, The Love of Technology. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996b). On Actor-Network Theory: A Few Clarifications plus More than a Few Complications. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/P-67%20ACTOR-NETWORK.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).
- Latour B. (1990). Drawing Things Together // Lynch M., Woolgar S. (eds.). Representation in Scientific Practice. Cambridge: MIT Press. P. 19–69.
- Latour B. (1993). The Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1994). On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy // Common Knowledge. Vol. 3. № 2. P. 29–64.
- Latour B. (1999). Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge: Harvard University Press.

- Latour B.* (2004a). From «Matters of Facts» to «States of Affairs»: Which Protocol for the New Collective Experiments? URL: <http://www.bruno-latour.fr/node/372> (дата обращения: 08.04.2017).
- Latour B.* (2004b). Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry*. Vol. 30. № 2. P. 225–248.
- Latour B.* (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. New York: Oxford University Press.
- Latour B.* (2009). *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat*. Cambridge: Polity.
- Latour B.* (2010). Coming Out as a Philosopher // *Social Studies of Science*. Vol. 40. № 4. P. 599–608.
- Latour B.* (2013). *An Inquiry into Modes of Existence*. Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B., Woolgar S.* (1986). *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press.
- Law J.* (1999). After ANT: Complexity, Naming and Topology // *Law J., Hassard J.* (eds.). *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell. P. 1–14.
- Law J.* (1992). Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity // *Systems Practice*. Vol. 5. № 4. P. 379–380.
- Law J.* (1997). Traduction/Trahison: Notes on Actor-Network Theory // *TMV Working Paper*. № 106. P. 1–26.
- Lynch M.* (1985). *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Michael M.* (2016). *Actor-Network Theory: Trials, Trails and Translations*. London: SAGE.
- Mol A.* (2002). *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham: Duke University Press.
- Pels D.* (1996). The Politics of Symmetry // *Social Studies of Science*. Vol. 26. № 2. P. 277–304.
- Pinch T., Leuenberger C.* (2006). Studying Scientific Controversy from the STS Perspective. URL: https://www.researchgate.net/profile/Christine_Leuenberger/publication/265245795_Studying_Scientific_Controversy_from_the_STS_Perspective/links/564a881d08ae44e7a28dcofo.pdf (дата обращения: 08.04.2017).
- Plummer K., Becker H. S.* (2003). Continuity and Change in Howard S. Becker's Work: An Interview with Howard S. Becker // *Sociological Perspectives*. Vol. 46. № 1. P. 21–39.
- Schmidgen H.* (2014). *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*. New York: Fordham University Press.
- Serres M.* (1983). *Hermes: Literature, Science, Philosophy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Tresch J.* (2013). Another Turn after ANT: An Interview with Bruno Latour // *Social Studies of Science*. Vol. 43. № 2. P. 302–313.

Woolgar S. (1982). Laboratory Studies: A Comment on the State of the Art // *Social Studies of Science*. Vol. 12. № 4. P. 481–498.

The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-reflexive Texts

Aleksandr Shirokov

PhD Student, Graduate School of Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: needeeds@gmail.com

The article is an attempt to interpret Bruno Latour's Actor-Network Theory (ANT) as a recording device or, in other words, as a way of translating the world into a textual form. In directly posing the question of what ANT is and what it means to be an actor-network theorist, the author shows that this, first of all, means writing specific texts. If we accept such a version of what ANT is, then the question is how Latour proposes to write texts. His strategy of description is based on certain politics of explanation. Like any other politics, the politics of explanation is based on certain principles or credo; in this case, these principles are related to the influence of the semiotics, ethnomethodology, and results of what Latour called the anthropology of the modern. This text, on the one hand, analyzes how Latour selectively borrows elements of semiotics and ethnomethodology in developing his policy of explanation. On the other hand, the author shows how this politics of explanation is implemented in practice in a specific description strategy. The author concludes that Latour's politics of explanation and the subsequent description strategy presupposes an average path between two extremes. The first extreme is the output to the meta level, and the second is the use of only the explanations of the actors themselves. This middle path consists of the development of certain principles of description that would not lead either to the replacement of the language of actors by the language of a sociologist, or to a simple repetition of the language of actors. The ANT infra-language does not say anything meaningful about the world, but, in a certain way, organizes a description of the world as it is as an empty template which must be re-applied each time. It is for this reason that it is possible for historical, ethnographic, and mixed ANT-research.

Keywords: Bruno Latour, actor-network theory, explanation, description, modes of existence, science and technology studies, infra-reflexivity

References

- Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. *Shaping Technology/Building Society: Studies in Sociotechnical Change* (eds. W. Bijker, J. Law), Cambridge: MIT Press, pp. 259–264.
- Astakhov S. (2015) Metafizicheskaya interpretatsiya aktorno-setevoi teorii i ee ogranicheniya [Metaphysical Interpretation of Actor-Network Theory and Its Limitations]. *Humanities of the Russian Far East*, no 3, pp. 118–124.
- Beetz J. (2013) Latour with Greimas: Actor-Network Theory and Semiotics. Available at: https://www.academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics (accessed 8 July 2017).
- Bénatouil T. (1992) Comparing Sociological Strategies; the Critical and the Pragmatic Stance in French Contemporary Sociology. *European Journal of Social Theory*, vol. 2, no 3, pp. 379–396.

- Bloor D. (2002) Sil'naja programma v sociologii znaniya [The Strong Programme in the Sociology of Knowledge]. *Logos*, no 5-6, pp. 1-24.
- Blumer H. (1969) *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*, Berkeley: University of California Press.
- Boltanski L. (2012) *Love and Justice as Competences*, Cambridge: Polity.
- Callon M. (1986) The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World* (eds. M. Callon, J. Law, A. Rip), Basingstoke: Macmillan, pp. 19-34.
- De Vries G. (2016) *Bruno Latour*, Cambridge: Polity.
- Deleuze G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition], Saint Petersburg: Petropolis.
- Erofeeva M. (2015) Aktorno-setevaya teoriya i problema sotsial'nogo dejstviya [Actor-Network Theory and Problem of Social Action]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 17-36.
- Erofeeva M. (2015) O vozmozhnosti aktorno-setevoy teorii dejstviya [On the Possibility of Actor-Network Theory of Action]. *Sociology of Power*, no 4, pp. 51-71.
- Evarts S. (2011) *Translating the Translators: Following the Development of Actor-Network Theory* (B.A. Thesis), Brown University.
- Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*, Lanham: Rowman & Littlefield.
- Garfinkel H. (2009) Konceptcija i jeksperimental'nye issledovanija "doverija" kak usloviya stabil'nyh soglasovannyh dejstvij [A Conception of, and Experiments with, "Trust" as a Condition of Stable Concerted Actions]. *Russian Sociological Review*, vol. 8, no 1, pp. 10-51.
- Garfinkel H. (2003) Chto takoe jetnometodologija? [What is Ethnomethodology?]. *Russian Sociological Review*, vol. 3, no 4, pp. 3-25.
- Greimas A.J., Courtés J. (1983) Semiotika: objasnitel'nyj slovar' teorii jazyka [Semiotics: Dictionary of Language Theory], *Semiotics*. Moscow: Raduga, pp. 483-551.
- Harman G. (2009) *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*, Melbourne: Re.press.
- Hoestaker R. (2005) Latour: Semiotics and Science Studies. *Science Studies*, vol. 18, no 2, pp. 5-25.
- Kharhordin O. (2008) Latur: praktiki i seti [Latour: Practices and Networks]. *Teoriya praktik* [Theory of Practices], Saint Petersburg: EU Press, pp. 243-261.
- Kuznetsov A. (2012) Media i ontologiya veshhej [Media and the Ontology of Things]. *Mediafilosofiya VIII. Mediafilosofiya: mezhdistsiplinarnoe pole issledovanij* [Mediophilosophy VIII. Mediophilosophy: An interdisciplinary Field of Research], Saint Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, pp. 65-85.
- Kuznetsov A. (2013) "Paradigma Latura": istoriya odnogo predatel'stva sotsial'nogo konstruktivizma v issledovaniyakh nauki i tekhnologij ["The Latour Paradigm": The Story of One Betrayal of Social Constructivism in Science and Technology Studies]. *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii: "granitsy" v sotsial'nykh naukakh: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii* [Vectors of Modern Russia Development: "Boundaries" in the Social Sciences: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference], Moscow: MSSES, pp. 62-75.
- Kuznetsov A. (2014) Simvolicheskij interaktsionizm i aktorno-setevaya teoriya: tochki peresecheniya, puti raskhozhdeniya i "zona obmena" [Symbolic Interactionism and the Actor-Network Theory: Points of Intersection, Paths of Divergence and the "Trading Zone"]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 64-74.
- Kuznetsov A. (2015) Latur i ego "tekhnolog": veshhi, objekty i tekhnologii v aktorno-setevoy teorii [Latour and His "Technologist": Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 55-89.
- Kuznetsov A. (2016) Transportnye mediatsii: formy mashinnogo i materialy chelovecheskogo [Transport Mediations: Machine Forms and Materials of Human]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 5, pp. 40-52.
- Kuznetsov A. (2018) Metod Latura: semiotika mezhduraznitsami literaturoj i naukoj [Latour's Method: Semiotics between Literature and Science]. *Logos*, no 5, pp. 85-112.
- Latour B. (1988) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, Cambridge: Harvard University Press.

- Latour B. (1990) Drawing Things Together. *Representation in Scientific Practice* (eds. M. Lynch, S. Woolgar), Cambridge: MIT Press, pp. 19–69.
- Latour B. (1993) *The Pasteurization of France*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1994) On Technical Mediation: Philosophy, Sociology, Genealogy. *Common knowledge*, vol. 3, no 2, pp. 29–64.
- Latour B. (1996) *Aramis; or, The Love of Technology*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (1996) On Actor-Network Theory: A Few Clarifications plus More than a Few Complications. Available at: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/P-67%20ACTOR-NETWORK.pdf> (accessed 11 October 2018).
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2004) From "Matters of Facts" to "States of Affairs": Which Protocol for the New Collective Experiments? Available at: <http://www.bruno-latour.fr/node/372> (accessed 8 April 2017).
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225–248.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, New York: Oxford University Press.
- Latour B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo: jesse po simmetrichnoj antropologii* [We Have Never Been Modern], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2007) Ob interobjektivnosti [On Interobjectivity]. *Russian Sociological Review*, vol. 6, no 2, pp. 79–96.
- Latour B. (2009) *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010) Coming Out as a Philosopher. *Social Studies of Science*, vol. 40, no 4, pp. 599–608.
- Latour B. (2012) Politika objasnenija: al'ternativa [The Politics of Explanation: An Alternative]. *Sociology of Power*, no 8, pp. 113–143.
- Latour B. (2012) Irredukcii [Irreductions] (unpublished Russian translation). Available at: https://vk.com/doc9046581_114363951?hash=7138bdb7885faf12de&dl=f4586e8cdo747a8255 (accessed 24 July 2017).
- Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence*, Cambridge: Harvard University Press.
- Latour B. (2013) *Nauka v dejstvii: sleduja za uchenymi i inzhenerami vntri obshhestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: HSE.
- Latour B. (2015) *Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: War and World of Microbes, with the "Irreductions"], Saint Petersburg: EU Press.
- Latour B. (2017) AST: vopros ob otzyve [On Recalling ANT]. *Logos*, no 1, pp. 201–216.
- Latour B. (2017) Biografija odnogo issledovanija: k rabote o modusah sushhestvovanija [Biography of an Inquiry: On a Book About Modes of Existence]. *Logos*, no 1, pp. 217–244.
- Latour B. (2017) Ob aktorno-setevoj teorii: nekotorye razjasnenija, dopolnennye eshhe bol'shimi uslozhenijami [On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More than a Few Complications]. *Logos*, no 1, pp. 173–200.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton: Princeton University Press.
- Latour B., Woolgar S. (2012) Laboratornaja zhizn': konstruirovanie nauchnyh faktov. Glava 2. Antropolog poseshhaet laboratoriju [Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Chapter 2. Anthropologist Visits the Laboratory]. *Sociology of Power*, no 6-7, pp. 178–234.
- Law J. (1992) Notes on the Theory of the Actor-Network: Ordering, Strategy, and Heterogeneity. *Systems Practice*, vol. 5, no 4, pp. 379–380.
- Law J. (1997) Traduction/Trahsion: Notes on Actor-Network Theory. *TMV Working Paper*, no 106, pp. 1–26.
- Law J. (1999) After ANT: Complexity, Naming and Topology. *Actor Network Theory and After* (eds. J. Law, J. Hassard), Oxford: Blackwell, pp. 1–14.
- Lynch M. (1985) *Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*, London: Routledge & Kegan Paul.

- Michael M. (2016) *Actor-Network Theory: Trials, Trails and Translations*, London: SAGE.
- Mol A. (2002) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*, Durham: Duke University Press.
- Napreenko I. (2013) Semioticheskij povorot v STS: teoriya referenta Bruno Latoura [Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's Theory of Referent]. *Sociology of Power*, no 1-2, pp. 75–98.
- Pels D. (1996) The Politics of Symmetry. *Social Studies of Science*, vo. 26, no 2, pp. 277–304.
- Pinch T., Leuenberger C. (2006) Studying Scientific Controversy from the STS Perspective. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Christine_Leuenberger/publication/265245795_Studying_Scientific_Controversy_from_the_STS_Perspective/links/564a881d08ae44e7a28dcofo.pdf (accessed 8 April 2017).
- Pisarev A., Astakhov S., Gavrilenko S. (2017) Aktorno-setevaya teoriya: nezavershennaya sborka [Actor-Network Theory: An Unfinished Assemblage]. *Logos*, no 1, pp. 1–40.
- Plummer K., Becker H. S. (2003) Continuity and Change in Howard S. Becker's Work: An Interview with Howard S. Becker. *Sociological Perspectives*, vol. 46, no 1, pp. 21–39.
- Rudenko N. (2015) Rossijskij Actor-Network-Theory, 2006–2015: popytka bibliografii [Russian Actor-Network-Theory, 2006–2015: An Attempt at a Bibliography]. Available at: https://vk.com/doc57898489_437282018?hash=dd8338d66a2a14ead6&dl=56113f3d09b9cee5e3 (accessed 24 January 2017).
- Schmidgen H. (2014) *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography*, New York: Fordham University Press.
- Serres M. (1983) *Hermes: Literature, Science, Philosophy*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Tresch J. (2013) Another Turn after ANT: An Interview with Bruno Latour. *Social Studies of Science*, vol. 43, no 2, pp. 302–313.
- Vakhshain V. (2005) Vozvrashhenie material'nogo: "prostranstva", "seti", "potoki" v aktorno-setevoj teorii [Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 94–115.
- Woolgar S. (1982) Laboratory Studies: A Comment on the State of the Art. *Social Studies of Science*, vol. 12, no 4, pp. 481–498.

Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски*

Ирина Троцук

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Профессор, кафедра социологии, Российский университет дружбы народов
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Принципиальным отличием социально-гуманитарных дисциплин от технических и естественнонаучных являются частотные пересечения их терминологии с повседневным лексиконом. Лишь ряд таких понятий имеет в социологическом дискурсе и обыденном употреблении кардинально различающиеся трактовки (яркий пример — «поле» и «панель», обозначающие для любого представителя нашей дисциплины определенные характеристики социологического исследования, а не места работы представителей двух древнейших в истории человечества профессий). Большая же часть совпадающих понятий обыденного лексикона и социологической терминологии имеет схожее содержание. Несколько особняком в этой группе стоит «справедливость» и ее производные, поскольку вряд ли какие-то иные понятия столь же предельно насыщены политическими коннотациями и требуют столь же мало пояснений, когда упоминаются в социально-экономических спорах или военных конфликтах. Слово «справедливость» так широко используется во всех «жизненных мирах» (оказываясь одновременно конструктом «первого» и «второго порядка» в шютцевской модели), что ему крайне сложно дать однозначное концептуальное и операциональное определение в социологическом исследовании. Статья задумывалась как рецензия на книги П. Проди «История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права» и А. Сена «Идея справедливости», призванная уточнить контуры концептуального определения справедливости, однако превратилась в дополненные теоретическими и эмпирическими примерами размышления о том, почему подобные поиски в социологии важны и неизбежны, но вряд ли когда-либо завершатся, что, впрочем, не делает их бессмысленными — скорее, утопическими и необходимыми для самопозиционирования научной дисциплины посредством постоянных сомнений в собственных концептуальных основаниях.

Ключевые слова: справедливость, несправедливость, ценность, рациональность, социальный порядок, кризис справедливости, идеальная модель, Иэн Моррис, Юн Эльстер, Паоло Проди, Амартия Сен

© Троцук И. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-218-249

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Между политической теологией и экспрессивным символизмом: дискурсивные формации позднего модерна как вызов социальному порядку», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

Томас Гоббс писал в «Левиафане»: «Только глупец может сказать от чистого сердца, что не существует ничего такого, как справедливость». Следуя за Гоббсом, замечу, что заявления о смерти идеи справедливости являются преждевременными, ибо идея эта сегодня воспринимается вполне неплохо.

(Штомпка, 2017: 381)

Мы приходим в волнение, причем не без оснований, когда замечаем в мире не отсутствие полной справедливости, которой мы, как правило, и не ждем, а обычные устранимые несправедливости, с которыми хотим покончить.

(Сен, 2016: 11)

Как ни странно, учитывая многочисленные концептуальные обозначения различных обыденного и научного знания, социологи явно полагают, что понятие «справедливость» общезначимо и может выступать критерием оценки самых разных аспектов современной жизни. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения, внушительный список тематик которых можно получить на сайтах российских социологических центров, задав в поисковом запросе слово «справедливость». Например, в августе 2018 года 65% опрошенных сочли российское общество в целом устроенным несправедливо (по 61% в марте 2017 года и в ноябре 2011 года), противоположного мнения — о справедливом устройстве — придерживаются 22% (с 2017 года показатель не изменился — 23%, а с 2011 года значительно вырос — 12%, что вряд ли можно интерпретировать как рост числа уверенных в справедливости российской социальной системы) (ФОМ, 2018). Каждый второй полагает, что «в последние три-четыре года в российском обществе в этом отношении ничего не изменилось», каждый десятый уверен, что российское общество стало более справедливым, 27% — наоборот, что менее.

Примечательно, что за последние десять лет незначительно колебались оценки нынешней ситуации по сравнению с советским периодом 1970–1980-х годов: каждый второй полагает, что сегодня общество устроено менее справедливо, каждый пятый — что, наоборот, более справедливо. 62% считают, что справедливость общества зависит в первую очередь от властей, 25% — что от граждан. 37% затруднились ответить на открытый вопрос, что следует делать гражданам, чтобы общество стало более справедливым (хотя каждый второй за последние несколько лет сталкивался с социальной несправедливостью по отношению к себе лично, а чаще всего сталкиваются с несправедливостью, по мнению опрошенных, пожилые люди — 62% и бедные, малоимущие — 19%). Среди ответов лидируют варианты «отстаивать свои права, участвовать в митингах, акциях протеста» (13%), «сменить власть» (7%, что предсказуемо, если 61% считает, что власти в принципе не могут сделать российское общество более справедливым, а 77% — что в стране несправедливо распределяются доходы от продажи природных богатств) и «ничего нельзя сделать» (7%) наряду с «быть самим более справедливыми, честными, со-

блюдать законы» (6%), «быть активнее, инициативнее» (5%), «отзывчивее, добрее друг к другу» (4%) и т. д.

Безусловно, это очень важные вопросы, но насколько мы уверены, что в повседневной жизни люди столь часто размышляют и обсуждают проблемы справедливости, что прекрасно понимают, о чем идет речь в вопросах, могут отследить уровень справедливости во временной перспективе и применительно к разным социальным аспектам, единообразно понимают критерии справедливости и дают им «объективные» (компетентные) оценки? А ведь по результатам мониторинговых замеров социологи делают серьезные выводы, например, что россияне перестали романтизировать западное общество — стали чаще высказывать мнение, что наше общество устроено справедливее (42% против 26% считающих, что на Западе справедливости больше [ФОМ, 2017]; в 2011 году соотношение было обратным — 16% к 47% [ФОМ, 2011]). Причем справедливость в 2000–2013 годы входила в список наиболее важных для россиян понятий (ее называл каждый третий) наряду с безопасностью, достатком, миром и стабильностью (лидирует в подобных рейтингах неизменно семья — свыше 65%) (ФОМ, 2013б). Но только половина работавших считала, что получает справедливое денежное вознаграждение за свой труд (соответствующее объему и сложности работы), а чувство несправедливости (несоответствия труда и вознаграждения) испытывали 43% работавших, и тем острее, чем ниже была заработная плата (ФОМ, 2013в). В последнем случае критерии справедливости более «эмпирически очевидны», чем когда речь идет об обществе в целом, но и здесь необходимо учитывать общие социальные настроения (например, каждый второй считал несправедливой единую ставку налогов и одобрил бы введение прогрессивной системы налогообложения) (ФОМ, 2013а). Сегодня 45% россиян называют в качестве основной неудачи президентства В. В. Путина неспособность обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей (Левада-Центр, 2018), которые определяются средним уровнем жизни в стране, параметрами социальной дифференциации, ее отражением в средствах массовой информации и т. д.

Дополнительной проблемой социологической оценки справедливости является ее лингвистическое «измерение»: как правило, в повседневной жизни мы говорим не о справедливости, а о честности, особенно когда речь идет о нарушениях некоторого правильного положения дел. Соотношение честности и справедливости в русском языке четко не определено: судя по опросам общественного мнения, справедливость воспринимается как более узкое понятие, один из компонентов честности. Так, отвечая на открытый вопрос, что значит быть честным человеком, 56% назвали правдивость (не обманывать, говорить правду), 12% уточнили, что правдивым человек должен быть и с самим собой, только 9% упомянули справедливость (как синоним порядочности, совестливости) (ФОМ, 2014).

В качестве небольшого разведывательного исследования нами был проведен опрос одной группы студентов четвертого курса, заканчивающих в этом учебном году обучение по специальности «социология» (теоретически они вскоре

пополняют ряды социальных исследователей, включая тех, что занимаются изучением общественного мнения). Поскольку нас интересовали представления о справедливости, а не конформные мнения, к которым мы все склонны, когда видим в анкете вопросы с ожидаемыми вариантами ответов, опрос включал в себя три блока: неоконченные предложения (респонденты должны были дописать их окончания — собственные варианты ответов); модифицированный тест «Двадцати Я» (респондентам предлагалось написать десять самоопределений, отвечая на вопрос «Кто Я?», и десять самоопределений «от противоположного» — завершая высказывание «Я — не...»); задание опросить по аналогичной методике одного студента-не-социолога¹.

Первый блок состоял из шести неоконченных предложений, комбинирующих разные «определения» справедливости: «Справедливость — это...»; «Справедливый человек никогда не...»; «Несправедливость — это...»; «Несправедливый человек всегда...»; «Определение “справедливый” можно использовать только по отношению к...»; «Несправедливость бывает...». Второй блок (тест двадцати самоопределений) был включен в опрос, чтобы проверить гипотезу, что понятие «справедливый/несправедливый» настолько нетипично для обыденного дискурса, что даже после завершения и в контексте методики неоконченных предложений никто из респондентов не будет использовать понятия справедливости/несправедливости. Эта гипотеза подтвердилась: только один респондент-социолог указал в блоке самоопределений «Я — не» «несправедливый», и один не-социолог написал в столбце «Кто Я?» «справедливый». Один респондент отказался выполнить первое задание — завершить неоконченные предложения — с формулировкой: «Я не могу это написать, я не пользуюсь этими словами».

Не претендуя ни на какие серьезные обобщения, представим результаты простейшей контент-аналитической обработки завершений неоконченных предложений: они были сгруппированы по критерию сходства содержания; в качестве «названий» групп используются формулировки респондентов; приведены лишь наиболее частотные варианты; мы понимаем условность относительных частот, учитывая незначительное число респондентов, но они нужны для наглядности и простоты восприятия. Оба понятия — «справедливость» и «несправедливость» — оказались достаточно сложными (встречались определения «плохо», «подло», «хорошо», «жизнь» и т. п.), и в обоих случаях нет ярко выраженного модального значения. Справедливость — это прежде всего «соответствие деяния и воздаяния» (каждый четвертый понимает справедливость как дистрибутивную) (см.: Штомпка, 2017: 381–399), на втором месте — с одной стороны, абстрактные «равенство» и «понятие о должном», с другой — «честность» и «моральные правила» (более восьми упоминаний, что в два раза чаще «верховенства закона»). Схожим образом респонденты определили несправедливость: каждый пятый (по

1. Всего было опрошено 42 человека — 21 социолог и 21 не-социолог, но существенных различий между двумя группами не обнаружилось; вероятно, репрезентативный опрос с квотами по группам специальностей представит иные данные, но наш опрос носил иллюстративный характер.

20%) считает, что это «несоответствие деяния и воздаяния» (отсутствие дистрибутивной и ретрибутивной справедливости) или «необъективная оценка (других, обстоятельств, ситуации)» (отсутствие атрибутивной справедливости), на втором месте — «несоответствие морали» и определение «от противного» — «несправедливость — это противоположность справедливости» (по девять упоминаний). Несправедливость респонденты воспринимают фаталистично: каждый третий охарактеризовал ее как повсеместную (вечную), каждый пятый — как оправданную (простительную, полезную) и типичную для межличностных отношений, на третьем месте ее определения как чудовищной, закономерной и социальной (по семь упоминаний).

Количество схожих ответов возрастает, когда мы переходим на «личный» уровень: справедливым респонденты считают человека, который никогда «не поступит дурно/плохо по отношению к другому» (каждый третий), «не ставит себя выше других/не руководствуется только своими желаниями» и «не нарушает требования морали/этики» (каждый пятый), «не оценивает субъективно (других, обстоятельства)», «не лжет» и «не осуждает других (виновных, невиновных)» (свыше восьми упоминаний). Черты несправедливого человека явно соотносятся с образом справедливого — он всегда «выбирает ложь, обман» и «выносит поспешные суждения» (по восемь упоминаний), но главное, он всегда «руководствуется только своими мнениями/интересами/выгодой» (58%). Респонденты считают, что определение «справедливый» можно использовать только по отношению к людям (67%) (лишь пять человек назвали законы, никто не упомянул государство, общество и пр.), многие уточняли, к каким именно людям (честным, хорошим, ответственным, умным и т. д.).

Если сослаться на три уровня проявления идеи справедливости в обществе, выделенные П. Штомпкой (Штомпка, 2017: 384), — общий нравственный принцип, задающий социально признаваемый или желательный характер поведения (элемент морального или морально-правового дискурса), закрепляемая в кодексах правовая норма (законы и юридические нормы более низкого ранга) и успешность реализации этих норм и принципов в общественной жизни (справедливость социальных отношений) — получается, что респонденты мыслят справедливость на первом уровне, крайне редко вспоминают о втором, а социологи спрашивают их о третьем. Возвращаясь к опросам общественного мнения, приходится констатировать, что мы интерпретируем весьма однозначные оценки россиянами справедливости социального мироустройства, не обладая однозначными критериями справедливости — считаем ее очевидной на уровне обыденного сознания. К сожалению, это не соответствует действительности — как показал наш опрос, справедливость на этом уровне выступает как преимущественно «микросоциологическая» категория и даже в таком качестве весьма неоднозначна. В последние годы в социальных науках наметились общие контуры дискуссий об «экспертных» (научных) концептуализациях справедливости (уточним, что речь идет не о внутридисциплинарных — социологических — текстах, а о междисциплинарных по-

исках в рамках социально-гуманитарного знания, однако все упоминаемые ниже работы мы рассматриваем с позиций их эвристической полезности для социолога, чем и ограничено наше их восприятие/чтение).

В подобных дискуссиях можно условно выделить два основных направления. В первом «справедливость» выступает как некая вспомогательная категория, одно из множества оснований выстраивания общей авторской концепции. Например, И. Моррис предлагает функционально-инструментальную трактовку справедливости как ценности, в наибольшей степени соответствующей определенному образу жизни (подкрепляющую его и делающую максимально эффективным), чтобы выстроить историческую типологию обществ, различающихся, помимо всего прочего, теми типами неравенства и видами насилия, которые считались в них справедливыми.

Некоторые элементарные человеческие ценности, такие как «честность, справедливость, любовь и ненависть, стремление не причинять вред, признание некоторых вещей священными», сложились около ста тысяч лет назад... Люди выработали сложные системы ценностей, норм, ожиданий и культурных шаблонов, на которые опираются различные формы сотрудничества, повышающие шансы на выживание в случае изменения окружающей среды. Подобно биологической эволюции культурные инновации можно рассматривать как часть процесса «конкуренции, складывающейся из миллионов микроэкспериментов» — культурных эквивалентов случайных мутаций в биологии. В зависимости от удач и неудач этих экспериментов «те признаки», которые полезны в данном окружении, вытесняют те, которые не приносят пользы. (Моррис, 2017: 12–13)

Моррис разрабатывает «макроисторию человеческих ценностей», состоящую из трех последовательных этапов, на каждом из которых культуру определял наиболее продуктивный способ извлечения энергии, задающий и ограничивающий возможные формы социальной организации и их основополагающие ценности: собирательство — это эгалитарные структуры и ценности, высокий уровень насилия; земледелие — иерархичность и меньший уровень насилия; добыча ископаемого топлива — эгалитарные в политическом и гендерном плане общества (очень спорное утверждение по нынешним временам), терпимые к имущественному неравенству и менее склонные к насилию, чем прежние социальные системы.

Моррис убежден, что все люди разделяют ряд ключевых ценностей (честность, справедливость, любовь и ненависть, стремление не причинять вред, признание некоторых вещей священными), но интерпретации этих ценностей меняются, поэтому эгалитаризм и ненасилие нельзя оправдывать или осуждать с моральных позиций — они являются ценностями лишь в определенных социальных системах. Впрочем, в его концепции нас должен смущать не только радикальный ценностный релятивизм, но и сомнительный биологический детерминизм, согласно которому

человеческие ценности претерпели процесс биологической эволюции на протяжении семи или восьми миллионов лет... наша биология не претерпела существенных изменений за десять-пятнадцать тысяч лет, прошедших с момента возникновения земледелия, и потому... некоторые ключевые понятия... встречаются во всех обществах... в какой-то степени человеческие ценности задаются на генетическом уровне, и поэтому... настала пора временно изъять этику из ведения философов и подвергнуть ее биологизации. (Там же: 42)

Моррис полагает, что биологическая эволюция дала нам мозг, позволивший изобрести культуру, поэтому наши моральные системы — это механизмы культурной адаптации (= биологической эволюции), а ее двигатель — нарастание объемов извлекаемой энергии:

По большей части именно методы извлечения энергии диктуют, какие демографические ресурсы и организационные формы являются оптимальными, а те, в свою очередь, определяют, какие ценности будут процветать... По мере того как в конкурентной борьбе между мутациями выявляются победители, те признаки, которые полезны в данном окружении, вытесняют те, которые не приносят пользы... Поэтому обожествляемые цари и рабство так распространены (но не являются повсеместными) в земледельческих обществах и так редко встречаются (но не полностью отсутствуют) в обществах, потребляющих ископаемое топливо. Крестьяне отдавали предпочтение иерархии не потому, что все они были негодяи, а потому что она была им полезна; люди, живущие за счет ископаемого топлива, обычно выбирают демократию не потому, что все они святые, а потому что в мире, изменившемся благодаря открытию этого мощного источника энергии, лучше всего живется при демократии... Конкурентный процесс культурной эволюции заставляет нас выбирать те ценности, которые наиболее полезны при конкретном способе извлечения энергии, вне зависимости от того, как мы к ним относимся. (Там же: 48)

Вот почему

на каждый текст аграрной эпохи, выступающий (пусть даже очень робко) против патриархата, приходится десятки, подчеркивающие принципиальную неполноценность женщин. Почти все они написаны мужчинами, хотя этнографы, в первые десятилетия XX века начавшие опрашивать женщин, обнаружили, что многие из них считают гендерное неравенство в принципе справедливым... Власть мужчин над женщинами выросла после аграрной революции не потому, что мужчины-земледельцы более жестоки, чем мужчины-охотники, а потому что это был более эффективный метод организации труда в крестьянских обществах. В мире, где царил постоянная конкуренция за скудные ресурсы, на протяжении нескольких тысяч лет наиболее эффективные общества вытеснили менее эффективные, а в силу того, что патриархат оказался настолько успешным, и мужчины и женщины стали признавать патриархальные ценности как справедливые. (Там же: 168–169)

Моррис уверен, что единственное отличие человека от других животных состоит в том, что

на протяжении последних двенадцати тысяч лет мы претерпели культурную эволюцию, в ходе которой давали адаптивным признакам, возникшим биологическим путем, самое разное истолкование... Точно так же как рост объемов извлекаемой энергии оказывал селекционное давление на эволюцию социальной организации, так и эволюция социальной организации оказывает селекционное давление на интерпретацию элементарных ценностей, сложившихся в ходе биологической эволюции (нравственное и безнравственное поведение просто-напросто представляют собой разные вещи в глазах собирательницы из пустыни Калахари, жителя греческой деревни и калифорнийца, использующего ископаемое топливо). (Там же: 299)

В результате «все наши побуждения обычно подчинены не заданному на генетическом уровне чувству справедливости, а той единственной из многочисленных интерпретаций заданного на генетическом уровне чувства справедливости, которая в данных обстоятельствах обеспечивает наилучший результат» (Там же: 396).

Примерно в том же русле — в качестве одной из множества возможных иллюстраций — справедливость упоминается в книге Ю. Эльстера «Кислый виноград: исследование провалов рациональности». Автор полагает, что распространенные интеллектуальные и моральные заблуждения нашего времени связаны с поиском смысла во всем: в итоге он либо действительно обнаруживается, либо искусственно создается посредством объяснения действий их последствиями. Дотеоретическая форма подобных объяснений составляет основу нашей повседневной жизни — в политике, семье и на рабочем месте мы все время ищем смысл действия, перспективу, в которой оно кому-то выгодно, и

такому образу мышления совершенно чужда идея, что в общественной жизни также могут присутствовать шум и ярость, незапланированные и случайные события, которые не имеют никакого смысла. И даже если сказку рассказывает идиот, всегда существует код, который, будучи найден, даст возможность ее расшифровать (эта установка пронизывает недостаточно рефлексивные формы функционалистской социологии... и поддерживается повсеместным распространением психоаналитических понятий). (Эльстер, 2018: 175)

На уровне теории эта установка имеет два истока: теологическую традицию обоснования зла тем, что настоящий мир — лучший из возможных и каждая его черта — неотъемлемая часть оптимальности (хотя из теодицеи не вытекает социодицея — что якобы лучший из миров содержит и лучшее из обществ); и дарвиновскую модель биологической адаптации, разрушившую теологическую традицию (социодицея стала ссылаться на независимую от теодицеи биодицею, выступая ее аналогией). Соответственно, функциональные объяснения часто оказываются со-

мнительными фантазиями, поскольку опираются на непродуманное допущение, будто люди занимаются деятельностью, приносящей награду, чтобы ее получить, а не потому что эта деятельность приносит награды как побочный продукт. Чувство удовлетворения или самореализации — не мотив действия, а его побочный продукт, но он может закреплять мотивацию заниматься деятельностью, которая дает такие побочные продукты (искусство и наука).

Эльстер стремится

пролить свет на проблему, возникающую у основания утилитаристской теории: почему удовлетворение индивидуальных желаний должно служить критерием справедливости и общественного выбора, если сами эти желания могут формироваться процессом, предвосхищающим этот выбор? И почему выбор из допустимых вариантов должен учитывать только индивидуальные предпочтения, если люди склонны приспособлять свои стремления к своим возможностям (не будет никакой потери благосостояния, если листва будет отлучена от потребления винограда, раз она все равно считает его кислым, но она считает его кислым из-за убежденности в том, что все равно будет отлучена от его потребления). (Там же: 187–188)

Феномен «кислого винограда» Эльстер называет адаптивным формированием/ изменением предпочтений в зависимости от обстоятельств, считает его одинаково важным для понимания индивидуального поведения и оценки моделей социальной справедливости, возражает против теории утилитаризма и предлагает заменить ее теорией справедливости, которая позволяет сделать эффективный выбор в сложных ситуациях и не слишком попирает наши интуитивные представления об этике в конкретных случаях. Утилитаризм здесь не работает из-за нехватки информации, поскольку не помогает нам принять решение или принять хорошее решение. Тем самым Эльстер критикует теорию справедливости как конечного состояния: «Мы должны не принимать желания как данность, но изучать их рациональность или автономность... а также возможность их изменения через рациональное и публичное обсуждение» (Там же: 238). Иными словами, убеждения, сформированные социальным положением, необязательно служат интересам человека в этом положении: носитель убеждений обобщает некоторые особенности своей локальной среды (частичное видение), ошибочно полагая, что они выполняются и в более широком контексте, поэтому эксплуатируемые и угнетенные классы верят в справедливость или необходимость угнетающего их социального порядка вследствие его рационализации или иллюзии.

В рамках исторического подхода справедливость также может выполнять вспомогательную функцию, как, например, в книге П. Проди «История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права», где в девяти хронологически выстроенных главах «производится амбициозная и масштабная реконструкция одного из столпов западной цивилизации: сосуществования различных форм „справедливости“, т. е. различия между правовыми и мо-

ральными нормами, между преступлением и грехом, которое сделало возможным идею справедливости, основанной на свободах и гарантиях, отличающих цивилизацию Запада» (Проди, 2017: 4). Работа Проди интересна не только сама по себе, но и потому, что на первой же странице он ссылается на ту же книгу, что и А. Сен (яркий представитель второго направления дискуссий о справедливости, о котором будет сказано ниже), — на работу Дж. Ролза «Теория справедливости» (Ролз, 1995), однако, в отличие от Сена, ограничивает свое повествование только «западной цивилизацией, которая сегодня, возможно, клонится к закату, несмотря на блестящую теоретическую изобретательность», и не претендует на создание теории справедливости, якобы не обладая «ни способностями, ни намерениями».

Проди полагает, ссылаясь на Ж. Эллюля, что мы «присутствуем при самоубийстве права в момент его наивысшего триумфа»: позитивное право настолько регулировало социальную жизнь, которая прежде основывалась на разноплановых нормах, что «общество костенеет и начинает саморазрушаться, потому что лишается возможности дышать, необходимой для его выживания». Корни нынешнего кризиса демократии он предлагает искать в исчезновении того основания политического договора, что обусловило развитие правового государства и уникальный исторический опыт Запада, —

динамического равновесия между сакральной связью клятвы и секуляризацией политического договора, плода дуализма власти духовной и светской, созревшей в рамках западного христианства... позволившего создать современные коллективные идентичности Родины и нации, примирив их с развитием прав человека... Даже при самых демократических политических режимах угроза... исходит изнутри, от склонности к сакрализации политики, теряющей из вида дуализм сферы власти и сферы священного (вспомним современные фундаментальные движения всех мастей). (Проди, 2017: 10–11).

Бурный процесс глобализации устранил фундаментальный для правового устройства последних столетий принцип территориальности нормы, на что государство отреагировало резким ростом числа юридических норм, сделав позитивное право аномально вездесущим (проникло в сферу чувств, спорта, здоровья и школы, которые прежде регулировались этическими нормами или обычаями) и автореферентным (иллюзия возможности разрешения любого спора при помощи позитивного права).

Чтобы понять причины нынешнего кризиса, по сути, справедливости, Проди реконструирует историю западного мира с периода Средневековья до сегодняшнего дня, делая акцент на XV–XVII веках, когда началась кодификация правовых и этических норм и создание конституций. Слово «форум» в названии книги обозначает пространство, где закон и власть (формальные институты) встречаются с повседневной реальностью (фактическая власть, общественные суждения о поведении). На Западе произошло «реальное удвоение юрисдикции, когда существует внешний форум, на котором законы интерпретирует судья, и внутренний фо-

рум, которым обычно распоряжался исповедник, не просто отпускавший грехи, но реально выносивший приговор, осуществлявший власть над человеком: наш сегодняшний мир правосудия и вины, хотя он и секуляризовался с развитием монополии государства на право и с открытием психоанализа, останется непонятен без учета этой исторической диалектики» (Там же: 16). Этот дуализм основан не на наивном разграничении сфер права и морали по критерию применения принуждения (мораль и обычаи располагают собственной силой — санкциями), а на различиях греха как неповиновения моральному закону и преступления как неповиновения позитивному закону (книга не ограничивается уголовным правом, автора интересует треугольник «человек–закон–власть» во всех его формах и проявлениях).

Не пытаясь воспроизвести аргументацию Проди или обозначить ее сильные и слабые стороны (об ограничениях своего подхода он неоднократно сам упоминает в книге), попробуем очень кратко (учитывая огромное количество цитат и исторических фактов в тексте) реконструировать ту историю отношений «человеческой справедливости» и «божественной справедливости» на Западе, которая, по мнению автора, позволяет понять суть нынешнего кризиса правового государства и размывания понятия справедливости. Отправным пунктом развития западных институтов Проди считает фундаментальный конфликт двух кодексов — Библии и греческой философии — с точки зрения трактовки мироустройства. Для древнего грека политический порядок совпадал с естественным, совесть — с объективным порядком вещей (пока стоицизм не поставил проблему соотношения закона с моралью и совестью, а Аристотель не ввел понятие справедливого как сочленения закона и конкретного случая), т. е. не существовало дуализма норм этики и права. В Библии правосудие изымается из сферы власти и помещается в сферу священного, что ведет не к сакрализации права, а к диалектике божественного и естественного и открывает возможность форума как места правосудия, не тождественного государству, благодаря разведению понятий греха (вина перед Богом) и преступления (нарушение позитивного закона), что привело к «рождению западного индивида». «Происходит утверждение нового взгляда на мир — космический и естественный порядок вещей больше не совпадают с политическим порядком и потому возникают конфликты, затрагивающие не только политические отношения, но и правовое устройство... Апелляция к справедливости, стоящей выше писаных законов, перестает быть абстракцией и начинает конкретизироваться в ряде принципов: человеческая личность, собственность и т. д. Это, в свою очередь, приводит к юдификации норм поведения в христианском сообществе и к процессу фундирования права в этике» (например, лексикон римского уголовного права заимствуется учением о грехе и публичном покаянии) (Там же: 29).

На Западе церковь постепенно заменяет отмирающее римское государство и формирует коллективную идентичность, а на Востоке отождествляется с государством (византийский царепапизм — государство управляло церковью через свое законодательство и администрацию). Первая теория дуализма права, харак-

терная для Запада, была озвучена папой Григорием Великим, который развел в неведомых божьих планах спасения два порядка или пути — мирской справедливости (ограничивается внешними деяниями и вершит наказание) и справедливости небес (судит проступки, совершенные и в мыслях, и на деле, и дарует прощение за покаяние), между которыми, впрочем, есть точки соприкосновения (например, сакрализация королевской власти). На Западе формируется разделение светского и церковного правосудия, а также разделение внутри церкви — правосудия и отпущения грехов, но не разделение между внутренним форумом совести и внешним форумом.

П. Абеляр, увидев «бессилие системы тарифицированной компенсации преступления и грехов, стремился отделить понятие преступления, неповиновения светскому закону, от понятия греха, вернуть тему отношений человека с Богом в теологический дискурс» (Там же: 55) и разрешить конфликт между внутренней ответственностью (субъективная вина) и общественным ущербом от правонарушения, сохраняя различие между божественной справедливостью (учение об этике) и человеческой справедливостью (объективное право). Учение Абеляра было осуждено церковью, но открыло новую эпоху в истории Запада. «Папская революция» (реформа папы Григория VII в XI веке) начала строительство церкви как суверенной централизованной организации и прототипа государства Нового времени, но провал этой теократической конструкции породил диалектику, что обусловила в дальнейшем десакрализацию и развитие конституционных свобод. Возникают два универсальных, параллельных и конкурирующих правовых устройства: каноническое право папы и гражданское право светских государей. С одной стороны, считается, что позитивное право и обычай соблюдаются, если не противоречат естественному и божественному праву. С другой стороны, священник берет на себя функции судьи, который должен уметь допросить обвиняемого, добиться покаяния (центральная тема канонического уголовного права от Грациана до Григория IX — вина и внешняя ответственность за грех в форме покаяния) и отпустить грехи (это «приговор»), причем формулировки отпущения грехов эволюционировали в сторону языка судебных приговоров.

За три столетия до 1520 года (сожжения Лютером «Summa Angelica») появилось множество руководств по исповеди, и в этом периоде Проди выделяет два этапа. До конца XIII века подобные руководства считались неотъемлемой частью юридической литературы и канонического права (моральный и юридический порядки интегрировались, внутренний и внешний форумы неразделимы); с конца XIII века проблемы внутреннего форума исчезают из юридической литературы — преобладает практическая теология и философские размышления об этике. Суд инквизиции изменил церковное правосудие, заменив прежние процедуры дознания клирика, основанные на публичном «поношении» и клятве чистилищем, формально-внешним выступлением инквизитора на уголовном процессе согласно мандату и установленным процессуальным процедурам. А также уподобил грехи против власти грехам против природы, поэтому любое неподчинение стало

определяться как ересь (преступление против церкви), и произошло постепенное наложение внутреннего форума совести, форума покаяния и форума церковного суда. Система отлучения и право отпускать некоторые грехи только у епископов образовало внутреннюю границу форума церкви в контроле совести и отправлении божественной справедливости.

Тем не менее попытка церковных иерархов создать систему,

которая целиком регулирует жизнь христианина на его земном пути... на основе нового учения о церкви, идущего от римского права... терпит поражение: не только из-за сопротивления тех сил, которые церковь сама помогла породить в ходе своей борьбы с империей, не только на политическом поле в связи с развитием городов и новых монархий, но также внутри собственного церковного сообщества, в мысли теологов и канонистов, в жизни местных церквей, светского и регулярного клира, мирян и светских братств. Кризис, вызванный этим великим расколом Запада, до определенной степени становится проявлением провала усилий папства по контролю за уголовным и дисциплинарным форумами при помощи интегрированной системы. Решающий переход между XIII и XIV веками... — неудачная попытка разрешить предшествующую диалектику божественного суда и человеческого суда, объединив их в одну юстицию церкви... Не происходит учреждения христианского «права», несмотря на теократические тенденции, но, наоборот, открывается путь к плюрализму правовых порядков, конкурирующих друг с другом, к различению церковного и гражданского форумов, а также к новым отношениям между человеческим законом (гражданским и церковным) и совестью. (Там же: 109–110)

Григорианская реформа осуществляет семантическую трансформацию — секулярное отождествляется с политическим и конституируется оппозиция клерикальное — секулярное, вследствие чего начинается становление светской власти, ее расколдовывание, зафиксированное М. Вебером, который указал на каноническое право (противоположность профанного права) как один из главных инструментов рационализации и модернизации западного общества. «Именно благодаря своим усилиям по построению собственного правового устройства церковь легитимировала десакрализацию не только политической власти, но и отправления правосудия, форума» (Там же: 114), укоренив в культуре западного христианства поиск метаполитического и метацерковного основания права. С конца XI века возникает понятие о разуме в этом качестве (каноническое право и законы подчиняются практическому разуму), отношения разума и письменной нормы становятся центральной проблемой западной культурной и юридической традиции. Постепенно дискурс о церковном форуме покаяния исключается из юриспруденции и становится элементом теологии.

Вся эпоха Средневековья и начало Нового времени были наполнены диалектикой отношений между юридическими правилами романистского или канонистского толка и различными видами местного права. Согласно периодизации Ф. Ка-

ласо, в XII–XIII веках «абсолютное общее право» (гражданское и каноническое) превалировало над всеми другими (сосуществовало множество форумов, которые частично совпадали с юридическими нормами, поэтому судья выносил решение, учитывая переплетение фрагментов разных правовых устройств); в XIV — конце XV века оно играет вспомогательную функцию источника решений в случае недостаточности особого права (феодалного, уставного, общинного, территориального); с XVI века государственное право обретает статус единственного нормативного источника, и наказание выбирается не только с учетом возмещения ущерба или исправления преступника, но и для запугивания и контроля общества. Тем не менее сохраняется убеждение, что «даже если мы не можем познать истинный образ справедливости, мы знаем, что естественный и божественный закон совпадают, поскольку оба разумны; оба вида имеют одну и ту же цель заставить человека жить легко и правильно» (Там же: 144–145). Однако формируются разные представления о соотношении этики и права: Фома Аквинский трактует справедливость как воплощение объективного порядка (естественного права) и одну из основных добродетелей, поэтому отпущение внутренней вины и мирское наказание рассматривает по отдельности. Иными словами, справедливый закон имеет обязательную силу для человека, только если не оказывается несправедливым с точки зрения божественного или человеческого блага. Тем самым этический порядок основывается на разуме, а юридический — на разуме и власти, сохраняется противоречие между совестью и законом, которое не важно, пока между ними нет конфликта. У Оккам занимает иную позицию: признает конфликт между божественным (порядок благодати) и человеческим (порядок наказания) в обществе и церкви, поэтому относит наказание (не внутреннее покаяние) к мирскому порядку. У Фомы Аквинского правосудие церкви теоретически объединяет божественный и человеческий форумы, у Оккама духовный форум затрагивает только совесть, а форум церкви (каноническое право) относится к гражданской и политической сферам.

Для Проди история современности — это постепенное утверждение письменной нормы, которая в итоге стала государственной монополией и породила конфликт между совестью (метафизическое естественно-божественное право, опирающееся на понятие греха) и законом (подвижное право суверенного государства, опирающееся на понятие преступления, чтобы формировать и нормализовать личность) вследствие превращения человека из «иерархического» в «разумного». Происходит переход от модели «право как право, поскольку справедливо» к модели «права как права, поскольку установлено». Любое преступление становится посягательством на монополию власти монарха и государства (бунтом против Бога и общества), поэтому вина теперь не расщеплена между внутренним раскаянием и внешним признанием, а превращена в тотализирующее понятие (отсюда беспрецедентная жестокость наказаний за социальные отклонения в утопических проектах периода перехода от Средневековья к Новому времени). Суть модернизации — изменение повседневности христианина: моральная норма отделяется от

юридической и принимает самостоятельную форму (яркий пример — ростовщичество, разрешенное государством, но морально порицаемое). Начинаются дискуссии об отношениях между совестью и законом (обязательный свод правил для совести), которые положили конец юридическому плюрализму средневекового мира и заложили фундамент современной этики, обосновавшей права индивида и, тем самым, обязавшей не только подданных подчиняться суверену (власти), но и суверена соблюдать договоренности и уважать свободы подданных. Так, И. Дриедо в 1546 году писал, что несправедливые подати суверену не имеют обязующую силу по совести, если слишком обременительны или прекратилась общественная надобность, их оправдывавшая (Там же: 219–220).

Реформация в лице Лютера делает еще один шаг в сторону разведения благодати и реальности греха: власть (конкретное право) действует в исторической сфере, а не в вечной сфере царства Божьего, и государство должно осуществлять «полицейские функции», обеспечивая и дисциплину церкви как общественной организации. Англиканский раскол Проди считает завершением Реформации, ее проявлением в чистом виде, поскольку он провозгласил человека одновременно членом церкви и подданным республики, а церковь и государство — двумя аспектами одного общества, что «открыло дорогу абсолютизму и цезарепапизму Томаса Гоббса, согласно которому государство имеет право навязывать единый культ и единые нормы поведения» (Там же: 256). Внутренняя диалектика модернизации — наличие разных институтов и активных субъектов (государство и конфессиональные церкви) — была частично преодолена посредством юдификации совести и сакрализации позитивного права: человек должен повиноваться не только внешним приказаниям, но и требованиям к совести, укрощая свои желания и мысли. Евангелистско-реформаторские церкви выбрали путь успешного идеологического и институционального союза с государством (отсюда их органический союз с буржуазным обществом), римско-католическая церковь, проиграв конкуренцию с государством на уровне юридических норм, сделала ставку на суверенный контроль за совестью в этическом плане (концепция церкви как «праведного общества», параллельного государству), но посредством позитивизации моральных норм (усиление судебного характера исповеди, разработка практической и моральной теологии и казуистики, правовое устройство, «рядящееся в юридические одежды»).

XVII век стал для западного общества эпохой совести: после религиозного раскола и зарождения территориальных церквей все дебаты ведутся о фундаменте политического порядка и совести, о дилемме подчинения законам и следования личной вере — что происходит, когда приказание монарха или позитивный закон противоречат принципам божественного/естественного закона или заветам исповедуемой религии. После консолидации религиозного раскола возникает новый дуализм — не разных правовых устройств, а позитивного закона и моральной нормы. Тридентская католическая церковь пыталась усилить свою власть и юрисдикцию над совестью; реформаторские церкви сосредоточились на отношениях совести отдельного христианина и Писания, перенеся акцент на открытие заново

индивидуальной этики; бурный рост печати, несмотря на цензуру, породил разнообразные хитросплетения этих двух путей (не говоря уже о том, сколь разными могут быть указания даже одной религиозной конфессии в зависимости от ее внешнего «политического тела»).

М. де Серто показал, как в ходе сложных институциональных и социокультурных трансформаций XVII века произошел переход от господства моральной теологии церковью к политической и экономической этике XVIII века — в поисках новой легитимации нормы либо в совести, либо во внешнем порядке власти. Однако Проди настаивает, что эти поиски были взаимосвязаны: мораль юридифицировалась через криминализацию греха, а право морализовалось через осуждение гражданского и уголовного беззакония. Так, католические моралисты ввели в сферу совести теологию-философию естественного права, стремясь создать систему мысли, параллельную позитивному закону и конкурирующую с ним за авторитет. Протестантская этика использовала разные пути отмежевания государства и права от морали и обычая и освобождения морали от пут традиций и авторитета: лютеранство выбрало прямые отношения между совестью и благодатью, в своем радикальном антропологическом пессимизме исключив любую медиацию; в кальвинизме система естественного права находит опору между теологией и юриспруденцией в этике как науке и практике поведения в повседневной и политической жизни. Светская этика М. де Монтеня назвала совесть внутренним форумом, пребывающим в диалектических и оппозиционных отношениях с позитивным законом — церковным или гражданским, что закрепило современный дуализм совести (этический мир, основанный на разуме и природе) и позитивного права (сфера принуждения).

Параллельный процесс — сакрализацию/теологизацию права — Проди видит в том, что позитивное право становится автореферентным (например, уголовное право, чтобы оправдать подавление общественно вредных деяний, навязывает собственную мораль, имплицитно встроенную в отношения с суверенной властью, ее идеологией, институтами и ритуалами) и наполняется сакральностью.

Характерный для предшествующих столетий дуализм, при котором сосуществовали различные правовые устройства, не только не исчезает, но продолжается в диалектике форума совести и форума позитивного закона. Перед нами борьба за монополию над нормой, но она не ведет к растворению человеческого форума в полюсе государства, подобно тому как в эпоху Средневековья не происходило растворения форума в теократическом полюсе: развитие свободы и демократии стало возможно на Западе именно потому, что власть и ее последняя инстанция, истина, полностью так никогда и не идентифицировались друг с другом. (Там же: 416)

Ссылаясь на определение государства К. Шмитта (единственный субъект коллективного публичного права, обладающий силой и пытающийся превратить христианскую церковь в инструмент полицейских действий и политики), на утверждение

Б. Паскалем жизненной необходимости союза силы и справедливости («справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична») и неутешительный вывод Р. Декарта, что, «кажется, Бог дает право тем, кому дает силу», Проди объясняет теологизацию позитивного права попытками защитить его от обвинений в произволе и противоречивости — наметилась тенденция к присвоению государством божественного всемогущества в качестве манифестации Бога на земле и единственного интерпретатора законов Бога и природы (справедливым/несправедливым считается то, что полезно/вредно в публичном отношении — государству), что обусловило вовлечение в сферу политики и позитивного права сфер привития морали и дисциплинирования.

Завершающий шаг на этом пути в первые годы XVIII века сделали Х. Томазий, заявивший, что только позитивный закон — это закон, поскольку он связан с приказом, а естественное право (вся моральная, этическая и политическая философия) — советчик, и Ж.-Ж. Руссо, предложивший теорию добродетели как выражения коллективной совести, возведенной в гражданскую религию.

Теория о врожденной доброте человека, о существовании в его сердце врожденного принципа справедливости, вместе с полным отвержением учения Августина о первородном грехе и пессимизма Гоббса позволяет Руссо совершить последний переход: от абстрактной науки о человеке к проекту — который станет сутью яacobинства — по изменению конкретного исторического положения человечества; человек, добрый по природе и испорченный институтами, может быть искуплен при помощи новых институтов... намечается переход от этики как абстрактной науки к политике и праву как морали... и инструменту, способному изменить человека. (Там же: 435)

Когда нет писаного закона, судьи выступают «распорядителями справедливости», когда есть законы, судьи обязаны им подчиняться и применять; хотя правосудие якобы осуществляется от имени народа, судьи назначаются и контролируются государством, должны лишь констатировать факты и механически применять к ним предусмотренные нормы.

Искания XVIII столетия завершились в XIX веке, с одной стороны, тенденцией различать юридическое (принуждение) и моральное обязательство (внутренний форум совести), с другой стороны, тенденцией встраивать в позитивное право догматический комплекс рационально-этических ценностей (кодексы). Эти линии образуют комбинации нового типа, в частности, гарантии защиты индивидуальных прав сочетаются с кульпабализацией правонарушений, что порождает невиданные прежде меры их подавления. Проди согласен с М. Фуко в том, что XVIII век изобрел свободу и гарантии, но только при условии принадлежности к дисциплинированному обществу (тюрьмы, школы, больницы, приюты для нищих, армия и прочие инструменты публичного подчинения тела и души политическому телу государства): государство и право поглотили мораль (в соответствии со схемами казуистики начав исследовать обстоятельства и намерения преступного

акта, в том числе инструментами психологической науки), и этот путь завершился в первой половине XIX века триумфом позитивного права и конституций (систем кодификаций внутри государства).

Сегодня, в результате процессов глобализации и технологического развития, государство растеряло суверенитет и способности к принуждению, однако проблему Проди видит не столько в этом, сколько в необходимости нового фундамента для трудов по формированию человека вне рамок якобинской утопии. Как и Сен, он обращается к работе А. Смита «Теория нравственных чувств», где разведены цели юриспруденции (предписывать правила для решений судей и арбитров) и казуистики (предписывать правила для поведения хорошего человека, который стремится к справедливости), как к образцу обоснования необходимости развивать науку о нравственных чувствах, стимулировать общественное учреждение этики и накладывать концепцию этического государства на концепцию правового государства, чтобы не дать позитивному праву получить монополию на норму, поскольку позитивные законы могут быть деформированы интересами правителей или общественных групп.

Вероятно, при прочтении интереснейшей работы Проди у читателя с социологически деформированным восприятием (кстати, он также заметит неприемлемые для себя конструкты типа «генетической памяти западных людей», но они носят простиительно метафорический характер) будет неоднократно возникать вопрос, какое отношение эта талантливая и выверенная реконструкция истории права, государства, церкви и теологических концепций имеет к справедливости, помимо якобы объяснения причин ее нынешнего прискорбно-кризисного состояния. Явные авторские указания на это отношение немногочисленны и искусно скрыты за изложением сути разных концепций и монументальных работ, огромными цитатами и историческими фактами, однако в конце книги автор идет на уступки читателю, не обладающему его эрудированностью и «оптикой», и предельно просто и прямо излагает суть проблемы. Сегодня

теократический монизм криминализации греха... уступил место противоположному соблазну рассматривать в качестве преступления любое отклонение от социально кодифицированного поведения, но в определенной степени в западных странах, принадлежащих к христианской традиции, навсегда сохранилось стремление к тому, чтобы между внутренним форумом и внешним форумом был зазор. Что же происходит, когда этот зазор исчезает? ... Мы оказываемся лицом к лицу с «одномерной» нормой, а следовательно, и с одним-единственным форумом позитивного права, писаной нормы, после того как исчезли многие другие инстанции, которые до сих пор поддерживали всю совокупность нашей повседневной жизни. (Там же: 479–481)

Автор считает, что в сложившейся ситуации недостаточно теоретически размышлять об идее справедливости — необходимо изучать историю людей и институтов, чтобы осознать невозможность одной-единственной истории справедливо-

сти: раз таких историй множество, значит, возможны разные этосы (результаты «оседания нормативного процесса в истории»), и опутывающая нас сетями принуждения юридическая норма не может быть единственной — нужна моральная норма (этика как сфера коллективных действий) с собственной санкцией. Речь может идти об «обнищании духовной юрисдикции» всех территориальных церквей после Реформации, т. е. об их неспособности обеспечить этику как мораль, альтернативную власти, о чем писал Д. Бонхеффер в связи с тоталитарными режимами, где «власть предстает без прикрас во всей своей грубости и совесть индивидов, за малыми исключениями, оглушена разложением и пропагандой», и тогда ставится вопрос, «могут ли церкви вернуть себе историческую функцию институционального полюса, альтернативного в качестве „форума“, места и власти судить деяния человека» (Там же: 499). Проди полагает, что социологический анализ дехристианизации вряд ли будет полезен неверующим и не поможет бедному христианину ориентироваться между позитивным правом и божественным законом, поэтому предлагает иной путь — восстановление морали, рассматривая предлагаемые здесь подходы (спиритуалистический отказ от проблемы нормы и суда у Э. Левинаса, признание насилия неотъемлемой чертой общества и дуализма христианского мировосприятия у Р. Жирара, идея экуменической моральной хартии у Х. Кюнга, развенчание интеллектуальной иллюзии нашего времени, что моральный релятивизм гарантирует толерантность, Б. де Жувенелем и др.).

Проди не предлагает окончательного решения проблемы (что сегодня просто невозможно), а настаивает на необходимости поисков ее решения, потому что жизнь в мире одномерной нормы уничтожает саму идею справедливости:

Правосудие надзирает над нами и наказывает нас за наши сексуальные привычки (со смесью сексуальной озабоченности и сексофобии, доходящих до того, что проявления чувств начинают регулироваться законодательно и обсуждаться в суде), налагает на нас все новые запреты, парализует семейные отношения, экономическую деятельность и труд, здравоохранение и школу и отныне сопровождает нас от рождения до смерти... Аборт и эвтаназия, помимо генетических манипуляций и защиты окружающей среды, являются самыми яркими проявлениями неспособности одномерной нормы решить проблемы справедливости... В карательном плане в обществе это выражается в росте, в последние годы взрывном, составов преступления и, соответственно, числа совершенных преступлений... и числа заключенных в тюрьмах... Не существует «всплеска преступности», но есть трагедия преступности, которая теперь разрушила традиционную государственную монополию на насилие, оказывающуюся бессильной перед лицом изменений, вызванных глобализацией планеты, и исчезновением нормативного морального универсума, необходимого для управления повседневной жизнью. Так называемые «органы», которые лихорадочно учреждаются всякий раз, когда демократия оказывается бессильна решить проблемы... — это полумеры, лишь ухудшающие ситуацию, потому что в долгосрочной перспективе они еще больше ослабляют норму и способствуют произволу бюрократической власти... Защита отдельных меньшинств или слоев общества, считающих-

ся слабыми, при помощи особых юридических норм и судов, несмотря на благие намерения, также парализует общество подобно тому, как «политкорректность», постулируемая на уровне позитивного права, превращается в опасную цензуру. (Там же: 505)

Вывод автора, с которым сложно не согласиться, — необходимо вернуть зазор между юридической нормой (легитимирует мир таким, каков он есть) и внутренним коллективным миром моральной нормы, несмотря на все противоречия этого зазора (дополнительную привлекательность и убедительность этому выводу в глазах российского читателя придает тот факт, что в нашем обществе этот зазор сохраняется и вряд ли исчезнет, учитывая усиление репрессивных мер государственного контроля в условиях сохраняющихся неформальных видов социального взаимодействия без и вне государства).

Второе условное направление исследовательских поисков, наиболее интересное и полезное для работы с понятием справедливости в социологическом контексте, связано с созданием «идеальной» политико-философской модели справедливости, призванной не строить «воздушные замки» (образы совершенно справедливого государственного устройства), а выносить обоснованные суждения о сравнительной справедливости (посредством названного выше Эльстером публичного обсуждения), имеющие практические следствия для осуществления справедливости (или борьбы с несправедливостью). Яркий пример здесь — книга А. Сена «Идея справедливости», представляющая собой последовательную и обоснованную критику всех тех теорий социальной справедливости, что занимаются конструированием модели идеально справедливого социального устройства и отвергают сравнительный анализ реалий и выбор альтернатив. Структурно книга состоит из восемнадцати глав, однако целесообразнее охарактеризовать ее как состоящую из пяти частей, выделенных автором в содержании: за вводной частью (предисловие, введение и благодарности) следуют четыре основные части — о требованиях справедливости, формах рассуждения, содержании справедливости, публичном рассуждении и демократии. Полностью соглашаясь с Сеном в том, что «любое краткое изложение в конечном счете оказывается актом варварства», попробуем все же реконструировать общие контуры его теории справедливости, обозначенные уже во вводной части и в дальнейшем лишь наполняющиеся реальными примерами и теоретическими и практическими обоснованиями.

Отправная точка рассуждений Сена — уверенность, что все мы сталкиваемся «в нашей повседневной жизни с различными формами неравенства и угнетения, от которых нередко страдаем, с полным правом злясь, но это относится и к более общему диагнозу несправедливости в большом мире, где мы живем...». Известные исторические личности (Мохандас Ганди, Мартин Лютер Кинг и др.) также «ощущали явную несправедливость, которую можно искоренить. Они не пытались достичь совершенно справедливого общества (даже если и можно было бы прийти к согласию о том, что оно собой представляет), они желали по возмож-

ности устранить очевидные несправедливости» (Сен, 2016: 11). Автор полагает, что нам необходима теория справедливости, которая стремится «прояснить, как мы можем подойти к вопросам укрепления справедливости или же устранения несправедливости, а не предложить решения вопросов о природе совершенной справедливости (наиболее значимые в современной моральной и политической философии)» (Там же: 13). Эта теория должна стать основанием практического рассуждения и оценки методов укрепления справедливости, не пытаясь их окончательно согласовать или унифицировать, и должна рассматривать как институциональные недостатки, так и индивидуальные отклонения (поведенческие) в качестве источников несправедливости.

Сен выстраивает собственную концепцию, по сути, полемизируя с тремя традиционными трактовками справедливости. Первая составляет основу определения Дж. Ролзом справедливости как честности и предполагает, что для установления принципов справедливости необходимо сформировать базовую структуру общества из «справедливых институтов», а затем следить, чтобы поведение людей поддерживало их корректное функционирование. Настаивая, что принципы справедливости следует определять не через институты, а через жизнь и свободу людей, Сен не отрицает роль институтов в укреплении справедливости, но подчеркивает их инструментальный характер — влияние на жизнь людей посредством разумно обоснованных ценностей и поддержку нашей способности анализировать ценности и приоритеты посредством публичного обсуждения (для этого нужны гарантии свободы слова, права на информацию и участия в компетентной дискуссии, которые и обеспечивают институты).

Вторая идея, от которой отказывается Сен, — это сложившаяся в период Просвещения традиция поиска совершенно справедливых социальных устройств в теории справедливости («договорной подход» Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и др.). Исходя из тех же практических соображений, что и в первой линии полемики, Сен противопоставляет данному подходу сравнительный метод, однако опирается на теории общественного договора, «адаптируя их должным образом» и дополняя иными подходами просвещенческих философов (и не только) (А. Смита, Ж.-А. Кондорсе, М. Уолстонкрафт, И. Бентама, К. Маркса, Дж. С. Милля и др.), которые сравнивали разные способы прожить жизнь под влиянием не только институтов, но и фактического поведения людей, социальных взаимодействий и других значимых факторов.

Первая и вторая идеи, с которыми полемизирует Сен, формируют «трансцендентальный институционализм» — он сосредоточен на выявлении справедливого институционального устройства (природы «справедливого»), не фокусируется на сравнении достижимых (реальных) типов общественного устройства (в разной степени не дотягивающих до идеалов совершенства) и развивается в русле «договорного» стиля мышления (гипотетический «общественный договор» выступает как идеальная альтернатива хаосу). Трансцендентальные институционалисты не игнорировали реализацию общественного устройства: некоторые (особенно

И. Кант и Дж. Ролз) провели «проницательный анализ нравственных или политических императивов общественно приемлемого поведения» (Там же: 42). Однако в отличие от представителей сравнительных подходов, интересовавшихся социальной реализацией (наличные институты, реальное поведение и другие факторы), они не занимались сравнениями реальных обществ и не пытались устранить явную несправедливость в том мире, в котором сами жили, предпочитая описывать совершенно справедливые институты.

Проблематичность трансцендентального институционализма как основания теории справедливости Сен объясняет двумя причинами: во-первых, сомнительной достижимостью разумного согласия о природе «справедливого общества» даже при условии беспристрастного и открытого обсуждения (возможно множество конкурирующих оснований справедливости); во-вторых, избыточностью поиска трансцендентального решения (достаточно сопоставить относительные уровни справедливости и сделать выбор из достижимых альтернатив). Иными словами, в первом случае

теоретики разных убеждений — утилитаристы, экономические эгалитаристы, теоретики права на труд или же строгие либертарианцы — будут, вероятно, в равной мере считать, что есть однозначное справедливое решение, которое легко установить, но каждый из них будет отстаивать очевидную правоту своего решения, отличного от решений всех остальных. То есть, возможно, нет никакого совершенно справедливого устройства, которое можно было бы определить и одобрить в ходе беспристрастного рассмотрения». Во втором случае речь идет о том, что «если теория справедливости должна руководить разумным выбором политических программ, стратегий или институтов, то выявление типов совершенно справедливого социального устройства не является ни необходимым, ни достаточным. (Там же: 52)

В качестве примера автор приводит выбор между П. Пикассо и С. Дали, для которого нет смысла ссылаться на «идеальную» «Мону Лизу», тем более что дескриптивная близость необязательно будет ориентиром для близости оценочной (множество примеров в книге столь же просты и убедительны).

Значение человеческих жизней, опыта и реализации невозможно заменить информацией о существующих институтах и действующих правилах. Институты и правила весьма важны, поскольку влияют на происходящее, они неотъемлемая часть реального мира, однако действительность как таковая выходит далеко за пределы организационной картины и включает жизнь, которой людям удается или не удается жить. (Там же: 55–56)

Схожесть двух традиций Просвещения — договорной и сравнительной — Сен видит в опоре на разумное и публичное обсуждение, которое тоже проблематично, но более обоснованно, чем «эмоции, психология и инстинкты как независимые источники оценки справедливости». Он не видит непримиримого конфликта

между разумом и эмоциями, но отвергает опору лишь на последние без разумного рассмотрения («нашим не прошедшим критическую проверку инстинктам не следует давать права последнего слова», даже если это отвращение к жестокости), потому что только критический анализ позволяет понять, почему мы часто испытываем сильное чувство несправедливости, но не можем назвать его главную причину, прибегая к множеству разных. Сравнительный метод заставляет отказаться от заблуждений и догматизма: о справедливости очень сложно рассуждать, и мы испытываем искушение отказаться от рассуждений и опираться на свою чувствительность к чужим страданиям, однако бурные протесты против голода вряд ли помогут его предотвратить, в отличие от мер предосторожности, принятых по результатам рассуждений о причинах трагедии. Что касается догматизма, то

нет нужды устранять все разумные альтернативы, кроме одной-единственной... Даже крайне догматичные люди обычно располагают определенными доводами, пусть весьма грубыми, которые поддерживают их догмы (к ним относятся расистские, сексистские, классовые или кастовые предрассудки, наряду со многими иными видами предубежденности, основанной на неточных рассуждениях). Неразумие, как правило, это не полный отказ от рассуждения, а опора на крайне примитивные и ущербные рассуждения. Поэтому есть надежда, что плохому рассуждению удастся противопоставить хорошее. (Там же: 24)

И, наконец, третья идея, которую отвергает Сен, — это трактовка разумности, рациональности и справедливости как исключительно европейских достижений периода Просвещения (весьма провокационно, но точно он называет ее «провинциальностью»), поскольку в интеллектуальной истории незападных обществ (чаще всего в книге приводятся примеры из индийской литературы) существовали «мощные традиции разумной аргументации, а не просто опоры на веру и неразумные убеждения... похожие или тесно связанные идеи справедливости, честности, ответственности, долга, доброты и правильности развивались во многих частях света... но наличие подобных рассуждений на глобальном уровне часто упускалось из виду или скрадывалось в господствующих традициях современного западного дискурса» (Там же: 19–20). В частности, он постоянно ссылается на обоснованное в санскритских текстах по этике и правоведению различие понятий *niti* и *nyaya* (оба обозначают «справедливость»). Первое слово указывает на упорядоченную организацию и правильное поведение, второе — на что и как получается в реальной жизни («концепция осуществленной справедливости»). «Сколь бы правильными ни были созданные институты, если большая рыба все еще может проглотить маленькую, когда ей этого захочется, значит, налицо нарушение человеческой справедливости как *nyaya*» (Там же: 59). Задачу поиска справедливости Сен видит в предотвращении очевидной несправедливости — *matsyanyana*, «справедливости в мире рыб»: так, борцы за отмену рабства в XVIII и XIX веках не счи-

тали, что их победа приведет к созданию совершенно справедливого мира, но верили, что рабовладельческое общество абсолютно и невыносимо несправедливо.

Последующие части книги посвящены развертыванию, пояснению и иллюстрации изложенных выше основных положений авторской (политико-философской, по мнению рецензентов книги, но междисциплинарной по самооценке) теории справедливости. В первой части изложены требования к справедливости, главное из которых — «разум и объективность». Ссылаясь на Л. Витгенштейна как утверждавшего необходимость применять интеллектуальные способности, чтобы сделать мир лучше, Сен называет его наследником и продолжателем традиции Просвещения, в которой «трезвое размышление считалось главным союзником стремления улучшить общество» и которую сегодня упрекают за излишнее и наивное доверие рациональности (в том числе научному исследованию), что якобы способствовало жесточайшему насилию в постпросвещенческом мире. Сен отвергает подобные упреки, утверждая, что они не имеют отношения ни к позиции Просвещения, ни к сфере разума и основываются на незрелых убеждениях и некритических мнениях неприятных политических лидеров: именно разум/интеллект помогает нам анализировать идеологию и слепую веру и должен стать основным критерием справедливого поведения и приемлемой системы юридических обязанностей и прав (как утверждал еще монгольский император Акбар, живший в Индии на рубеже тысячелетий).

Разумный анализ Сен считает основой справедливости, потому что публичное рассуждение гарантирует некоторую объективность политических и этических мнений. Он ссылается на А. Смита, который предложил бороться с местечковой ограниченностью ценностей посредством взгляда «с определенного расстояния» («беспристрастного наблюдателя из далекого края»), но приводит и иные подходы к объективности, которые объединяет «общее признание необходимости разумного сопоставления на беспристрастной основе».

Рассуждение — неиссякаемый источник надежды и веры в мире, омраченном дурными поступками... Можно думать о том, как смотреть на других людей, другие культуры и чужие претензии, как относиться к ним и как исследовать различные основания для уважения и терпимости. Также мы можем рассуждать о наших собственных ошибках, пытаясь научиться их не повторять... Интеллектуальное испытание необходимо и для выявления поступков, которые не должны были нанести вред, однако все же привели к этому последствию, например, такие ужасные события, как голод, могут оставаться неизученными из-за ошибочной посылки, будто бы их нельзя предотвратить, не увеличив достаточность продовольствия... Сотни тысяч и даже миллионы могут умереть из-за пагубного бездействия, проистекающего из неразумного фатализма, прикрывающегося маской выдержки, которую обосновывают реализмом и здравым смыслом... Чтобы предупредить катастрофы, вызванные человеческой небрежностью или бесчувственной черствостью, нам требуется критический анализ, а не только доброжелательность по отношению к другим... И рассуждение — наш союзник, а не угроза. (Там же: 87–89)

Основной источник отсылок Сена в первой части — работы Ролза, которому он благодарен за возрождение философского интереса к теме справедливости и за ее проблематизацию в сегодняшнем виде. Сен согласен с Ролзом в том, что осуществление справедливости должно быть связано с идеей честности — следует «избегать предвзятости в суждениях, учитывать интересы и нужды других людей, а также, самое главное, не допускать влияния собственных интересов, приоритетов, эксцентричных черт и предрассудков». Для этого Ролз считает необходимым создавать институты, «которые должны управлять обществом, каковое они, как мы можем себе вообразить, „создадут“ в будущем» (Там же: 97), а Сен полагает, что «если не получается выработать единственный набор принципов справедливости, которые бы вместе задавали институты, необходимые для базовой структуры общества, тогда и саму процедуру „справедливости как честности“... использовать сложно» (Там же: 101). Кроме того, ролзовская модель переоценивает роль «справедливых институтов» и игнорирует реальные поведенческие паттерны («справедливые общества»), отсылает к утилитаристской модели и «договорному» рассуждению кантианской традиции (а необходима оптика смитовского беспристрастного наблюдателя, сравнительные оценки и учет социальной реализации) и ограничивает число стремящихся к справедливости членами конкретного политического сообщества («народа»), хотя мир за пределами страны не может не влиять на оценку справедливости внутри нее, особенно в нынешних условиях глобализации.

Приводя в качестве примера позиции Ашоки, императора Индии в III веке до н. э., утверждавшего, что социальное совершенствование достижимо через добровольное хорошее поведение граждан, и Каутильи, главного советника деда Ашоки, императора Маурьи Чандрагупты, в IV веке до н. э., считавшего институциональные механизмы главными факторами хорошего поведения (материальные стимулы, ограничения и наказания), Сен, по сути, воспроизводит традиционную социологическую дилемму «макро — микро» (институты — паттерны поведения), задаваясь вопросом: как предлагаемую Ролзом последовательную и логичную модель общественного договора (отказ людей от одностороннего поиска собственной выгоды и следование правилам хорошего поведения в целях поддержания социальной справедливости) можно реализовать в том мире, где мы живем, а не в воображаемом мире, которым Ролз в основном занимался. Сен не отрицает важности институционального равновесия (фактор успешности американского общества) и сдерживающего действия институтов по отношению к развращающему воздействию власти (отсутствие системы сдержек и противодействий — причина дисфункциональности централизованных однопартийных государств), «однако мы должны стремиться к институтам, которые укрепляют справедливость, а не считать институты самодостаточными проявлениями справедливости» (Там же: 130). Если же поддасться искушению считать «правильные» институты достаточными, то непонятно, почему, например, они не всегда порождают эффективную рыночную экономику и нередко приводят к трагическим последствиям (наиболее

ужасные случаи голода далеко не всегда следуют за нарушением чьих-либо либертарианских прав).

Сен настаивает, что мы не можем переложить работу по установлению и поддержанию справедливости на социальные институты и правила и должны постоянно проводить социальную оценку того, как идут дела и можно ли в них что-то улучшить, чтобы избежать неявных заблуждений, влияния местечковых ценностей и отклонений от «разумного» поведения. В основе такой оценки должна лежать теория общественного выбора, разработанная в конце XVIII века французскими математиками и получившая свою современную форму в работах К. Эрроу в 1950-е годы, в частности, в его «теореме невозможности» — удовлетворить запросы всех членов общества посредством рациональной и демократической процедуры общественного выбора, потому что ее результаты принимают форму ранжирования обстоятельств с точки зрения людей, которых касаются принимаемые решения. В отличие от трансцендентального институционализма, теория общественного выбора не стремится к «тотальности» (идеалу социальной справедливости), но дает нам достаточно строгие и значимые суждения благодаря процедуре публичного обсуждения и коммуникации, при этом систематически оставляя место для неполноты и неокончателности оценок вследствие неустранимых пробелов в информации, конфликтующих свобод и приоритетов, расходящихся соображений и невозможности прийти к однозначному выводу (т.е. множественности оснований справедливости и честного согласия лишь по частичным ранжирам случаев). «Вопрос „Что такое справедливое общество?“, несмотря на свою интеллектуальную привлекательность, не является удачным отправным пунктом для плодотворной теории справедливости... и, возможно, не является и вероятным конечным пунктом. Систематической теории сравнительной справедливости не нужен ответ на этот вопрос, и она не обязана его давать» (Там же: 159).

Во второй части книги описаны основные критерии разумного публичного рассуждения, которые только и способны гарантировать достижение некоторой социальной справедливости: это позиционная объективность (не учет смещений и изменчивости мнений в зависимости от социальной позиции и частных характеристик, а признание инвариантной объективности наблюдаемого с определенной позиции); рациональность выбора (не максимизация личной выгоды, а способность обосновать и отстоять разумность решений — как эгоистических, так и альтруистических — в случае их критического разбора); множественность беспристрастных оснований (признание неизбежности конкурирующих критериев справедливости); рассмотрение всех значимых последствий принимаемых решений (учет их социальной реализации). Например, «объяснению безропотного терпения и социальной асимметрии и дискриминации, которые можно встретить во многих традиционалистских обществах, может способствовать идея позиционной объективности, указывающая на генезис неправомерного применения позиционного восприятия» (Там же: 225) и требующая расширения информационной основы социальных оценок (в обществе с устоявшейся традицией притеснения жен-

щин сильна культурная норма признания их мнимой второсортности, что можно увидеть, только выйдя за пределы локальных наблюдений в подобных обществах; аналогичным образом работает марксистская «объективная иллюзия» — обозначение систематических устойчивых иллюзий, оказывающих искажающее влияние на понимание и оценку публичных вопросов).

В третьей части книги Сен характеризует содержание справедливости, проводя различия между средствами и целями достойной жизни, экономическим благодеянием и реальной свободой: «уровень депривации некоторых ущемленных социальных групп даже в очень богатых странах может быть сравним с аналогичным уровнем в развивающихся экономиках» (Там же: 297). Важно не только то, какую жизнь мы ведем (с точки зрения дохода, комфорта, потребления и наличных ресурсов), но и какую свободу выбора различных стилей и образов жизни при этом имеем (можем ли делать те вещи, которые хотим, ценим и выбираем), потому что свобода расширяет наши интересы и обязательства (например, обязанности общества по отношению к обездоленным и по поддержке прав человека). Важен не просто подсчет гипотетических возможностей, а обдуманная сопоставительная оценка реальных свобод, и тогда понятно, что богатый человек с серьезными нарушениями здоровья будет страдать от множества ограничений, которых нет у бедного, но здорового человека. Сен отказывается отождествлять бедность и низкий доход, потому что отношения между ресурсами и бедностью изменчивы и определяются характеристиками людей (физическими, социально-демографическими и пр.), природной (климат, экология) и социальной среды (преступность, программы здравоохранения и образования, отношения в обществе, паттерны поведения в сообществе), т. е. важен не доход как таковой, а возможности превращения его в определенный образ жизни («конверсия личных ресурсов в различные виды функционирования»). Измерение возможностей (целей), а не ресурсов (средств), «понимание природы и источников нехватки возможностей и неравенства в возможностях — ...центральным вопросом для устранения явных несправедливостей, которые можно выявить при обсуждении в обществе, придя к частичному, но при этом достаточному согласию» (Там же: 340).

Одна глава третьей части посвящена счастью, вернее, соотношению счастья с благополучием (с точки зрения социальных обстоятельств и субъективных оценок) и с понятиями свободы и возможностей, поскольку сегодня счастье часто выступает в качестве критерия оценки социальной справедливости. Сен не разделяет данную трактовку счастья: оно «не порождает обязанности в том же смысле, в каком их неизбежно должна порождать возможность... Следовательно, между благополучием и счастьем, с одной стороны, и свободой и возможностью — с другой, обнаруживается заметное различие» (Там же: 350). Ссылаясь на многочисленные эмпирические подтверждения того, что когда люди в стране богатеют, они не начинают внезапно чувствовать себя намного счастливее (см., напр.: Лэйард, 2012), Сен призывает не отказываться считать счастье крайне важным для образа жизни, но признать, что отношения между доходом и счастьем намного сложнее, чем счи-

тается: «Пусть счастье и важно, это вряд ли единственная вещь, которую у нас есть основания ценить, и точно так же оно не представляет собой единственное мерило для всех остальных ценных вещей. Однако если не приписывать счастью эту деспотическую роль, оно может с полным правом считаться очень важным... — наряду с прочим. Возможность быть счастливым — ...важный аспект свободы, который мы обоснованно ценим» (Сен, 2016: 356), но речь не может идти о всеобщей равной свободе — и в равенстве, и в счастье, и в свободе следует видеть многообразные измерения и требования.

Заключительная, четвертая часть книги раскрывает некоторые практические следствия предлагаемой теории справедливости, в частности, трактовку демократии как «публичного разума» и партисипативной формы правления, к которой люди стремятся, противопоставляя ее якобы вечному, неизменному и фатальному авторитаризму. Сен обращается к демократии потому, что современная политическая философия расширила ее прежнее формальное определение (выборы и голосование), включив в него публичное голосование и «применение публичного разума» («правление через обсуждение»), тем самым понятия демократии и справедливости сближаются: «Если требования справедливости можно оценить только при помощи публичного рассуждения и если публичное рассуждение конститутивно для идеи демократии, значит, существует тесная связь между справедливостью и демократией, которые обладают общими понятийными чертами» (Там же: 415). Недостаточность традиционной узкой трактовки демократии Сен иллюстрирует оглушительными электоральными успехами тиранов в тоталитарных режимах, т. е. эффективность демократического голосования зависит от свободы слова, доступа к информации и права на инакомыслие (авторитарные системы не столько принуждают голосовать определенным образом, сколько подавляют общественную дискуссию, ограничивают свободу информации и создают атмосферу настороженности и тревоги). В качестве примера вклада демократии в дело справедливости приведена борьба с голодом: он характерен для авторитарных режимов (колониализма, однопартийных государств и военных диктатур), поскольку свободная новостная журналистика и неподцензурная публичная критика заставляют правительства предпринимать активные шаги для устранения голода и внушают людям интерес и толерантность друг к другу, что позволяет им лучше понимать жизнь других и требовать изменения политического курса, даже если проблема затрагивает лишь небольшую часть населения.

Завершает книгу отсылка к оценке Гоббсом человеческой жизни в «Левиафане» — как «беспросветной, тупой, кратковременной и одинокой». Признавая, что и сегодня это хорошая отправная точка для теории справедливости (жизнь людей в разных регионах мира остается ужасной и угнетенной, несмотря на значительный материальный прогресс), но отрицая идеалистический подход общественного договора и идею одиночества (призывая вырваться из изоляции), Сен солидарен с Гоббсом в задаче улучшить жизнь людей.

Общее стремление теорий справедливости — ...понять, что можно сделать в плане практического рассуждения о справедливости и несправедливости... Построение теории справедливости связано в каком-то смысле с вопросом: что значит быть человеком... Мы могли бы быть существами, не способными на симпатию, которых не трогали бы боль и страдание других, которые не заботились бы о свободе и, что не менее важно, были бы не способны рассуждать, доказывать, расходиться или сходиться во мнениях. Явное наличие всех этих качеств в жизни человека еще не говорит о том, какую теорию справедливости выбрать, однако оно показывает, что общее стремление к справедливости в человеческом обществе было бы не так-то просто искоренить, пусть даже стремиться к осуществлению справедливости мы можем разными способами. (Там же: 517–518)

Безусловно, предлагаемый Сенем подход весьма привлекателен своим отказом от поисков недостижимого общего идеала справедливого общества и призывом учитывать контекстуальные рамки любых социальных установлений, т. е. признавать недееспособность самых правильных и справедливых институтов, если поведение людей не соответствует требованиям их корректной работы. Сен возлагает на каждого из нас личную ответственность за сохранение и укрепление справедливости — любым своим поведенческим выбором и всей своей жизнью, не позволяя обвинять в несправедливости только институциональные недостатки и прятаться за иллюзиями, фатализмом и даже честной, но бездейственной доброжелательностью (выражать кому-то сочувствие без разумного обоснования реалистичных сценариев предотвращения или искоренения несправедливости — не значит укреплять справедливость). Это очень большая ответственность, особенно учитывая, что Сен не разводит «позитивное» и «негативное» определения справедливости (не предлагает дефиниции справедливости, а говорит о необходимости искоренить несправедливость без опоры на образ «правильного» социального устройства) и не уточняет критерии компетентности, когда утверждает необходимость разумно обоснованных ценностей и публичных дискуссий: насколько экспертными должны быть их участники (кто должен и/или имеет право в них участвовать) и кто устанавливает степень разумности ценностей и приоритетов, которые мы должны оговаривать в каждом конкретном случае и в социальном контексте в целом? Несомненно, это чрезмерно оптимистичная книга — она убеждает в возможности, посредством сопоставлений и публичных дискуссий, уменьшить количество несправедливостей в мире и сделать нашу жизнь более справедливой, но тем самым она и чрезмерно пессимистична — непонятно, почему человечество до сих пор, за свою тысячелетнюю историю, этого не сделало.

Литература

- Левада-Центр. (2018). Россияне назвали основные претензии к Путину за время его правления. URL: <https://www.levada.ru/2018/05/08/rossiyane-nazvali-osnovnyie-pretenzii-k-putinu-za-vremya-ego-pravleniya> (дата доступа: 02.12.2018).
- Лэйард Р. (2012). Счастье: уроки новой науки / Пер. с И. Кушнаревой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Моррис И. (2017). Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введ. С. Мэсидо; с комм. Р. Сифорда, Дж.Д. Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Проди П. (2017). История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права / Пер. с ит. И. Кушнаревой; пер. с лат. А. Апполонова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Ролз Дж. (1995). Теория справедливости / Пер. с англ. В. Целищева, В. Карповича, А. Шевченко. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
- Сен А. (2016). Идея справедливости / Пер. с англ. Д. Кралечкина под ред. В. Софронова, А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- ФОМ. (2011). Справедливость не торжествует. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/10263> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2013а). О прогрессивном налогообложении. Стоит ли менять действующие нормы налогового права? URL: <https://fom.ru/Ekonomika/10843> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2013б). Чем мы дорожим? О самом важном в жизни россиян. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10994> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2013в). Работающие россияне о справедливом вознаграждении за труд. Сколько получают и сколько хотят получать люди за свою работу? URL: <https://fom.ru/blogs/11228> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2014). Честность в теории и на практике. Что россияне думают о лжи? И часто ли лгут сами? URL: <https://fom.ru/TSennosti/11453> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2017). О справедливости и несправедливости в российском обществе. Справедливо ли устроено российское общество? И хотят ли власти сделать его более справедливым? URL: <https://fom.ru/TSennosti/13279> (дата доступа: 02.12.2018).
- ФОМ. (2018). О справедливости. Что устроено справедливо, а что — несправедливо в современном российском обществе? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14099> (дата доступа: 02.12.2018).
- Штомпка П. (2017). Справедливость / Пер. с пол. А. А. Зотова // Мониторинг общественного мнения. № 6. С. 381–399.
- Эльстер Ю. (2018). Кислый виноград: исследование провалов рациональности / Пер. с англ. И. Кушнаревой под ред. А. Морозова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Justice in Sociological Discourse: Semantic, Empirical, Historical, and Conceptual Challenges

Irina Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics

Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

One of the key features of social sciences and humanities distinguishing them from technical and natural sciences are the frequent intersections of their terminology with everyday discourse. Some social concepts have completely different interpretations in sociological discourse and everyday life, with the words "field" and "panel" as good examples. However, the majority of similar concepts of everyday life and sociological research have quite the same content. The word "justice" and its derivatives stand out in this set of terms, for hardly any other concept in human history is saturated with political connotations, or requires little additional explanation when used in social-economic debates or military conflicts. As a result, the word "justice" is widely used in all "life-worlds" (i.e., according to A. Schütz, justice seems to be both a 'first-order construct' and a 'second-order construct'), which complicates its unambiguous conceptual and empirical interpretations in sociological research. The article was supposed to be a review of two books, *A History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism of Conscience and Law* by P. Prodi, and *The Idea of Justice* by A. Sen, providing a clearer conceptual definition of justice. However, it turned into reflections with some theoretical and empirical examples on why such searches in sociology are important and inevitable, but are unlikely to end with a satisfying result. This does not make such searches meaningless, but rather utopian in nature, and essential for the self-identification of the discipline through the questioning of its own conceptual foundations.

Keywords: justice, injustice, ethics, law, norm, value, rationality, social order, crisis of justice, ideal model, Ian Morris, Jon Elster, Paolo Prodi, Amartya Sen

References

- Elster J. (2018) *Kisly vinograd: issledovanie provalov ratsionalnosti* [Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality], Moscow: Gaidar Institute Press.
- FOM (2011) Spravedlivost ne torzhestvuet [Justice does not Prevail]. Available at: <https://fom.ru/Nastroeniya/10263> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2013) Chem my dorozhim? O samom vazhnom v zhizni rossiyan [What Do We Value? On the Most Important Things in Life of Russians]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/10994> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2013) O progressivnom nalogooblozhenii. Stoit li menyat deystvuyushchie normy nalogovogo prava? [On Progressive Taxation: Is It Worth Changing the Current Rules of Tax Law?]. Available at: <https://fom.ru/Ekonomika/10843> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2013) Rabotayushchie rossiyane o spravedlivom voznagrazhdenii za trud. Skolko poluchayut i skolko khotyat poluchat lyudi za svoju rabotu? [Working Russians' Idea of Fair Salary: How Much are People Paid and How Much do People Want to be Paid for Their Work?]. Available at: <https://fom.ru/blogs/11228> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2014) Chestnost v teorii i na praktike. Chto rossiyane dumayut o lzhi? I chasto li lgut sami? [Honesty in Theory and in Practice: What do Russians Think about Lies? And How Often do They Lie?]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/11453> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2017) O spravedlivosti i nespravedlivosti v rossiyskom obshchestve. Spravedливо li ustroeno rossiyskoe obshchestvo? I khotyat li vlasti sdelat ego bolee spravedlivym? [On Justice and

- Injustice in the Russian Society: Is the Russian Society Fair? And do the Authorities Want to Make It More Fair?]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/13279> (accessed 2 December 2019).
- FOM (2018) O spravedlivosti. Chto ustroeno spravedlivo, a chto — nespravedlivo v sovremennom rossiyskom obshchestve? [On Justice: What is Fair and Unfair in the Contemporary Russian Society?]. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14099> (accessed 2 December 2019).
- Layard R. (2012) *Schastie: uroki novoy nauki* [Happiness: Lessons from a New Science], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Levada-Center (2018) Rossiyanе nazvali osnovnye pretenzii k Putinu za vremya ego pravleniya [Russians Named Their Main Claims to Putin's Rule]. Available at: <https://www.levada.ru/2018/05/08/rossiyane-nazvali-osnovnye-pretenzii-k-putinu-za-vremya-ego-pravleniya> (accessed 2 December 2019).
- Morris I. (2017) *Sobirately, zemledeltsy i iskopaemoe toplivo: kak izmenyayutsya chelovecheskie tsennosti* [Foragers, Farmers, and Fossil Fuels: How Human Values Evolve], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Prodi P. (2017) *Istoriya spravedlivosti: ot plyuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti i prava* [A History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism of Conscience and Law], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Rawls J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice], Novosibirsk: Novosibirsk University Press.
- Sen A. (2016) *Ideya spravedlivosti* [The Idea of Justice], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Sztompka P. (2017) Spravedlivost [Justice]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 6, pp. 381–399.

О насилии истории

БОЯНИЧ П. (2018). НАСИЛИЕ И МЕССИАНИЗМ / ПЕР. С ФРАНЦ. О. ВОЛЧЕК. ЕКАТЕРИНБУРГ: КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ. 224 С. ISBN 978-5-7584-0227-6

Марина Симакова

Сотрудник факультета социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Гагаринская ул., д. 6/1А, г. Санкт-Петербург, Россия 191187
E-mail: msimakova@eu.spb.ru

Книга сербского исследователя Петара Боянича — перевод его недавней работы, вышедшей в 2015 году. Русскоязычное издание, так же как английская и французская версии текста, не имеет контекстуального предисловия. В этой ситуации небольшому введению, написанному автором к собственной книге, выпадает двойная роль: прояснять авторский метод деконструкции, попутно вводя читателя в исследовательскую проблематику, и указывать на предпосылки и ограничения этого метода, дисциплинарные и исторические. Именно такого методологического комментария этому изданию очень не хватает, особенно учитывая, что читатель здесь имеет дело с чрезвычайно герметичным проектом. Философская деконструкция, предпринимаемая автором, сама по себе нуждается если не в деконструировании, то по меньшей мере в прояснении деконструктивистской процедуры, ее герменевтических траекторий и тупиков. Данный текст представляет собой попытку подобного прояснения.

Вслед за своими учителями Деррида и Балибаром¹ Боянич исследует концептуальные основания насилия, размещая свой проект в границах мессианской, или, еще точнее, еврейской философии XX века. Столетие катастроф образует самоочевидный историко-политический фон, не требующий прямых заявлений и дополнительных оговорок, чреватых травматичной работой с исторической памятью (так, в книге почти ни слова о Шоа, которое, без всякого сомнения, является наивысшей точкой напряжения событий). Фокус здесь сознательно смещается, и центральной проблемой оказывается не неизбывность насилия, но его политическая неизбежность, сила как средство прекращения вражды, установления мира и оформления порядка. Иными словами, Боянич, вооружившись мессианской оптикой, переворачивает вопрос об учредительной власти: вместо энергии

© Симакова М. А., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-250-255

1. См.: Деррида Ж. (2000). Насилие и метафизика (эссе о мысли Эммануэля Левинаса) // Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина. СПб: Академический проект; Balibar E. (2010). Violence et civilité: Welles Library Lectures 1996 et autres essais de théorie politique. Paris: Galilée.

творения (спинозистской *potentia*) он видит в ней резервуар абсолютной силы, сулящей и катастрофу, и спасение. Подобного рода мессианский радикализм, пронизывающий отношения, которые Беньямин называет «правоустанавливающим насилием», заводит в тупик: невозможный этически, он тем не менее требует себе философского оправдания. Это требование отсылает к «необходимому, но невозможному» поиску основания, которое гарантировало бы институционализацию насилия» (с. 12). Онтологический статус насилия при этом выносится за скобки: насилием может быть что угодно и вершиться оно может как угодно. Пустой, а точнее, отсутствующий исток насилия, к которому постоянно отсылает наше мышление, все еще захваченное метафизикой, можно рассматривать в качестве ключевой пресуппозиции автора и опоры его деконструктивистского метода. Боянич отправляется на поиск «зыбких, неустойчивых элементов», предлагая для этого способ, который он называет «симптомологическим прочтением» — извлечение неявных текстовых логик, порой не совпадающих с магистральными линиями рассуждений и авторскими интенциями. Философские герои Боянича — Деррида, Левинас, Розенцвейг и Беньямин, и именно с их текстами он проводит свою хитрую герменевтическую операцию. Материал, пущенный им в работу, обширен, но при этом сложно назвать его полным или даже репрезентативным: выбор этого материала продиктован субъективными и не очевидными для читателя соображениями. Боянич привлекает к анализу большое количество периферийных источников (личную переписку, переводы и комментарии священных текстов, сербский фольклор и пр.), присматривается к деталям, ускользающим от внимания, и при этом полностью выносит за скобки некоторые из ключевых текстов означенных авторов. Вероятно, того требует сам метод, посредством которого Боянич пытается доискаться до ответа на прямо поставленный вопрос: какова связь между мессианской идеей и насилием/войной?

Говорить о какой-либо структуре тезисов, формализующей эту связь и придающей ей конкретные очертания, в случае с текстом Боянича не приходится. «Симптомологическое прочтение» напоминает блуждание, семиотический дрейф с моментами глубокого погружения в поиске скрытых или даже утерянных смыслов. Предприятие по спасению смыслов от забвения иной раз забывает себя самое, становится самоцелью и в этом плане может рассматриваться скорее как оригинальная попытка тематизации отношений (насилия и мессианизма, войны и мира и т. д.), нежели как попытка систематизации. Первой из таких тем оказывается политизированная интерсубъективность — раскол между Я и Другим, выступающий в качестве предтечи возможного насилия. Этот раскол есть непреодолимая граница между ними, интернализированная всяким субъектом и размечающая нутро его политического тела. Здесь Боянич обращается к иммунологии, и в частности к идее *автоиммунитета* Деррида², с помощью которой он восходит к философии Левинаса, указывая на ее имплицитное гегельянство. Гегельянство представляет

2. См.: Деррида Ж. (2005). Разбойники. Колесо, свободно вращающееся / Пер. с франц. Д. Калугина под ред. А. Магуна // Новое литературное обозрение. № 2(72). С. 31–60; Derrida J. (2004). Autoimmunity:

собой нередуцируемый остаток, функционирующий в левинасовском рассуждении точно так же, как его ключевой концепт — тот самый Другой, делающий самоидентичность Я невозможной. И хотя Левинас, равно как и Розенцвейг, занимается последовательным вытеснением гегелевских интуиций, он, как это убедительно показывает Боянич, находится гораздо ближе к Гегелю, чем кажется на первый взгляд. Так, аллергия как постоянное сопротивление Другому, которой Левинас призывает сопротивляться (т. е. призывает к «аллергии к аллергиям», отрицанию отрицания), синонимична гегелевскому пониманию гомеопатии — терапии, построенной на постоянной работе с чужеродным элементом, который никогда не может быть полностью инкорпорирован организмом, но при этом располагается внутри него. Постановка под вопрос самого себя, вызванная присутствием Другого, означает постоянный диалектический и аутоиммунный процесс самоусвоения, являющийся одновременно прототипом болезни (претерпевания насилия) и условием выздоровления (избавления от насилия).

Потаенная фигура Другого, одновременно выступающего главным собеседником и ключевым противником, парадигматична для каждого из теоретиков, чьи тексты Боянич подвергает деконструкции. Для Левинаса Другим оказывается Гегель, для Бенямина — Шолем, а для Розенцвейга — его учитель Мейнеке. Другой в данном случае может быть приравнен к врагу, но это не внешний враг, задающий экзистенциальное противостояние, результирующее, как сказал бы Шмитт, в возникновение политического, а враг внутренний. Такой враг не может быть ни принят, ни изъят, ни ассимилирован, и, явленный в качестве угрозы, он парадоксальным образом обретает конституирующее значение для субъекта философской и политической жизни³. «Субъект является субъектом, поскольку он движим (инициирован, спровоцирован) насилием, поскольку он отмечен, открыт и закрыт насилием, поскольку он испытывает страдания, поскольку ему был нанесен ущерб, поскольку он отвечает и реагирует именно на насилие, каковое выступает ориентиром его развития» (с. 70).

Война как политическая форма вражды, а точнее, с необходимостью присутствующее в этой войне насилие, предшествует миру, который еще только предстоит установить. Война представляет собой незавершенный проект перевода насилия как «чего-то более страшного, чем война» и «чего-то более священного, чем мир». Вместе с тем, как пишет Розенцвейг, всякая война предполагает, что в противнике «дремлет „тоска по миру“», и цель войны — разбудить эту тоску ради установления хрупкого мира с помощью нового договора, превращающего противника в раба (с. 134). Но как установить мир, раз и навсегда порывающий с насилием, а не просто временно приостанавливающий его действие? Возможно, это

Real and Symbolic Suicide: A Dialogue with Jacques Derrida // Borradori G. *Philosophy in a Time of Terror: Dialogues with Jürgen Habermas and Jacques Derrida*. Chicago: University of Chicago Press. P. 85–136.

3. Боянич комментирует данный сюжет в примечании: «Все эти авторы определяют Другого как врага, но не все как такого врага, которого следует уничтожить или ассимилировать; для них всех враг этот — тот, кто уничтожает и атакует» (с. 48).

означает увидеть врага иначе, отказаться от стремления сделать его инструментом собственных интересов или рабом — попытаться установить с ним отношения *иного рода*. Именно это допущение заставляет Боянич задаваться вопросом: «Как полюбить своего врага?» Этот вопрос, недвусмысленно отсылающий к Нагорной проповеди, выносится за пределы христианской этики, с тем чтобы оказаться предметом мессианской политики. Модерную философию, работающую с еврейской традицией, невозможно вывести за рамки христианской культуры. В этом смысле парадоксы и апории, которые Боянич то и дело обнаруживает в трудах теоретиков политического мессианизма, порой выглядят ожидаемым следствием диалектики двух религиозных культур.

Так, для Розенцвейга политические войны, раздирающие Европу в Новое время, наследуют универсалистским амбициям христианства. Это битвы за общий мир, но не за Бога, битвы, стирающие различия между светской и религиозной войной. Миф о религиозной войне, хранимый еврейской культурой вплоть до начала XX столетия, не позволяет воспринимать политическую (т. е. светскую, историческую) войну всерьез, и именно этот скепсис, питаемый культурной памятью, составляет, по Розенцвейгу, подлинный пацифизм⁴. Светская война, будь то война Клаузевица или Юнгера, не ведет к миру; не ведет к нему и отказ от войны как средства. Для того чтобы установить мир и жить в мире, требуется отказаться от истории. Только ставка на постисторическое время и стремление отдалиться его «тяге» (*Zug*) образует пацифистскую установку. Заповедь о любви к врагу «является самым мощным орудием в завоевании (и подчинении) мира» (с. 96), а светский и идеалистический пацифизм есть лишь виньетка, трогательный «аксессуар» милитаризма. Врага следует поместить за пределы истории и мира для того, чтобы однажды поменяться с ним местами: самому стать врагом, претерпевающим спасительный божественный удар. Здесь Боянич делает неожиданный герменевтический ход: он призывает доработать мессианский ключ, привычно применяемый в трактовке рассуждений Розенцвейга. Проследив эволюцию его воззрений на ход и характер Первой мировой войны, Боянич показывает, что политическая война в конечном итоге может выродиться в войну мессианскую, и значит, стать решающей и последней (с. 143). Речь здесь идет не просто об ожидании конца истории, но о ее *ускорении* — о приближении ее финала.

Еще одна тема, с которой Боянич обращается куда более осторожно, чем с войной, и которая вырисовывается лишь к концу книги, это тема мятежа. Мятеж против права, против государства, против *realpolitik*, против экономики жертвоприношения, сопутствующей всякой войне, есть живой нерв «позитивного нигилизма» Беньямина, представленного в его «Критике насилия». Мятеж, как подчеркивает Боянич, цитируя Блоха, есть истинно мессианская идея, присутствующая уже в неповиновении Моисея египтянам. Отмычкой к тексту Беньямина, по Бояничу, является история Корея, которая, как правило, упускается в интерпретациях

4. Розенцвейг Ф. (2017). Звезда избавления / Пер. с нем. Е. Яндугановой. М.: Мосты культуры. С. 370.

«Критики». В соответствии с Книгой Чисел, четвертой книгой Пятикнижия, богач Корей из рода левитов организует восстание против Моисея и Аарона, и в обход первосвященства последнего бунтовщики приносят жертвенное воскурение богу, заявляя свое право на власть. Повстанцев постигает божественное возмездие: земля разверзается, унося в бездну Корей и его соратников. Для Беньямина мятеж Корей — это эгоистичный бунт богача и лицемера, целью которого является вовсе не ниспровержение правопорядка, а «привилегии и бенефиции». Корей выступает как лжепророк, лжемессия и лжереволюционер, на которого обрушивается «божественное насилие», открывающее дорогу истинному радикализму (с. 196).

Именно через фигуру мятежника Боянич приходит к финальному вопросу книги — вопросу о возможности окончательной победы в истории, о ее предполагаемом субъекте и обстоятельствах. Он предлагает читать «Тезисы о понятии истории» Беньямина как тезисы о победе. Вопрос о грядущей победе здесь точно встраивается как раз между «мессией» и «революцией»: три эти предмета вместе образуют причудливую констелляцию, означенную постоянной игрой сакрального и профанного (или если держаться драматургической канвы «тезисов», то союзом теологии и исторического материализма, победа которого, как и исход шахматной партии, никогда не гарантирована). История не может быть написана побежденными (как это может показаться при прочтении тезисов *prima facie*), но исторический материалист может попробовать их спасти: изъять из истории побед и поражений «разрушительную энергию», канализировать ее, превратив таким образом в чистое, «божественное» насилие, избавляющее от той вражды, которая, по Беньямину, оказывается закреплена в праве. Примечательно, что Боянич высвечивает радикальное сомнение Беньямина, эксплицитно присутствующее в тексте: при всех упованиях на уничтожение врага — а таким врагом оказывается сама история, написанная победителями и не щадящая даже мертвых — «побеждать этот враг продолжает непрестанно»⁵.

Идя наперекор Беньямину, Боянич не столько деконструирует, сколько принудительно разделяет революционную и мессианскую политику, оказываясь на стороне последней. В итоге политическое послание книги можно резюмировать следующим образом: *мессианизм как революция*, однажды получивший доступ к чистому насилию, не смог прервать историю поражений; *революция как мессианизм* оставляет «принцип надежды» — не сожаление, но настойчивое ожидание момента, открывающего «неминуемо лучшие дни». Боянич приводит читателя к этому подлинно мессианскому финалу, словно возвращаясь в точку исхода. В этом, пожалуй, и состоит его цель: заявить о мессианской философии как об особой философии конфликта, утверждающей невозможность вывода истории из круга политического насилия ровно так же, как и необходимость ее конца.

5. Беньямин В. (2012). О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии: медиаэстетические произведения / Пер. с нем. И. Болдырева. М.: РГГУ. С. 240.

On the Violence of History

Marina Simakova

Research Fellow, Department of Sociology and Philosophy, European University at St. Petersburg

Address: Gagarinskaya 6/1 A, Saint-Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: msimakova@eu.spb.ru

Book Review: Petar Bojanić, *Nasilie i messinaizm* [Violence and Messianism] (Ekaterinburg: Kabinetny ucheny, 2018) (in Russian).

В поисках утраченной современности

ДЖЕЙМИСОН Ф. (2019). ПОСТМОДЕРНИЗМ, ИЛИ КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА / ПЕР. С АНГЛ. Д. КРАЛЕЧКИНА; ПОД НАУЧ. РЕД. А. ОЛЕЙНИКОВА. М.: ИЗД-ВО ИН-ТА ГАЙДАРА. 808 С. ISBN 978-5-93255-542-2

Николай Афанасов

Младший научный сотрудник, Институт философии РАН
Адрес: ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 109240
E-mail: n.afanasov@gmail.com

Под знаменем постмодернизма прошли последние несколько десятилетий философской истории, когда ведущие интеллектуалы и деятели искусства сталкивались с необходимостью сформулировать свою позицию в отношении его идейного содержания. Отечественная философия не оставалась в стороне и в 1990-е годы пережила особое увлечение постмодернистской критикой культуры и тем, что считала «постмодернизмом» в философии. Интерес к явлению мысли, впрочем, не остался в прошлом, а продолжает задавать интеллектуальную моду во многих областях социально-гуманитарного знания. Но был ли понят постмодернизм?

Обращаясь к наиболее важным публикациям отечественных учёных, упоминающим постмодернизм, осмелимся утверждать, что статус постмодернизма как продуктивной социально-философской программы интерпретации реальности позднего капитализма фактически не был осознан российским философским сообществом. Но сам термин прижился и прочно вошёл в наш активный философский словарь. Во многом как способ описания не только повсеместного культурного упадка на пространствах бывшего социалистического лагеря, но и в целом как способ критического осмысления вектора развития, принятого Западом. Как артикуляции тупика, в котором, по мнению некоторых философов, оказалась философия и культура¹. Слово приобрело главным образом негативные коннотации.

Резюмируя положение дел, не было бы преувеличением заявить, что термин «постмодернизм» имеет не вполне конкретный и реально существующий референт, но вместо этого отсылает к сложившемуся в сообществе конвенциональному представлению об означаемом. Право на интерпретацию в философии не может быть поставлено под сомнение, но в данном случае речь идёт не только об интерпретации, но даже и о подмене понятий, осознанность которой необходимо проанализировать. В самом ли деле постмодернизм обвиняют в том, в чём его обвиняют? И в самом ли деле обвиняют постмодернизм, а не нечто другое? В частности, можно было бы изучать примеры стилистической иронии на тему интеллектуаль-

© Афанасов Н. Б., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-256-265

1. Гобозов И. А. (2015). Постмодернизм — эпоха медиократов // Вопросы философии. Т. 9. № 12.

ной моды на постмодернизм: «В расхожем мнении постмодерн — течение новейшее... Его востребованность растёт, не скрывая усталости возраста... Постмодерн сам становится *знаком знака*, отражением себя, пустой модой (например, когда его фичи втыкают „для красоты“, без иронии стиля)»².

Важнейшей характеристикой знакомства с постмодернизмом в русскоязычном пространстве стало определённое преломление исследовательской перспективы, связанное с рецепцией постмодернизма в работах таких французских авторов, как Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, М. Фуко, чья философия стала и до сих пор остаётся синонимом «классики»³ постмодернистской теории. Философ Александр Павлов в предисловии «Странная жизнь постмодернизма» к книге Фредрика Джеймисона обращает внимание на то, что эта историко-философская парадигма должна быть поставлена под сомнение: «...формируется взгляд, будто постмодернизм — это прежде всего французские философы... Установка на такое понимание постмодерна некритически воспроизводится в отечественной научной литературе» (с. 14–15). Нельзя сказать, что подобное общепринятое историко-философское представление не имеет отношения к реальному феномену постмодернизма, но констатируем, что полноценное представление о нём она сформировать не способна. При этом инерция подобного понимания поражает. К примеру, в серии научно-популярных книг «ЛекцииPRO» недавно вышли «Лекции по философии постмодерна» антрополога и экономиста Дмитрия Хаустова, которые обещают ввести «читателя в интересный и запутанный мир философии постмодерна, где обитают такие яркие оригинальные фигуры, как Жан Бодрийяр, Жак Деррида, Жиль Делёз и другие»⁴.

Думая об искушённом читателе, который собирается прочесть книгу Фредрика Джеймисона, осмелимся утверждать, что чтение этого труда будет необычайно полезно. В первую очередь речь идёт об историко-философском прояснении понятия «постмодернизм». Это необходимо в двух отношениях. Во-первых, научная честность философского сообщества предполагает рефлексивное отношение к употреблению понятий, для чего следует ознакомиться с их содержанием. Но генезис постмодернизма также важен для включения в научный оборот современных социальных теорий, относящих себя к «постпостмодернизмам» и многое в явном или неявном виде заимствующих у Джеймисона⁵. А во-вторых, сказанное

2. Рубцов А. В. (2011). Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии. № 10. С. 37.

3. Махаматов Т. М. (2011). Критика постмодернизма: вперед к классической философии // Гуманитарные науки. № 3. С. 109.

4. Хаустов Д. С. (2018). Лекции по философии постмодерна М.: РИПОЛ классик. С. 1.

5. В последние два десятилетия социально-философский поиск привёл к появлению концепций диджимодернизма, автомодернизма, космодернизма, метамодернизма, гипермодернизма и ряда других, во многом отгалкивающих от философии именно Джеймисона и в гораздо меньшей степени опирающихся на континентальную традицию. См.: Kirby A. (2009). *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London: Continuum; Moraru C. (2015). *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor: University of Michigan Press; Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T. (eds.). (2017). *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Lanham: Rowman & Littlefield.

философом не является устаревшим, а в самом деле удачно схватывает явления актуальной современности.

Полемическая сложность контекста первого на русском языке издания фундаментального труда американского философа-марксиста Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» очевидна. Работа фактически представляет собой развитие идей одноимённого эссе, изданного в 1984 году⁶ и с изменениями вошедшего в книгу в качестве первой главы. Сама книга, как целое, появилась в 1991 году⁷, предлагая читателю расширенное применение идей Джеймисона о культурной логике позднего капитализма в отношении эмпирического материала архитектуры, изобразительного искусства, кинематографа, литературы, а также обозначая ключевые черты современности для человека.

Дистанция в два десятилетия, которая не является исторически значимой, но представляется вполне ощутимой на карте философской литературы в XX и XXI веках, позволяет картографировать, если использовать терминологию самого Джеймисона, перевод книги любопытным образом. Для этого в самом общем ключе определим контекст русскоязычных переводных изданий. С одной стороны, переводы актуальных и волнующих русскоязычное сообщество трудов выходят с достаточной степенью оперативности. В этом отношении отставание от «философской моды», если оно и происходит по тем или иным причинам, не составляет и десяти лет. С другой стороны, значительная часть переведённой литературы — это «утраченная классика», то есть труды, оказавшие колоссальное влияние в своей исследовательской сфере, но по каким-либо причинам не переведённые в то время, когда вокруг них шла наиболее оживлённая дискуссия⁸.

С нашей точки зрения, применение этого формального критерия к рассматриваемому переводу Джеймисона помещает его в первую очередь в категорию «философской классики», поскольку, как это ни парадоксально, сам постмодернизм, как методологическая стратегия, и понятие «постмодерн», как язык описания эпохи, следующей за модерном, утрачивают конвенциональную исследовательскую релевантность в социально-философских парадигмах при анализе мира, существующего вокруг нас сегодня⁹. Утрачивает значение термин в связи с настоящим, сменяясь постпостмодернизмом. Отношение между ними можно было сравнить

6. Jameson F. (1984). Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. № 1.

7. Jameson F. (1991). Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durhanm: Duke University Press.

8. Хорошим примером, иллюстрирующим этот пласт переводной литературы, является выход в 2018 году перевода классической работы Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни», снабжённого фундаментальным предисловием Дмитрия Куракина, которая впервые была издана в 1912 году. См.: Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. В. В. Земсковой под ред. Д. Ю. Куракина. М.: Элементарные формы. В том же году вышел и другой перевод: Дюркгейм Э. (2018). Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с франц. А. Аполлонова, Т. Котельниковой. М.: Дело.

9. См.: Павлов А. В. (2018). Социальная теория: постмодернистский поворот — модернистский разворот // Общественные науки и современность. № 5. С. 158–170.

с соотношением постмодернизма и модернизма. Ведь постмодернизм не отрицал модерн и социальные теории его описывающие, а во многом на них опирался. Но, что важнее, именно завершение процессов, которые послужили социально-экономическим базисом для построения проекта постмодернизма, позволяют нам ретроспективно, с позиции произошедших и ставших явными изменений, увидеть, что же представляла собой эта эпоха, потребовавшая новой, отличной от модернистской, оптики рассмотрения. А также в дальнейшем ясно сформулировать ответ на вопрос, в чём состоял философский проект постмодернизма и почему он, по мнению многих современных философов, завершился: «С постмодернизмом вопрос остаётся открытым. Он даже не просто изменился, а то ли умер, то ли закончился, то ли „растворился в воздухе“ (ведь мы знаем, что „всё прочное растворяется в воздухе“, как это заметили ещё Маркс и Энгельс и не раз повторяли их последователи), то ли мутировал, то ли превратился в призрак» (с. 7).

«Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» 2019 года на русском языке может изменить (но необязательно изменит) понимание постмодернизма в отечественной философии, для которой он продолжает выступать в некотором роде точкой отсчёта, пусть и с негативными коннотациями, в системе социально-философских и культурных координат. Сам факт появления этого классического для западной мысли труда на русском может спровоцировать историко-философскую дискуссию вокруг понятия, истории его употребления и понимания. Впрочем, утверждать, что это первое появление американского извода постмодернизма на отечественном рынке интеллектуальной литературы было бы несправедливо, поскольку в 2011 году вышла замечательная работа историка-марксиста Перри Андерсона «Истоки постмодерна»¹⁰, где, в частности, особенно подробно рассматриваются идеи Джеймисона. Однако все предыдущие попытки, включая книгу Андерсона, не были замечены философским сообществом, чьё сформировавшееся представление о постмодернизме оставалось герметичным. Мы не берёмся утверждать, что книгу Джеймисона не постигнет такая же участь, но большой к ней интерес, а также развитие самой читающей публики внушают осторожный оптимизм.

Жизнеспособность концепции постмодернизма и его описательная сила были поставлены под сомнение современными социальными теориями, даже если их авторы изначально и придерживались постмодернистских установок, как это было с Зигмунтом Бауманом¹¹. Но именно американские идеи, сосредоточившиеся на применении марксистской методологии анализа позднего капитализма, в гораздо большей степени повлияли на современные социально-философские концепции, нежели это удалось европейским авторам. Задача понимания современности остаётся и стоит перед мыслящим субъектом в качестве столь же острого вопроса,

10. См.: Андерсон П. (2011). Истоки постмодерна / Пер. с англ. А. Апполонова под ред. М. Маяцкого. М.: Территория будущего.

11. Бауман З. (1994). Спор о постмодернизме / Пер. с польск. А. Д. Ковалева // Социологический журнал. № 4. С. 69–80.

как и само существование субъекта в постмодернизме (с. 275–276). Чтобы не оставаться с современностью ли, постсовременностью ли, а возможно, и с постпостсовременностью один на один, не потеряться в этих понятиях, должно быть сформировано чёткое, немифологизированное понимание того, откуда произошла эта концепция и что ее автор хотел сказать о мире.

Ясность, которой так часто не хватает в дискуссиях о постмодернизме, должна отталкиваться от модернистского, благо это предполагалось самим Джеймисоном, понимания философского высказывания: «Надёжнее всего схватить понятие постмодерна как попытку исторически помыслить настоящее — в эпоху, которая первым делом забыла о том, что значит мыслить исторически» (с. 57). Начать, с нашей точки зрения, необходимо не с того, что чаще всего ассоциируется с проявлениями постмодернизма (с искусства), но с того, что наиболее значимо и актуально для постмодерна, что отличает ситуацию начала XX века от ситуации после Второй мировой войны. Речь идёт о трансформациях капитализма, обычно понимаемого как воплощение феноменов и достижений модерна. Но в результате «разрыва», произошедшего на рубеже 1950-х и 1960-х годов (с. 83), капитализм претерпел такие количественные трансформации, которые позволяют говорить об изменении самой его сущности.

Как отмечает Джеймисон, тот необычайный расцвет культурного производства и культурной индустрии во всех отношениях, как и само появление феномена массового культурного производства, являются лишь производными от изменения экономической модели и совершенствования самих средств производства (с. 90). Принципиально важно, что несмотря на прекрасное его владение материалом в сфере культуры и несомненный интерес именно к высокой культуре — Джеймисон начинал свой творческий путь как литературовед — философ неоднократно подчёркивает актуальность марксистского по своей сути метода в применении и к массовой культуре, которую он делает предметом своего анализа. Метода, признающего примат реальности за экономическим положением дел, которое в дальнейшем определяет культурное мироощущение эпохи. В сущности, соотношение и взаимовлияние между культурой и экономикой является одним из центральных вопросов и для постмодернистской теории, но отправной пункт философского исследования в ситуации постмодерна выстраивается от констатации изменений в экономике. Причины этого очевидны: экономика как минимум является более удобным предметом для анализа, и на её материале легче проследить качественные изменения модернистского проекта капитализма¹².

Сводить новаторство подхода Джеймисона к анализу позднего капитализма и его влиянию на культуру было бы несправедливо по отношению к другим социальным теоретикам второй половины XX века. В частности, критическая теория неомарксизма Франкфуртской школы гораздо раньше Джеймисона заявила о трансформации идеологии из-за развития индустриальных способов произ-

12. Lash S. (1990). *Sociology of Postmodernism*. London: Routledge. P. 124.

водства, а также ввела в обиход понятие позднего капитализма, которым активно пользуется Джеймисон¹³. Однако желающего обнаружить, что же качественно новое случилось с капитализмом помимо увеличения его производительных сил, а также повышением степени отчуждённости человека от себя самого, ждёт разочарование: критический потенциал Франкфуртской школы был направлен, с одной стороны, на политическую критику устройства развитых капиталистических демократий Запада, а во-вторых, на описание деструктивного влияния идеологии на человека.

Основная новаторская идея Джеймисона в отношении капитализма — это прочная увязка культурного производства и экономической логики. Логика эта заключается в том, что культура теряет автономию и больше не может не подчиняться законам спроса, не может быть отделена от рынка. В качестве экстремального примера расширившегося влияния логики капитализма философ демонстрирует, что она проникает в том числе и туда, где должен был бы господствовать психоанализ и первичный опыт внешнего мира: «...поразительное новое расширение мультинационального капитала заканчивается колонизацией и проникновением в те самые докапиталистические анклавы (Природы и Бессознательного)» (с. 162). Поздний капитализм не характеризуется влиянием на человека через индустриальные способы производства, где роль человека сводится к выполнению монотонных повторяющихся операций. Важнее, что в мире вне работы, в мире культуры, человек находится во власти капиталистического товарного производства.

Но и само производство ставится под вопрос. Возможно, оно принадлежит прошлому и не определяет ситуацию постмодерна, для которой ключевой категорией является воспроизводство. Сравнивая производственную культуру индустриальной эпохи с современной, Джеймисон пишет: «...машины на самом деле являются машинами воспроизводства, а не производства, и к нашей способности эстетической репрезентации они предъявляют требования, совершенно отличные от тех, что предъявлялись довольно-таки миметической идолатрией старой машинерии» (с. 142). Так, хорошо знакомая каждому современному человеку операция на компьютере «копировать» — «вставить» прекрасно иллюстрирует это новое изменение. И в сущности, тот колоссальный объём производства цифровой индустрии работает именно в логике воспроизводства, в которую сейчас включён и каждый пользователь компьютера. Джеймисон одним из первых указывает на эту трансформацию, которая достигнет своего апогея именно в наши дни повсеместной компьютеризации.

При этом сам Джеймисон, будучи марксистом, критикует левую теорию за излишне оптимистичные убеждения: «Ни одна теория культурной политики, разделяемая сегодня левыми, не могла обойтись без того или иного представления о минимальной эстетической дистанции, о возможности позиционирования культурного акта вне сплошного Бытия капитала, причём только с опорой на такой акт

13. Хоркхаймер М., Адорно Т. (1997). Диалектика Просвещения: философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента.

можно начать атаку на это бытие... Эта дистанция в целом (включая и „критическую дистанцию“ в частности) как раз и была уничтожена в новом пространстве постмодернизма» (с. 162). Радикализм его подхода в отношении к капитализму в том, что высказывание вне логики капитала принципиально невозможно. Капитализм качественно изменился, обратив в товар и докапиталистическое, и внекапиталистическое, тем самым нивелировав пространство критической дистанции. Джеймисон предлагает помыслить капитализм радикально, не примешивая к нему идеологию или политику, ведь именно чистый капитализм характеризует современность (с. 87). Сам философ иронично замечает, что и его труд встроены в эту логику, и поэтому ни о каком действительно критическом потенциале говорить нельзя (с. 92).

Другим важным и актуальным для современной социальной теории аспектом философских идей Джеймисона является смещение внимания с темпорального измерения жизни, как индивидуального субъекта, так и исторических общностей разного масштаба, на пространственное: «Кризис историчности заставляет сегодня заново вернуться к вопросу о темпоральной организации как таковой в постмодернистском силовом поле и, по сути, к проблеме формы, которую время, темпоральность и синтагматика смогут принять в культуре, все больше управляемой пространством и пространственной логикой» (с. 125). Это важнейшее наблюдение, сделанное философом главным образом на материале авангардистского и прогрессивного искусства 1960-х и 1970-х годов, интересным образом преломляется после повсеместной диджитализации жизненного мира в развитых обществах. Темпоральность жизни, находящаяся на пространственных поверхностях экранов, конструируется субъектом согласно условиям функционирования новых структур, механизмы которых являются предметом исследования новых социальных теорий¹⁴.

Мысль Джеймисона о шизофреническом характере вечного пребывания в настоящем также одна из центральных тем книги, не утрачивающих своей объяснительной силы. Возможно, распространение новых медиа лишь даёт нам больше эмпирического материала для её подтверждения. «Шизофрения» понимается Джеймисоном не как медицинское заболевание, но в смысле трансформации переживания темпоральности субъектом (с. 126–127). Эта трансформация характеризуется утратой способности к подлинному переживанию и эстетизацией того, что является его субститутом. При этом недостаток переживания замещается увеличивающимся желанием его получить и интенсификацией эстетизации получаемого. Мир постмодернистского субъекта распадается на сменяющие друг друга яркие вспышки переживаний, опосредованных массовой культурой и воспроизводством эстетического, а жизнь вместо длительного, рационального, самостоятельно спланированного проекта становится чередой потребляемых впечатлений, не конструирующих её как целое.

14. Kirby A. (2009). *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London: Continuum. P. 273–277.

Если постмодернизм часто подвергается критике в современной социальной философии, носящей в том числе и оценочный характер и наследующей критический потенциал философских теорий¹⁵, то в некоторых областях методологические установки постмодернизма становятся авторитетным ядром исследовательских программ. Постмодернизм предлагает рассматривать объекты культуры в связи с их товарным статусом, а не исходя из их культурной ценности, предостерегает от включения оценочных суждений, претендующих на универсальный статус по отношению к эстетическому. Важнейшей методологической установкой также является упразднение разделения культуры на высокую и низкую (с. 188). В первую очередь такое положение дел можно наблюдать в современной эстетике, а также при работе гуманитарного знания с продуктами массовой культуры. Глобальность применимости постмодернизма по отношению ко многим культурам и обществам, лишь недавно вступившим на путь вестернизации, возрастает, что могло бы удивить самого Джеймсона в 1980-е годы, поскольку он главным образом разрабатывал свою теорию на эмпирическом материале США, в которых экономический рост и формирование общества потребления после Второй мировой войны были наиболее очевидными. Показательным примером подобного использования постмодернистской методологии при работе с продуктами культуры будет, в частности, анализ японской поп-культуры¹⁶.

Однако одним из главных медиа той современности, которая берет начало в 1950-е годы, является кинематограф, о чём пишет и сам Джеймсон. Являясь выражением духа постмодернизма в искусстве, с трансформацией линейности времени, интенсификацией насыщенности опыта, гиперреальностью образов, кино вместе с переизобретённой фотографией (с. 366) занимает важнейшее положение в современной массовой культуре, форматируя мир смыслов современного человека. И последние тенденции в сфере производства голливудского кинематографа заставляют вспомнить о тех ключевых характеристиках, присущих культуре постмодерна, на которые указал Джеймсон: пастиш, как логика воспроизводства, и упоминаемая выше шизофрения (с. 107, 123).

У читателя этой огромной и сложной книги, берущегося за столь непростую задачу, есть и посильная помощь, часть которой заключается в несомненном литературном таланте Фредрика Джеймсона, чей блестящий стиль был сохранён в переводе Дмитрия Кралечкина. Помимо стилизации чтения и понимания облегчает использование Джеймсоном огромного количества примеров из культуры для иллюстрации своих идей. Многие из этих примеров имеют настолько важный культурный статус и такую широкую известность, что следить за ходом мысли философа будет просто, не прибегая к внешним источникам. Менее визуально знаменитые, но имеющие ключевое значение для понимания мысли, изображения

15. См.: Федотова В. Г. (2018). Социальное в социологии и в социальной философии сегодня // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 22–38.

16. Шуმიлова А. Ю. (2018). Эпоха мюз и постмодернизма в японской поп-культуре // Магера Ю. А. (ред.). Манга в Японии и России. Вып. 2. Екатеринбург: Фабрика комиксов. С. 26–35.

можно найти в приложении в конце книги, где представлен ряд фотографий и рисунков, в том числе дома Фрэнка Гэрри и схема кадра из «Ностальгии» Андрея Тарковского. Отсутствие репродукций творчества Энди Уорхола, к которому часто обращался Джеймисон, компенсируется дизайном книги, чья чёрная супер-обложка обыгрывает работу Уорхола «Feet with Campbell's Soup Can» 1960 года и скрывает основную белую обложку, где изображены уже восемь банок: пытаюсь увидеть культурную логику капитализма, мы увидим лишь больше капитализма.

Помимо этого, книга снабжена обстоятельным концептуальным предисловием Александра Павлова (с. 7–53), о котором необходимо сказать несколько слов. Предисловие не испортит удовольствия от чтения работы, а лишь увеличит его, поскольку помещает книгу Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» в широкое дискурсивное поле социально-философской мысли последних четырёх десятилетий, говоря о рецепции идей Джеймисона в современной левой мысли (с. 37–39). Автор повествует и о самом пути Джеймисона в осмыслении постмодернизма, от понятия которого философ впоследствии отошёл, но не отказался: «Хотя Джеймисон устал от термина „постмодернизм“ и заявил, что в итоге он может означать всего лишь одно название глобализации, он вернулся к теме, чтобы сделать важное заявление» (с. 51). Заявление о том, что конец постмодернизма — это про стиль, а не про эпоху, которая если и завершилась, то в своём историческом бессознательном несла культурную логику позднего капитализма, о которой и написана книга.

Постмодернизм был попыткой объяснения глобализирующегося мира, попыткой, отталкивающейся от экономики, но говорящей о мире человека, мире культуры, которая создаётся в тесном взаимодействии с экономикой. Интеллектуальное влияние этого тезиса продолжает сказываться на исследованиях современности. Джеймисон использует предложенную марксистом-экономистом Эрнестом Манделем модель, выделяющую три скачка в развитии капитализма, повлекших за собой трансформации в культуре: внедрение паровых машин, электрификация и ядерная энергетика (с. 140–142)¹⁷. Следует признать, что мы, хотя и продолжаем жить в атомную эпоху, не можем считать атомную энергию её сущностной чертой. Скорее следующим технологическим скачком будет компьютеризация и диджитализация, которые меняют современный капитализм и становятся драйвером для появления новых социально-философских подходов¹⁸. Но это не свидетельствует о фундаментальной неправоте подхода Джеймисона, а скорее работает как аргумент в его пользу.

Принимая справедливость размышлений Джеймисона о статусе интеллектуальных теорий, идеологий, философских концепций, включённых в индустрию культурного производства, затрагивающую и интеллектуалов, ставших в рамках

17. Заметим, что помимо истории технологического развития капитализма Джеймисон использует и термин «поздний капитализм», ставший популярным благодаря английскому переводу книги Мандела: *Mandel E. (1978). Late Capitalism. London: Verso.*

18. См.: *Срничек Н. (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ. М. Добряковой. М.: НИУ ВШЭ.*

умственного разделения труда также производителями капитализируемого продукта для массового общества, рискнём сделать одно предположение. Постмодернизм не выступает синонимом отрицания и упразднения достижений и проектов модернизма и даже традиционализма, напротив, они, со всеми всеми присущими им феноменами, в некотором роде могут продолжать существовать в его рамках, являясь частностью более общей системы и описательной модели¹⁹. «От выражения „постмодернистский“, — пишет Джеймисон, — я порой уставал не меньше любого другого, но, когда мне кажется, что стоило бы пожалеть о том, что я приложил к нему руку... я всё-таки останавливаюсь и задаюсь вопросом о том, может ли какое-то другое понятие отразить эти проблемы столь же эффективно и одновременно экономно» (с. 796).

Непонятность, парадоксальность, обилие интерпретаций, затеняющих смысл явления, не есть непреодолимые препятствия для философского разума. В таком случае поиск утраченной современности — это не всегда поиск современности, которой уже нет, но современности, которая стала «пост-». И книга «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» Фредрика Джеймисона на русском языке, будучи фундаментальной теоретической работой, имеющей несомненную историко-философскую ценность хотя бы как историческое описание интеллектуальной рецепции постмодернизма, вкупе с методологическим потенциалом для понимания современности, может и должна помочь в этом нелёгком деле читателю. В случае, конечно же, если его не будет ожидать участь революционных, провокативных, опасных идей, которые «теперь превращаются во множество материальных означающих, по которым взгляд скользит, не задерживаясь на них» (с. 330). По меньшей мере, чтение этой книги — повод задержать свой взгляд, попутно вооружив его навыками «скольжения», столь необходимыми при работе с современностью, по не стоящим внимания материальным означающим, тем самым очерчивая сферу действительно важного.

In Search of Lost Modernity

Nikolai Afanasov

Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Address: Goncharnaya str., 12/1, Moscow, Russian Federation 109240
E-mail: n.afanasov@gmail.com

Book Review: Fredric Jameson, *Postmodernizm ili kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism] (Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019).

19. См.: Павлов А. В. (2018). Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. Т. 28. № 6. С. 1–19; Van den Akker, Gibbons, Vermeulen. Metamodernism.

В амбарах памяти не отделить зерна от плевел

БЛОУИН Ф., РОЗЕНБЕРГ У. (2017). ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОШЛОГО: «ПОДЛИННОСТЬ» ДЛЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ / ПЕР. С АНГЛ. Ю. КНЯЗЬКИНОЙ, Е. ШРАГИ. СПБ.: ИЗД-ВО ЕУСПБ. 376 С. ISBN 978-5-94380-227-0

Борис Илизаров

Доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет
Главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН
Адрес: ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, г. Москва, Российская Федерация 117292
E-mail: b_ilizarov@mail.ru

Елена Булюлина

Доктор исторических наук, профессор кафедры корпоративного управления,
Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
Адрес: ул. Герцена, д. 10, г. Волгоград, Российская Федерация 400078
E-mail: bulyulina@mail.ru

Два профессора Мичиганского университета, архивист Френсис Блоуин (Francis X. Blouin Jr.) и историк Уильям Розенберг (William G. Rosenberg), в своей книге заявляют, что фундаментальная связь между профессиями историка и архивиста, основывающаяся на сформированном примерно с середины XIX века едином концептуальном и методологическом пространстве, в настоящее время разорвана, и настала необходимость «преодолеть раскол» между историками и архивистами. Авторы называют это расхождение между работой, профессиональной подготовкой и взглядами историков и архивистов «профессиональным размежеванием». Анализу причин этого явления и возможностям его преодоления и посвящена их монография.

Для отечественного исследователя это заявление кажется малоубедительным, и не только потому, что организованный в СССР еще в 1930 году, т. е. почти 90 лет назад, и существующий поныне в составе РГГУ Московский государственный историко-архивный институт давно и успешно преодолевает этот раскол, готовя двуединых специалистов — «историков-архивистов». Многие выпускники этого института заняли ведущие позиции в исторической науке и архивном деле благодаря особенностям подготовки. До настоящего времени ни в Европе, ни в США аналогичного высшего учебного заведения и специальности нет.

Одним из инструментов для решения задачи «профессионального размежевания» авторы избрали понятие «социальная память», которое, по их мнению, из-

© Илизаров Б. С., 2019

© Булюлина Е. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-266-271

менило «научное понимание способов аналитической обработки прошлого» (с. 13, 140 и др.). Кроме того, авторы взяли на себя смелость утверждать, что они якобы продолжили давнюю западноевропейскую традицию в области изучения и развития «социальной памяти». Глава шестая книги «Проблемы социальной памяти» (с. 136–161) целиком посвящена этой теме; немало места она занимает и в других ее разделах. Авторы уходят от серьезного историографического анализа затрагиваемых проблем, что создает у читателя ложное представление о том, когда и кто поднимал эти вопросы на Западе и в СССР, а затем в современной России. Всячески избегая научной полемики, они раз за разом постулируют некие положения, подкрепляя их примерами, которые редко когда находятся в связи с декларируемыми тезисами.

Говоря о ключевом понятии «социальная память», авторы не останавливаются на вопросе о том, кто его впервые употребил и в каком контексте, но зато отважно предлагают свою характеристику: «Тогда *что же* такое социальная память? Как нам следует понимать этот заезженный и нередко клишированный концепт?.. Если социальная память есть нечто большее, чем просто аналитическое построение, где мы можем увидеть ее авторитетную роль в воссоздании прошлого?» (с. 140). Кто и когда успел «заездить» этот концепт, из книги также совершенно не ясно, тем более что впервые это понятие было употреблено по научным меркам сравнительно недавно, в 1966 году, в СССР прибалтийским философом Я. Е. Ребане¹, а затем развито в работах целого ряда исследователей и в особенности выдающегося отечественного социолога Ю. А. Левады². Большинство отечественных исследователей считают, что социальная память — это внешняя память по отношению к памяти индивида, но каждый наполнял это понятие своим содержанием, исходя из того, какие явления языка и культуры являются главными факторами накопления и использования информации о прошлом.

Иное наполнение это понятие получило в докторской диссертации и работах Б. С. Илизарова. Социальная память рассматривалась как становление и развитие в исторической перспективе специализированных учреждений-депозитариев (государственных, общественных и личных архивов, библиотек, музеев и т. д.), предназначенных для сбора, накопления и использования ретроспективной информации. В рамках этой концепции память живых людей, язык, наука, культура находятся в разных позициях по отношению к базовым элементам социальной памяти³. В таком понимании оно было зафиксировано в «Энциклопедическом

1. Ребане Я. К. (1966). О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. 10. Вып. 187. С. 3–12; Ребане Я. К. (1977). Принцип социальной памяти // Философские науки. № 5. С. 97–100; Ребане Я. К. (1982). Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы философии. № 8. С. 46.

2. Левада Ю. А. (1969). Историческое сознание и научный метод // Гулыга А. В., Левада Ю. А. (ред.). Философские проблемы исторической науки. М.: Наука. С. 203–213.

3. Илизаров Б. С. (1980). Архив как элемент социальной памяти // Актуальные проблемы советского архивоведения. Вып. 2. М.: МГИАИ. С. 151–163; Илизаров Б. С. (1984). Актуальные теоретические

словаре», изданном в 1995 году⁴. За последние сорок лет появилось значительное количество литературы, как социологического, так и психологического и историко-архивного характера, развивающей это направление. Ни о чем подобном авторы или не подозревают, или решили замолчать и выступить в роли первопроходцев. А между тем с началом политики перестройки второй половины 1980-х годов и возобновившихся научных контактов с западноевропейскими учеными идея социальной памяти стала проникать и в их среду, вызвав вал работ на эту тему. Только в библиотеке Мичиганского университета рецензенты насчитали более тысячи наименований. До конца 1980-х годов европейские и американские специалисты предпочитали рассуждать о соотношении науки истории с памятью индивидуальной и групповой. Когда же идея социальной памяти стала все более модной по обе стороны океана, европейцы припомнили забытую (в подлинном смысле этого слова) работу французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти»⁵. Работу перевели на русский язык в 2007 году⁶, и она стала достоянием научной общественности. С тех пор ряд исследователей у нас, и особенно за рубежом, в том числе и авторы рецензируемой книги, старательно пытаются представить дело так, что новаторская для своего времени книга посвящена именно «социальной памяти». На самом же деле речь идет о первой попытке сформулировать понятие о внешней, для отдельного человека, памяти коллективов, включающей его в различные профессиональные и иные сообщества. Кроме этого достоинства работы Хальбвакса страдают упрощенным психологизмом начала XX века, не дают точек опоры для развития новых идей, а потому и были надолго забыты даже соотечественниками. В СССР за железным занавесом не были доступны и более значимые труды зарубежных исследователей, а потому приходилось отталкиваться от философских идей, в том числе К. Маркса, посвященных анализу передачи культурного наследия человечества. Формат рецензии не позволяет более подробно остановиться на проблеме феномена социальной памяти с современных позиций.

Бросается в глаза, что авторы слабо владеют не только русскоязычной, но и западноевропейской литературой, хотя и апеллируют к истории и публицистике последних десятилетий. Здесь же надо отметить, что на протяжении почти 400-страничной книги нет ни одного примера, почерпнутого из исторических или архивоведческих работ и подкрепляющего абстрактно изложенные тезисы. Авторы почему-то предпочли приводить иллюстрации, взятые из североамериканской художественной литературы и публицистики, не имеющие отношения к заявленной теме.

и методологические проблемы советского архивоведения. М.: МГИАИ; Илизаров Б. С. (1987). Социальные функции архивов СССР: дисс. ... д.и.н.: 05.25.02. М.

4. Осипов Г. В. (ред.). (1995). Энциклопедический социологический словарь. М.: Изд-во ИСПИ РАН. С. 520–522.

5. Halbwachs M. (1925). Les Cadres de la memoire. Paris: F. Alcan.

6. Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство. См. также: Хальбвакс М. (2005). Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. № 2/3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 09.01.2019).

Увы, не только авторы излагают свой материал хаотично и неудобоваримо, крайне неудачен перевод книги. Переводчики плохо владеют русскоязычной научной терминологией и предлагают читателю довольствоваться наскоро подобранными безобразными кальками: «Архивы могут стать опорой такой валидации, если практики отбора и репрезентации фондов в том или ином смысле наделяют аутентичностью доминирующие тропы мемориальных нарративов» (с. 158) и др. Или еще одно: «Когда „мистические струны“ памяти вступают в противоречие с ведущими нарративами, а новые интерпретации уходят от общественного понимания природы прошлого и утвержденных исторических оценок, значение самих архивных источников становится под сомнение» (с. 161). Цитаты можно продолжить. Когда нечего сказать по существу, то начинают апеллировать к «мистике».

Справедливости ради необходимо отметить некоторые положительные стороны исследования Блоуина и Розенберга. Авторы книги аргументированно оспаривают распространенную точку зрения, согласно которой архивы и архивисты обычно рассматриваются в качестве вспомогательных средств для исторического исследования, тогда как историк — как активное действующее лицо в производстве исторического знания. По мнению авторов, в ходе формирования архива, как традиционного, так и электронного, строится концепция и самого архива, и учреждений-фондообразователей, и воплощаются те категории, в свете которых осмысливаются архивные материалы. Архивисты точно так же, как историки и другие ученые, постоянно участвуют в процессе создания материала, из которого делается история. Это происходит на всех этапах работы архивистов с документами: отбора, организации, описания и использования (доступа к документам). Архивисты постоянно взаимодействуют с документами, определяя, *что* именно будущие поколения будут знать как летопись прошлого.

Очень важным, на наш взгляд, являются рассуждения авторов книги на тему архивной политики. Государственные архивы в любой стране мира создаются политической и административной властью и призваны обслуживать интересы государства. Правила и порядки этих архивов так или иначе определяются государственными указами или законами. Однако негосударственные, менее формальные архивы могут также оказаться практически недоступными для исследователей (доступ к материалам осуществляется по усмотрению владельцев; право на получение информации в них никак не защищено). Архивное законодательство никак не может регулировать то, как архивисты будут его толковать и воплощать в жизнь в ходе выполнения возложенных на них обязанностей (с. 243). Отношения историка и архивиста, замечают авторы, — это по сути своей этические, а не юридические отношения. «Те, кто создает и сохраняет историческую летопись, несут на себе большую моральную, социальную, политическую и юридическую ответственность, справляться с которой помогает в первую очередь личное осознание того, что от этой работы зависит, как понимается прошлое» (с. 259).

В конце концов авторы приходят к выводу, что «профессиональное размежевание» историков и архивистов преодолимо. (Мы-то в этом не сомневались.) С точ-

ки зрения историков, это преодолимо в силу следующих обстоятельств: понимание архивных практик, процессов и путей их развития является краеугольным камнем исторического осмысления архивных фондов; серьезная историческая работа требует наведения мостов между архивами и историей, ученым необходимо глубже вникнуть в специфические архивные процессы, научиться читать не только документы, но и «архивную ткань» (то есть тот концептуальный и культурный контекст, в котором создаются, обрабатываются, оцениваются, отбираются и сохраняются архивные источники). С точки зрения архивистов, это преодолимо, потому что предназначение всех архивных институтов продолжает оставаться историческим, в самом широком смысле этого слова, независимо от степени их близости интересам и потребностям историков. Историчность, внутренне присущая архивам, приводит к мысли о том, что понимать, какие вопросы к документам могут поставить историки, не менее важно, чем уметь оценить происхождение и содержание документов. Архивисты смогут выполнять свою важную функцию только при условии, если они понимают исторические проблемы, заключенные во вверенных им материалах.

Какие же пути преодоления этого размежевания предлагают авторы? По большому счету только один — совместную работу историков и архивистов по созданию «современных интерактивных поисковых инструментов». Эта работа должна вестись на добровольных началах, независимо от деятельности архивистов в области усовершенствования научно-справочного аппарата архивов, «параллельно». На сайтах, организованных по типу YouTube, исследователи будут «делиться своими открытиями, сообщать об ошибках или проблемах с документами и файлами или добавлять ссылки на документы или цитаты», а архивисты — «тщательно контролировать» эту деятельность (с. 305). В результате будут созданы такие «параллельные поисковые системы», что исследователь сможет «просто» послать запрос, который «завершится выдачей ряда ссылок на документы с соответствующей записью контекстуальной информацией».

Откровенно говоря, этот рецепт вызывает большое недоумение. Не ясно, чем же будут так мотивированы историки, чтобы тратить время на «посты» относительно своей эвристической деятельности, а архивисты — на их комментарии? В альтруистическое желание быть «глубоко вовлеченным... в архивные дескриптивные процессы» (с. 307) как-то слабо верится, впрочем, как и в то, что подобного рода деятельность может привести к созданию реально эффективных поисковых инструментов.

In the Barns of Memory One Cannot Separate Wheat from Chaff

Boris Ilizarov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Address: Dmitry Ulyanov str., 19, Moscow, Russian Federation 117292

E-mail: b_ilizarov@mail.ru

Elena Bulyulina

Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Corporate Governance, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Herzen str., 10, Volgograd, Russian Federation 400078

E-mail: bulyulina@mail.ru

Book review: Francis X. Blouin Jr., William G. Rosenberg, *Proiskhozhdenie proshlogo: "podlinnost" dlia istorikov i arkhivistov* [Processing the Past: Changing Authorities in History and the Archives] (Saint Petersburg: EU Press, 2017) (in Russian).

Плоский реализм

ДЕЛАНДА М. (2018). НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА: ТЕОРИЯ АССАМБЛЯЖЕЙ И СОЦИАЛЬНАЯ СЛОЖНОСТЬ / ПЕР. С АНГЛ. К. МАЙОРОВОЙ. ПЕРМЬ: ГИЛЕ ПРЕСС. 170 С. ISBN 978-5-9906611-9-6

Денис Шалагинов

Кандидат философских наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: deterritorisation@yandex.ru

Эдвард Сержан

Магистр социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: edserzhan@gmail.com

На русском языке вышла книга Мануэля Деланды «Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность». В этой работе, впервые опубликованной в 2006 году, американский философ обращается к теоретическому наследию Делёза и Гваттари, чтобы обозначить новый подход к социальной онтологии. Если предметом переведенной четырьмя годами ранее «Войны в эпоху разумных машин» (1991) является так называемый машинный филум, то «Новая философия общества», о чем свидетельствует ее подзаголовок, заимствует и перерабатывает другое теоретическое изобретение французских философов — концепт ассамбляжа. Несмотря на тематическое несходство, обе работы апеллируют к разработанной в «Тысяче плато» ризоматической концепции становления, которая у Деланды становится ресурсом для сборки различных вариантов прикладного делёзо-гваттарианства. При этом также стоит указать на некоторую терминологическую «линию родства»: оба указанных понятия («машинный филум» и «ассамбляж») мобилизованы для концептуализации процесса «самосборки» реальности и в определенном ракурсе оказываются почти неотличимыми друг от друга. Эта частичная неразличимость среди прочего связана с намерением Деланды «использовать термин „машинный филум“ для обозначения и процессов самоорганизации в целом, и частных сборок, к которым может привлекаться сила этих процессов»¹. В рецензируемой книге задача обозначения конкретныхборок возложена только на концепт ассамбляжа, тогда как филум соотносится с топологическим пространством возможностей, или планом виртуальной связности (с. 40).

© Шалагинов Д. С., 2019

© Сержан Э., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-272-281

1. Деланда М. (2014). Война в эпоху разумных машин / Пер. с англ. Д. Кралечкина. Екатеринбург: Кабинетный ученый. С. 35.

Представленная в работе социальная онтология отсылает к тем немногочисленным страницам второго тома «Капитализма и шизофрении»², которые посвящены разработке концепта «agencement»³, однако способны претендовать в лучшем случае на зачатки теории. Для того чтобы собрать из этих рассеянных фрагментов полноценную теорию ассамбляжей, Деланда дает ключевым делёзианским терминам собственные определения, вводит свои аргументы для их обоснования и обращается к разнородным ресурсам для их развития. Это, в частности, позволяет до некоторой степени снизить необходимость интерпретации делёзианских идей, возложив эту часть работы преимущественно на сноски. При этом автор оговаривается: «Читатели, которые решат, что предложенная здесь теория не строго соответствует теории Делёза, вполне могут назвать ее „новой теорией ассамбляжей“, „теорией ассамбляжей 2.0“ или как-нибудь еще» (с. 11). Если допустить, что в теоретическом плане наиболее интересны постделёзианские проекты, не связанные с задачей «понять Делёза»⁴, то «теория ассамбляжей 2.0» предположительно является одним из наиболее ярких примеров подобного «непонимания», которое заявляет о себе в форме «продуктивного дистанцирования» от первоисточника⁵.

Интересен данный проект может быть в первую очередь социальным теоретикам, ведь несмотря на то что философы не способны выполнить их работу по исчерпывающему разбору общественных механизмов, они могут внести вклад в прояснение онтологической базы, исходя из которой подобный разбор осуществляется (с. 15). Теория ассамбляжей предлагает реалистический ответ на вопрос об онтологическом статусе социальных сущностей, однако этот реализм является до некоторой степени «ослабленным», поскольку такие ассамбляжи, как, например, национальные государства, не являются независимыми от человеческого сознания. Тем самым «реалистический подход к онтологии общества должен утверждать независимость социальных сущностей от наших концепций о них» (с. 7), а значит, используемые для объяснения этих сущностей модели вполне могут оказаться объективно ошибочными. Реалистический характер теории ассамбляжей проявляется, в частности, в том, что она преодолевает разделение природа-культура, ведь в конечном счете сам концепт ассамбляжа отсылает отнюдь не только к социальным сущностям, но к любым целостностям, составленным из гетерогенных частей и обладающим контингентной исторической идентичностью.

2. Делёз Ж., Гваттари Ф. (2010). Тысяча плато: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Я. И. Свицкого. М.: Астрель. С. 118–119, 146–153, 538–563, 855–858.

3. Термин обозначает как соединение-собрание гетерогенных компонентов, так и результат подобного соединения-собрания, и переводится на русский как «сборка», «устройство» или «ассамбляж».

4. Кралечкин Д. (2011). Внутри и вне ящика с инструментами // *Censura*. URL: <https://censura.ru/articles/milleplateaux.htm> (дата доступа: 03.10.2018).

5. В этом смысле симптоматично, что в докладе «Новая онтология для социальных наук» (2000), где представлены основные положения социальной онтологии Деланды, ссылки на Делёза отсутствуют вовсе (Деланда М. [2017]. Новая онтология для социальных наук / Пер. с англ. М. Потапова, С. Гавриленко // *Логос*. № 3. С. 35–56).

Цель «Новой философии общества» состоит в том, чтобы описать преимущества восходящего нередукционистского подхода, в соответствии с которым «всякая социальная сущность возникает из взаимодействия между сущностями, действующими в меньшем масштабе» (с. 142), при этом единицы различных уровней сохраняют относительную онтологическую независимость. Таким образом, теория ассамбляжей, по выражению ее создателя, стремится соединить масштабированные сборки в «хоре, который не приводит свои разнообразные составляющие к общему знаменателю, но сцепляет их, ценя и уважая гетерогенность» (с. 143). Иными словами, теория предлагает нередукционистское решение проблемы связи между микро- и макроуровнями социальной реальности. В этом смысле проект Деланды противостоит трем видам редукционизма. Во-первых, это микроредукционизм с характерным для него методологическим индивидуализмом, принимающим во внимание лишь рациональные решения изолированных индивидов (примером подобного подхода, по Деланде, является социальный конструктивизм). Во-вторых — макроредукционизм, который не отрицает существования индивидов, однако низводит микроуровень до статуса эпифеномена макроуровня, поскольку социализация индивидов приводит к усвоению ценностей общественного порядка, к которому они принадлежат, и сама эта принадлежность начинает восприниматься в качестве данности (ранний Дюркгейм, поздний Маркс, функционализм Парсонса, мир-системный анализ Валлерстайна). В-третьих — мезоредукционизм, наделяющий фундаментальным значением такой промежуточный уровень, как праксис (Гидденс). Союзниками Деланды на пути создания теории, которая бы не редуцировала социальную сложность, становятся не только упомянутые Делёз и Гваттари, но и Дэвид Юм, Макс Вебер, Ирвин Гофман, Чарльз Тилли, Фернан Бродель.

Первые две главы «Новой философии общества» посвящены описанию основных положений теории ассамбляжей; в трех последующих главах автор применяет ассамбляжный подход к трем уровням социальной реальности («Люди и сети», «Организации и правительства», «Города и нации»). Первая часть работы, на наш взгляд, наиболее интересна, поскольку в сжатой форме иллюстрирует способ, каким разрабатываемая Деландой на протяжении многих лет теоретическая сборка делёзо-гваттарианства, теории сложности и подхода Броделя переносится на почву социальной философии, поэтому ниже мы сосредоточимся на двух первых главах книги, вкратце изложим основные положения теории ассамбляжей 2.0 и затем укажем на ее слабые места.

Главным препятствием на пути построения непротиворечивой онтологии общества, по Деланде, является метафора организма, утверждающая аналогию между человеческим телом и обществом и отсылающая к идее социальной системы как бесшовной тотальности. Эта биологическая метафора, игравшая важную роль в социальной теории от Аристотеля до Парсонса, отсылает к идее органического единства, основанного на отношениях интериорности, которые предполагают невозможность автономии части от целого. Последнее в рамках такого подхода

становится не более чем агрегатом свойств входящих в него компонентов. Уклонение от органицизма требует отказа от идеи отношений интериорности, а сделать это, по Деланде, можно посредством различения способностей к взаимодействию и свойств: «быть частью целого — значит проявлять способности, которые, однако, не являются конститутивными свойствами части» (с. 19). Бросить вызов органическим единствам как раз и призван концепт ассамбляжа, который обозначает целостность, характеризующуюся отношениями экстерииорности. Иначе говоря, в подобном типе связи компоненты обладают относительной автономией от целого, которое они составляют в ходе взаимодействия, а из этого следует, что «составная часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, с иными формами взаимодействия» (с. 20). Свойства целого не сводятся к свойствам частей, поскольку являются результатом проявления способностей последних; способности компонента, в свою очередь, несводимы к его свойствам, поскольку проявляются лишь в ходе взаимодействия с другими компонентами. Альтернативой биологической метафоре организма, которая отсылает к логически необходимым отношениям, конституирующим бесшовное целое, выступает мобилизованная Делёзом и Гваттари идея симбиоза растения и опыляющего его насекомого (клевер/шмель, оса/орхидея). Отношения между входящими в эту сборку акторами являются контингентно обязательными, а сам ассамбляж представляет собой продукт коэволюции входящих в него гетерогенных компонентов. Более того, подобный подход может быть распространен и на организм, отношения между органами которого также являются контингентно обязательными; тем самым «теория ассамбляжей лишает организмические теории их излюбленного примера» (с. 21).

Определение ассамбляжа осуществляется на двух осях: первая связана с материальной и экспрессивной ролями, которые играют компоненты, вторая — с вариативными процессами, то есть стабилизацией и дестабилизацией (территориализацией и детерриториализацией), при этом «один и тот же компонент может участвовать в обоих процессах, используя разные наборы способностей» (с. 21). Первая ось иллюстрирует аналитическую сторону подхода Деланды, а вторая синтетическую. Примером компонентов, играющих материальную роль, могут стать сложные сети сообществ, которые представляют собой ассамбляжи тел, обладающих, кроме того, широким спектром материальных составляющих (инструменты, продукты питания, машины, здания и т. д.). Экспрессивная роль отнюдь несводима исключительно к языку, но также отсылает к различным формам телесной выразительности (мимика, жесты) и связана, например, с проецируемым в ходе коммуникации публичным образом, имеющим больше отношения к желаемой, нежели к действительной идентичности вовлеченного в разговор человека (с. 67). Территориализация и детерриториализация являются продуктами центростремительных и центробежных сил. Примером первых может послужить конфликтная ситуация: конфликт территориализирует посредством того, что вызывает обострение различия между «мы» и «они», приводящее к стабилизации идентичностей (с. 73).

Детерриториализацией, соответственно, является любой процесс, снижающий внутреннюю однородность и плотность ассамбляжа: социальная и географическая мобильность, секуляризация, глобализация (с. 73, 100, 113, 123); источниками детерриториализации могут стать, например, замешательство в связи с нарушением ритуального равновесия в ходе разговора, транспортные и коммуникационные технологии, внутренние войны и т. д. Две описанных оси дополняются третьей, связанной с кодированием и декодированием, причем «гены и слова — это всего лишь еще один компонент отношений экстерности среди разнообразия других материалов и экспрессивных компонентов, и процессы кодирования и декодирования, основанные на этих особых выразительных линиях, работают рука об руку с негенетическими и нелингвистическими процессами детерриториализации и детерриториализации» (с. 26). Иначе говоря, язык не занимает привилегированного положения в теории ассамбляжей.

Одной из важнейших характеристик подхода Деланды является постулирование рекуррентности процессов сборки: все ассамбляжи существуют в популяциях, которые возникают благодаря варьирующемуся повторению тех или иных процессов. Таким образом, повторяющиеся взаимодействия сущностей одного пространственно-временного масштаба приводят к возникновению сущностей другого масштаба и т. д. Тем самым мы получаем восходящую онтологическую схему, в основе которой лежит идея вложенного множества взаимодействующих ассамбляжей, отличающихся не онтологическим статусом, а пространственно-временным масштабом. По Деланде, очевидным достоинством подобного подхода является его способность «справиться с любой нужной степенью гетерогенности, просто включая гетерогенные элементы как части в состав популяции на данном уровне»⁶.

Стройное описание процессов сборки требует расширения понятия причинности (в случае собственно социальных ассамбляжей — учета таких факторов, как побуждения и мотивы). Задача состоит в том, чтобы отказаться от представления о линейной связи («если а, то обязательно б»), которая приводит к описанию Вселенной как строго детерминированной монолитной тотальности, и вместо этого воспользоваться принципом продуктивной нелинейной причинности, предусматривающим, что некоторое событие не просто предполагает необходимый эффект, но производит его, причем «мелкие причины могут привести к колоссальным последствиям» (с. 30). Чтобы оспорить механизм линейной причинности, Деланда мобилизует идеи катализа, статистической причинности и избыточной причинности. В случае катализа внешняя причина является триггером, способным производить разные следствия в зависимости от той части целого, на которую воздействует. Учет статистической причинности необходим для понимания механизма взаимодействия акторов в популяциях, поскольку «самое большое, что можно сказать о внешних причинах в популяции, это то, что они повышают ве-

6. Деланда. Новая онтология для социальных наук. С. 45.

роятность возникновения определенного эффекта» (с. 32). Этот вид причинности принципиально важен для построения онтологии общества, поскольку социализация (в этом Деланда следует за Вебером) должна пониматься в вероятностном ключе (с. 36). Наконец, концептом избыточной причинности утверждается существование множества эквивалентных объяснений — множества причин, способных привести к одному и тому же результату (с. 49–51).

Вторым главным «врагом» теории ассамбляжей после органицистского онтологического холизма, трактуемого как утверждение бесшовной тотальности, является эссенциализм, который проявляется не только в форме постулирования трансцендентных сущностей (модель Платона), но и в форме овеществления общих категорий (модель Аристотеля). Второй вариант — таксономический эссенциализм — отсылает к трехуровневой иерархии (род, вид, индивид), где мы обнаруживаем сущности (*essences*) на уровне естественных видов (например, лошадь). Эволюционистское мышление способно оспорить этот подход в терминах популяций взаимодействующих сущностей (*entities*); в рамках эволюционизма постулируется контингентность видовых границ, причем речь идет не только о биологических видах, но и, например, о химических. Так, возникновение атомов данного «химического вида» является результатом нуклеосинтеза — рекуррентного процесса, протекающего в недрах звезд. По этой логике, нет и не может быть водорода как такового, могут существовать лишь популяции атомов водорода, возникшие в процессе космологической истории. Таким образом, идентичность ассамбляжа любого масштаба является продуктом индивидуации и всегда сохраняет контингентный характер, поскольку может быть детерриториализована и декодирована — например, вследствие ошибок в репликации (в случае биологических видов). Отказ от таксономического эссенциализма позволяет Деланде обосновать так называемую плоскую онтологию:

Если онтология, выстраиваемая на основе отношений между общими типами и частными случаями, является иерархичной (каждый уровень представляет отдельную онтологическую категорию: организм, вид, род), то подход в терминах взаимодействующих частей и эмерджентного целого приводит к плоской онтологии, образованной уникальными, сингулярными индивидуальными сущими, отличающимися друг от друга своим пространственно-временным масштабом, а не онтологическим статусом⁷.

Каждый ассамбляж наделен статусом масштабированной индивидуальной сингулярности, которая отсылает к универсальной сингулярности, или абстрактному телу-плану (собственно филуму), имеющему топологическую структуру и связанному с не актуализированными способностями ассамбляжа. Речь, таким образом, идет о пространстве возможностей⁸, которое представлено топологиче-

7. Деланда. Новая онтология для социальных наук. С. 39.

8. Философским аналогом термина «пространство возможностей» выступает делёзо-гваттарианский концепт диаграммы, который, по Деланде, обозначает виртуальное «множество универсальных

скими инвариантами (аттракторами) и степенями свободы, репрезентирующими способы изменения конкретных динамических систем. Исходя из этого, такие ассамбляжи, как, например, люди⁹, сообщества, города или государства, являются индивидуальными сингулярностями, и каждая из них «связана с пространством возможностей, характеризуемым... размерностью, представляющей степени свободы, и множеством универсальных сингулярностей» (с. 41). Этот подход — в сочетании с пристальным вниманием к механизмам эмерджентности — позволяет отказаться от эссенциализма в решении проблемы связывания микро- и макроуровней: «микро» и «макро» всегда относительны и не имеют никакого отношения к овеществленным общностям.

Таковы вкратце основные положения теории ассамбляжей. Первое, что бросается в глаза в концепции Деланды, — ее «универсализм», в чем некоторые исследователи усматривают ее слабость¹⁰. Мы, впрочем, склонны считать этот аспект теории ассамбляжей, скорее, ее сильной стороной, поскольку именно он позволяет сравнительно безболезненно ликвидировать нововременное «великое разделение» природы и культуры посредством раскладывания разнородных сущностей на едином онтологическом плане. Слабое место теории Деланды, на наш взгляд, заключается в недооценке роли виртуального. «Новая философия общества» кажется великолепной иллюстрацией тезиса о том, что «в пределе невозможно различить детерриториализацию и ретерриториализацию — они связаны друг с другом как изнанка и лицевая сторона одного и того же процесса»¹¹. Однако если для Делёза и Гваттари схема «лицевая сторона/изнанка», среди прочего, нашла выражение в концептуализации двух видов предела, то Деланда практически не проблематизирует абсолютную детерриториализацию¹², искусственно «охлаждая» делёзо-гваттарианский проект. С одной стороны, в этом проявляется его последовательно реалистическая ориентация на описание мира «таким, каков он есть». С другой стороны, нарочитая «научность», вступающая в неявный конфликт со

сингулярностей, тождественных телу-плану или, точнее, структурирующих пространство возможностей, которое связано с ассамбляжами» (с. 41).

9. Идентичность людей в теории ассамбляжей является продуктом взаимодействия субличностных компонентов — впечатлений и идей, ассоциация которых приводит к возникновению единого целого с эмерджентными свойствами (с. 45, 60–62).

10. Среди них — переводчик «Новой философии общества» Ксения Майорова, которая считает, что «попытка преодолеть эпистемологические ограничения классических подходов рискует оказаться тривиальным тезисом „все объекты современного мира сложны“» (Майорова К. [2017]. Ассамбляжи на плоскости: минимализм в социальной теории // Логос. № 1. С. 250). Однако речь в книге предположительно идет, во-первых, не только о современном мире, который Деланда, несомненно, упоминает (с. 13), и, во-вторых, не об объектах, а скорее все-таки о формах-процессах — метастабильных динамических сборках, контингентная идентичность которых является продуктом индивидуации/коэволюции в ходе космологической истории. Впрочем, наделение ассамбляжа статусом объекта в некотором роде доводит намеченную в текстах Деланды тенденцию до предела.

11. Делёз Ж., Гваттари Ф. (2008). Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Д. Краlechкина. Екатеринбург: У-Фактория. С. 407.

12. На страницах книги этот принципиально важный для Делёза и Гваттари концепт упоминается всего дважды, да и то в сносках (с. 148, 151).

знаменитым рефреном «новой земли и нового народа»¹³, становится поводом для вполне оправданных обвинений в том, что теория ассамбляжей лишена трансформативного потенциала, будучи «делёзианством для ретерриториализаторов»¹⁴. На первый взгляд взывания Делёза и Гваттари к «утопической расе» могут показаться избыточными, однако необходимо понимать, что в рамках их проекта утопия, или абсолютная детерриториализация, является другим именем становления, которое (как, впрочем, и философия) не может быть сведено к истории¹⁵ — пусть даже космологической. При этом абсолютная детерриториализация предполагает ретерриториализацию в концепте, который является не объектом, а территорией¹⁶. Таким образом, дуплет земля/территория оказывается инструментом для концептуализации философской деятельности как изготовления и раскладывания концептов на плане консистенции, который, по Делёзу и Гваттари, не следует путать с научным планом референции. Как справедливо замечает Эндрю Калп, сила плана референции состоит в его способности описывать мир, а не изменять его¹⁷. В этом смысле «нелинейный исторический материализм» Деланды, «подшитый» к науке, прекрасно объясняет наше настоящее, которое, однако, в силу недооценки роли виртуального кажется строго детерминированным и совершенно неизбежным¹⁸. При этом теория ассамбляжей 2.0, очевидно, куда больше заинтересована в истории, то есть в прошлом, тогда как проект Делёза обращен в будущее¹⁹. Игнорируя это измерение делёзианской мысли, подход Деланды «освящает бескровный мир посредством каталогизации его атрибутов»²⁰. Вспомним о вопросе Делёза, обращенном к «суровому критику»: «Что вы сделали из вашей реальности?»²¹ Принимая во внимание вышесказанное, рискнем предположить, что теория ассамбляжей 2.0 могла бы стать вполне исчерпывающим ответом на этот вопрос.

13. Делёз, Гваттари. Анти-Эдип. С. 505; Делёз Ж., Гваттари Ф. (2009). Что такое философия? / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М.: Академический проект. С. 117.

14. Culp A. (2018). The Best of All Possible Ends of the World: An Interview with Andrew Culp // Lateral. Vol. 7. № 1. URL: <http://csalateral.org/issue/7-1/best-possible-ends-interview-culp-thorne/> (дата доступа: 03.10.2018).

15. Делёз, Гваттари. Что такое философия? С. 111, 117.

16. Там же. С. 117.

17. Culp A. (2015). Philosophy, Science, and Virtual Communism // Angelaki. Vol. 20. № 4. P. 102.

18. Ibid. P. 98.

19. Памар Ж.-М. (2017). От философии к кино / Пер. с франц. В. Лукина // Cineticle. № 23. URL: <http://cineticle.com/magazine/1583-23-deleuze-avec-pamart.html> (дата доступа: 03.10.2018).

20. Culp A. (2016). Dark Deleuze. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 27.

21. «Что вы сделали из вашей реальности? Ваш плоский реализм» (Делёз Ж. [2004]. Переговоры / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука. С. 25).

Flat Realism

Denis Shalaginov

PhD, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: deterritorisation@yandex.ru

Edward Serzhan

MA in Sociology, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: edserzhan@gmail.com

Book Review: Manuel DeLanda, *Novaya filosofiya obschestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity] (Perm: Hyle Press, 2018) (in Russian).

Философ и общественная позиция Роберт Шпеман (1927–2018)

Владимир Миронов

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук
Декан, философский факультет, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Адрес: Ленинские горы, МГУ, ГСП.1, учебный корпус «Шуваловский»,
философский факультет, Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: vlamironov@yandex.ru

Дагмар Миронова

Кандидат философских наук, доцент, факультет политологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: Ленинские горы, МГУ, ГСП.1, учебный корпус «Шуваловский»,
факультет политологии, Москва, Российская Федерация 119991
E-mail: dagmar@mail.ru

Статья написана в связи со смертью немецкого философа Роберта Шпемана и представляет собой своеобразный философский некролог, в котором подводятся некоторые итоги жизни философа, как чисто теоретические, так и связанные с позицией Шпемана как гражданина. В Германии его философию относили к так называемой школе Риттера, хотя на его взгляды оказал сильное влияние и Г.-Г. Гадамер, последователем которого ученый стал, работая в Гейдельбергском университете. Многие его работы были выполнены на стыке этики и политической философии, и в этой области одной из его любимых тем была тема человеческого достоинства: человек принадлежит к человеческому роду, и этим определяются базовые ценности его существования. Отсюда вытекает отношение Шпемана к ценности самой жизни как таковой и отрицательное отношение к самоубийству и эвтаназии как способам сознательного ухода из жизни. В последние годы он занимался философским анализом и критикой новой системы европейских ценностей, которая оторвалась от ценностей национальных, прежде всего религиозных. В связи с этим он критиковал политическую власть за то, что она не опирается на моральные принципы.

Ключевые слова: Роберт Шпеман, человек, жизнь, естественная смерть, эвтаназия, религия, мультикультурализм, Европа

10 декабря 2018 года ушел из жизни известный немецкий философ Роберт Шпеман. Его труды были переведены на четырнадцать языков. Он был награжден орденом за заслуги перед Федеративной Республикой Германия, премией Карла Ясперса, Баварским орденом Максимилиана за достижения в науке и искусстве. В настоящее время готовится собрание его сочинений в издательстве «Klett-Cotta», с ко-

© Миронов В. В., 2019

© Миронова Д. В. Г., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-282-294

торым он сотрудничал в течение нескольких десятилетий, и первый том должен выйти уже весной этого года.

Это был мыслитель с очень широким диапазоном философских интересов, от политической философии до социологии, но все они преломлялись в его творчестве через этическую проблематику. Перед нами своеобразный вариант этической социологии, на формирование которой во многом повлияло то, что Шпеман был человеком весьма религиозным, и его иногда называли даже католическим философом. Сам его приход к католической вере был несколько необычен. Мать была профессиональной танцовщицей, отец долгое время был редактором культурного отдела журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический ежемесячник») в Берлине. Когда ему было три года, вся семья принимает католичество и переезжает в Мюнстер, город, в котором был заключен Вестфальский мир, определивший европейские порядки на века вперед. После смерти матери Шпемана, католичество становится для его отца главным жизненным ориентиром, и в 1942 году тот становится священником. Как вспоминал в своей замечательной автобиографии сам Шпеман (Sraemann, 2012), статус отца как священника позволил ему не выполнять некоторые ритуалы гитлеровской Германии и не петь антисемитских песен. Позже он напишет известную работу «Рациональность и вера в Бога» (Samman, 2012), где подробно исследует проблему соотношения рациональности и веры, рассматривая понятие Бога как основание для фундаментальной рациональности и фундаментальной онтологии. Понятие добра, на котором базируется вера, более фундаментально, чем понятие зла, которое может лежать в основании в том числе и научного освоения мира.

Эти жизненные обстоятельства, безусловно, оказали влияние на этическую составляющую будущего творчества философа; к этому добавилось его увлечение марксизмом, а также деятельность кружка Йоахима Риттера, где он общался с Германом Люббе, с которым всю жизнь затем поддерживал дружеские отношения. Шпеман родился 5 мая 1927 года, то есть того же числа, когда родился Карл Маркс, и в том же году, что и близкий философу впоследствии папа Бенедикт; любопытно, что марксизм и теология стали полюсами его творчества.

Мы познакомились с ним в 1993 году, когда в нашей стране происходили кардинальные изменения и было неясно, в каком направлении пойдет развитие в том числе и философского образования. В том году в ИФ РАН под угрозой срыва оказались лекции целой группы известных немецких профессоров, которые должны были приехать в Москву при участии Московского представительства фонда им. К. Аденауэра, и философский факультет МГУ любезно «подставил плечо», взяв на себя организацию этих лекций. В Москву один за другим приехали философы и политологи Х.-М. Баумгартнер, граф П. фон Кильманнсегг, Г. Люббе, Й. Изензее, сам Р. Шпеман. Лекции вызвали тогда небывалый интерес и проходили в переполненном зале. Шпеман прочитал несколько лекций, и одна из них, «Являются ли „естественно“ и „неестественно“ морально релевантными понятиями?», была опубликована в русском переводе (Шпеман, 1993).

Шпеман учился в университетах Мюнстера, Мюнхена, Фрейбурга и Парижа по специальностям «философия», «история», «теология» и «романистика». В 1952 году он защитил свою первую докторскую диссертацию, а в 1962 году — вторую. В Германии его причисляют к так называемой школе Риттера, хотя, по словам самого ученого, это был скорее «круг друзей, которые всегда проявляли совместный интерес к некоторым вопросам фактического характера и которые, возможно, в большей степени, нежели идейно близкая им школа Гадамера, серьезно относились к политическому как к философски релевантному» (Leggewie, 1987: 154). В области философии политики данная школа выражала левоконсервативную позицию. До 1968 года Шпеман был профессором философии в университете Штутгарта, затем, в 1969–1972 годах, занимал, после Гадамера, кафедру в Гейдельберге, а далее вплоть до ухода на пенсию работал в Мюнхенском университете. Шпеман был внештатным профессором университета Зальцбурга, гостевым профессором Сорбонны и университета Рио-де-Жанейро.

Наряду с проблемами истории философии Шпеман занимался проблемами этики и политической философии. Это достаточно редкий случай: Шпеман, известный академический философ, буквально до конца своей жизни принимал весьма активное участие в общественных дискуссиях по поводу самых различных проблем современности, отстаивая собственную точку зрения, которая часто могла не совпадать с доминирующим направлением общественно-политической мысли. Ключевая из этих проблем — защита человеческой жизни, причём на всем ее протяжении, от развития младенца в утробе матери до момента ухода человека из жизни. Это также вопросы прав человека и его достоинства, проблемы этики во взаимодействии человека и животных. Шпеман был приверженцем естественного права, исследовал вопросы веры в Бога и их актуальность в современном мире. Он опубликовал множество работ, посвященных сущности жизни и её ценности, и его позиция четко выразилась в ходе дискуссий по поводу законопроекта об эвтаназии, развернувшихся по всей Германии. Шпеман исходил из того, что человеческая жизнь — это высшая ценность, поэтому она должна защищаться обществом от момента ее начала и до естественного конца. Известна его полемика с Питером Сингером (Singer, 2013)¹, который, будучи ярким защитником прав животных, исходил из того, что моральное действие всегда возможно лишь на основе оценки предпочтений индивида. Он выделяет принцип равенства интересов, но не как равного отношения к индивидам, а как равенства учета интересов каждого. «Сингер является представителем консеквенциалистской этики, полагающей, что критерий нравственности действия заключается во взвешивании вопроса, является ли совокупность его последствий более желательной, нежели совокупность последствий любого возможного альтернативного действия» (Spaemann, 2006a). Основным фактором, который необходимо учитывать при подобном взвешивании, является способность живого существа испытывать страдания, а основной целью

1. Оригинал этой книги Сингера (Peter Singer, «Practical Ethics») вышел в 1979 году.

при выборе действия, таким образом, является минимизация страдания. Так как эта способность есть и у высокоразвитых животных, они тоже должны учитывать себя как субъекты этической программы. И, напротив, поскольку есть представители биологического вида *homo sapiens*, которые не обладают данной способностью, то и сама принадлежность индивида к человеческому роду не является морально релевантной. Значимым являются лишь такие свойства, как ощущение боли и самосознание. Соответственно, личностями выступают лишь такие существа, которые осознают самих себя в качестве таковых, и к ним не могут быть отнесены ни младенцы, ни люди, находящиеся в состоянии комы.

Шпеман противопоставляет этому аргументу положение о том, что достоинство человека связано исключительно с его принадлежностью к человеческому роду и не зависит от каких-либо временных или постоянных свойств, которыми обладает личность, или же от состояний, в которых та пребывает. В этом он продолжает традицию мыслителей эпохи Просвещения. Рассуждая, например, о самоубийстве и моральном осуждении его в обществе, он указывает, что уже «платоновский Сократ усматривает в жизни задачу, которую не мы сами себе поставили и от которой мы не можем самовольно уклониться. Смысл жизни столь же очевидно задан не нами, как и сама жизнь, и потому не раскрывается нам полностью в какой-то момент жизни» (Spraemann, 2006a). К данной философской традиции порицания самоубийства он также относит Спинозу, Канта и Витгенштейна. Для Канта, в частности, самоубийство связано с тем, что человек перестаёт ощущать себя целью и рассматривает себя лишь как средство, а средство в случае непригодности может самоустраниться.

Вообще, защита человеческой жизни связана с включенностью человека в некое солидарное сообщество, которое накладывает, в частности, на врачей и близких человека задачу предотвращения его самоубийства.

Данное правовое положение исходит из предпосылки, что самоуничтожение субъекта свободы как таковое иррационально и не является легитимным выражением свободы. Оно предполагает априорный интерес каждого человека к сохранению собственного существования. Поэтому и неверно говорить о праве на самоубийство. Право регулирует человеческое общежитие. Действие, посредством которого кто-либо пытается выйти из сети отношений, связывающей всё живое друг с другом, не может поэтому измеряться мерками, действующими внутри данной сети. Оно не разрешено и не запрещено. Оно происходит вне сферы права. Но все действия или бездействия, которые предотвращают самоубийство человека, содействуют или способствуют ему, имеют место внутри этой сети отношений и подчиняются ее законам. Поэтому из свободного от права пространства самоумерщвления нет пути к какому бы то ни было праву умерщвлять другого или быть умерщвленным другим. (Spraemann, 2006a)

Приверженцы эвтаназии не относят её к убийству как таковому, так как она избавляет человека от смертельной болезни, связанной с неизбежностью смерти,

освобождает его от переживаемой боли, по сути, выступая осуществлением права человека на самоопределение, а потому умерщвление человека по его просьбе есть форма уважения к автономии и свободе воли другого человека. Таким образом, это решение самой личности, стремящейся уйти из жизни, и тот, кто этому способствует, лишь оказывает помощь и обеспечивает достойные условия такого ухода. То есть эвтаназия допустима, если понятны ее мотивы, если их можно рационально обосновать. Однако, возражает Шпеман, такая постановка вопроса несовместима с автономией и свободой выбора, так как человек в такой ситуации не способен объективно оценить критерии желания уйти из жизни. Даже если не относиться к суициду как в принципе иррациональному явлению, то любое выдвижение критериев со стороны другого человека становится моментом ограничения возможности человека существовать.

И если в конечном счете решающим является не самоопределение как таковое, а рациональность желания умереть, решение о чем могут принимать и другие, почему тогда, — зададут следующий вопрос некоторые сторонники эвтаназии, — другие, в случае неспособности кандидата на смерть к самоопределению, не должны, на основе «верно понятого интереса» вместо него решать вопрос его жизни? Тем самым задан переход от умерщвления по требованию к уничтожению недостойной жизни без требования... (Spraemann, 2006a)

Шпеман неоднократно указывает со ссылкой на фильм «Я обвиняю», снятый по поручению Геббельса, что именно с таких исходных посылок началась эвтаназия при нацизме.

Шпеман, разумеется, учитывает успехи современной медицины и ее возможности сохранить жизнь при помощи медицинского оборудования. «Старое правило профессиональной этики, что врач всегда должен сделать все, чтобы предотвратить смерть человека — а это всегда может только означать: отодвигать её, — становится проблематичным, когда это умение достигает определенного уровня» (Spraemann, 2006b: 80). Поэтому, выступая против эвтаназии, следует искать разумный выход. Шпеман считает, что уход из жизни в Германии стал недостойным, все чаще это происходит в местах, изначально просто не предназначенных для подобных целей, а именно в больницах, целью которых является борьба за продление жизни, даже с заранее известным конечным результатом. Соответственно, растет и число тех людей, которые никогда не видели, как умирает человек, и которые поэтому испытывают страх перед смертью и разучились разумно обращаться с такими событиями в жизни окружающих людей и своих близких. Поэтому многие люди не имеют возможности умирать спокойно своей смертью в домашних условиях. Как ни страшно это звучит, общество разучилось это делать, предоставив сопровождение столь печального события неким институциям. И такая ситуация отражает доминирующие социальные установки современного общества, которое готово обеспечить получение удовольствия в самых разнообразных формах, но

разучилось сострадать другому и уметь это сострадание переживать вместе с человеком, прощающим себя с жизнью. Этот пласт жизни человека, пусть и на стадии её завершения, как бы выводится из области общественного внимания или осознания. Общество перестаёт «обучать» умению расставания с близкими, что когда-то было вполне естественным для него. Вырастают целые поколения, которые психологически не готовы к принятию смерти как естественного явления.

Такая позиция Шпемана вызвала острую критику со стороны приверженцев эвтаназии и, в частности, тех организаций, которые занимаются подобной деятельностью. Генеральный секретарь швейцарского союза «ДИГНИТАС — жить с человеческим достоинством — умирать с человеческим достоинством» Людвиг А. Минелли говорит о том, что христианское мышление постоянно приводит к новым несчастьям. Любопытно, что один из его аргументов связан с самим термином «самоубийство» и его коннотациями, термином, который, по мнению Минелли, существует только в германском языковом пространстве, когда в одном слове сочетаются слова «убийство» (*Mord*) и «само» (*selbst*). Это, конечно, не выдерживает никакой критики. Достаточно как минимум указать на слово «самоубийство» в русском языке, которое выстроено таким же образом. По мнению Минелли, понятие самоубийства можно применять лишь к некоторым террористическим актам, когда человек использует убийство самого себя как средство для убийства других. Поэтому он упрекает Шпемана в нарушении политкорректности, то есть в сознательном использовании слова, которое несет в себе совсем иной смысл, тогда как для «для обозначения данного процесса есть распространенное иностранное слово „суицид“, нейтральное слово „самоумерщвление“, скорее идеализирующее выражение „добровольная смерть“. Покажи мне, как ты говоришь, и я скажу тебе, кто ты есть!» (Minelli, 2006: 52).

Второй аргумент сводится к тому, что в силу противоречивого развития медицинской науки «естественной кончины» уже нет, если абстрагироваться от спонтанных смертей в результате несчастных случаев или внезапной остановки сердца. Но количество таких смертей в мире всё время сокращается и сегодня составляет не более одной трети. Таким образом, обвинив Шпемана в нечестной аргументации, сам автор подчеркивает, что, конечно же, юриспруденция и, в частности, решения Европейского суда по правам человека дали достаточно обоснованные разъяснения по всем этим вопросам, поэтому

Первый вопрос, который следовало бы задать, это вопрос, имеет ли человек право или свободу самостоятельно распоряжаться своей жизнью и таким образом определять, когда и как он умрет. Этот вопрос долгое время был только вопросом философии, и можно было бы показать, цитируя именитых авторов, что в течение тысячелетий они высказались в пользу «да» или «нет» по данному вопросу. Шпеман... дает свой ответ *a priori*, так что дальнейшие размышления становятся излишними. В настоящее время, однако, этот вопрос стал и вопросом юриспруденции. (Minelli, 2006: 53)

Соответственно, констатирует он, если бы Европейский суд по правам человека принял соответствующее решение,

относительно спора философов по этой теме оно имело бы действие «*Roma locuta, causa finite*»², во всяком случае в том смысле, что в правовой жизни мнение всех философов и, значит, также и мнение Шпемана стало бы уже не важным. Философии пришлось бы точно так же смириться с подобным решением, как она была вынуждена смириться с политическими и юридическими решениями о допустимости прерывания беременности. И пусть бы она еще предавалась теоретическим ламентациям, практического значения они бы уже не имели. (Minelli, 2006: 54–55)

Изложенный спор об эвтаназии и оказании помощи при самостоятельном добровольном уходе из жизни является лишь одним из примеров участия Шпемана в острых общественных дискуссиях. Можно бы привести и другие примеры, но мы отметим лишь, что философ, несмотря на то, что он придерживается ярко выраженного христианского мировоззрения, в своих философских рассуждениях основывается на рациональных доводах и методах. То есть христианские ценности — это фон, на котором рождаются рационально обоснованные рассуждения по тем или иным проблемам. В этой связи понятно, что Шпеман не является поклонником такого понимания политкорректности, которое в настоящее время охватило весь мир и особенно Европу и трактовка которого стала выступать своеобразным идеологическим оружием борьбы с инакомыслящим человеком. Именно исходя из этого, он считает, что свободы мнения в 1950-е годы прошлого века было больше, чем сейчас. «Даже утверждая, что что-то нельзя сказать, мы это говорим. Но тем не менее я считаю, что политическая корректность действует антипросветительно. Некоторые познания считаются неприемлемыми в обществе, так как из них можно извлекать ложные выводы. Мой коллега Герман Люббе³ как-то определил просвещение как независимость нашей жизненной практики от результатов наших исследований. Исследования не должны больше нести мировоззренческую нагрузку» (Kister, 2012). У современной философии несколько иная задача. Так как, по мнению Шпемана, современное общество страдает тем, что считает все осуществимым и находится в процессе превращения «Вселенной в виртуальный конструктор, задача философии состоит в том, чтобы напомнить о действительности... Я считаю, что современное мышление уже в течение столетий движется в определенном направлении, в конце которого — устранение человека. Некоторые исследователи мозга учат нас, что мы не те, кем мы себя считаем, что мы не являемся

2. «Рим высказался, дело закончилось» — известное латинское изречение, происходящее от начала буллы Римского папы Иннокентия в 416 г., утвердившего решение Карфагенского синода об отлучении от церкви противников блаженного Августина.

3. Герман Люббе, один из тех философов, который также приезжал на философский факультет в 1993 году, о чем мы писали выше, и две статьи которого были размещены в книгах: Люббе, 2005а, 2005б.

свободными существами, и потому у нас и нет ответственности: если мы до этого дойдем, мы отменили человека» (Kister, 2012).

Шпеман высказывался и по другим вопросам современной политики, в частности по вопросу о современных миграционных процессах и проблеме толерантности, выступая противником ложно трактуемой мультикультуралистской модели, навязываемой Европе⁴. Он был одним из подписантов так называемого Парижского заявления «За Европу, в которую мы можем верить». Об этом документе на Западе говорили мало, хотя он был переведен на многие европейские языки и стал, по сути, результатом размышлений десяти крупных европейских философов из разных стран по вопросу о будущем Европы. Авторы манифеста обратили внимание на то, что Европа и Европейский союз — не одно и то же, и выступили за традиционные и настоящие европейские ценности, а не за искусственно сконструированную систему ценностей. Соответственно, они поддержали ценности национальных государств («родины»), традиционные семейные и религиозные ценности, подчеркнули существование национального государства как ценности самой по себе. Этот манифест был направлен против абсолютизации идей мультикультурализма, и главное, против их навязывания посредством политических механизмов регуляции с привлечением возможностей правовой оценки и пр. Они подвергли критике ложное понимание свободы, рост «технократической тирании» (Die Pariser Erklärung, 2017).

Всё это, конечно, не вписывалось в политический мейнстрим. Философы констатируют, что идея неверно понятой Европы стала своего рода эрзац-религией, но если это вариант религии, то она должна оставаться в своих рамках, за пределами политического пространства, в котором могут существовать и иные представления. В этой связи они также обращают внимание на тот факт, что популизм в сфере современной европейской политики формально подвергается резкой критике, и тем не менее в парламентах многих стран легко обнаружить большое количество его представителей, что отражает саму двойственность современных политических установок, которые, как это и принято в политике, достаточно цинично могут выбирать для достижения своей цели любые средства.

Шпеман был философом, который в первую очередь занимался проблемами человека. При этом в своей философской деятельности он использовал именно общепринятые методы научной работы, логические и рациональные аргументы. Его философская деятельность была связана с вызовами, которые появились перед современным обществом. Для его позиции как философа было характерно традиционно критическое отношение к системе власти, или, точнее, к позиции самой философии по отношению к власти и властным структурам. Он считал, что политическая власть в ныне существующем варианте не выступает тем инструментом, который позволяет осуществить на практике идеи моральной философии, идеи гуманизма и нравственности. Не будучи противником современных

4. Дискуссии по данной проблеме в Германии и реализация моделей мультикультурализма были описаны авторами (Миронов, Миронова, 2017).

технологий, он резко выступал против идеи, что они позволят повлиять на жизнь только позитивно, и поэтому был сторонником взвешенного подхода в деле соотнесения технических возможностей и действительности, выступал против бездумного преклонения перед техникой.

Определенным критерием значимости этого человека для Германии стал тот факт, что не просто сообщения о его кончине, но, по сути, целая серия развернутых некрологов вышла в большинстве известных СМИ нынешней Германии, таких, как «Zeit» (Mangold 2018), «Sueddeutsche Zeitung» (Drobinski, 2018), «Berliner Zeitung» (Widmann 2018), «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (Bahners 2018), «Tagespiegel» (Dotzauer 2018), была радиопередача на Deutschlandfunk (Schweidler, Fritz 2018). И это притом, что он в последние годы своей жизни явно не вписывался в мейнстрим официальной политики. Более того, и по случаю его 90-летия вышла целая серия статей. Кажется, в воздухе «витают» критический и протестный дух, связанный с определенным кризисом самой идеи Единой Европы, проблем миграции, кризиса христианства, а Шпеман как философ всегда был таким мыслителем, который мог идти против общепринятого мнения.

Ценность жизни как таковой стояла в центре интеллектуальных протестов ученого. Это и раннее его выступление против атомной энергетики, которая неизбежно угрожает именно жизни. Это и неожиданное для многих осуждение студенческих выступлений 1968 года как проявления агрессии, а значит, также угрозы жизни. Это и его стойкое неприятие даже не самого гомосексуализма, а разрешения таким семьям иметь детей и воспитывать их, деформируя сознание человека; это и неприятие им аборт, которые, с его позиции, прерывают естественную жизнь, притом что в современных условиях достаточно средств, чтобы данная проблема не возникала. Он часто повторял мысль о том, что необходимо жить против течения, думать против общей тенденции — только так человек может сохранить свою свободу. Или мысль о том, что одно дело следовать законам, что необходимо в обществе, и совсем иное — признавать ценностный порядок в качестве некоей парадигмы политкорректности, против чего он решительно выступал всегда. «Что является нашими ценностями — спорно, хотя давление политкорректности становится все более угрожающим» (Kaube, 2017). Без сомнения, в его лице философия потеряла крупного мыслителя, который высшей ценностью считал жизнь, и человека прежде всего как существа живущего.

Литература

- Люббе Г. (2005а). Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии / Пер. с нем. Д. Мироновой, С. Погорельской. М.: Современные тетради. С. 53–61.
- Люббе Г. (2005б). Что такое народ? Новая актуальность права на самоопределение (из книги «Прощание с супергосударством») // Политическая философия в Гер-

- мании / Пер. с нем. Д. Мироновой, С. Погорельской. М.: Современные тетради. С. 102–109.
- Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. (2017). Мультикультурализм: толерантность или признание // Вопросы философии. № 6. С. 16–28.
- Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. (2018). Добродетельный террор, или Кто определяет границы свободы слова (размышляя над книгами Тило Саррацина) // Этическая мысль. Т. 18. № 2. С. 99–115.
- Шпеман Р. (1993). Являются ли «естественно» и «неестественно» морально релевантными понятиями? / Пер. с нем. Д. Мироновой // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. № 4. С. 75–85.
- Bahnert P. (2018). Individualist aus dem Unterholz. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/individualist-aus-dem-unterholz-zum-tode-des-philosophen-robert-spaemann-15936731.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Campan A. (2012). Philosoph Robert Spaemann: «Ich war ein Chaot» // Die Zeit. № 19. URL: <https://www.zeit.de/2012/19/Philosoph-Spaemann> (дата доступа: 12.02.2019).
- Die Pariser Erklärung: Ein Europa, wo(ran) wir glauben können. 07. Oktober 2017. URL: <https://thetrueeurope.eu/die-pariser-erklarung/> (дата доступа: 12.02.2019).
- Dotzauer G. (2018). Die Taube in der Hand Gottesglaube als Denkvorteil: zum Tod des Philosophen Robert Spaemann. URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/nachruf-robert-spaemann-die-taube-in-der-hand/23747718.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Drobinski M. (2018). Zum Tod von Robert Spaemann: Einer, der sich der Welt nicht anpasste. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/robert-spaemann-nachruf-philosoph-1.4248388> (дата доступа: 12.02.2019).
- Kaube J. (2017). Das Beste haben wir nicht selbst gemacht. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/philosoph-robert-spaemann-wird-neunzig-15000473.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Kister S. (2012). Die Menschheit schafft sich ab: Interview mit Robert Spaemann. URL: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-robert-spaemann-die-menschheit-schafft-sich-ab.c1da03af-5f81-420c-98fo-a771412f494e.html> (дата доступа: 12.02.2019).
- Leggewie C. (1987). Der Geist steht rechts: Ausflüge in die Denkfabriken der Wende. Berlin: Rotbuch.
- Mangold I. (2018). Zum Tod des großen Philosophen Robert Spaemann. URL: <https://www.zeit.de/2018/52/robert-spaemann-philosoph-freigeist-polemiker-tod-nachruf> (дата доступа: 12.02.2019).
- Minelli L. A. (2006). Der gedankenlose Philosoph: Wie christliches Denken ständig neues Elend gebiert // Aufklärung und Kritik. № 2. S. 51–62.
- Schweidler W., Fritz S. (2018). Zum Tod des Philosophen Robert Spaemann: Ein katholischer Intellektueller mit ungeheurer Wirkung. URL: https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-des-philosophen-robert-spaemann-ein-katholischer.886.de.html?dram:article_id=435651 (дата доступа: 12.02.2019).
- Singer P. (2013). Praktische Ethik. Stuttgart: Reclam.

Spaemann R. (2006a). Wider die Totmacher. URL: <https://www.cicero.de/innenpolitik/wider-die-totmacher/37441> (дата доступа: 12.02.2019).

Spaemann R. (2006b). Töten oder sterbenlassen? // Aufklärung und Kritik, Sonderheft. № 11. S. 80–88.

Widmann A. (2018). Nachruf auf Robert Spaemann: Er gab dem Begriff «konservativ» eine neue Prägung. URL: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur/nachruf-auf-robert-spaemann-er-gab-dem-begriff-konservativ--eine-neue-praegung--31729660> (дата доступа: 12.02.2019).

The Philosopher Robert Spaemann and His Public Positions

Vladimir Mironov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences
Dean, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: vlamironov@yandex.ru

Dagmar Mironowa

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
Address: Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation 119991
E-mail: dagmar@mail.ru

The article is written with the death of German philosopher Robert Spaemann in mind and is a kind of philosophical obituary summing up some of the results of the philosopher's life relating to his position as a citizen. In Germany, his philosophy was attributed to the so-called Ritter School, although his views were strongly influenced by H.-G. Gadamer, whom he followed while working at the University of Heidelberg. Many of his works were created at the intersection of ethics and political philosophy. Here, one of his favorite themes was human dignity, which was primarily related to the fact that man belongs to the human race and this determines the basic values of existence. Hence, his attitude towards the value of life itself and his negative attitude towards suicide as a conscious withdrawal from life or euthanasia are found. In recent years, before his death, he had been engaged in philosophical analysis and the criticism of the new system of European values which was detached from the peculiarities of national, primarily religious, values. In this regard, he criticized political power for not relying on moral principles.

Keywords: Robert Spaemann, man, life, natural death, euthanasia, religion, multiculturalism, Europe

References

Bahners P. (2018) Individualist aus dem Unterholz. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/individualist-aus-dem-unterholz-zum-tode-des-philosophen-robert-spaemann-15936731.html> (accessed 12 February 2019).

Camman A. (2012) Philosoph Robert Spaemann: «Ich war ein Chaot» // Die Zeit. № 19. Available at: <https://www.zeit.de/2012/19/Philosoph-Spaemann> (accessed 12 February 2019).

Die Pariser Erklärung: Ein Europa, wo(ran) wir glauben können. 07. Oktober 2017. Available at: <https://thetrueeurope.eu/die-pariser-erklarung/> (accessed 12 February 2019).

- Dotzauer G. (2018) Die Taube in der Hand Gottesglaube als Denkvorteil: zum Tod des Philosophen Robert Spaemann. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/nachruf-robert-spaemann-die-taube-in-der-hand/23747718.html> (accessed 12 February 2019).
- Drobinski M. (2018) Zum Tod von Robert Spaemann: Einer, der sich der Welt nicht anpasste. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/robert-spaemann-nachruf-philosoph-1.4248388> (accessed 12 February 2019).
- Kaube J. (2017) Das Beste haben wir nicht selbst gemacht. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften/philosoph-robert-spaemann-wird-neunzig-15000473.html> (accessed 12 February 2019).
- Kister S. (2012) Die Menschheit schafft sich ab: Interview mit Robert Spaemann. Available at: <https://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.interview-mit-robert-spaemann-die-menschheit-schafft-sich-ab.c1da03af-5f81-420c-98fo-a771412f494e.html> (accessed 12 February 2019).
- Leggewie C. (1987) *Der Geist steht rechts: Ausflüge in die Denkfabriken der Wende*, Berlin: Rotbuch.
- Lübbe H. (2005) Pravo ostavat'sja inym. K filosofii regionalizma. [The Right to Remain Different. Toward the Philosophy of Regionalism]. *Politicheskaja filosofija v Germanii* [Political Philosophy in Germany], Moscow: Sovremennye tetradi, pp. 53–61.
- Lübbe H. (2005) Chto takoe narod? Novaja aktual'nost' prava na samoopredelenie (iz knigi "Proshhanie s supergosudarstvom") [What are the People? The New Relevance of the Right to Self-Determination (from the book "Farewell to the Superstate")]. *Politicheskaja filosofija v Germanii* [Political Philosophy in Germany], Moscow: Sovremennye tetradi, pp. 102–109.
- Mangold I. (2018) Zum Tod des großen Philosophen Robert Spaemann. Available at: <https://www.zeit.de/2018/52/robert-spaemann-philosoph-freigeist-polemiker-tod-nachruf> (accessed 12 February 2019).
- Minelli L. A. (2006) Der gedankenlose Philosoph: Wie christliches Denken ständig neues Elend gebiert. *Aufklärung und Kritik*, no 2, pp. 51–62.
- Mironov V., Mironowa D. (2017) Mul'tikul'turalizm: tolerantnost' ili priznanie [Multiculturalism: Tolerance or Acceptation?]. *Voprosy filosofii*, no 6, pp. 16–28.
- Mironov V., Mironowa D. (2018) Dobrodetel'nyj terror ili kto opredeljaet granicy svobody slova (razmysljaja nad knigami Tilo Sarrayin) [Virtuous Terror, or Who Defines the Boundaries of Freedom of Speech (Reflecting on the Works of Thilo Sarrayin)]. *Ethical Thought*, vol. 18, no 2, pp. 99–115.
- Schweidler W., Fritz S. (2018) Zum Tod des Philosophen Robert Spaemann: Ein katholischer Intellektueller mit ungeheurer Wirkung. Available at: https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-des-philosophen-robert-spaemann-ein-katholischer.886.de.html?dram:article_id=435651 (accessed 12 February 2019).
- Singer P. (2013) *Praktische Ethik*, Stuttgart: Reclam.
- Spaemann R. (1993) Javlajutsja li "estestvenno" i "neestestvenno" moral'no relevantnymi ponjatijami? [Are "Natural" and "Unnatural" Morally Relevant Concepts?]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no 4, pp. 75–85.
- Spaemann R. (2006) Wider die Totmacher. Available at: <https://www.cicero.de/innenpolitik/wider-die-totmacher/37441> (accessed 12 February 2019).
- Spaemann R. (2006) Töten oder sterbenlassen? *Aufklärung und Kritik*, no 11, pp. 80–88.
- Widmann A. (2018) Nachruf auf Robert Spaemann: Er gab dem Begriff "konservativ" eine neue Prägung. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/kultur/nachruf-auf-robert-spaemann-er-gab-dem-begriff--konservativ--eine-neue-praegung--31729660> (accessed 12 February 2019).

A Cosmopolitan Democrat

David Held (1951–2019)

William Outhwaite

Emeritus Professor of Sociology, Newcastle University, UK
Address: The Hermitage, Broad Street, Bampton, OX18 2LY, UK
E-mail: william.outhwaite@ncl.ac.uk

David Held, one of the most creative and prolific political sociologists of our times, died suddenly of cancer in March, 2019. Born in London and the son of German refugees escaping Nazism, he studied at Manchester, MIT, and Cambridge. Held then obtained teaching posts at Cardiff and York, and a chair in Politics and Sociology at the Open University, the UK's innovative distance-learning university established in the 1960s by Prime Minister Harold Wilson and which became a centre of critical thought in the social sciences. In 1980, Held published the first substantial book on Frankfurt critical theory¹ in English. In 1982, with John Thompson, another Cambridge sociologist, Held published an edited book of essays on Habermas by leading scholars from across the world including the editors themselves, and is a publication which remains a fundamental resource on Habermas's early work.² Held continued to be deeply influenced by Habermasian critical theory as he began a vast series of authored, co-authored, and edited books on democratic theory and practice. In 1984, he co-founded Polity Press with Anthony Giddens and John Thompson. Polity rapidly became, and remains, one of the leading UK publishers in the social sciences and cultural studies, including a very active translation programme of books from Europe and elsewhere.

At the end of the 1980s, the theme of globalization (*mondialisation* in French) broke over the world, and was reflected in Giddens' published lectures titled *Consequences of Modernity*³ and a growing number of other works.⁴ In disciplinary terms, the ground had been prepared by a rapprochement between sociology and the newer discipline of inter-

© Outhwaite W., 2019

© Centre for Fundamental Sociology, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-295-298

1. *Held D.* (1980). Introduction to Critical Theory: Horkheimer to Habermas. London: Hutchinson.

2. *Thompson J. B., David H. D.* (eds.). (1982). Habermas: Critical Debates. London: Macmillan. See my chapter in: *Corchia L., Müller-Doohm S., Outhwaite W.* (eds.). (2019). Habermas Global: Wirkungsgeschichte eines Werks. Berlin: Suhrkamp (in press).

3. *Giddens A.* (1990). The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity. In 1999, Giddens delivered the BBC Reith Lectures on the theme of "A Runaway World" at a variety of locations around the world, performatively illustrating his topic (<https://www.bbc.co.uk/radio4/reith1999/lectures.shtml>).

4. *Albrow M., King E.* (eds.). (1990). Globalization, Knowledge and Society. London: SAGE; *Sklair L.* (1991). Sociology of the Global System. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf; *Archer M.* (1991). Sociology for One World // International Sociology. Vol. 6. № 2. P. 131–147. Archer's title was also the one she gave, as President of the International Sociological Association, to the Twelfth World Congress of Sociology in Madrid in 1990.

national relations that was grounded in diplomatic history and war studies. Sociology had been mired for some time in what Hermínio Martins in 1974⁵ and, much later, Ulrich Beck, called “methodological nationalism,” an assumption that the national state was the natural frame of reference. From now on, the global was a reference-point for much of sociology, even for those who disputed the novelty or extent of globalization.⁶

By then, David Held’s disciplinary identification was more with politics, and one of his first responses to globalization appeared in a special issue he edited for *Political Studies*, and then as a book in the following year. In his introductory chapter, “From City-States to a Cosmopolitan Order?”, he presented what he now called “the cosmopolitan model of democracy,” still in quotation marks.⁷ As a result of globalisation,

... the meaning and place of democratic politics, and of the contending models of democracy, have to be rethought in relation to a series of overlapping local, regional and global processes and structures . . .

Three distinct requirements arise: first, that the territorial boundaries of systems of accountability be recast so that those issues which escape the control of a nation-state — aspects of monetary management, environmental questions, elements of security, new forms of communication — can be brought under better democratic control; secondly, that the role and place of regional and global regulatory and functional agencies be rethought so that they might provide a more coherent and useful part in public affairs; and thirdly, that the articulation of political institutions with the key groups, agencies, associations and organizations of international civil society be reconsidered to allow the latter to become part of a democratic process — adopting, within their very *modus operandi*, a structure of rules and principles compatible with those of democracy.⁸

In subsequent work, notably in a book co-edited with Daniele Archibugi and his own *Democracy and the Global Order*, Held developed this model of cosmopolitan democracy, which in my (fairly uncontroversial) view, is the second great innovation in democratic theory and practice after the development of social democracy a century earlier.⁹

In 1999, Held followed Giddens to the London School of Economics and to the Graham Wallas Chair. In the same year, Mary Kaldor, another leading theorist of cosmopolitan democracy and a veteran of the European peace movement, also arrived there from the University of Sussex. Held directed the Centre for Global Governance and, in the words of a former colleague at the LSE, “almost single-handedly . . . built a subject of enquiry and a sub-discipline.” Held resigned from the LSE in 2011 following a controversy

5. Martins H. (1974). Time and Theory in Sociology // *Rex J.* (ed.). *Approaches to Sociology: An Introduction to Major Trends in British Sociology*. London: Routledge & Kegan Paul. P. 246–294.

6. Among the sceptics were P. Hirst and G. Thompson: *Hirst P., Thompson G.* (1996). *Globalization in Question*. Cambridge: Polity.

7. Held D. (1993). *From City-States to a Cosmopolitan Order?* // *Held D.* (ed.). *Prospects for Democracy*. North, South, East, West. Cambridge: Polity. P. 40. He notes that in earlier discussions in 1991 he had used the term ‘federalism’, but now wished to avoid confusion with debates around the European Union.

8. *Ibid.* P. 39–40.

9. *Held D., Archibugi D.* (eds.). (1995). *Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order*. Cambridge: Polity; *Held D.* (1995) *Democracy and the Global Order*. Cambridge: Polity.

over the School's links with Libya, and, in particular, with Muammar Gaddafi's son Saif, a former student at LSE, a controversy which would become the subject of a public inquiry. I saw David for the last time when he came to Newcastle in 2013 to address a seminar audience where he spoke very frankly about what he had intended to achieve in pursuing these links with a former student who, at the time, had strong reforming intentions. As Lord Woolf declared in his report, "I recognise that had Saif proved to be the reformer he was predicted to become, the LSE may (*sic*) well have been lauded as having contributed to a positive change on the world stage."¹⁰

David moved to Durham in 2012 to a chair in Politics and International Relations and the Mastership of University College where he continued to edit the leading journal *Global Policy* which he had founded at LSE. In 2013, he and his co-authors opened up a new and very productive line of analysis with the publication of *Gridlock: Why Global Cooperation is Failing When We Need it Most*.¹¹ The argument, which he presented at the seminar I attended, is that transnational initiatives tend to stall because, among many other reasons, "existing institutions have created vested interests that 'lock in' increasingly dysfunctional arrangements."¹² Working on Europe and increasingly on the European Union, I was immediately struck by the relevance of this enormously insightful analysis and the parallels with Georg Vobruba's diagnosis of the way in which incomplete solutions to, for example, the management of the Eurozone lead to a series of bolted-on modifications which may make matters worse rather than better. (There are further parallels with economic analyses of sub-optimal equilibria and with the way in which learners of a foreign language can reach a plateau from which they fail to improve.) I do not need to stress here the importance of an approach of this kind in relation to the post-communist transition.

There can be no doubt that David, had he lived, would have continued to pursue this enormously creative line of analysis. When Pierre Bourdieu died in 2002, a cartoon in *Le Monde* pointed out that this was the time he was most needed. This is certainly also true of David, as the world confronts what Colin Crouch has aptly termed a "globalization backlash"¹³ in which a justified critique of the consequences of uncontrolled globalization spills over into a nationalistic revolt, often in the name of "sovereignty," against *any* transnational institution and the very idea of cosmopolitanism.

10. The Woolf Inquiry. "An inquiry into the LSE's links with Libya and the lessons to be learned". October, 2011. P. 22, para 1.12 (<http://www.lse.ac.uk/News/News-Assets/PDFs/The-Woolf-Inquiry-Report-An-inquiry-into-LSEs-links-with-Libya-and-lessons-to-be-learned-London-School-of-Economics-and-Political-Sciences.pdf>).

11. Hale T., Held D., Young K. (2013). *Gridlock: Why Global Cooperation is Failing when We Need It Most*. Cambridge: Polity.

12. Hale T., Held D. (2012). *Gridlock and Innovation in Global Governance: The Partial Transnational Solution // Global Policy*. Vol. 3. № 2. P. 170.

13. Crouch C. (2018). *The Globalization Backlash*. Cambridge: Polity.

Космополит и демократ. Дэвид Хелд (1951–2019)

Уильям Аутвейт

PhD, заслуженный профессор, Университет Ньюкасла

Address: The Hermitage, Broad Street, Bampton, OX18 2LY, UK

E-mail: william.outhwaite@ncl.ac.uk